

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 13, № 3, 2020

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHES), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиуф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некпелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 3, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Stompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volinc.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А. С благодарностью вспоминая академика Д.С. Львова	9
---	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт	17
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока	28
Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России	46
Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства	59

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Современные формы активизации экономического роста в регионах	74
--	----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Пугачев А.А. Налоговый разрыв на региональном уровне и оценка факторов, его определяющих	93
Белехова Г.В. Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека	111

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Новикова Т.С., Цыплаков А.А. Социальная политика в многоотраслевой агент-ориентированной модели	129
--	-----

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Якушев Н.О. Совершенствование инструментов оценки и управления экспортной деятельностью МСП в регионе	143
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий	158
Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Влияние состояния здоровья на социальную активность населения старших возрастов	175
Каргаполова Е.В., Каргаполов С.В., Давыдова Ю.А., Дулина Н.В. Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества	193

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Айгюн А., Байджан Т. Оценка рисков, связанных с изменением климата, для городского сектора в Стамбуле	211
Гундуз М. Связь между безработицей и промышленным производством: подход Фурье со структурными сдвигами	228
Правила приёма статей	241
Информация о подписке	247

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

Ilyin V.A. Remembering academician D.S. Lvov with gratitude	9
---	---

THEORETICAL ISSUES

Grinberg R.S., Komolov O.O. Import of Institutions: Theoretical Aspect and Practical Experience	17
--	----

REGIONAL ECONOMY

Leonov S.N. Preferential Regimes of Established Local Growth Points and Its Impact on the Economy of the Far East	28
Rastvortseva S.N., Snitko L.T. Regional Specialization and Agglomeration Effects in the Russian Economy	46
Leonidova E.G. Stimulating Final Consumption within the Reduction of Regional Inequality	59

SCIENTIFIC REVIEWS

Balatsky E.V., Ekimova N.A. Modern Ways to Boost Economic Growth in Regions	74
---	----

PUBLIC FINANCE

Pugachev A.A. Regional Tax Gap and Assessment of Its Determining Factors	93
Belekhova G.V. Regulation of Financial Behavior of the Population of Modern Russia: Regulatory Context Formation and Personal Development	111

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

Novikova T.S., Tsyplakov A.A. Social Policy in a Multi-Regional Agent-Based Model	129
---	-----

ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

Yakushev N.O. Improving the Tools for Assessing and Managing Export Activities of SMEs in the Region	143
---	-----

SOCIAL DEVELOPMENT

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Population of the World Arctic: Russian and Foreign Approaches to Studying Demographic Problems and Settlement of Territories	158
Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Influence of Health Status on Social Activity of Older Population	175
Kargapolova E.V., Kargapolov S.V., Davydova Ju.A., Dulina N.V. Information Competences of Young People within Digitalization of Society.....	193

FOREIGN EXPERIENCE

Aygün A., Baycan T. Risk Assessment of Urban Sectors to Climate Change in Istanbul	211
Gunduz M. The Link between Unemployment and Industrial Production: The Fourier Approach with Structural Breaks	228
Manuscript Submission Guidelines	241
Subscription Information	247

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.1

УДК 332.1, ББК 65.04

© Ильин В.А.

С благодарностью вспоминая академика Д.С. Львова

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

От редакции: 26 октября 1990 года ученый совет Института экономических проблем Кольского научного центра Академии наук СССР принял решение о создании Вологодского научно-консультационного центра – на правах институтского отдела. В текущем году исполняется 30 лет от этой временной точки, с которой началась история становления и развития ныне действующего Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». В этом созидательном процессе большую роль сыграли многие видные деятели российской экономической, социологической и других отраслей общественных наук. Особое место среди них принадлежит академику Дмитрию Семеновичу Львову (1930–2007 гг.). Воспоминаниями о встречах с ним поделился главный редактор журнала член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор В.А. Ильин.

В интервью, которое он дал председателю Совета молодых ученых ФГБУН ВолНЦ РАН к.э.н. А.И. Россошанскому, Владимир Александрович рассказал о творческом и деловом воздействии академика Д.С. Львова на поступательное продвижение научного коллектива.

* * *

А.И. Россошанский. Владимир Александрович, Вы почти тридцать лет возглавляли первое (и до сих пор единственное) учреждение академической науки в Вологодском регионе. С его рождения Вы четверть века были директором, а в последние годы являетесь его научным руководителем. Словом, Вы обладаете наибольшей возможностью охарактеризовать место академика Д.С. Львова в процессе развития родного Вам научного учреждения.

Скажите, пожалуйста, когда и как Вы познакомились с Дмитрием Семеновичем?

Для цитирования: Ильин В.А. С благодарностью вспоминая академика Д.С. Львова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 9–16. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.1

For citation: Ilyin V.A. Remembering academician D.S. Lvov with gratitude. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 9–16. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.1

В.А. Ильин. Начну с предыстории этого знакомства. Она напрямую связана с первоначальными этапами становления ВНКЦ. В декабре 1993 года он был преобразован в самостоятельное научное учреждение – Вологодский научно-координационный центр – и включен в состав Отделения экономики Российской академии наук. В 1996 году Дмитрий Семенович Львов становится академиком – секретарем этого Отделения. Таким образом, можно сказать, что меня с Дмитрием Семеновичем связала работа в науке. Хотя и до этого научный авторитет академика Д.С. Львова был мне известен. Я знал, что Дмитрий Семенович уже многие годы работал в ведущих научно-исследовательских институтах Академии, а до должности академика-секретаря ряд лет был заместителем директора Центрального экономико-математического института РАН. Среди экономистов он почитался как автор фундаментальных работ по теории научно-технического развития, эффективности факторов производства и капитальных вложений. В научной среде постсоветских лет широкий резонанс уже получили его

Академик РАН Дмитрий Семенович Львов на V Региональной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 25–27 января 2006 г.

выступления об эффективных механизмах функционирования экономики в переходный период. Он публично критиковал избранные новой российской властью целевые задачи и методы рыночного реформирования российской экономики.

А.И. Россошанский. Какие вопросы чаще всего обсуждались в начальный период Ваших рабочих встреч с академиком Д.С. Львовым?

В.А. Ильин. В середине 90-х годов XX века, как теперь говорят обществоведы, имел место обвальная период радикальных реформ: при развале СССР и массовой приватизации государственной собственности разрушался достаточно мощный постсоветский производственный потенциал страны. Россия оказалась в глубоком системном социально-экономическом кризисе. За 1991–1995 годы объем валового внутреннего продукта страны сократился почти на 50%, промышленное производство – более чем вдвое, сельскохозяйственное – на 30%, капитальные вложения уменьшились почти на 70%. Вследствие этого резко снижился жизненный уровень населения. В 1995 году в стране 37 млн человек (25% населения) имели доходы ниже прожиточного минимума. Подобная негативная динамика наблюдалась и в Вологодской области.

Причинами такого положения, говоря укрупненно, являлись: во-первых, неправильный выбор для реформ базовой макроэкономической теории, в качестве которой была принята неолиберальная концепция – монетаризм, опирающаяся на теорию саморегулируемости рынка и минимизации участия государства в экономике; во-вторых, проведение реформ на основе мифических теорий о том, что частная собственность всегда эффективнее государственной, и, в-третьих, стремление «реформаторов» осуществлять государственную политику в соответствии с этими постулатами.

Дмитрий Семенович с болью отмечал глубокую практическую ущербность рассуждений подобного рода. В средствах массовой информации и ярких публичных выступлениях на различных форумах он развернуто доказывал, что проводимая отечественными либералами политика, базирующаяся на положениях так называемого Вашингтонского консенсуса,

бесперспективна для России как в социально-экономическом, так и в общественно-политическом отношении. Свое глубоко продуманное видение ошибочности целей и методов преобразований, осуществляемых в России, Дмитрий Семенович стремился донести до руководителей и специалистов, представителей науки, до всех слоев российского общества.

Этим и была продиктована его инициатива, озвученная уже в наши первые встречи, об организации в начале 1997 года на базе Вологодского научно-координационного центра российской научно-практической конференции «Стратегия и тактика проведения социально-экономических реформ: региональный аспект».

Дмитрий Семенович принял активное участие в разработке программы конференции, содержания ее пленарных и секционных заседаний. Он получил согласие ряда ведущих ученых из академических институтов Отделения экономики РАН выступить на конференции с докладами и сообщениями по программной тематике.

Следует при этом специально отметить, что проведение мероприятия поддержало Правительство Вологодской области.

Конференция состоялась 22–24 января 1997 года. На ее первом пленарном заседании, прошедшем в большом конференц-зале Правительства области, Дмитрий Семенович выступил с докладом глубокой содержательности и весьма ярким по речевому представлению. В заключение конференции он дал положи-

тельную оценку пленарным и секционным заседаниям. Была достигнута договоренность о том, чтобы российские конференции, посвященные региональным аспектам реализации стратегии и тактики социально-экономических реформ, проводились под эгидой Отделения экономики РАН в Вологде через каждые два года. И следует отметить, что Дмитрий Семенович в последующем (с 2000 по 2007 год он являлся руководителем Секции экономики Отделения общественных наук РАН) эту договоренность соблюдал.

Под его научным руководством в Вологде прошли российские конференции по вышеназванной тематике 31 марта–3 апреля 1999 г., 17–20 января 2001 г., 2–5 апреля 2003 г., 25–27 января 2006 г. В разные годы принимали участие в их работе и выступали с докладами академики Л.И. Абалкин, А.С. Гранберг, В.Л. Макаров, В.И. Маевский, В.В. Окрепилов, А.И. Татаркин и другие крупные ученые в области экономических, социологических и иных общественных наук. Можно сказать, что академик Львов стоял у истоков научно-дискуссионной площадки, которая действует ныне на базе Вологодского научного центра.

А.И. Россошанский. Владимир Александрович, напомните наиболее важные положения, которые озвучивал Дмитрий Семенович на конференциях.

В.А. Ильин. На первой конференции «красной нитью» его выступления стало представление России как огромной кладовой природ-

Д.С. Львов на II Российской научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 31 марта – 2 апреля 1999 г.

Д.С. Львов на III Российской научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 17–20 января 2001 г.

ных богатств, но стратегически используемых неудовлетворительно вследствие применения неэффективных экономических механизмов. «В стоимости производимого в России валового продукта, – говорил он, – 75% приходится на природные ресурсы, но в казну поступает лишь половина реального дохода». Остальное выводится из системы налогообложения недобросовестным бизнесом, различного рода посредниками, криминалом. Академик убеждал слушателей в том, что доходы от природных ресурсов должны принадлежать всем. У олигархов, родившихся в ходе приватизационной раздачи природных богатств страны, государство должно изымать природную ренту и распределять ее между всеми гражданами. Академик представил разработанную под его руководством концепцию управления национальным имуществом. Ее суть заключалась в необходимости направлять уплаченную добывающими предприятиями ренту в общенациональные фонды – на финансирование образования, здравоохранения, иных социальных нужд и потребностей.

Другая основополагающая идея, выдвинутая Дмитрием Семеновичем, состояла в том, что главной диспропорцией, сдерживающей экономический рост и отрицательно влияющей на качество отечественной экономики, является недопустимо низкий уровень заработной платы наемных работников в России. Он приводил на этот счет такие данные: если по среднечасовой производительности труда Рос-

сия отстает от США примерно в 3,6 раза, то по часовой заработной плате в долларовом эквиваленте – в 9,6 раза. Наша зарплата, как отмечал Дмитрий Семенович, является низкой не вообще, а низкой по отношению к нашей низкой производительности труда. Опровергая укоренившийся тезис «мы плохо живем потому, что плохо работаем», Львов утверждал: «На самом деле мы плохо работаем потому, что плохо живем». Он считал, что необходимо резко повысить зарплаты, зарплатный объем следует максимально приблизить по удельному весу к уровню развитых западных стран.

К сожалению, его предложения российской властью тогда просто игнорировались, а экономическая и социальная обстановка в стране ухудшалась. В августе 1998 года в России разразился дефолт фактически непрофессионального происхождения, из которого в 1999 году правительству Е.М. Примакова удалось выбраться за счет сугубо более прагматичного подхода и возросших на мировом рынке цен на нефтегазовые ресурсы – основную продукцию российского экспорта. Но вскоре это правительство было отстранено Президентом Б.Н. Ельциным. В стране продолжилось формирование механизмов, не обеспечивающих стабильного развития.

Дмитрий Семенович на конференциях, состоявшихся в Вологде при его жизни, с болью говорил о негативных последствиях указанного процесса. Его прогнозы в этом отношении оказались пророческими.

Д.С. Львов на IV Региональной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 2–5 апреля 2003 г.

Давайте посмотрим на динамику экономического и социального развития России за последние двадцать лет. В.В. Путин после его первого избрания в 2000 году Президентом Российской Федерации осуществил частичное изъятие природной ренты у олигархов. Вместе с монотонным ростом нефтегазовых цен в 2000–2007 гг. удалось в определенной мере исправить экономическое положение страны, заметно увеличить доходы основных слоев населения. Однако разыгравшийся в 2008 году мировой экономический кризис привел к тому, что в 2009 году в России больше, чем в других крупных странах, снизились важнейшие экономические и социальные показатели. В этом проявились как односторонняя ориентация государства на экспорт топливно-энергетических ресурсов, так и предкризисная высокая инфляция, а также неэффективная финансовая политика, базирующаяся на монетаристских принципах. Затем, когда дно кризиса было преодолено, необходимых кардинальных перемен в деятельности властей так и не произошло. А в последующем картина стала еще быстрее меняться в худшую сторону. Прирост валового внутреннего продукта страны в 2017–2019 гг. составлял 1–2 процента. С 2014 года идет снижение реальных доходов населения. Одновременно увеличивается благосостояние относительно узкой страты олигархов и крупных предпринимателей. Дополнительные сложности для роста нашей экономики создают антироссийские санкции американцев и европейцев, связанные с возвращением Россией Крыма. Серьезные потери принесла нам коронавирусная эпидемия.

Словом, все острее становится необходимость резкого повышения уровня и качества государственного управления, существенной корректировки проводимого политического курса и применяемых экономических механизмов.

А.И. Россошанский. Владимир Александрович, а какие уроки академика Дмитрия Семеновича Львова представляются Вам наиболее важными в настоящее время?

В.А. Ильин. Наиболее концентрированно Дмитрий Семенович выразил свои взгляды и предложения по развитию нашей страны в работах 2000-х годов. Среди них хотелось бы осо-

бо выделить такие как «Экономический манифест: будущее российской экономики» (2000 г.), «Развитие экономики и задачи экономической науки» (2001 г.), «Экономика развития» (2002 г.), «Экономический рост и качество экономики» (2004 г.), «Нравственная экономика» (2004 г.), «Россия: Рамки реальности и контуры будущего» (2007 г.). Перечень его и ныне актуальных научных трудов, конечно, значительно шире.

Выражая глубокую озабоченность результатами экономических реформ в России, он писал и говорил: наша беда в том, что на практике перечеркнуты и отброшены многие элементы и механизмы экономической системы, ориентированные на обеспечение гуманистических

Д.С. Львов (слева) и губернатор Вологодской области (1996–2011) В.Е. Позгалев. Вологда, 25–27 января 2006 г.

Академики Д.С. Львов (справа) и А.И. Татаркин на V Региональной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 25–27 января 2006 г.

идеалов. Хотя в Конституцию РФ, как отмечал Дмитрий Семенович, включены ценностные установки социально-ориентированного, правового государства, реальная обстановка находится в вопиющем противоречии с ними, наблюдается крах системы социальных гарантий и расширение социальной поляризации.

Д.С. Львов сформулировал главные критерии для оценки степени общественного развития в долгосрочной перспективе: «**Мы должны, — подчеркивал он, — четко заявить, что целью для нас является экономика, основная движущая сила которой будет принципиально иной по сравнению с рыночным обществом массового потребления. Вместо стремления к богатству и его символическим выражениям — стремление к высокому качеству жизни. А этого качества невозможно достичь индивидуально, не повысив одновременно и качество жизни окружающих. Иными словами, качество жизни общества должно определяться разнообразием жизненных благ, которые могут быть гарантированы каждому его члену, включая и такое благо, как труд не только ради заработка. И такое благо, как время, свободное от труда ради заработка. Этим гарантированным пакетом и должно в конечном счете измеряться качество экономики.**».

А.И. Россошанский. Приезжая в Вологду на научные мероприятия, находил ли Дмитрий Семенович время для ознакомления с деятельностью конкретных предприятий, осмотра памятников истории и культуры Вологодчины?

Члены Секции экономики Отделения общественных наук РАН и директора экономических институтов РАН во главе с Д.С. Львовым посещают предприятия Вологодской области

ОАО «Сокольский ДОК»,
г. Сокол, 17–20 января 2001 г.

В.А. Ильин. Это он считал обязательной частью своего пребывания на Вологодской земле. В первую очередь его интересовало, какая обстановка складывается на предприятиях с выпуском инновационной продукции. Дмитрий Семенович не раз был на оптико-механическом и подшипниковом заводах, в Молочно-хозяйственной академии, на Череповецком металлургическом комбинате и ряде других производств, внедряющих новые технологии и технику. При этом он объективно оценивал увиденное, высказывал содержательные рекомендации по совершенствованию деятельности. И, конечно, его, как высокодуховного человека, интересовала история нашего северного края, воссозданная в музеях Вологодчины. Особенное впечатление на него произвело посещение Кирилло-Белозерского монастыря — центра духовной жизни Русского Севера.

ОАО «Северное молоко»,
г. Грязовец, 2 апреля 2003 г.

ЗАО Племзавод «Заря»,
Вологодский р-н, 2 апреля 2003 г.

Огромное значение Дмитрий Семенович придавал встречам с руководителями области и областного центра. Общаясь с ними, он фактически изучал состояние и уровень эффективности деятельности органов регионального и муниципального управления.

А.И. Россошанский. А как регулярное участие Дмитрия Семеновича в проводимых научно-практических конференциях, ваши встречи и рабочие контакты с ним влияли на последующую деятельность Вологодского научного центра?

В.А. Ильин. Роль Д.С. Львова для нашего коллектива весьма значима в долговременном измерении.

Личное участие Дмитрия Семеновича в мероприятиях, проводимых на базе нашего центра, способствовало нарастающей известности коллектива. Прямо скажем, благодаря этому рос авторитет руководителей учреждения. А главное — закреплялись позиции наших исследователей в сообществе российских ученых-экономистов.

Присутствие Дмитрия Семеновича на научных мероприятиях на Вологодчине привлекало к участию в них руководителей и авторитетных исследователей академических институтов экономического профиля Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Мурманской области, республик Коми и Карелии, других российских регионов. Благодаря этому уста-

навливались и развивались взаимные научные контакты, шел обмен опытом проведения исследований. В настоящее время эти взаимосвязи приобрели еще более содержательный и творческий характер.

Хочу особо отметить и то, что идеи Дмитрия Семеновича заложили основание для формирования перспективной тематики исследовательских работ коллектива. К ним следует отнести, прежде всего, научные продукты, связанные с изучением путей повышения качества жизни населения в региональном и общенациональном аспектах, совершенствования уровня государственного управления, рационального построения бюджетной системы. Актуальность этой тематики сыграла весьма существенную роль в наращивании числа защищенных нашими сотрудниками кандидатских и докторских диссертаций.

Посещая Вологду, Дмитрий Семенович выражал удовлетворение тем, что в наш научный центр постоянно вливаются молодые люди. Он считал, что ускорить развитие страны невозможно без поворота к экономике знаний, в которой первоочередную ценность приобретают результаты деятельности ученых, специалистов, новаторов. «Вся система общественного устройства, — говорил он, — должна работать на усиление роли и значения творцов новых знаний, технологий, продуктов и услуг, прин-

Встреча Д.С. Львова с руководителями области и областного центра. Вологда, 4 апреля 2003 г.

III Российская научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект». Вологда, 17–20 января 2001 г. Д.С. Львов беседует с аспирантом ВНКЦ Д.Н. Кожиним (в настоящее время Д.Н. Кожин — начальник отделения менеджмента качества образования и инновационных технологий Вологодского института права и экономики, подполковник внутренней службы)

ципиально меняющих направления формирования и структуру использования национального дохода».

Хочу отметить еще одну принципиальную черту Дмитрия Семеновича как ученого: ему был органически присущ системный подход. Он постоянно подчеркивал, что результаты социально-экономического развития страны в целом складываются из итогов деятельности ее регионов, разнообразие которых по ресурсам и условиям их использования в России весьма велико.

Это понимание емко отражалось в его взглядах и действиях в сфере организационной структуры учреждений экономической науки. Он считал необходимым наращивать пространственный масштаб экономических исследований, оказывал постоянное содействие развитию экономических учреждений РАН, расположенных в российских регионах. В отчетах о деятельности Отделения экономики РАН расширилось представление наиболее значимых трудов, выполненных нестоличными учреждениями, по разработке социально-экономической политики и эффективного функционирования территориальных систем России. В перечне отмечались и достижения вологодских ученых. В этом проявлялось своеобразие оценки позитивных качественных подвижек в деятельности структур экономической науки, работающих в конкретных условиях, складывающихся в тех или иных федеральных округах, республиках, краях и областях России.

Д.С. Львов не был кабинетным ученым. На протяжении всей своей жизни он читал лекции студентам, участвовал в образовательных программах на радио и телевидении. Свое видение текущих и перспективных задач развития России он излагал на заседаниях палат национального парламента, российского правительства, в министерствах и ведомствах.

Дмитрий Семенович был замечательным оратором, являл в выступлениях свое интеллектуальное богатство. Он обладал яркой способностью привлекать к себе единомышленников. Большинство слушателей его публичных выступлений превращались в этот момент в духовных сторонников академика.

В феврале этого года прошел 90-летний юбилей со дня рождения академика. В июле исполнится 13 лет со времени его кончины. Но научные положения и выводы Дмитрия Семеновича о содержании стратегии и тактики социально-экономических преобразований в России приобретают все большую актуальность и практическую значимость.

А.И. Россошанский. Спасибо, Владимир Александрович, за Ваше интервью о выдающемся ученом и замечательном человеке, сыгравшем значительную роль в становлении Вологодского научного центра Российской академии наук. ВолНЦ РАН, во многом следуя принципам, заложенным Дмитрием Сергеевичем Львовым, сегодня занял место среди лидеров научного направления в Российской Федерации.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Remembering Academician D.S. Lvov with Gratitude

Information about the Author

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт*

Руслан Семенович ГРИНБЕРГ

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: grinberg@inecon.ru
ResearcherID: H-8175-2016

Олег Олегович КОМОЛОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Ленинградский пр., д. 49
Институт экономики Российской академии наук
Москва, 117218, Российская Федерация, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: oleg_komolov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6944-7925; Researcher ID: D-8347-2018

Аннотация. Статья посвящена проблеме импорта институтов, которая выражается в форме заимствования обществом традиций, обычаев и норм поведения, развившихся в иной институциональной среде. Нередко такой импорт сопровождается атрофией и перерождением институтов, а также дисфункцией институциональной макроструктуры. Возникающие при этом так называемые институциональные ловушки порождают серьезные риски для развития стран-реципиентов. Историческим примером реализации таких рисков стала попытка трансплантации институтов ортодоксального или радикального либерализма в странах постсоветского пространства, которые ожидали модернизации своих экономик, а получили диаметрально противоположный

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

Для цитирования: Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2

For citation: Grinberg R.S., Komolov O.O. Import of institutions: theoretical aspect and practical experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2

результат – примитивизацию структур. Альтернативой такому ходу событий могло бы стать применение институтов социального рыночного хозяйства (СРХ). Поскольку концепция СРХ сочетает механизмы рыночного саморегулирования с систематическим государственным интервенционизмом, присутствовала возможность провести системную трансформацию с меньшими социальными издержками, во-первых, и без тотальной дезиндустриализации, во-вторых. Возникает реальная потребность в более широком взгляде на формирование рыночного равновесия, что предполагает включение в число самостоятельных рыночных субъектов государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Только такой подход обеспечивает оптимизацию институциональной среды современного общества в целом и критерии отбора импортируемых институтов в частности. Новизна работы заключается в обосновании учета взаимозависимости институтов страны-экспортера при выборе самого эффективного из них, а также в необходимости оценки последствий его внедрения в институциональную среду государства-реципиента. Авторы приходят к выводу о том, что импорт соответствующих институтов должен сопровождаться синтезом «социального» и «рыночного», что может быть достигнуто только в гармонии взаимодополнения, а не в выстраивании иерархии между ними.

Ключевые слова: трансплантация институтов, институциональные ловушки, рынок институтов, социальное рыночное хозяйство, неолиберализм.

Введение

Общественные институты формировались в результате многовековой эволюции как составляющая того или иного типа производственных отношений, свойственных разным способам производства. В процессе институциональной трансформации общество стремится сократить трансакционные издержки, которые были названы К. Эрроу издержками эксплуатации экономических систем [1, с. 55]. Рост трансакционных издержек исторически усиливает предпосылки к разрушению старых институтов и становлению новых – выработанных внутри системы либо заимствованных извне.

Институты во многом эволюционируют стихийно под воздействием разных социально-экономических факторов, возникают «снизу» и закрепляются государством. Однако внедрение институтов может быть насильственным. В этом случае господствующий класс с помощью государства навязывает всему обществу новые (как правило, радикально новые) нормы поведения. В такой ситуации частым случаем является импорт институтов как попытка за короткий срок с помощью уже готовых рецептов построить общественные отношения, которые считаются более развитыми и эффективными. Тогда, как отмечает А. Олейник, роль государства вместо чисто технической, сведенной к формальному, правовому закреплению соотношений классовых сил, становится главенствующей [2, с. 43].

Такой процесс замещения неразрывно связан с рынком институтов. В нем устранение слабых институтов способствует выживанию тех, которые обеспечивают наибольшую эффективность при координации действий экономических субъектов [3, с. 17]. На рынке институтов роль своеобразных товаров играют формальные институты и формы их закрепления. При этом неформальные институты не могут выступать объектом купли-продажи и появляются вследствие реакции на движение формальных норм и правил. Спрос на рынке институтов создают разные субъекты экономики: государство, формы, домохозяйства и пр. Для них основу потребительной стоимости «товара-института» составляет возможность как снижения, так и увеличения трансакционных издержек.

Желание обеспечить максимизацию прибыли будет толкать экономических агентов к сокращению издержек, в т. ч. трансакционных. В этом случае спросом будут пользоваться такие координационные институты, как защита частной собственности, свобода ценообразования, свобода движения капитала, прозрачность и стабильность государственного управления. В случае, когда агент пытается получить преимущества (ренту) за счет увеличения трансакционных издержек других участников экономики, он будет предъявлять спрос на соответствующие распределительные институты:

ограничение конкуренции, внешнеторговые пошлины, рыночные барьеры, управление валютным курсом и т. д. Предложение на рынке формальных институтов представлено традиционно органами государственной власти, а между продавцами возникает конкуренция. Победу в конкурентной борьбе одерживает тот поставщик институтов, который смог в собственной практике обеспечить минимальный конфликт между формальными и неформальными нормами и правилами. Когда они не противоречат друг другу, издержки контроля за соблюдением формальных правил игры снижаются, уменьшая издержки от их создания. Если такой конфликт существует, то издержки предложения растут, а процесс внедрения института становится сложнее. Институциональные трансакции (понятие, введенное Д. Бромли [4, с. 110]) – акты «купли-продажи» на рынке институтов, осуществляемые через неформальные контракты – происходят тогда, когда для рационального покупателя внедрение института приводит к сокращению трансакционных издержек или росту ренты.

Вопросы импорта институтов в контексте роли государства рассматривают И. Рождественская и В. Тамбовцев [5]. Методологические подходы к проблеме импорта институтов и смежных категорий (заимствование, трансплантация, выращивание и др.) изучены Е. Капогузовым, С. Левиным и К. Саблиным [6]. Противоречиям импорта институтов развивающимися странами с высоким темпом экономического роста на примере стран БРИКС посвящена работа М. Жарикова [7]. В развитие темы настоящее исследование посвящено вопросам заимствования институтов на примере проблем российской социально-экономической модели, вызванным противоречиями трансплантации институтов ортодоксального или радикального либерализма в постсоветский период.

Издержки трансплантации институтов

Заимствование институтов, развившихся в отличной институциональной среде, В.М. Полтерович называет «трансплантацией» [8, с. 24]. Трансплантация и импорт институтов – схожие по смыслу понятия. Однако правильно было бы их представлять как явления, вытекающие одно из другого. Так же, как импорт товара из-за рубежа не означает его автоматического потребления в стране-покупателе, «завоз» тех или

иных правил игры из внешнего мира требует их дальнейшего «вживления» в организм национальной экономики и создания таких условий, при которых они не будут отторгнуты. Выбор импланта представляет собой рыночную процедуру, когда реципиент (страна) приобретает необходимый товар на рынке институтов. При этом рынок институтов подвержен гораздо большим девиациям, чем традиционные рынки материальных благ или услуг. По этой причине особая роль в процессе трансплантации принадлежит нерыночным силам, в особенности государству. И здесь одной из главных проблем становится влияние на процедуру выбора институтов, необходимых агентам с разными интересами, а также установление критериев для отбора институтов: какие институты и из каких стран необходимо (и вообще возможно) импортировать.

Обычно под импортом институтов подразумевается заимствование традиций развитой страны со стороны отстающей. Однако определить иерархию институтов с точки зрения их развитости зачастую затруднительно. Это касается как политических систем (в какой стране демократия развита лучше: там, где соблюдаются формальные признаки политической конкуренции и сменяемости власти, или там, где реальные возможности достичь высших государственных постов имеют выходцы из социальных низов?), так и экономических моделей (всегда ли институт частной собственности выступает гарантом политической свободы и демократии, или же, наоборот, создает условия для становления монопольного диктата?).

Г.Б. Клейнер, говоря о качестве институтов, оценивает его с точки зрения целостности институциональной системы [9, с. 112]. Она понимается как полное взаимодействие и тесная связь элементов институциональной системы, которая обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие страны, а также ее соответствие общему вектору исторического институционального развития данного общества. Это, с одной стороны, позволяет оценить институциональную систему с точки зрения гармоничного взаимодействия с культурной, национальной, исторической, когнитивной системами. С другой – ограничивает степень свободы институциональной системы при ее трансформациях. В случае если эти условия не

соблюдаются, заимствование институтов происходит в форме отдельных фрагментов социально-экономических моделей других стран. Вследствие этого образуются неустойчивые «квазиинституты», которые способны выполнять лишь малую часть ожидаемых функций. Г.Б. Клейнер отмечает, что такие институты похожи скорее на протез, чем имплант [9, с. 86]. В связи с этим особую важную роль в процессе институциональных преобразований начинают играть институциональное проектирование и создание инструментов институциональной стабилизации. Если эти условия не выполняются, институциональный протез может быть отторгнут обществом и вовсе перестать выполнять ожидаемые функции.

По мнению В.М. Полтеровича [10, с. 28], если трансплантируемый институт внедряется без согласования с местными культурными традициями и институциональной структурой страны, возникают его атрофия и перерождение. Например, институт банкротства при трансплантации в модель периферийного капитализма в России превратился из инструмента повышения эффективности системы в способ присвоения собственности. Дж. Итон [11, с. 1310] выделяет еще один пример неэффективной трансплантации институтов – парадокс передачи, означающий, что в результате импорта института продавец наращивает выигрыш за счет реципиента. Примером здесь может послужить либерализация экономических отношений в России в 1990-е гг., когда экспорт российских сырьевых товаров по низким ценам, отток капитала и «утечка мозгов» обогатили поставщиков институтов свободного рынка, обескровив российскую экономику.

Поскольку рынок институтов позволяет заимствовать преимущественно формальные нормы и правила, при внедрении в чуждую среду неформальных институтов работоспособность их снижается. Как отмечают П. Милгром, Д. Норт и Б. Вейнгаст [12, с. 15], неформальные институты по своей сути ригидны и трудно трансформируются под воздействием импортированных формальных. Скорее, наоборот, они сами их значительно трансформируют, а радикальное изменение институционального окружения, особенно в краткосрочном периоде, почти невыполнимо.

В работах американских институционалистов Д. Норты и Р. Томаса получила развитие «оптимистическая» модель институциональной эволюции. Она подразумевает сглаживание различий в экономическом развитии, снижение трансакционных издержек и повышение экономического роста у менее развитых экономик по мере применения ими импортных институтов развитых обществ. При этом отмечается, что заимствование формальных правил не составляет проблемы. Однако «само по себе наличие таких формальных правил не гарантирует эффективности приспособления», не всегда способствует экономическому росту [13, с. 315]. Не менее важно развитие неформальных норм и правил, которые не являются лишь простым дополнением к формальным отношениям. Они формируют уникальную среду, в которой одни и те же формальные правила начинают действовать по-разному.

Так, в ряде стран Латинской Америки после завоевания независимости приняты конституции, за основу которых был взят основной закон США. Суверенные государства также скопировали правовую систему Соединенных Штатов, однако их развитие пошло разными путями. «Создание эффективных инвестиционных и товарных рынков есть сложный процесс. Единственное, что нам известно, – это то, что создание таких рынков требует дополнения формальных правил неформальными ограничениями и действительными средствами принуждения к соблюдению договоров» [13, с. 315].

Норт пытается дать ответ на вопрос, почему сглаживание различий между экономикками разного уровня происходит далеко не всегда, а часто развитие разных обществ и вовсе может идти не сближающимися, а расходящимися путями. При этом социально-экономическим системам присуща тенденция воспроизводить неэффективные институты, которые могут привести к стагнации и упадку.

Первая причина – неэффективное государство. В условиях постоянного углубления разделения труда и специализации становится невозможным обеспечить сокращение трансакционных издержек без активного участия государства. Этого не произойдет, если государство не обеспечивает соблюдение норм и правил, а ведет себя как «хищник», увеличивая собственные доходы. Часто доходы высшей бю-

рокрации становятся тем больше, чем менее эффективны институты. Особенно остро это проявляется в вопросах структуры прав собственности, «которая хотя и неэффективна, но зато легче поддается контролю и создает больше возможностей для взимания налогов» [14, с. 5]. Без достаточной социально-политической активности «низов» заимствованные у общества институты не будут работать эффективно: «Защиту и обеспечение прав собственности берут на себя правительства, так как они могут осуществить это с меньшими издержками, нежели неофициальные группы на добровольных началах. Однако финансовые нужды правительства могут вызвать такую защиту некоторых прав собственности, которая будет скорее препятствовать, нежели способствовать экономическому росту: поэтому у нас нет гарантий, что продуктивные варианты институционального устройства реально возникнут», — отмечают Норт и Томас [13, с. 48].

Вторым препятствием на пути эффективно-го заимствования институтов является влияние сильных политических группировок на законотворческий процесс. Возникает асимметрия интересов между этими группами и обществом. Как пишет Норт, «даже если правители захотят принимать законы, руководствуясь соображениями эффективности, интересы самосохранения будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы могут ущемить интересы сильных политических группировок» [14, с. 72].

Третьей преградой становится проблема «избранной траектории» (path dependence), которая часто довлеет над внедряемыми институтами. Старые, уже сложившиеся нормы и правила легче принимаются общественным сознанием и затрудняют принятие новых норм. Внедрение новых институтов требует существенных материальных вложений даже в том случае, когда старые институты становятся откровенно неэффективными, принося постоянно растущие трансакционные издержки. Схожей точки зрения придерживаются Е. Фуруботн и С. Пейович. Они отмечают, что «новые права собственности создаются, а существующие изменяются, когда некоторые индивидуумы и группы считают, что им выгоднее перестройка системы, и они согласны нести издержки по ее осуществлению» [15, с. 8].

Институциональные ловушки

Выбор ошибочных стратегий при осуществлении институциональных реформ формирует негативные эффекты, именуемые институциональными ловушками. Это «неэффективные, но стабильные нормы или институты», а также «неэффективные равновесия, порождаемые соответствующей нормой» [16, с. 5]. В качестве примера можно привести систему уклонения от уплаты налогов. Такая норма приобретает устойчивость, если экономическим агентам становится невыгодно отклоняться от нее. Действует эффект координации: чем большее количество участников экономики следует сложившимся правилам, тем ниже будут трансакционные издержки каждого из них, несмотря на то, что экономическая система в целом может понести ущерб. Например, чем больше компаний уклоняется от налогов, тем ниже будет риск наступления ответственности у каждой из них. При этом отказ от следования принятой нормы создает особый тип издержек — трансформационных. Такие издержки понесет компания, желающая работать «в белую» и несущая дополнительные издержки на поиск таких же контрагентов, как и она. «Со временем трансакционные издержки <...> убывают вследствие эффекта обучения: агенты приобретают навыки и изобретают технологии, сокращающие расходы» [16, с. 7]. Чтобы выйти из институциональной ловушки, государство должно с помощью политики экономического регулирования создать ситуацию, когда трансформационные издержки оказываются ниже трансакционных. С одной стороны, этого можно добиться, повышая трансакционные издержки неэффективной нормы через ужесточение ответственности для нарушителей закона и повышение эффективной работы надзорных органов; с другой — упрощая совершение сделок, делая законодательство более прозрачным, поддерживая честное предпринимательство и т. д. По мнению В.М. Полтеровича, общество способно самостоятельно преодолеть институциональные ловушки, развивая гражданскую культуру [16, с. 11].

К институциональным ловушкам также можно отнести проблему нецелевого использования институтов. Оно возникает тогда, когда институт, первоначально являвшийся источником общественного блага, становится инстру-

ментом извлечения ренты в руках отдельных агентов. Сюда относятся манипулирование и подчинение институтов, эксплуатация информационной асимметрии [18, с. 12]. В качестве примера можно назвать институт налоговых льгот, который существует для того, чтобы освободить экономических агентов от ряда налоговых обязательств. Оппортунистическое поведение отдельных налогоплательщиков может выражаться в попытке уклониться от уплаты налогов: компания предпринимает шаги, которые не определяются логикой или целями бизнеса, но позволяют ей формально соответствовать критериям реципиента льгот и пользоваться привилегиями, предназначенными для других участников рынка. Возникновение институциональных ловушек напрямую связано с издержками неудачного импорта институтов. Так, институт страхования банковских вкладов, который изначально рассматривался как механизм защиты и интересов рядовых клиентов банков и повышения их уверенности в устойчивости банковской системы, превратился в инструмент обогащения банковских инсайдеров и недобросовестных вкладчиков. В результате это привело не к сокращению, а к росту общественных издержек.

Выбор институтов: ожидания и результаты

Чтобы оценить влияние импорта институтов на результаты рыночных реформ в постсоциалистических странах в целом и в России в частности, необходимо учитывать институциональные предпосылки их социально-экономической динамики. Речь идет о правовых нормах, культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, то есть о формальных и неформальных правилах, принятых в том или ином обществе. Именно они оказывали и оказывают существенное воздействие на мотивы и намерения реформаторов в процессе трансформации одной системы в другую.

Механическое заимствование норм и правил, сложившихся в иной культурной среде и других условиях, может оказаться не только неэффективным, но и абсолютно контрпродуктивным с точки зрения ожидаемых результатов реформ. Решающую роль здесь играют существенные различия между формальными и неформальными правилами. Неформаль-

ные ограничения быстро изменяться не могут, так как опираются на устойчивые стереотипы мышления и, соответственно, поведения. Если формальные правила можно изменить быстро и радикально, то неформальные правила, как правило, консервативны. И именно это обстоятельство подрывает шансы на благотворное укоренение заимствованных институтов.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что неожиданно (для реформаторов) высокая социальная цена российской трансформации во многом обусловлена игнорированием институциональной компоненты в дизайне и реализации политики «транзита» от одной системы к другой. Дело здесь не только в том, что за годы реформ экономика страны росла в среднем всего лишь на один процент в год, в связи с чем Россия оказалась среди самых отстающих стран мира по показателю хозяйственной динамики. В ней пока не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же нужно отнести появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в позднем СССР пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса [19, с. 177].

Разного рода исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет такую же суровую борьбу за существование, как в советские времена. Не удивительно, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы до сих пор в значительной мере дискредитированы.

Ошибка «спонтанности», или дисфункция экзогенного заимствования институтов характерна не только для России, но и для стран Восточной Европы. Однако в России политика реформ, основанная на догматике свободного рынка, в силу некоторых особенностей общественного сознания стала особенно провальной, что лишней раз подтверждает серьезные риски импорта институтов без учета неформальных правил, характерных для страны-реципиента.

Наглядный пример такого «неучета» в постсоветской России – приватизация госсобственности, проведенная таким образом, что оказалось невозможным придать ей легитимный характер, создать эффективного собственника, предотвратить череду захватов и переделов объектов собственности, а также избежать конъюнктурной реэтактизации (возвратного огосударствления) собственности. В ходе реформ так и не удалось создать устойчивые государственные, социальные, экономические и правоохранные институты, призванные обеспечить независимость собственности от государства, то есть преодолеть исторически сложившийся примат власти над собственностью.

Чем полезны институты, вытекающие из концепции социального рыночного хозяйства сегодня?

Была ли такому развитию событий хоть какая-нибудь разумная альтернатива? Наш ответ – несомненно, была. Все могло бы быть иначе, если бы политика рыночных реформ основывалась не на идеологии радикального либерализма, а, например, на прагматической концепции социального рыночного хозяйства (СРХ) [20, с. 100].

Фундаментальная идея СРХ, которую без всяких оговорок можно рассматривать как в высшей степени актуальную для нашего времени, – это признание равноценности механизмов рыночного саморегулирования и государственного интервенционизма. Учет такого своего рода «принципа равноценности» имеет, можно сказать, экзистенциальное значение для сегодняшней России, где с большим трудом прививается культура компромиссов и консенсусов, дискуссии чаще всего выливаются в идеологические перепалки, приобретающие характер манихейского противостояния добра и зла. Словом, концепция СРХ и, соответственно, практика ее применения в ФРГ могла бы быть исключительно полезной при выборе способа перехода России от центрально управляемой экономики к рыночной.

Необходимо отдавать себе отчет, что сопоставления такого рода весьма условны. Каждая страна уникальна, как уникальны и условия, в которых решаются примерно одинаковые задачи, поэтому следует проявлять максимальную осторожность относительно выводов, особенно

тех, которым мы вольно или невольно придаем универсальный характер. И все-таки, если и была потребность учиться на опыте других, то наиболее подходящим объектом в этом отношении могла бы быть послевоенная Западная Германия.

Сходство стартовых условий для системной трансформации в ФРГ и в постсоветской России просматривается со всей очевидностью. Во-первых, обе страны нуждались в переходе от тоталитарных политических режимов к системам плюралистической демократии и одновременном формировании экономики рыночного типа. Во-вторых, и там, и здесь такой своего рода гибридный переход неизбежно должен был сопровождаться материальным расслоением социума и снижением и без того низкого уровня жизни большинства граждан. Следовательно, в обеих странах необходимо было проводить ту или иную социальную политику, смягчающую тяготы реформ. Наконец, в-третьих, для экономической и социальной политики в условиях системной трансформации нужна была хоть какая-то теоретическая база. В ее роли выступила концепция СРХ, которая, как широко известно, в течение чуть ли не четверти века пользовалась в Европе безупречной репутацией как в академическом сообществе, так и в деловом мире.

Риски «бесприлагательного» рыночного хозяйства

Казалось, проверенная временем история успеха теории и практики СРХ обратит на себя внимание российских реформаторов, взявшихся за грандиозное дело преобразования страны в современное демократическое государство с рыночной экономикой. Но этого не произошло.

Дело в том, что после Великой депрессии (1929–1933) и Второй мировой войны в академическом мире Европы царили антикапиталистические настроения, в то время как сорок лет спустя, то есть именно тогда, когда началась системная трансформация постсоциалистических стран, «дух времени» в мире был уже принципиально иным. Мировоззренческий тренд сменился на противоположный: прежнее неприятие «свободного рынка» обернулось его почти безоговорочным обожанием, чему в значительной мере способствовал, конечно, и

распад мировой социалистической системы. При этом антисоциалистические настроения в интеллектуальных элитах Запада в начале 80-х оказались настолько сильными, что простое упоминание прилагательного «социальный» в позитивной коннотации считалось почти неприличным.

Стало принято считать, что рыночная экономика, если она эффективна, социальна сама по себе и поэтому не нуждается в дополнительном определении. В переводе с буквально немецкого это звучит как «бесприлагательное» рыночное хозяйство (*adjektivlose Marktwirtschaft*). Характерно при этом, что под напором радикального либерализма сами немцы уступают новой моде. Значительная часть немецкого академического сообщества совершает своего рода «предательство» идеалов СРХ, отказываясь от понятия «социальное».

Все это, как уже отмечалось выше, привело к печальным последствиям для трансформационных процессов в странах ЦВЕ и СНГ, которым, с нашей точки зрения, пришлось иметь дело с таким феноменом как «историческое невезение». Переход к свободе, демократии и рынку бывших социалистических стран начался на пике популярности, если не сказать обожаения, идеологии радикального либерализма, то есть ничем не регулируемого рыночного хозяйства. А в условиях почти безоговорочного принятия превалирующих в данный момент западных теоретических конструктов это обстоятельство превратилось, как ни парадоксально, в мощный фактор, препятствующий приближению стран к стандартам благополучия государств-основателей Европейского Союза.

Разумеется, в таких условиях не могло быть и речи о востребованности концепции СРХ элитами постсоциалистических стран, тем более что международные институты, опекавшие их транзит к рынку (МВФ и МБРР), сами были носителями идей рыночного фундаментализма. Разве не разумно предположить, что, если бы переход к рынку состоялся здесь в середине 60-х гг. (косыгинские реформы и пражская весна), содержание системной трансформации оказалось бы принципиально иным? Во всяком случае, ее социальная цена была бы явно ниже хотя бы потому, что «дух времени» тогда благоволил и справедливости и свободе, что,

собственно, и составляет суть СРХ. Отказ от концепции социального рыночного хозяйства не мог не сказаться на выборе импортируемых институтов, призванных обеспечить наиболее эффективный вариант трансформации плановой экономики в рыночную. В результате трансплантация, так сказать, «рыночных» институтов при игнорировании «социальных» обернулась институциональной ловушкой.

Самым серьезным, на наш взгляд, просчетом отечественных реформаторов послужило принятие тезиса о вреде институтов социального выравнивания, призванных смягчать тяготы объективно болезненного перехода от директивно-плановой экономики к рыночной. Если концепция СРХ предполагала обязательность введения прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов с начала системных преобразований, то в России решили отказаться от такого института, следуя неолиберальному принципу права на неравенство, получившему популярность в ходе реформ М. Тэтчер. В результате, как известно, доходное и имущественное неравенство в стране не только было восстановлено, но и в разы увеличилось. Накануне распада Советского Союза средний доход 10 процентов самых состоятельных его граждан в 3 раза превышал средний доход 10 процентов самого бедного населения страны, а сегодня этот показатель вырос до 15 раз. В странах же, преданных принципам СРХ (Западная и Северная Европа), которые принято считать образцовыми с точки зрения устройства человеческого общежития, разрыв между доходами богатых и бедных составляет 6–7 раз [17, с. 96]. Следовательно, пренебрежение институтом социального выравнивания привело к тому, что избыточное равенство доходов в СССР сменилось их избыточным неравенством в постсоветской России со всеми отмеченными выше негативными последствиями.

Это всего лишь один из примеров неудачного внедрения «прогрессивного» института в реформируемую экономику, которая вместо ожидаемого устойчивого развития приобретает прямо противоположную, отрицательную динамику. То же в России произошло и с институтом конкуренции. Как предполагали реформаторы, он заработает сам по себе после отмены директивного ценообразования,

государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность и введения частной собственности на средства производства. На самом деле быстро стало ясно, что без создания мощной конкурентной институциональной среды неизбежна картелизация реформируемой экономики, обесценивающая и дискредитирующая в глазах общественности в принципе незаменимые рыночные механизмы саморегулирования. Особого упоминания в ряду случаев дискредитации механизмов «свободного рынка» заслуживают неустанные попытки правительства распространить принципы самокупаемости и самофинансирования на так называемый гуманитарный сектор экономики, куда относятся образование, здравоохранение, наука и культура. Игнорирование мериторной сущности производимых здесь благ ведет к их хроническому недофинансированию со стороны государства, что в свою очередь блокирует развитие человеческого потенциала страны и тем самым замедляет процесс ее реальной модернизации.

Заключение

Представленная работа посвящена теоретическим аспектам проблемы импорта институтов и их практическому проявлению на примере рыночных реформ в России в 1990-е гг. Результаты проведенных исследований показывают, что из российской практики заимствования западных институтов было бы полезно извлечь следующие уроки. Каким бы перспективным ни казался тот или иной импортируемый институт и откуда бы он ни исходил, его трансфер принесет скорее вред, чем пользу, если в стране не создана соответствующая институциональная среда, состоящая из формальных и неформальных отечественных правил. Кроме того, следует исключить какие-либо идеологические предпочтения при выборе импортируемого института. Не должны учитываться различия между ортодоксальным и, так сказать, социальным либерализмом как синонимом концепции СРХ, тем более что, по существу, ортодоксальный либерализм — просто первая

часть данной концепции. Иначе говоря, социальный либерализм — это не что иное как продолжение ортодоксального либерализма, когда институты свободы сливаются с институтами справедливости. Получив прилагательное «социальный», либерализм становится не только законченной доктриной, но и — что в данном случае особенно важно — прагматической концепцией, предлагающей государству различные (порой диаметрально противоположные) варианты экономической политики. При таких условиях исчезает почва для упрощенных представлений о реальности и утрачивают смысл некоторые дилеммы: все приватизировать или все национализировать; все зарегулировать или подвергнуть дерегулированию; свобода или безопасность; эффективность или справедливость. Единственный безальтернативный императив здесь — это поиски оптимального баланса, что также входит в зону ответственности государства, призванного удовлетворять потребности общества.

Теоретические изыскания в области экономики и на Западе, и на Востоке в последнее время признают наличие особого общественного интереса, который не сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике и в формировании ее институциональной среды [21, с. 55]. Оно уже не просто вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый несводимый общественный интерес. Иначе говоря, возникает реальная потребность в более широком взгляде на формирование рыночного равновесия, предполагающем включение в число самостоятельных рыночных субъектов государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Только такой подход обеспечивает оптимизацию институциональной среды современного общества в целом и критерии отбора импортируемых институтов в частности.

Литература

1. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизм распределения ресурсов // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 53–68.
2. Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 416.

3. Alchian A.A. *Economic Forces at Work*. Indianapolis: Liberty Press, 1977. Pp. 15–35.
4. Bromley D.W. *Economic Interests and Institutions. The Conceptual Foundations of Public Policy*. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 274.
5. Рождественская И.А., Тамбовцев В.Л. Импорт институтов и диффузия идей // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 468–479.
6. Капогузов Е.А., Левин С.Н., Саблин К.С. Что понимается под импортом институтов // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 480–487.
7. Zharikov M. The Import of Institutions to the BRICS Countries. *BRICS Law Journal*, 2020, no. 7 (1), pp. 27–58.
8. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
9. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: ЦЭМИ РАН, 2004. 240 с.
10. Eaton J. Foreign Public Capital Flow. In: H. Chenery, Srinivasan T.N. (eds.). *Handbook of Development Economics*. 1989, v. II, Elsevier Science Publishers B.V., pp. 1306–1386.
11. Milgrom P., North D., Weingast B. The Role of Institutions in the Revival of Trade: The Law Merchant, Private Judges, and the Champagne Fairs. *Economics and Politics*, 1990, no. 1, pp. 1–23.
12. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики. От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993. 440 с.
13. North D., Thomas R. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 171 p.
14. Furuboth E.G., Pejovich S. *The Economics of Property rights*. Cambridge, 1974. 276 p.
15. Полищук Л.И. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.
17. Воейков М, Анисимова Г. Социальный контекст экономического неравенства в России // Общество и экономика. 2017. № 10. С. 95–117.
18. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и Статьи. М.: Наука, 1996. 582 с.
19. Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические итоги 90-х годов и их последствия для России. М.: Экономика, 2016. С. 177–179.
20. Mueller-Armack A. *Vorschläge zur Verwirklichung der Sozialen marktwirtschaft*, 1948. 456 p.
21. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство. Экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2016. С. 55–60.

Сведения об авторах

Руслан Семенович Гринберг – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, научный руководитель, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Олег Олегович Комолов – кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36), доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр., д. 49), старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Grinberg R.S., Komolov O.O.

Import of Institutions: Theoretical Aspect and Practical Experience

Abstract. The article is devoted to the problem of import of institutions, which is manifested in the form of society's borrowing of traditions, customs, and norms of behavior that developed in a different institutional environment. Such import is quite often accompanied by atrophy, regeneration of institutions and dysfunction of institutional macrostructure. Emerging so-called institutional traps cause serious risks for development of recipient countries. A historical example of the implementation of such risks was an attempt to transplant institutions of orthodox or radical liberalism in post-Soviet countries which expected modernization of their economies but received a diametrically opposite result – the primitivization of structures. An alternative to this course of events could be the usage of social market economy institutions (SME). Since the essence of the SME concept is a combination of market self-regulation mechanisms with a systematic state interventionism, it was possible to carry out a systemic transformation with, first, lower social costs and, second, without total deindustrialization. There is an existing need for a broader perspective on the formation of market equilibrium, which implies the inclusion in a number of independent market entities of the state that seeks to maximize its own function of social utility. It is the only approach that ensures the optimization of modern society's institutional environment in general and criteria for selecting imported institutions in particular. The novelty of the work is the justification of considering the interdependence of an exporting country's institutions, while choosing the most efficient one, and the need to assess consequences of its implementation in a recipient state's institutional environment. The authors conclude that the import of corresponding institutions should be accompanied by a synthesis of "social" and "market". It could be achieved only with the harmony of complementarity of both these aspects, not with the construction of a hierarchy between them.

Key words: transplantation of institutions, institutional traps, market of institutions, social market economy, neoliberalism.

Information about the Authors

Ruslan S. Grinberg – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Scientific Supervisor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Oleg O. Komolov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Pr., GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Статья поступила 20.04.2020.

Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока

**Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: Leonov@ecrin.ru
ORCID: 0000-0001-6936-5436; Researcher ID: V-3471-2019

Аннотация. Удачный опыт Франции в реализации концепции «полюсов роста» Ф. Перру привел к широкому использованию в мировой практике идей поляризованного развития при разработке пространственных стратегий. На российском Дальнем Востоке накоплен значительный и достаточно противоречивый опыт создания локальных точек роста. Цель исследования состоит в анализе дальневосточного опыта формирования локальных зон с преференциальными режимами хозяйствования, выявлении проблем их реализации и оценке влияния особых режимов локальных зон на экономику макрорегиона. Анализ результативности функционирования локальных зон базировался на оценке степени достижения целевых ориентиров для создания локальных «точек роста». Оценка влияния локальных зон на экономику ДВ выполнялась на основе сравнительного анализа демографии предприятий, изменения структуры доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов и качества региональных финансов за 2013–2019 гг. Реализация названных подходов показала, что бизнес-климат дальневосточных локальных зон имеет позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся; при отсутствии четкой позиции государства в формировании пропульсивных отраслей в большинстве локальных зон якорные проекты не имеют пропульсивного характера, а значительное число малых и средних предприятий слабо связано с предприятиями-лидерами зон; объективно формирующаяся в условиях санкционной войны нацеленность специализации дальневосточных локальных зон на внутренний спрос и импортозамещение может выступить тормозом их экспортной специализации; преференциальный климат локальных зон не оказывает явного положительного

Для цитирования: Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 28–45. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.3

For citation: Leonov S.N. Preferential regimes of established local growth points and its impact on the economy of the Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 28–45. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.3

воздействия на бизнес-климат дальневосточных субъектов Федерации, а рост числа резидентов в локальных зонах с льготными условиями хозяйствования диссонирует с демографией предприятий ДВ. Выявлено ухудшение качества региональных финансов и снижение налогооблагаемой массы прибыли, что означает сжатие числа прибыльных предприятий на ДВ в результате ухудшения экономической ситуации и введения льготного налогового режима в локальных зонах региона.

Ключевые слова: территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, Дальний Восток, эффективность развития.

Введение

Экономическое развитие любого макрорегиона всегда сопровождается значительной региональной поляризацией, которая выступает результатом территориального разделения труда и является устойчивой во времени и пространстве формой дифференциации производительных сил [1].

Теоретическое обоснование неизбежности региональной поляризации дал в середине XX века французский исследователь Ф. Перру, отошедший в своих построениях от принципа гомогенности (равномерности) территориального развития [2, с. 123–138]. В концепции «полюсов роста» он рассматривал экономическое пространство абстрактно, как определенное силовое поле разной напряженности, в котором действуют центростремительные силы, направленные к некоторым центрам (полюсам), и исходящие из последних центробежные силы [3]. Подобный подход трактует «полюса роста» как точки концентрации экономической, инвестиционной и инновационной активности, формирующиеся вокруг «пропульсивных» отраслей и способные генерировать экономический рост в масштабах обширных территорий [4; 5], поскольку создаваемые новые производства имеют больше шансов обеспечить агломерационную экономию, выгоды от использования общей инфраструктуры и расширения рынков сбыта экспортной направленности [6]. При этом важное значение приобретает формирование перечня и условий создания пропульсивных отраслей в проблемном регионе.

Наиболее интересные результаты при реализации концепции «полюсов роста» получены во Франции, где в настоящее время выделяется 69 полюсов роста, сформированных с учетом национальных, региональных и местных интересов в процессе определения их специализации [7; 8].

Удачный опыт Франции привел к тому, что теоретические положения концепции полюсов роста в настоящее время широко используются в мировой практике при разработке стратегий пространственного развития. При этом часто игнорируются неудачные примеры реализации данной идеи, хотя очевидно, что концентрация производительных сил в конкретной точке пространства может способствовать оттоку трудовых и материальных ресурсов в полюс роста, обнажая недостаток ресурсов и предпринимательской активности в периферийных районах. Более того, как отмечали М. Аглиетта и Р. Буайе, «было бы ошибкой пытаться импортировать иностранные модели, даже если они кажутся эффективными: речь идет о создании оригинальных форм экономической организации, которые бы были приспособлены к французскому (национальному – отмечено нами, С.Л.) социально-экономическому контексту» (цит. по [9, с. 92–93]).

В свете отмеченных положений цель данного исследования состоит в анализе накопленного на российском Дальнем Востоке (ДВ) опыта формирования локальных зон с особыми условиями хозяйствования, выявлении проблем их реализации, а также оценке влияния особых правовых режимов стимулирования предпринимательства в локальных зонах на экономику Дальнего Востока.

Использование методов оценки результативности функционирования локальных зон и их влияния на состояние региональной экономики осложняется в настоящее время нерешенностью теоретических проблем оценки результативности инструментов региональной политики [10; 11]. Оценка результативности применения инструментов государственной региональной политики выполняется только на этапе обоснования необходимости использовать конкретные

инструменты, мониторинг реализации проектов и программ ведется по показателям выделения и освоения инвестиционных ресурсов. Однако этого недостаточно.

В теории и практике региональной экономики выделяется как минимум четыре различных подхода к оценке результативности инструментов региональной политики: соизмерение издержек и выгод; сравнение действительных результатов применения инструментов региональной политики с возможными результатами развития без их применения; оценка отдельных индикаторов, выделяемых авторами для анализа; оценка степени достижения целей. Каждый подход имеет свои сильные и слабые стороны [12; 13; 14], но ни один из них не разработан полностью, а потому не является общепризнанным.

В настоящей работе использованы два методических подхода:

- при оценке результативности функционирования локальных зон внимание сфокусировано на оценке степени достижения ориентиров, прямо или косвенно декларируемых в качестве целей при создании конкретных локальных зон («точек роста») на Дальнем Востоке России;

- при оценке влияния локальных зон на экономику ДВ выполнялся сравнительный анализ демографии организаций дальневосточных субъектов РФ и локальных зон, учитывалось изменение структуры доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов и качества региональных финансов на протяжении анализируемого периода (2013–2019 гг.).

Дальний Восток как пример реализации концепции полюсов роста. На протяжении всей истории хозяйственного освоения регион вы-

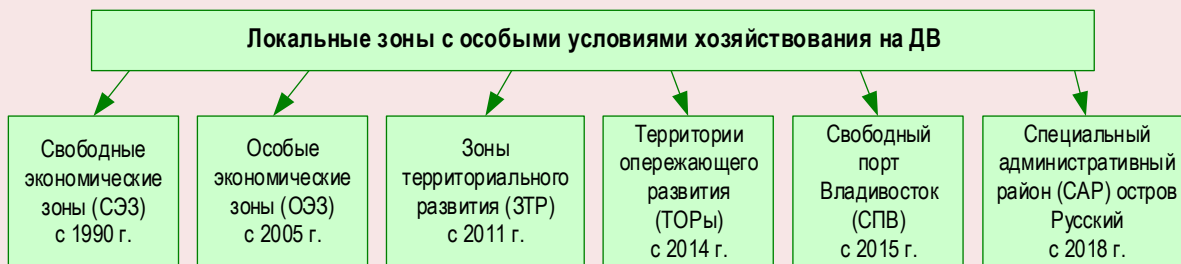
ступал своеобразной экономической лабораторией, где еще с советских времен предпринимались попытки создать свободные экономические зоны в качестве полюсов роста с особыми условиями хозяйствования. В современной России данный опыт был дополнен небесспорными попытками создания ряда локальных зон с особыми условиями хозяйствования [15, с. 24–36]:

- свободные экономические зоны (СЭЗ) с 1990 г.;
- особые экономические зоны (ОЭЗ) с 2005 г.;
- зоны территориального развития (ЗТР) с 2011 г.;
- территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы) с 2014 г.;
- свободный порт Владивосток (СПВ) с 2015 г.;
- специальный административный район (САР) остров Русский с 2018 г. (рис. 1).

Отметим, что попытки имплантации концепции полюсов роста на дальневосточную почву в виде свободных и особых экономических зон, как и зон территориального развития, оказались неудачными в силу ряда причин:

- территориальные масштабы СЭЗ советского времени были огромными, статус СЭЗ зачастую присваивался целым субъектам Федерации (СЭЗ «Ева» охватывала целиком территорию Еврейской автономной области, а СЭЗ «Сахалин» – всю Сахалинскую область), что не укладывалось в размерные требования модели полюса роста Перру и явилось одной из причин того, что государство не смогло обеспечить необходимые огромные инвестиционные вложения, требовавшиеся для инфраструктурной подготовки территорий [16];

Рис. 1. Типы зон с особыми условиями хозяйствования, реализовывавшиеся или реализуемые на ДВ

- при создании СЭЗ в советской России не учитывалась доказанная зарубежным опытом необходимость обеспечивать эффективное нормативно-законодательное сопровождение процесса формирования зон. Слабо проработанная нормативно-правовая база советских СЭЗ в части создания реально благоприятных налоговых, таможенных и валютных преференций резидентам СЭЗ проигрывала в сравнении с условиями, существовавшими в сопредельных странах [17];

- при создании СЭЗ российское правительство концентрировалось на реализации фискальной функции, стремилось к скорейшему пополнению доходной части бюджета, что противоречило интересам потенциальных инвесторов и не способствовало росту инвестиционной активности резидентов зон [18, с. 292–295];

- попытка реанимации идеи полюсов роста под видом особых экономических зон, предпринятая в 2009–2014 гг., была сорвана затянувшимся поиском инвесторов в формально созданные на ДВ ОЭЗ, осложнилась развернувшимся кризисом на фоне более значимых льгот, предложенных инвесторам в территориях опережающего развития, что в совокупности привело к ликвидации в 2016 году всех так и не начавших реально функционировать дальневосточных ОЭЗ [19];

- меры господдержки в зонах территориального развития (2011 г.) оказались значительно слабее, чем в особых экономических зонах или ТОРах, и не были зафиксированы в соответствующих подзаконных актах, поэтому, несмотря на подготовительные работы в Амурской области и Камчатском крае, ни одной ЗТР на ДВ не было сформировано [20].

Реально в настоящее время на ДВ реализуются три типа локальных зон, формально соответствующих идеологии полюсов роста – территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы), Свободный порт Владивосток (СПВ) и специальный административный район остров Русский (САР Русский).

Проблемы формирования и перспективы развития различаются для каждого из типов дальневосточных локальных зон. Наиболее проблематична на данный момент судьба САР Русский.

Специальный административный район (САР) на острове Русский – самый молодой инструмент точечного воздействия на территориальное развитие из применяемых на Дальнем Востоке. Информация о нем скупа и противоречива. Специальный район был создан в 2018 году¹, одновременно с САР на острове Октябрьский в Калининграде. По сути это две офшорные зоны РФ, образованные для спасения попавших под санкции США российских компаний [21]. Управляющей компанией САР определено АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (КРДВ), которое оказывает содействие претендентам в поиске места регистрации в САР и поддержку в дальнейшей их работе в России.

На начало 2020 года в САР Русский в Приморье зарегистрировано всего два резидента (для сравнения, в Калининградской области в САР Октябрьский их было 12)². Первой зарегистрировалась в российском «офшоре» во Владивостоке компания «Финвижн Холдингс», ранее находившаяся под кипрской юрисдикцией. Компания является основным акционером банка «Восточный», одного из опорных банков в Дальневосточном федеральном округе. Компания «Доналинк», сферой деятельности которой выступает угольный и энергетический бизнес, стала вторым резидентом САР Русский.

По словам генерального директора АО «КРДВ», инвесторы обеих компаний предпочли регистрацию в Приморье в связи с тем, что основные их активы сосредоточены на Дальнем Востоке³. Тем не менее создание и функционирование САР Русский носит в значительной мере политический характер. Не случайно Минэкономразвития предлагает не раскрывать имена владельцев компаний из специальных административных районов в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ)

¹ См. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».

² Еще одну компанию зарегистрировали в офшоре на Русском острове. URL: <https://www.news.vl.ru/vlad/2019/03/15/178977/#ixzz6JLYLdpCZ>

³ В специальном административном районе на о. Русский международные компании получают дополнительные льготы. URL: <https://erd.ru/news/v-spetsialnom-administrativnom-rayone-na-o-russkiy-mezhdunarodnye-kompanii-poluchat-dopolnitelnye-lg/>

для защиты от санкций⁴. Соответствующий законопроект размещен на федеральном портале проектов нормативных правовых актов⁵. И хотя, по имеющейся информации, КРДВ ведет переговоры с тремя новыми компаниями по поводу редомициляции, сотрудники КРДВ отмечают: «Невозможно не заметить определенную осторожность к САР со стороны бизнеса»⁶.

Учитывая вышеизложенное, говорить о позитивном опыте реализации проекта САР Русский, а тем более о значимости влияния этой локальной зоны на экономику Дальнего Востока, затруднительно. Можно лишь сослаться на мнение полномочного представителя президента на Дальнем Востоке Юрия Трутнева о том, что режим специального административ-

ного района, внедренный на острове Русский, не принес региону никаких преимуществ⁷.

Преференциальные режимы дальневосточных локальных зон

В отличие от САР Русский, проекты ТОРов и СПВ постоянно на слуху, о них говорят в СМИ. Но прежде чем рассматривать особенности развития ТОРов и СПВ, следует понять, в чем схожесть и различие льготных (преференциальных) режимов функционирования резидентов этих локальных территориальных образований (*табл. 1*).

Режим СПВ возник чуть позже ТОР, но главное отличие режимов зон, которое отмечают члены Ассоциации резидентов ТОР и СПВ, состоит в возможности для резидентов

Таблица 1. Особенности режимов ТОР и СПВ

	ТОР (2014)	СПВ (2015)
Срок	70 лет с возможностью продления	70 лет с возможностью продления
Инфраструктура	Предоставляет Управляющая компания (УК)	Подключение самостоятельно
Земля	Предоставляет УК	Получает в муниципалитете без аукциона
Место реализации	Определено кадастровыми кварталами для каждой ТОР индивидуально	Ограничено границами муниципальных образований
Налоговые льготы резидентам	- Социальные отчисления 7,6% первые 10 лет - налог на добычу полезных ископаемых 0% первые 2 года, с постепенным повышением понижающего коэффициента до 100% за 10 лет - налог на прибыль 0% в первые 5 лет, 12% – следующие 5 лет (2% в федеральный и 10% – в региональный бюджет) - налог на имущество 0% на 5 лет, 0,5% на следующие 5 лет - налог на землю 0% (первые 3–5 лет) ⁸	- Социальные отчисления 7,6% первые 10 лет - 10 дней ускоренное возмещение НДС - 5% налог на прибыль (0% в федеральный бюджет и не более 5% в региональный) - 0% налог на землю 5 лет - 0% налог на имущество первые 5 лет и 0,5% в следующие 5 лет
Необходимые инвестиции	500 тыс. рублей	5 млн рублей в течение трех лет
Особые обязательства резидента	Несет ответственность за неиспользование запрошенной инфраструктуры	Отсутствуют
Составлено по: О свободном порте Владивосток: закон Российской Федерации от 13.07.2015 № 212-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ ; О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 02.04.2020).		

⁴ Минэкономразвития предлагает не раскрывать владельцев компаний-резидентов ТОР и офшора на Русском для защиты от санкций. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/10/11/184551/#ixzz6JLZhVExy>

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части осуществления учета прав на доли и ведения списка участников общества регистратором). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95528>

⁶ Минэкономразвития повысит привлекательность российских офшоров. URL: <https://primamedia.ru/news/896923/>

⁷ «Офшорная зона» на Русском острове ничего не принесла региону. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/01/14/177130/#ixzz6JLaWhyNJ>

⁸ Точный срок устанавливается представительным органом муниципального образования.

СПВ получить земельные участки под свои проекты без обременительных и затратных процедур. По результатам опроса, проведенного среди резидентов СПВ в 2019 году, 86% респондентов заявили, что преференция при получении земли имеет ключевое значение для реализации их инвестиционных проектов. Если бы подобная льгота отсутствовала, более 40% опрошенных отказались бы от реализации проектов из-за длительного оформления земельных участков, а еще свыше трети – из-за высокой стоимости земельных участков, формирующейся на торгах⁹.

Динамика числа резидентов зон

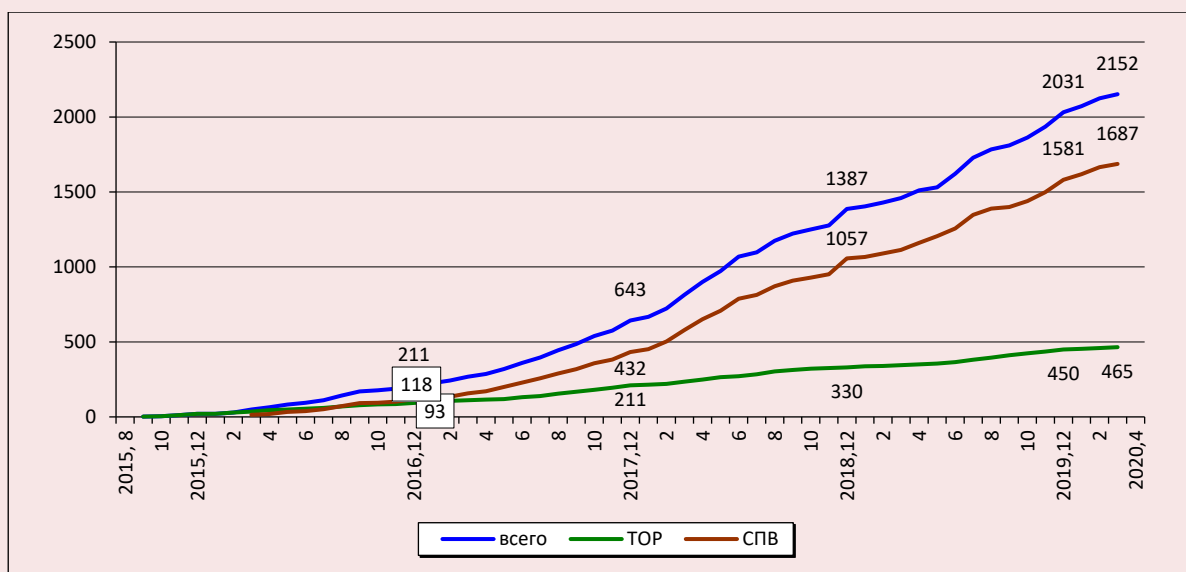
Проект ТОРов реализуется на ДВ с декабря 2014 года и имеет среди локальных преференциальных режимов Дальнего Востока наиболее продвинутое в экономическом, нормативном и организационном плане историю. К настоящему времени опыт дальневосточных ТОРов тиражируется в 154 российских муниципалите-

тах [22], где созданы территории опережающего социально-экономического развития, позиционируемые как потенциальные полюса роста.

На начало апреля 2020 года на ДВ насчитывалось 465 действующих резидентов в 20 ТОРах (рис. 2).

Идея создания СПВ возникла как развитие идеи ТОРов и обрела законодательные черты в очень сжатые сроки, что можно объяснить стремлением ознакомить с данным проектом потенциальных инвесторов на Восточном экономическом форуме 2015 года (г. Владивосток). Для реализации этой идеи 4 декабря 2014 года в послании Федеральному Собранию В.В. Путин предложил наделить Владивосток статусом свободного порта. В марте 2015 года проект федерального закона был подготовлен, в июне – принят, в октябре 2015 года ФЗ-212 «О свободном порте Владивосток»¹⁰ вступил в силу. Первые резиденты в СПВ были зарегистрированы в марте 2016 года.

Рис. 2. Помесячная динамика числа резидентов ТОРов и СПВ, 2015–2020 гг., ед.

Составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf>; Реестр резидентов Свободного порта Владивосток. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

⁹ Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://primamedia.ru/news/927383/>

¹⁰ См. Закон Российской Федерации «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 № 212-ФЗ Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения 02.04.2020).

На 1 апреля 2020 года проект СПВ насчитывал 1687 резидентов (см. рис. 2).

Как видно из представленных данных, начав формироваться позже ТОРов, СПВ уже в августе 2016 обогнал их по числу резидентов. Хотя количественный анализ практических результатов реализации проектов СПВ и ТОР в регионе затруднен ввиду относительно небольшого срока существования особых правовых режимов и отсутствия достаточной эмпирической информации о результатах деятельности резидентов зон, рассмотрим особенности создания и функционирования ТОРов и СПВ на ДВ.

Особенности создания и функционирования ТОРов на ДВ. Три первые территории опережа-

ющего развития были созданы на ДВ в июне 2015 года (Хабаровская и Комсомольская в Хабаровском крае, Надеждинская – в Приморском крае)¹¹. В период с августа 2015 до августа 2018 года сформировались еще 15 ТОРов в 8 дальневосточных субъектах Федерации. В 2019 году были созданы две территории опережающего развития во вновь присоединенных к Дальневосточному федеральному округу регионах – «Бурятия» и «Забайкалье».

На 1 апреля 2020 года на Дальнем Востоке функционировало 20 ТОРов, общее число действующих резидентов составило 465 при общей смертности предприятий 9,5% за 2015–2020 гг. (табл. 2).

Таблица 2. Структура дальневосточных ТОРов (по состоянию на 01.04.2020 г.)

Регион	Наименование ТОР	Дата создания (мм.гг)	Специализация	Число приоритетных видов деятельности*	Число зарегистрированных резидентов с момента образования	Число расторгнутых соглашений с момента образования	Число действующих резидентов
Приморский край	Надеждинская	06.15	Промышленно-логистическая, пищевая, сельское хозяйство	53	80	12	68
	Михайловская	08.15	Сельское хозяйство	53	19	1	18
	Большой Камень	01.16	Судостроение, туризм	51	25	4	21
	Нефтехимическая	03.17	Нефтепереработка	33	2	-	2
Хабаровский край	Комсомольск	06.15	Промышленная, производство комплектующих для авиастроения	53	37	7	30
	Хабаровск	06.15	Промышленно-логистическая, сельское хозяйство, металлургическое производство	53	52	11	41
	Николаевск	04.17	Судоремонт, переработка водных биоресурсов, добыча полезных ископаемых	7	7	-	7
Еврейская автономная область	Амуро-Хинганская	08.16	Горнодобывающая промышленность, туризм, легкая и пищевая промышленность	13	6	1	5
Амурская область	Белогорск	08.15	Сельское хозяйство, производство пищевых продуктов	53	10	1	9
	Приамурская	08.15	Промышленно-логистическая	55	10	1	9
	Свободный	06.17	Газоперерабатывающий завод, нефтехимическая промышленность	20	8	-	8

¹¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 02.04.2020).

Окончание таблицы 2

Регион	Наименование ТОР	Дата создания (мм.гг)	Специализация	Число приоритетных видов деятельности*	Число зарегистрированных резидентов с момента образования	Число расторгнутых соглашений с момента образования	Число действующих резидентов
Сахалинская область	Горный воздух	03.16	Туризм	16	27	-	27
	Южная	03.16	Сельское хозяйство, производство продуктов питания, туризм	23	10	1	9
	Курилы	08.17	Рыбная промышленность, марикультура, туризм	6	4	-	4
Камчатский край	Камчатка	08.15	Туристическая, промышленно-логистическая, сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство	50	104	5	99
Республика Саха (Якутия)	Кангалассы (индустриальный парк)	08.15	Промышленная (производство химических, пластмассовых и резиновых изделий), растениеводство и животноводство	51	26	4	22
	Южная Якутия	12.16	Горнодобывающая промышленность, добыча и переработка коксующихся углей	33	18	-	18
Чукотский автономный округ	Чукотка	08.15	Горнодобывающая промышленность, рыболовство	47	55	1	54
Республика Бурятия	Бурятия	06.19	Растениеводство, животноводство, строительство инженерных сооружений	6	2	-	2
Забайкальский край	Забайкалье	07.19	Растениеводство, животноводство, лесоводство и лесозаготовки, добыча угля и металлических руд, производство пищевых продуктов, кокса, нефте- и химпродуктов, строительство, деятельность водного, воздушного и космического транспорта	24	12	-	12
Итого	20			700	514	49	465

* Виды экономической деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим предпринимательской деятельности, на территории опережающего социально-экономического развития.
Составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

Как видно из таблицы, первые из созданных ТОРов можно охарактеризовать как «комплексные», поскольку общее число видов деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности, в этих зонах составляло 50–53. С 2016 года федеральное правительство изменило политику создания ТОРов, фокусируясь на «узкопрофильных» зонах, где число разрешенных видов деятельности колеблется от 5 до 24.

Активность инвесторов сильно различается по зонам. На начало апреля 2020 года ТОР «Камчатка» являлась крупнейшей среди всех зон по числу действующих резидентов (99), за ней следуют «Надеждинская» (68), «Чукотка» (54), «Хабаровск» (41) и «Комсомольск» (30). Среди ТОРов с наименьшим числом резидентов на 01.04.2020 – «Нефтехимическая» (2) и «Курилы» (4). Из вновь созданных выделяется ТОР «Бурятия», имеющая лишь двух резидентов на анализируемую дату.

Можно предположить, что выявленное значительное расхождение между ТОРами по числу резидентов объясняется рядом факторов [23]. Лидирующие по числу резидентов ТОРы были открыты в 2015 году и, как следствие, имеют более продолжительную историю, чем созданные позднее. «Комплексные ТОРы» объективно открыты для большего числа предпринимателей и более привлекательны. Не случайно 5 крупнейших ТОР являются «комплексными». С другой стороны, можно высказать гипотезу, что на величину крупных ТОРов («Надеждинская», «Хабаровск» и «Комсомольск») положительно влияет близость к крупным городам (ТОР «Надеждинская» расположена в пригороде Владивостока). Правда, с этим предположением спорит лидирующая по числу резидентов среди всех территорий опережающего развития на Дальнем Востоке ТОР «Камчатка».

Специализация ТОРов

Основные направления специализации и количество видов экономической деятельности, которое разрешено к ведению в каждой из ТОР, показаны в табл. 2. Поскольку один резидент может осуществлять несколько видов экономической деятельности, совокупное число зарегистрированных видов экономической

деятельности (700) в 1,5 раза превышает число действующих на 01.04.2020 резидентов (465).

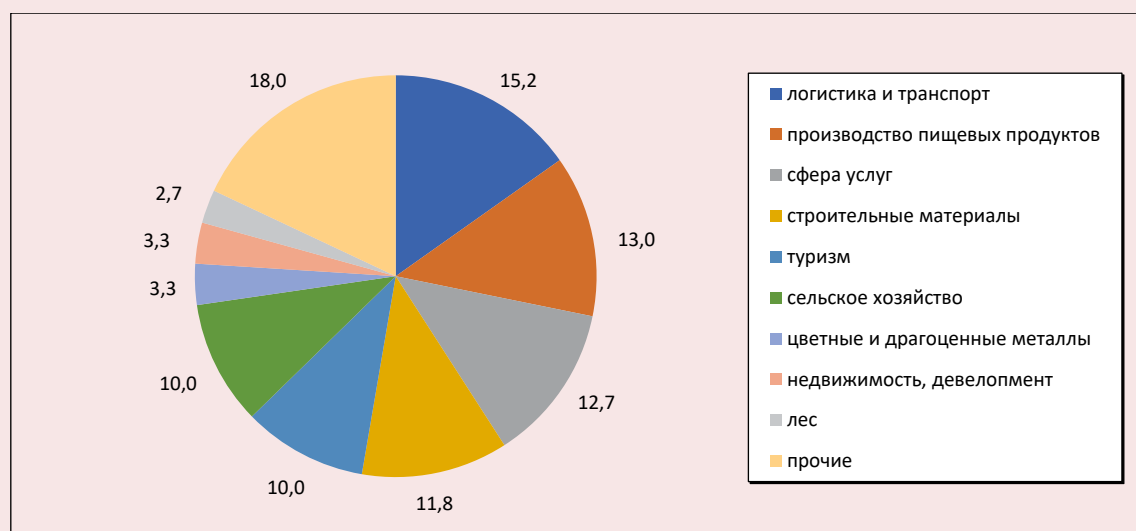
На базе реестров, которые ведет Корпорация развития Дальнего Востока и в которых содержатся данные о хозяйственной деятельности резидентов, оценим отраслевую структуру резидентов дальневосточных ТОРов (рис. 3).

Как видно из рисунка, в отраслевой структуре территорий опережающего развития свыше половины составляют предприятия четырех групп отраслей: логистики и транспорта (15,2%), производства пищевых продуктов (13%), сферы услуг (12,7%) и строительных материалов (11,8%).

Газо-, нефтехимические и судостроительные предприятия формируют лишь 0,6; 0,6 и 1,2% от числа предприятий, однако по заявленным объемам инвестиций (949; 784 и 200 млрд рублей соответственно) именно они сформируют 83% инвестиционного портфеля ТОРов Дальнего Востока к 2029 г.

На практике у резидентов ТОРов относительно невысокая смертность – 9,5%, а учитывая, что 75% предприятий в дальневосточных ТОРах относятся к категории малых и средних, это можно рассматривать как показатель в целом благоприятного микроклимата для резидентов.

Рис. 3. Отраслевая структура резидентов ТОРов, по данным на 01.01.2019, % от общего числа

Рассчитано по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf>

Правда, вопрос об эффективности влияния преференциальных режимов ТОРов на регионы-реципиенты требует самостоятельного рассмотрения. В настоящее время льготы в основном касаются налогов и ряда материальных выгод для бизнеса на значительном числе площадок в ТОРах (см. табл.1), что часто ведет не к конкуренции резидентов за возможность оказаться на той или иной площадке, а к борьбе преференциальных режимов за резидентов. Не случайно замминистра экономического развития отмечал на V Восточном экономическом форуме в 2019 году, что «льготы в ТОРах становятся еще более обширными, регионы предлагают условия, которые не всегда положительным образом влияют на экономику самого региона»¹².

В силу своей важности вопрос об оценке влияния преференциальных режимов локальных зон на экономику Дальнего Востока требует более подробного рассмотрения. После анализа особенностей создания и функционирования СПВ, как еще одного типа локальных зон на ДВ, вернемся к вопросу об оценке

влияния режимов локальных зон на экономику макрорегиона.

Особенности создания и функционирования СПВ на ДВ

Первые резиденты в свободном порту Владивосток были зарегистрированы в марте 2016 года. В настоящее время проект реализуется в 22 муниципальных образованиях пяти дальневосточных субъектов РФ (табл. 3). Общая численность резидентов СПВ растет достаточно динамично. На начало 2019 года СПВ насчитывал 1057 резидентов, а к апрелю 2020 года их число выросло до 1687. Общая смертность предприятий в СПВ ниже, чем в ТОРах, за период реализации проекта она составила 4,1%.

Как видно из данных, представленных в таблице, территориальное ядро СПВ составляют резиденты Приморского края. Именно здесь размещено 85% всего числа резидентов и ожидается вложение 82% из заявленных 582 млрд рублей инвестиций, которые прогнозируется вложить в СПВ к 2029 году. На Приморье придется и 92% из 60 тыс. новых рабочих мест, которые планируется создать в СПВ.

Таблица 3. Территориальная структура резидентов СПВ

Субъект Федерации	Территориальное размещение резидентов СПВ	Число резидентов, ед.	Инвестиции, млрд руб.		Рабочие места, шт.	
		На 01.01.2019	План (2029)	Факт (01.01.2019)	План (2029)	Факт (01.01.2019)
Камчатский край	ГО* Петропавловск-Камчатский	116	7	1	1668	135
Чукотский автономный округ	ГО Певек	5	0	0	24	0
Сахалинская область	Углегорский МР**; ГО Корсаковский	26	12	0	1046	155
Хабаровский край	Ванинский МР и Советско-Гаванский МР	15	82	14	2102	156
Приморский край	16 адм. районов: ГО Артем, ГО Владивосток, ГО Большой Камень, ГО Находкинский, ГО Партизанский, ГО Спасск-Дальний, ГО Уссурийский, Надежинский МР, Шкотовский МР, Октябрьский МР, Ольгинский МР, Партизанский МР, Пограничный МР, Хасанский МР, Лазовский МР, Ханкайский МР	895	478	38	55189	6144
Итого		1057	582	54	60029	6590

* ГО – городской округ; ** МР – муниципальный район.
Составлено по: Итоги 2018 г.: доклад / Корпорация развития Дальнего Востока. М., 2019. 153 с.

¹² Опустили, но не поднялись. Замглавы Минэкономразвития прошелся по льготным режимам. URL: <https://konkurent.ru/article/24200>

Сложившаяся в настоящее время высокая концентрация резидентов зоны в городе Владивостоке, насчитывающем более 600 тыс. человек населения, со сформировавшейся застройкой, установленным градостроительным зонированием, при ограниченном количестве свободных земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и одновременном высоком спросе на такие земли привела к тому, что ключевая преференция данного типа локальных зон (получение земли без торгов) становится существенной проблемой при реализации режима СПВ. Возникает конкуренция между резидентами СПВ, претендующими на один и тот же участок. В результате во Владивостокском городском округе по состоянию на начало апреля 2020 года более 70% резидентов СПВ, подавших заявки на земельные участки, землю не получили¹³.

Учитывая высокий спрос на земельные участки на территории СПВ, для решения данного вопроса в Государственную Думу РФ

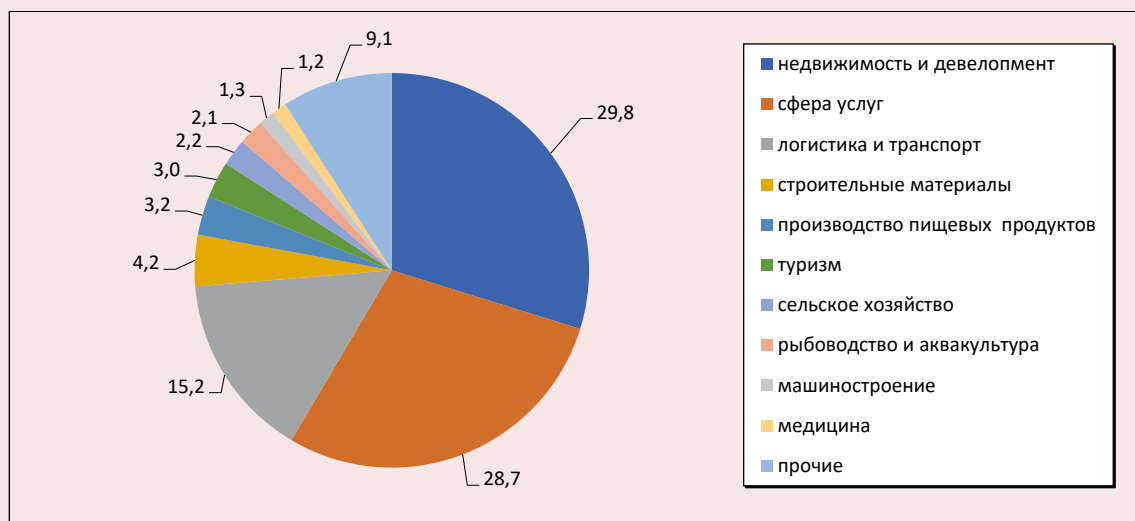
24 марта 2020 г. был внесен проект Федерального закона, в котором проблему конкуренции между резидентами СПВ, претендующими на один и тот же земельный участок, предлагается решать посредством возврата к процедуре аукциона¹⁴.

Оценить последствия принятия подобного закона довольно сложно. Выше отмечалось, что в 2019 году в ходе опроса 86% резидентов СПВ говорили об определяющей значимости преференции при получении земельных участков для решения вопроса о размещении производства в СПВ. В подобных условиях ясно, что принятие Государственной Думой предложенного проекта Федерального закона может резко повлиять как на численность, так и на отраслевую структуру резидентов СПВ.

Специализация СПВ

Формирующаяся в настоящее время отраслевая структура резидентов свободного порта Владивосток, согласно информации, содержащейся в реестре резидентов СПВ, который ведет КРДВ, представлена на *рисунке 4*.

Рис. 4. Отраслевая структура резидентов СПВ, по данным на 01.01.2019, % от общего числа предприятий

Рассчитано по: Реестр резидентов свободного порта Владивосток. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

¹³ Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://primamedia.ru/news/927383/>

¹⁴ См. Проект Федерального закона № 928822-7 «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с изменением порядка предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резидентам свободного порта Владивосток». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/928822-7#bh_note

Несколько неожиданным оказывается тот факт, что в отраслевой структуре резидентов СПВ группа предприятий транспорта и логистики занимает лишь третье место (15,2%) от общего числа предприятий СПВ, значительно уступая самой многочисленной группе предприятий, связанных с недвижимостью и девелопментом (29,8%), а также группе предприятий сферы услуг (28,7%).

Анализ структуры потенциальных инвестиций, заявленных к освоению резидентами зоны, меняет ситуацию с отраслями-лидерами в СПВ. Из 582 млрд руб. потенциальных инвестиций, заявленных к освоению до 2029 года, 42,2% будет инвестировано предприятиями логистики и транспорта, 33,4% придется на недвижимость и девелопмент, 6% составят инвестиции сферы услуг, 3,8% – рыбоводства и аквакультуры, 2,1% – туризма, 1,2–1,4% инвестиций придется на стройматериалы, производство пищевых продуктов и лес. Вклад остальных отраслей в потенциальный инвестиционный портфель СПВ – менее 1% [24].

Интересным фактом является высокий удельный вес малых и средних предприятий (МСП) среди резидентов локальных зон. Так, 92% от числа резидентов СПВ составляют МСП, что на 17 п. п. превышает долю МСП среди резидентов ТОРов. Причем среди МСП, зарегистрированных в свободном порту Владивосток, более 97% приходится на микропредприятия. Столь высокая доля МСП ни плоха, ни хороша сама по себе. Важна соподчиненность малых предприятий и предприятий-лидеров пропульсивных отраслей в части формирования наведенного системного эффекта. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения и здесь лишь постулируется, ввиду отсутствия в настоящее время данных по хозяйственной активности МСП в локальных зонах на Дальнем Востоке.

Резюмируя, отметим, что формирующийся внутри локальных зон, как ТОРов, так и СПВ, бизнес-климат носит в целом позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся (о последнем свидетельствуют попытки пересмотра положений о заявительном принципе наделения землей резидентов СПВ или конкуренция преференциальных режимов ТОРов в борьбе за резидентов).

Оценка воздействия локальных зон на экономику ДВ

Подобный анализ осложняется отсутствием методики комплексной оценки деятельности зон с точки зрения всех заинтересованных сторон. Инфографика Министерства развития ДВ и Арктики, как и отчеты КРДВ, рассматривают данный вопрос только с точки зрения эффективности использования бюджетных средств, но не анализируют ни достижение декларируемых целей создания локальных зон на ДВ, ни влияние названных зон на бизнес-климат региона и качество региональных финансов.

Для оценки влияния льготных режимов локальных зон на экономику ДВ необходимо дать ответ как минимум на три вопроса. Во-первых, соответствуют ли дальневосточные модели формирования ТОРов и СПВ положениям классической модели полюсов роста Ф. Перру и, как следствие, имеют ли формирующиеся в зонах якорные предприятия пропульсивный характер, чтобы сформировать в регионе локальные зоны международного уровня?

Во-вторых, насколько преференциальные условия для резидентов зон стимулируют развитие бизнес-среды в дальневосточных субъектах РФ, и не являются ли они конкурентными для нерезидентов зон?

В-третьих, как создание дальневосточных ТОРов и СПВ повлияло на качество региональных финансов и структуру доходной базы региональных бюджетов?

Ответ на первый вопрос важен, так как, согласно Ф. Перру, именно пропульсивные отрасли определяют характер формирующегося полюса роста¹⁵. Как показывает мировой опыт, в удачных примерах реализации идей теории «полюсов роста» ключевое значение имел правильный выбор пропульсивных отраслей или их сочетаний [6; 7; 9].

¹⁵ В модели формирования «полюса роста» Ф. Перру классифицировал отрасли производства по тенденциям развития на три группы: деградирующие, с тенденцией снижения их доли в структуре экономики региона; с высоким темпом роста, но значительно не влияющие на развитие остальных отраслей территории; пропульсивные отрасли, для которых характерен как значительный рост производства, так и порождение цепной реакции роста промышленных центров, стимулирование индустриального развития региона [2, с. 123–138].

В связи с этим заметим, что транспорт и логистика, занимающие значительный удельный вес среди предприятий-резидентов дальневосточных локальных зон, являются инфраструктурными отраслями, их пропульсивный эффект небольшой и скорее носит наведенный характер, когда, например, на припортовых территориях создаются мощности по доработке продукции и т. п. [25; 26; 27].

Кроме того, анализ специализации создаваемых ТОРов и СПВ показывает, что большинство проектов рассчитано на локальный дальневосточный рынок или организацию импортозамещения. Формирующаяся специализация дальневосточных локальных зон, подкрепляемая утверждениями представителей федеральных органов власти о том, что «Дальнему Востоку нужны все инвесторы подряд»¹⁶, порождает сомнение, что Правительству России удастся реализовать главную идею создания локальных зон в регионе – сформировать на ДВ промышленный кластер, который сможет реально интегрироваться в международную промышленную сеть стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

О проблемах в достижении постулируемых целей создания локальных зон говорит и формирующийся механизм управления их деятельностью. Так, в России организация регионального управления территориями опережающего развития базируется на идее функционального подхода, начиная с организации создания инфраструктуры, нацеленности на выпуск готовой продукции в рамках зоны и заканчивая критериями успешности деятельности ТОР (число созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций [24]). При этом практически не учитывается близость дальневосточных ТОРов к динамично развивающимся странам АТР, для которых характерна не функциональная, а организационная структура управления производством, в рамках которой ответственность за выпуск конечного продукта распределяется между несколькими странами (регионами). Например, между Республикой Корея и КНР в последнее

десятилетие значительно выросла доля внутриотраслевой торговли, особенно товарами промышленного назначения и промежуточными продуктами [28]. Это подтверждает преимущества процессного подхода к организации производства, особенно в условиях высокой конкуренции и частой смены бизнес-процессов. Поэтому объективно формирующаяся нацеленность дальневосточных ТОРов, как и резидентов СПВ, на внутренний спрос и импортозамещение может стать тормозом их экспортной специализации.

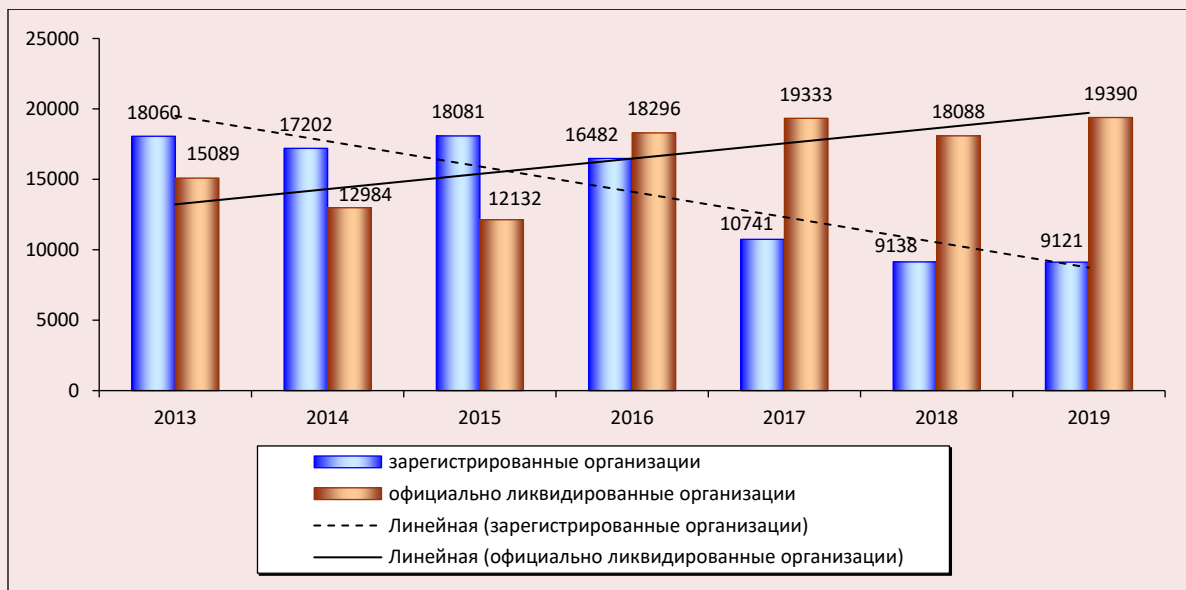
Для дальневосточных ТОРов и СПВ, с высокой вероятностью, это может означать повторение ситуации, зафиксированной экспертами в особых экономических зонах. Так, в ходе проверок Счетной палатой выяснилось, что за период 2013–2018 гг. 80% стоимостного объема вывозимой продукции ОЭЗ предназначалось не на экспорт, а для реализации на внутреннем рынке РФ [29]. При этом оценка наличия аналогичных производств в Российской Федерации показала значительное число предприятий, имеющих схожие по специфике производства, осуществляющих свою деятельность в обычном режиме, без применения льгот, предусмотренных в рамках ОЭЗ. Другими словами, вывоз с территорий ОЭЗ товаров, перемещаемых резидентами ОЭЗ в рамках использования процедур свободной таможенной зоны, не имел в рассматриваемый период экспортной направленности, то есть большинство фирм стремилось разместиться в особых экономических зонах лишь для получения налоговых преференций в сравнении с другими, «незональными» предприятиями, выпускающими аналогичную продукцию.

Для ответа на второй вопрос – насколько преференциальные условия для резидентов зон стимулируют развитие бизнес-среды на ДВ, проанализируем демографию организаций Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Сравнительный анализ показывает, что за период 2015–2019 гг. (период с начала функционирования локальных зон на ДВ) на фоне увеличивающегося числа резидентов в ТОРах и СПВ (см. рис. 2) общеэкономическая ситуация для предприятий в макрорегионе в целом стала крайне неблагоприятной (рис. 5).

¹⁶ Замминистра: ДВ нужны все инвесторы подряд. Новости@mail.ru. 2017. 1 марта.

Рис. 5. Число зарегистрированных и официально ликвидированных организаций в территориальных рамках ДФО, 2013–2019 гг., ед.

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/ (дата обращения 07.04.2020).

Если в 2013–2015 гг. при анализе демографических показателей предприятий ДФО можно было говорить об их расширенном воспроизводстве, когда на одно ликвидированное предприятие приходилось 1,2; 1,32 и 1,49 вновь созданных соответственно, то с 2016 по 2019 год наблюдается прямо противоположная тенденция – на Дальнем Востоке число ликвидируемых предприятий превышает число вновь создаваемых. Причем подобный разрыв растет. С 2016 года ситуация в целом начинает напоминать известный из демографии «русский крест».

На фоне растущего числа и низкой смертности предприятий-резидентов и в ТОРах, и в СПВ демографическую ситуацию с дальневосточными предприятиями можно трактовать как возникновение своеобразного «пылесоса», отсасывающего ресурсы из проблемных регионов в потенциальные полюса роста (ТОРы и СПВ). Существующие эмпирические исследования подтверждают этот факт [11; 23].

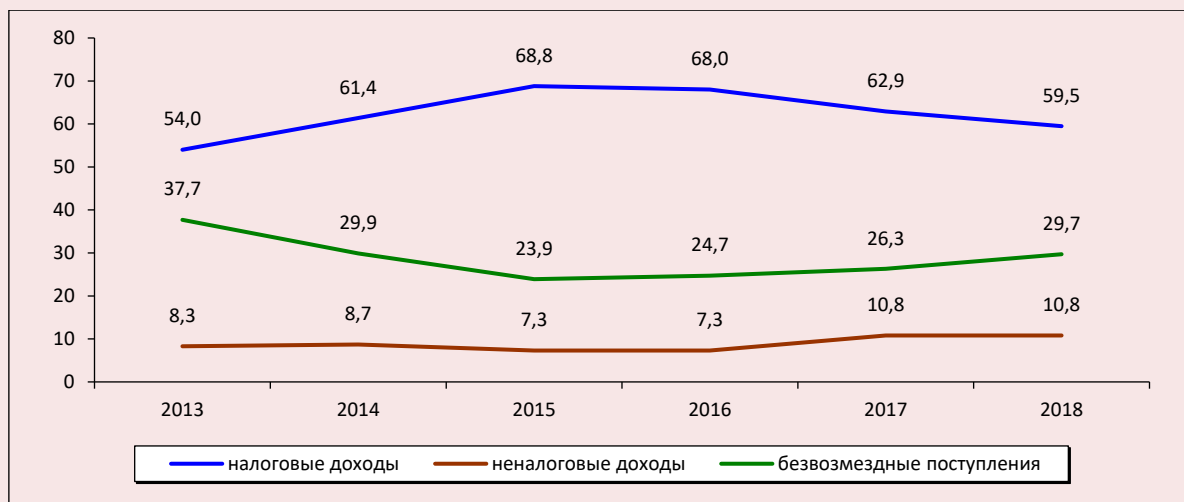
Третья группа вопросов, ответ на которые необходимо получить в рамках оценки влияния на экономику макрорегиона ТОРов и СПВ,

касается воздействия деятельности локальных зон на структуру доходной базы региональных бюджетов и изменение качества региональных финансов.

За анализируемый период (2013–2018 гг.) наиболее заметны изменения в структуре доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации. Основными источниками доходов бюджетов дальневосточных регионов традиционно являются налоговые и неналоговые доходы, а также трансферты из других бюджетов (рис. 6).

Как видно из рисунка, наметившееся в 2014–2015 гг. улучшение структуры консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ за счет роста доли налоговых поступлений носило кратковременный характер и не было связано с деятельностью локальных зон. Наоборот, в период функционирования локальных зон (2015–2018 гг.) структура консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ стала ухудшаться, что связано со снижением в доходах бюджета удельного веса налоговых поступлений и ростом неналоговых доходов

Рис. 6. Структура доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ, %

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения 04.02.2020).

Таблица 4. Объем и структура основных налоговых доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ в 2013–2018 гг., млрд рублей / %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Налоговые доходы</i>	<i>349,0/100</i>	<i>432,6/100</i>	<i>544,9/100</i>	<i>526,5/100</i>	<i>488,2/100</i>	<i>540,2/100</i>
Налог на прибыль	97,2/27,9	159,3/36,8	240,3/44,1	196,7/37,4	143,7/29,4	159,4/29,5
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	149,0/42,70	158,1/36,5	163,5/30,0	178,1/33,8	187,3/38,4	210,5/39,0

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения 04.02.2020).

и трансфертов. Можно предположить, что на подобное положение повлияло изменение качественной структуры основных налоговых доходов консолидированного бюджета дальневосточных субъектов Федерации (табл. 4).

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что в анализируемом периоде удельный вес налога на прибыль в основных налоговых доходах дальневосточных субъектов РФ значительно (на 14,1 п. п.) превышал удельный вес НДФЛ только в 2015 году. Ухудшение экономической ситуации в 2016–2018 гг. привело к снижению доли налога на прибыль с 44,1% в 2015 году до 29,5% в 2018 году при одновременном росте доли НДФЛ в основных налоговых доходах региональных бюджетов с 30 до 39% за это же время.

Подобное положение можно интерпретировать как сжатие общего числа прибыльных предприятий в регионе в результате определенного ухудшения экономической ситуации на Дальнем Востоке и введения льготного налогового режима в локальных зонах, что также снизило общую налогооблагаемую массу прибыли.

Заключение

1. Активность регистрации резидентов в локальных зонах, низкая смертность создаваемых в зонах предприятий, декларируемый настрой резидентов зон на рост инвестиционной активности и создание новых рабочих мест расцениваются федеральными органами власти и аффилированными с ними организациями как положительные сигналы к стимулированию бизнеса в дальневосточном регионе.

2. Формирующийся внутри локальных зон бизнес-климат носит в целом позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся (о чем свидетельствуют попытки пересмотреть положения о заявительном принципе наделения земель резидентов СПВ или конкуренция преференциальных режимов ТОРов в борьбе за резидентов).

3. Создаваемые на ДВ ТОРы и СПВ не в полной мере отвечают определению Ф. Перру о локальных точках («полюсах») роста. В них отсутствуют четко выраженные пропульсивные отрасли, а значительное число (75–92%) резидентов относятся к типу малых и средних предприятий и слабо связаны с предприятиями-лидерами зон. Государство не озабочено формированием пропульсивных отраслей в полюсах роста, ориентируясь на общий рост привлечения любых инвестиций в зоны.

4. Объективно формирующаяся в условиях санкционной войны нацеленность специализации дальневосточных локальных зон на внутренний спрос и импортозамещение может выступить тормозом для их экспортной специализации, будет блокировать эндогенный экономический рост в ареалах локальных точек роста, создаваемых на ДВ, придавая им черты полюсов роста не международного, а в лучшем случае локального значения по терминологии Ф. Перру.

5. Преференциальный климат, формирующийся в локальных зонах, не оказывает явного положительного воздействия на бизнес-климат

дальневосточных субъектов Федерации. На фоне роста числа резидентов в локальных зонах с льготными условиями хозяйствования демография числа создаваемых и ликвидируемых на ДВ предприятий в последние годы демонстрирует «русский крест» (превышение числа ликвидируемых предприятий над числом вновь создаваемых).

6. Анализ состояния консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации с целью фиксации воздействия особых режимов предпринимательской деятельности в специальных зонах на экономику ДВ показал, что наметившееся в 2014–2015 гг. улучшение структуры консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ за счет увеличения доли налоговых поступлений носило кратковременный характер, коренного улучшения структуры консолидированного бюджета субъектов ДФО за анализируемый период (2013–2018 гг.) не произошло.

7. Ухудшилось качество региональных финансов дальневосточных субъектов Федерации, когда в налоговых поступлениях в региональные бюджеты доля налога на прибыль начинает снижаться, а доля НДСЛ – расти. Подобное положение можно интерпретировать как сжатие общего числа прибыльных предприятий в регионе в результате ухудшения экономической ситуации и введения льготного налогового режима в локальных зонах, что также снизило общую налогооблагаемую массу прибыли.

Литература

1. Селиверстов В.Е. Две модели региональной политики // ЭКО. 2008. № 4. С. 88–92.
2. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ). М.: Мысль, 1981. С. 123–138.
3. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
4. Лексин В.Н. Влияние факторов самоорганизации и внешних регулирующих воздействий на процессы трансформации территориальных систем // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 6. 2015. С. 8–27.
5. Одинцова А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 56–70.
6. Ласуэн Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами // Пространственная экономика. 2009. № 4. С. 106–125.
7. Нешадин А., Треву Д.С. О французском опыте создания полюсов конкурентоспособности // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 129–134.

8. Эльканов Р.Х. Полюса развития и точки роста инновационной экономики: Российский и зарубежный опыт // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». 2012. № 2. С. 39–43.
9. Украинский В.Н. Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 92–93.
10. Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 39–57.
11. Швецов А.Н. Особые правовые режимы для привлечения частных инвестиций и современных технологий в развитие территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 49–63.
12. Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе // Политанализ.Ру. 2005. URL: http://www.politanaliz.ru/articleprint_501.html (дата обращения март 2020).
13. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152. DOI: 10/14530/se.2016.4.129-152
14. Лексин В.Н. Результативность и эффективность действия региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 3–39.
15. Леонов С.Н., Барабаш Е.С. Стратегическое управление развитием территории. М.: КНОРУС, 2020. 184 с.
16. Архипов А.Ю., Павлов П.В., Татарова А.В. Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. 294 с.
17. Леонов С.Н., Барабаш Е.С. Негативный опыт создания зон с особыми условиями хозяйствования на Дальнем Востоке. Причины неудач // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: материалы международной научной конференции / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2020. С. 215–220.
18. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 292–295.
19. Окунь С. Белый дом проредил особые зоны. Закрыты восемь туристических и портовых ОЭЗ // Коммерсантъ. 2016. 30 сентября.
20. Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067
21. Острова замещения. Офшоры в Калининграде и Владивостоке придуманы взамен карибским / Д. Бутрин [и др.]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600216>
22. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения апрель 2020).
23. Леонов С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 88–101. DOI: 10.14530/reg.2019.6.88
24. Итоги 2018 г.: доклад / Корпорация развития Дальнего Востока. М., 2019. 153 с.
25. Розанова Л.И., Морошкина М.В. Стимулирование развития пропульсивных отраслей как заданный импульс структурных сдвигов // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 1–20. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.16539
26. Вертакова Ю.В., Клевцова М.Г., Положенцева Ю.С. Формирование точек кластерного роста экономического развития территорий // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 2 (32). С. 56–60.
27. «Пропульсивные отрасли» регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности / С.В. Кузнецов [и др.] // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 1253–1265.
28. Хонгел Хан. Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // ЭКО. 2017. № 3. С. 12–13.
29. Штогрин С.И. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ номенклатуры и объема товаров, ввозимых на территории особых экономических зон и вывозимых с таких территорий в 2016–2017 годах» // Бюллетень Счетной Палаты РФ. 2019. № 5. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/486/4866c92ebca6053af248d508341d1dd9.pdf>

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Preferential Regimes of Established Local Growth Points and Its Impact on the Economy of the Far East

Abstract. The successful experience of France in implementing the concept of “growth poles” by F. Perroux led to the widespread usage of polarized development ideas in the elaboration of spatial strategies. The Russian Far East (FE) has accumulated considerable, and rather contradictory, experience of creating local growth points. The purpose of the study is to analyze the Far East’s experience of forming local zones with preferential economic regimes, to identify problems of its implementation, and to assess the impact of special local zones’ regimes on the economy of the macro-region. The analysis of the performance of local zones’ functioning was based on the assessment of the degree of achieving targets for creating local “growth points”. The assessment of the impact of local zones on the economy of FE was based on a comparative analysis of enterprises’ demographics, changes in the revenue structure of consolidated budgets of Far Eastern regions, and the quality of regional finances for 2013–2019. The implementation of these approaches showed that the business climate of Far Eastern local zones has a positive nature for its residents, but it has not yet been established; in the absence of a clear position of the state concerning the formation of propulsive industries in most local areas, anchor projects do not have a propulsive nature, and a significant number of small and medium enterprises is loosely connected with enterprises-leaders of zones. Orientation of specialization of Far Eastern local zones toward domestic demand and import substitution, which is objectively formed within the sanctions war, can slow down its export specialization; preferential climate of local zones has no obvious positive impact on the business climate of Far Eastern entities of the Federation, and the growing number of residents with preferential business conditions in local zones dissonant with demographics of FE enterprises. There is a deterioration of the quality of regional finances and the decrease of the taxable mass of profits. It implies the reduction of the number of profitable enterprises in FE as the result of the economic situation deterioration and the introduction of a preferential tax regime in region’s local areas.

Key words: territories of advanced development, free port of Vladivostok, Far East, development efficiency.

Information about the Author

Sergej N. Leonov — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 01.05.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4

УДК 332.133, ББК 65.04

© Растворцева С.Н., Снитко Л.Т.

Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России

**Светлана Николаевна
РАСТВОРЦЕВА**

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Москва, Российская Федерация, 119017, ул. Малая Ордынка, д. 17/1
E-mail: SRastvortseva@hse.ru
ORCID: 0000-0002-1599-359X; Researcher ID: H-4308-2016

**Людмила Тарасовна
СНИТКО**

Белгородский университет кооперации, экономики и права
Белгород, Российская Федерация, 308023, ул. Садовая, д. 116а
E-mail: slt2009@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1843-2138; Researcher ID: AAK-8395-2020

Аннотация. Сегодня, в условиях пандемии Covid-19, стремительной рецессии мировой экономики, сокращения объемов экспорта и снижения цен на энергоносители особую актуальность приобретает главная цель экономической науки – поиск путей для удовлетворения имеющихся потребностей при ограниченных ресурсах. Агломерационные эффекты представляют собой экономию активов региона от более эффективного их распределения на основе специализации. Целью научной работы является развитие теоретико-методологических аспектов специализации и агломерационных эффектов, что определило необходимость решения следующих задач: (1) представить обзор подходов по проблематике исследования, (2) дать оценку региональной специализации России и рассчитать агломерационные эффекты в сельском хозяйстве, добыва-

Для цитирования: Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4

For citation: Rastvortseva S.N., Snitko L.T. Regional specialization and agglomeration effects in the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4

ющем и обрабатывающем секторах промышленности, сфере услуг, (3) построить модель влияния агломерационных эффектов на экономическое развитие регионов. Представлена систематизация исследований агломерационных процессов через выделение групп работ, которые базируются на классификации Дурантона и Пуги, территориальном и географическом подходах, на изучении связанного разнообразия, использовании результатов кросс-секционного анализа, сортировочных процессах, анализе агломерационной экономии. Экономический смысл оценки специализации региона заключается в том, чтобы выявить отрасли, в которых он имеет конкурентные преимущества, для привлечения целевых ресурсов. Оценка агломерационных эффектов в России показала, что далеко не все регионы в полной мере реализуют преимущества специализации. Построенные модели позволили определить, что (1) в аграрных и промышленных регионах ключевым фактором развития остается труд; (2) автомобильные дороги не являются весомым инфраструктурным индикатором развития; (3) агломерационные эффекты в сельском хозяйстве и в сфере услуг не дают желаемого результата приращению показателя душевого ВРП; (4) в качестве важного условия сохраняется развитие сектора обрабатывающей промышленности. В статье предложена модель, позволяющая оценить влияние агломерационных факторов и региональной специализации, результаты которой могут стать информационной основой для разработки регулирующих воздействий в управлении регионами. Исследование может представлять ценность как для научных работников, так и для лиц, принимающих управленческие решения в сфере пространственного развития.

Ключевые слова: региональная специализация, агломерационные эффекты, региональная экономика, новая экономическая география, экономия локализации, регионы России.

Введение

Возникающие сегодня в экономике новые вызовы – распространение пандемии Covid-19, резкое и значительное снижение цен на энергоресурсы – ставят под угрозу стабильность развития стран и регионов. В России уже отмечается и прогнозируется на будущий период экономический спад, рост безработицы, закрытие предприятий малого бизнеса, кризис в ряде отраслей. В складывающихся условиях любые действия в сфере региональной экономической политики должны быть тщательно взвешены и научно обоснованы.

Агломерационные эффекты – это те невидимые ресурсы региона, которые позволяют на базе сложившейся специализации получить дополнительные конкурентные преимущества. Их изучение и анализ их развития позволяют проводить экономическую политику более прицельно, так как повышение качества принимаемых управленческих решений на региональном уровне невозможно без глубокого анализа имеющихся у региона ресурсов, их источников и направлений использования [1].

Например, в более раннем исследовании [2] было показано, что узкая специализация в промышленности сочетается с высоким уровнем социально-экономического развития в тех ре-

гионах, которые занимаются добычей полезных ископаемых. Для других субъектов Федерации специализация в определенном секторе не несет экономических выгод.

Целью научной работы является развитие теоретико-методологических аспектов специализации и агломерационных эффектов с апробацией предложенного подхода к их оценке на регионах России и моделированием влияния агломерационных процессов на душевой ВРП. Это позволит выявить дополнительные резервы социально-экономического развития и может быть использовано при разработке и проведении региональной экономической политики.

Научная новизна исследования заключается в систематизации работ по изучению агломерационных процессов в экономической науке, предложении подхода к определению полноты использования преимуществ, связанных со специализацией региона, для достижения агломерационных эффектов, моделировании влияния агломерационных эффектов на социально-экономическое развитие регионов.

Работа будет построена следующим образом. В первой части мы рассмотрим теоретические исследования региональной специализации и агломерационных эффектов, во втором

разделе проанализируем уровень и характер специализации в российских регионах и определим получаемые агломерационные эффекты. Методология исследования и спецификация модели представлены в третьей части статьи, анализ полученных результатов – в четвертой. В заключении приведены основные выводы и рекомендации.

1. Теоретические исследования региональной специализации и агломерационных эффектов

Происходящие в мире процессы глобализации требуют от российской экономики высокого уровня конкурентоспособности, что во многом зависит от внешней и внутренней эффективности развития регионов [3], их специализации и возможности использовать возникающие агломерационные эффекты. Работы в данной области составляют сегодня одно из наиболее актуальных направлений в теориях размещения. Библиометрический анализ исследований показал, что по базе Scopus число публикаций по ключевой фразе «*Location theory*» (теории размещения) с 1991 по 2018 год росло по экспоненте на 10% в год. В период с 2004 года в среднем публиковалось 172 работы ежегодно.

В современной экономической науке исследования агломерационных процессов выделились в самостоятельное направление. Обратим внимание на несколько подходов в данной области.

Во-первых, в отдельную группу можно выделить исследования на базе *классификации Дурантона и Пуги*, которые предлагают различать внешнюю экономию от (а) совместного пользования ресурсами, поставщиками, специализированной инфраструктурой, институтами – *sharing*; (б) больших возможностей подбора лучших сотрудников, поставщиков, посредников, партнеров и инвесторов за счет их концентрации на данной территории – *matching*; (в) легкости обучения новым технологиям, методам управления, более быстрого продвижения по кривой опыта – *learning* [4]. Этот подход имеет некоторые недостатки и нуждается в развитии [5], но он стал основой для многих успешных исследований.

Во-вторых, это *территориальный подход* к экономике агломераций, в котором при статичном рассмотрении доказывалось, что высокий

уровень эффективности и является определяющим фактором роста городов, а при динамичном – такая связь зависит от размера города. Показано, что в каждом классе размеров экономика агломерации оказывает свое воздействие на рост города [6].

В-третьих, *географический подход*, объясняющий агломерационные процессы через рост небольших городов, находящихся вблизи крупных, – распространение агломерационных эффектов [6; 7].

В-четвертых, это исследования агломерационных процессов через определение когнитивной близости отраслей, которая возникает при передаче знаний, установок, идей между партнерами различных организаций [8] при концентрации экономической деятельности на территории. *Связанное разнообразие* возникает между секторами, склонными к взаимодополнению и совместному использованию навыков (вклад в изучение внешних эффектов Джейкобса). Не связанное разнообразие приводит к формированию «эффекта портфеля» – диверсифицированной экономике, способной противостоять внешним негативным воздействиям и рискам [9; 10].

В-пятых, современные исследования с использованием *кросс-секционного анализа*, начало которому было положено Цикконе и Холлом. Они показали, что рост числа занятых в экономике вдвое будет приводить к повышению ее производительности на 6% [11]. Значительное внимание в данной группе работ уделяется изучению причинно-следственных связей. Например, если мы можем предсказать, что рост плотности населения будет повышать производительность, то логично предположить и обратное – регионы с высокой производительностью привлекают более квалифицированных работников.

В-шестых, это исследования, основанные на *сортировочных процессах*. Так, Комбес с соавторами показал, что индивидуальные навыки работников играют важную роль в объяснении неравенства заработных плат между городами (регионами), доказательство чего было построено на сортировке навыков [12].

В-седьмых, анализ *экономики гетерогенных агломерационных процессов*.

Одной из текущих задач сегодня становится *определение условий и эффектов размещения хозяйственной деятельности в пространстве* [13]. Эмпирические доказательства экономистов в области городского и регионального развития и географии показывают, что эффекты концентрации (агломерационные и перегруженности) оказывают значительное влияние на различие в эффективности между экономическими субъектами [14].

Пространственная концентрация, или агломерация экономической деятельности, приводит к возникновению эффектов в форме коллективного пользования ресурсами [15]. Это способствует не только лучшему распространению знаний [16], но и позволяет фирмам получить конкурентное преимущество [17]. Основы экономической категории «агломерационные эффекты» были заложены еще в работах И. фон Тюнена, А. Вебера и А. Леша.

Сегодня во всей совокупности подходов к изучению агломерационных эффектов принято выделять два направления: (1) эффекты локализации производства (*localization economy*) – эффекты МАР или Маршалла [18; 19] и (2) эффекты урбанизации (*urbanization economy*) – эффекты Джакобса [20]. Положительные внешние эффекты агломерации (*agglomeration economies*) представляют собой взаимную выгоду для компаний от их совместного размещения на географической территории (Vrenner 2000), которая является результатом:

- прямых эффектов между существующими фирмами в отрасли – межфирменное сотрудничество, местные информационные побочные эффекты или предоставление венчурного капитала действующими участниками;

- косвенных последствий, когда деятельность компаний улучшает условия производства для существующих агентов и способствует выходу на рынок новых компаний – накопление человеческого капитала, адаптированная под нужды отрасли инфраструктура или институциональная поддержка;

- межотраслевых эффектов, когда отрасль-поставщик полагается на рост сектора потребителей [13].

После того как вопросы влияния агломерационной экономии на инновационное развитие региона и его экономический рост были подняты в работах ученых [21], данная тематика получила особую актуальность. Отдельные научные школы подчеркивали положительное влияние экономии локализации (*localization economies*), показывая, что отраслевая специализация в регионах – это положительный фактор инновационного развития, так как фирмы склонны учиться у местных фирм той же отрасли. Другие исследователи утверждали, что более диверсифицированная экономика региона (то есть экстерналии по Джакобсу) будет больше способствовать распространению знаний, так как фирмы получают новые и лучшие идеи от местных фирм, которые работают в других отраслях экономики [9].

Агломерационные эффекты тестируются эмпирически. На примере американских штатов Сикконе и Холл [22] показали, что агломерационные эффекты гораздо сильнее, чем эффекты перегруженности. Свейкаускас [23] обнаружил положительную корреляцию между производительностью труда и численностью жителей городов США. Шефер [24], Беудри и Шифаурова [20] пришли к выводу, что МАР-эффекты наблюдаются в 47% случаев, а эффекты урбанизации – в 45%. Рост города вдвое приводит к повышению производительности на 3–8% [25].

Проведем анализ уровня и характера специализации российских регионов и определим получаемые агломерационные эффекты.

2. Специализация и агломерационные эффекты в регионах России

Анализируя специализацию регионов России, мы можем отметить, что за период 2005–2017 гг. значительных изменений не произошло. В сельском хозяйстве в 26 регионах страны уровень специализации несколько увеличился (от 0,1 п. п.), в 16 – снизился, в 41 регионе – оставался на том же уровне. В добывающем секторе экономики рост специализации имел место в Ненецком, Чукотском и Ханты-Мансийском автономных округах (на 6,64, 5,27 и 1,78 п. п. соответственно), Астраханской и Магаданской областях (на 1,47 и 1,24 п. п. соответственно); в 22 регионах уровень специализации незначительно снизился, в остальных оставался постоянным.

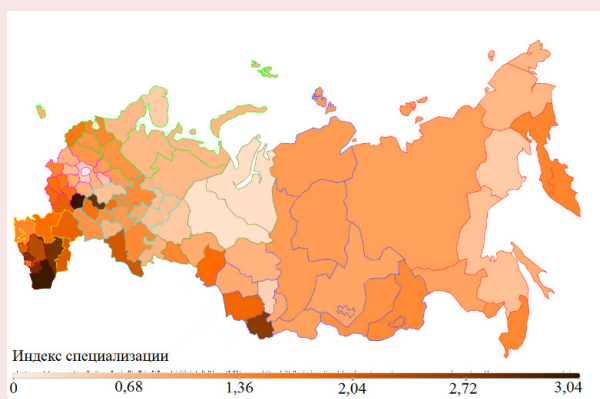
В секторе обрабатывающей промышленности специализация не продиктована какими-либо факторами природного характера, изменения в динамике практически не заметны. В 30 регионах ее уровень за анализируемый период незначительно увеличился (в пределах 0,7 п. п.), в 25 – снизился (в пределах 0,2 п. п.). В сфере услуг снижение уровня специализации (свыше 0,1 п. п.) имело место только в пяти регионах страны: Ханты-Мансийском, Чукотском, Ненецком автономных округах (предположительно, в пользу добывающей промышленности), в Чечне и Ингушетии (в пользу сельского хозяйства). Распределение регионов по уровню специализации в 2017 году показано на *рисунке 1*.

Мы видим, что регионы, имеющие высокий уровень специализации в разных секторах эко-

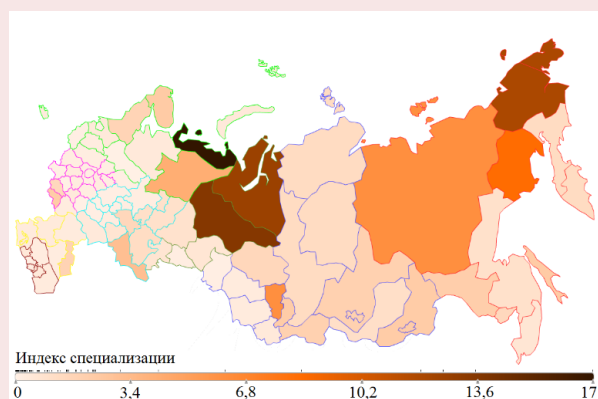
номики, различны. К их числу можно отнести Тамбовскую область, республики Дагестан, Чечню, Мордовию, Калмыкию, Алтай, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Ставропольский край и другие. В этих регионах специализация обусловлена наличием природно-климатических условий. Но при дальнейшем анализе выясняется, что важно эффективно использовать имеющиеся ресурсы, определить конкретный сектор экономики или набор отраслей, развитие которых будет стимулировать возникновение агломерационных эффектов.

В добывающем секторе экономики специализируются 28 регионов России. В число лидеров по данному показателю входят Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Магаданская и Кемеровская области, Якутия и Коми.

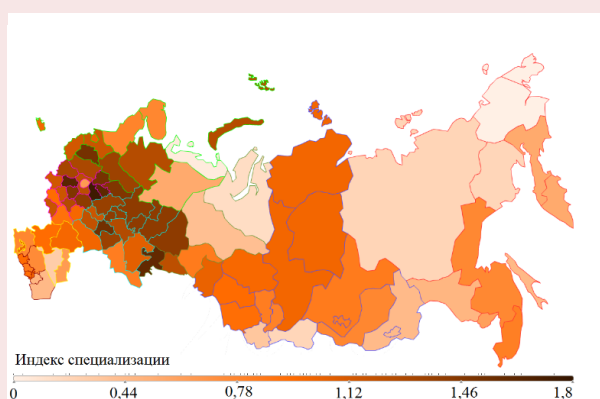
Рис. 1. Индекс специализации регионов России по секторам экономики в 2017 году

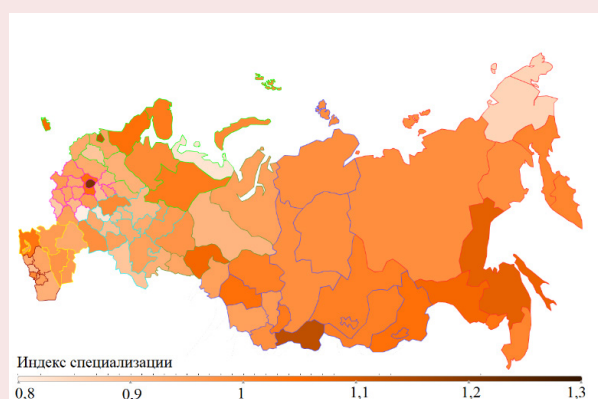
а) сельское хозяйство

б) добывающая промышленность

в) обрабатывающая промышленность

г) сектор услуг

Рассчитано и составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Специализация в этих регионах объясняется наличием полезных ископаемых и может создавать или не создавать агломерационные эффекты в зависимости от эффективности использования имеющихся предпосылок.

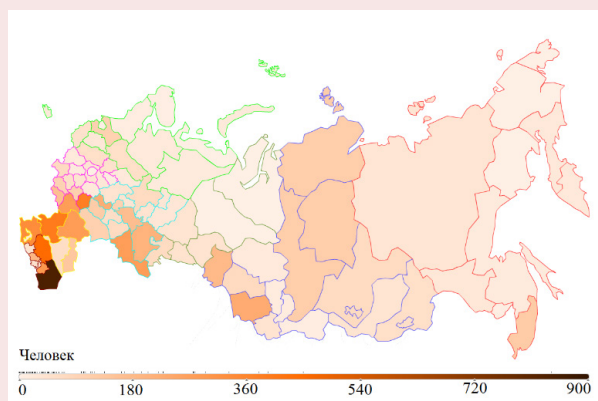
Традиционно в обрабатывающей промышленности уровень специализации выше среднего имеют треть регионов [26]. В 2017 году специализация в обрабатывающей промышленности отмечалась в 38 регионах России (индекс специализации превышал 1). Наибольшие значения можно отметить во Владимирской (1,74), Калужской (1,64), Ивановской (1,62), Челябинской (1,59), Ульяновской (1,53), Новгородской (1,52), Ярославской (1,51) и других областях.

Только 20 регионов страны в 2017 году имели специализацию в сфере услуг (в 2005 году их

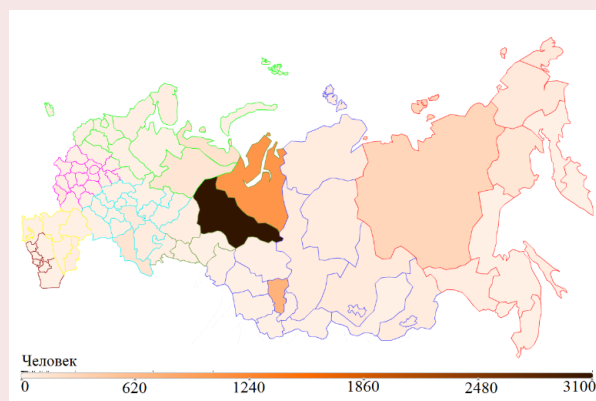
было 29). К числу лидеров можно отнести Москву (индекс специализации 1,21), Тыву (1,13), Санкт-Петербург (1,12), Хабаровский край (1,08). Однако, принимая во внимание тот факт, что в сферу услуг вовлечена большая часть трудовых ресурсов экономики страны, даже невысокий уровень специализации может способствовать получению значительных агломерационных эффектов.

Экономический смысл специализации региона заключается в том, чтобы выявить те секторы экономики, в которых регион может специализироваться, и вовлечь в их развитие больше ресурсов. Агломерационные эффекты традиционно оцениваются численностью работников (рис. 2).

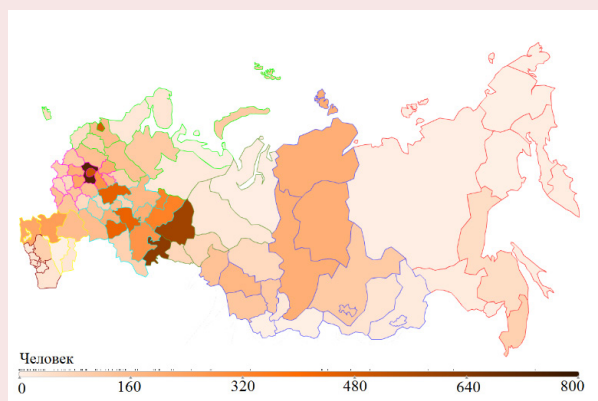
Рис. 2. Агломерационный эффект регионов России по секторам экономики в 2017 году, чел.

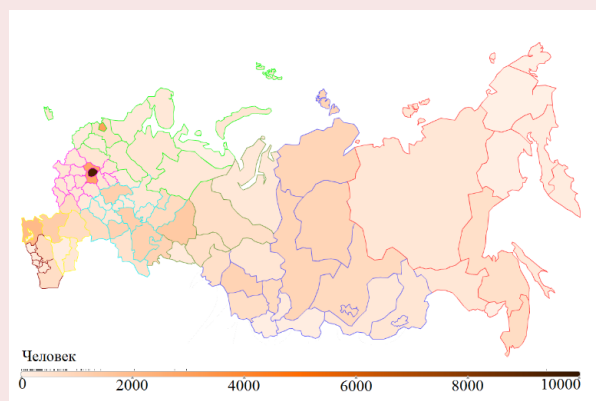
а) сельское хозяйство

б) добывающая промышленность

в) обрабатывающая промышленность

г) сектор услуг

Рассчитано и составлено авторами.

Агломерационный эффект в сельском хозяйстве отмечается во многих субъектах Федерации, но более значительный (свыше 200 чел. в год) — в 12 регионах. Отметим Дагестан (агломерационный эффект — 840 чел., прирост с 2005 года — 265 чел.), Тамбовскую область (379 и 81 чел. соответственно), Мордовию (221 и 82 чел.). В целом величина агломерационного эффекта за период 2005—2017 гг. имела тенденцию к снижению (на 2600 чел.). В период после кризиса (2010 и 2011 гг.) произошло некоторое увеличение эффекта (на 1,19 и 0,48% соответственно), в период усложнения внешнеторговых отношений (2015 г.) — снижение на 12,44%. Проведенные расчеты и полученные выводы подтверждают положения новой экономической географии (а именно модели «ядро-периферия») в следующем: при повышении транспортных издержек (под которыми понимаются все условия, усложняющие торговлю и приводящие к дополнительным расходам) экономическая деятельность стремится к более равномерному пространственному распределению, при улучшении условий для торговли — сосредотачивается в отдельных регионах с более высоким уровнем эффективности.

Сельское хозяйство и добывающая промышленность относятся к маломобильным секторам экономики, и если в первом из них изменения агломерационного эффекта происходят с некоторой задержкой от изменения торговых условий, то во втором — гораздо быстрее. Так, в 2008 году значение агломерационного эффекта возросло на 45%, в 2009 году снизилось на 32,4% (преимущественно за счет Ханты-Мансийского автономного округа). В период с 2014 года каких-либо существенных отклонений величины эффекта не произошло, так как внешнеэкономическая политика России не затронула данный сектор. Обратим внимание, что агломерационный эффект (в размере свыше 200 чел.) имеет место всего в четырех регионах страны — Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в Кемеровской области и Якутии.

Рассмотрим динамику агломерационного эффекта в обрабатывающей промышленности и сфере услуг — секторах, которые теоретически должны сильнее реагировать на изменения

сложности торговых отношений. Агломерационный эффект в производстве более строго следует предпосылкам новой экономической географии: в 2009 году произошло наиболее сильное сокращение агломерационного эффекта — на 13,35%, но уже в 2010 году его величина частично восстановилась. Что касается сферы услуг, то величина агломерационного эффекта здесь превышает рассмотренные отрасли — в 2017 году она составила по всем регионам России 52780 чел. Сфера услуг является наиболее гибкой — изменения внешней политики не отражаются на агломерационном эффекте так явно, в целом наблюдается рост его величины.

Анализ наличия агломерационных эффектов выявил, что далеко не все регионы используют преимущества специализации. Показательным примером здесь можно считать Москву — при невысокой специализации в сфере услуг (1,21) агломерационный эффект достигает 9401 чел. (2017 г.).

3. Методология исследования и спецификация модели

Для определения полноты использования преимуществ специализации региона с целью возникновения агломерационных эффектов мы предлагаем методический подход, включающий шесть основных этапов.

1. *Постановка задачи оценки* — определить характер и динамику региональной специализации, рассчитать возникающие в экономике агломерационные эффекты, выявить их влияние на социально-экономическое развитие региона в целом.

2. *Формулировка общей модели развития, выбор факторов и направления воздействия.* Концептуально агломерационные эффекты, достигаемые в регионе, положительно отражаются на общем экономическом развитии. Моделирование такого влияния может проводиться в двух направлениях. Во-первых, это изучение показателей и мест размещения новых иностранных фирм в регионе. Такой анализ позволяет определить и обосновать мотивы компаний по расположению своих предприятий относительно возможности получения агломерационных эффектов. Подобный подход к исследованию применяется в работах стратегиче-

ского менеджмента (Alcácer and Chung, 2014). Во-вторых, это использование усредненных показателей по регионам, среди которых часто встречаются производительность труда, заработная плата, уровень и численность занятых, число новых работников [27]. Данный подход наблюдается в исследованиях экономического характера, поэтому будем придерживаться его. Таким образом, определяющая модель будет иметь вид:

$$Y = F(L, K, Infr, Innov, Aggl), \quad (1)$$

где Y – зависимая переменная социально-экономического развития,

L – показатели труда,

K – капитала,

$Infr$ – развития инфраструктуры,

$Innov$ – инновационные факторы,

$Aggl$ – агломерационные эффекты.

3. *Математическая формулировка задачи, формирование системы показателей, расчет и анализ показателей региональной специализации и агломерационных эффектов.* Мы используем показатели агломерационных эффектов в четырех агрегированных секторах экономики – сельском хозяйстве, добывающей, обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Помимо этого мы предлагаем включить в экономико-математическую модель ряд факторов, продиктованных положениями неоклассической теории, эндогенного роста и некоторых подходов, определяющих влияние инноваций на экономическое развитие региона. Неоклассические модели подчеркивают роль физического капитала как основного фактора экономического развития, эндогенные теории выделяют в качестве основного условия человеческий капитал.

Зависимой переменной модели определен душевой валовой региональный продукт (ВРП). В модель будут включены следующие факторы: производительность труда (lab_{prod}), доля региона в общей численности занятых в экономике работников (lab_{share}), стоимость основного капитала предприятий региона ($capital$), плотность автомобильных дорог с твердым покрытием ($roads$), стоимость технологических инноваций на предприятиях ($tech_{innov}$), полученные в ре-

гионе агломерационные эффекты в сельском хозяйстве (agg_{agr}), в добывающей (agg_{mining}), обрабатывающей (agg_{manuf}) промышленности и в сфере услуг (agg_{serv}). Полученная регрессионная модель с постоянной эластичностью будет иметь вид:

$$\ln(Y_{it}) = \alpha_{it} + \beta_{i2} \ln(lab_{prod_{it}}) + \beta_{i2} \ln(lab_{share_{it}}) + \beta_{i3} \ln(capital_{it}) + \beta_{i4} \ln(roads_{it}) + \beta_{i5} \ln(tech_{innov_{it}}) + \beta_{i6} \ln(agg_{agr_{it}}) + \beta_{i7} \ln(agg_{mining_{it}}) + \beta_{i8} \ln(agg_{manuf_{it}}) + \beta_{i9} \ln(agg_{serv_{it}}) + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где Y_{it} – ВРП на душу населения, прогнозируемый в период времени t ;

α – свободный член уравнения;

lab_{prod} , lab_{share} и т. д. – факторы, включенные в регрессионную модель;

β_i – параметры уравнения – коэффициенты регрессии по исследуемым факторам;

i – порядковый номер фактора;

ε – ошибка измерения.

Период исследования – 2008–2017 гг., объект – 83 региона России¹, источник первичной статистической информации – сборники и базы данных Федеральной службы государственной статистики. Модельные расчеты были произведены в программе Gretl.

4. *Анализ показателей региональной специализации и агломерационных эффектов* был проведен в разделе 2 данной работы.

5. *Построение системы экономико-математических моделей влияния агломерационных эффектов на социально-экономическое развитие региона.*

6. *Анализ и интерпретация полученных результатов.* Пятый и шестой этап предлагаемого методического подхода будут представлены в следующих разделах работы.

4. Анализ полученных результатов

Для построения эконометрической модели и определения характера влияния агломерационных эффектов на социально-экономические показатели необходимо выделить регионы, имеющие высокий уровень специализации в сельском хозяйстве, добывающей, обрабаты-

¹ В исследование не включены Крым и Севастополь по причине недостаточности статистической информации.

вающей промышленности и в сфере услуг². В группу регионов с высоким уровнем специализации в сельском хозяйстве вошли 35 субъектов Федерации (средний индекс составил 1,66 в 2008 г. и 1,8 в 2017 г.); в добывающей промышленности – 24 региона (4,56 и 4,48), обрабатывающей – 24 региона (1,35 и 1,38).

Рассмотрим, какое влияние оказывают агломерационные эффекты на социально-экономическое развитие регионов. Построим три модели – для группы регионов с высоким уровнем специализации в сельском хозяйстве

(Model 1), в добывающей промышленности (Model 2), в обрабатывающем производстве (Model 3) (таблица).

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, мы можем заключить, что сегодня более значимым фактором для развития российских регионов является труд (производительность и доля региона в общей численности занятых в экономике), нежели капитал (стоимость основных фондов и плотность автодорог с твердым покрытием). Исключением

Результаты моделирования влияния агломерационных эффектов на социально-экономическое развитие регионов, 2008–2017 гг.

Переменная	Model 1	Model 2	Model 3
<i>l_const</i>	10,307*** (1,324)	6,223*** (0,136)	9,002*** (0,827)
<i>l_lab_prod</i>	1,149*** (0,055)	0,8778*** (0,041)	1,065*** (0,022)
<i>l_lab_share</i>	0,389*** (0,13)		0,278*** (0,083)
<i>l_capital</i>	-0,09** (0,042)	0,107*** (0,032)	-0,053** (0,021)
<i>l_roads</i>	-0,098*** (0,01)	-0,056*** (0,013)	
<i>l_teh_innov</i>		0,025*** (0,006)	
<i>l_agg_agr</i>	-0,055** (0,023)		-0,024*** (0,007)
<i>l_agg_mining</i>		0,032*** (0,009)	
<i>l_agg_manuf</i>	0,05*** (0,017)	0,038*** (0,014)	-0,055*** (0,02)
<i>l_agg_serv</i>	-0,251*** (0,09)	-0,288*** (0,041)	-0,141** (0,071)
<i>Ст. ошибка модели</i>	0,14	0,099	0,062
<i>R²</i>	0,926	0,987	0,985
<i>Число наблюдений</i>	350	218	240

*** уровень значимости 1%; ** уровень значимости 5%.
В скобках указана стандартная ошибка.
Составлено авторами, модели построены на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

² В результате проведения группировки к числу регионов, специализирующихся в большей степени в сфере услуг, были отнесены только города Москва и Санкт-Петербург, Новосибирская область и Приморский край. Ввиду того что индекс специализации этих регионов в услугах незначительно превышал специализацию в других секторах, решено не исключать данные регионы из выборки, а отнести их в другие группы. Так, города Москва и Санкт-Петербург будут включены в группу регионов со специализацией в обрабатывающей промышленности (для Москвы индекс специализации в сфере услуг – 1,254, в обрабатывающей промышленности – 0,71; для Санкт-Петербурга – 1,183 и 0,968 соответственно). Новосибирская область и Приморский край будут включены в группы регионов с аграрной специализацией (Новосибирский регион – 1,041 в сфере услуг, 1,002 в сельском хозяйстве; Приморский край – 1,059 и 1,015 соответственно).

можно считать группу регионов добывающей промышленности, где прирост основных фондов на 1% обеспечивает увеличение душевого ВРП на 0,107%. Более того, для регионов данной группы статистически незначимым становится фактор численности населения, а по влиянию производительности труда на социально-экономическое развитие региона уступает другим группам (он обеспечивает 0,8778% душевого ВРП против 1,149% в сельскохозяйственной группе и 1,065% в группе обрабатывающей промышленности). Для группы со специализацией в добывающих отраслях актуальное значение имеют технологические инновации (влияние 0,025%).

Во-вторых, сельскохозяйственные регионы получают основной стимул развития за счет повышения производительности труда, а не формального увеличения стоимости основных фондов. Эти две тенденции мы можем связать следующим образом: инвестиции в основной капитал негативно отражаются на социально-экономическом положении региона в текущем периоде (их влияние оценивается отрицательно на уровне 0,09% душевого ВРП), но в дальнейшем они позволят повысить производительность труда, что благоприятно отразится на развитии региона (влияние на уровне 1,149%). Аналогичные выводы мы можем сделать и по регионам обрабатывающей промышленности, с той разницей, что инвестиции в основной капитал в меньшей степени негативно отражаются на развитии региона в текущем периоде и рост производительности труда приносит меньшую отдачу в последующем.

В-третьих, отрицательная связь плотности автодорог с твердым покрытием и душевого ВРП в сельскохозяйственных и промышленных регионах и отсутствие такой связи в добывающих областях свидетельствуют не о том, что дороги не нужны, а о том, что автомобили перестают быть основным видом транспорта. На сегодняшний день значение приобретают железнодорожные, морские (речные) и воздушные перевозки, а в добывающих отраслях для России — трубопроводы. Эту специфику необходимо понимать и учитывать при разработке и реализации региональной экономической политики.

В-четвертых, агломерационные эффекты в сельском хозяйстве не отражаются позитивно на социально-экономическом развитии даже в аграрных регионах. Аналогичный вывод можно сделать и по концентрации трудовых ресурсов в сфере услуг — она не приносит приращения душевого ВРП. В аграрных регионах необходимо развивать не только сельское хозяйство, но и обрабатывающую промышленность (влияние на душевой ВРП на уровне 0,05%). Агломерационные эффекты в обрабатывающей промышленности важны и для добывающих регионов, в то время как в регионах с высокой долей обрабатывающей промышленности они недостаточны для положительного влияния на социально-экономическое развитие.

Заключение

Изучение специализации и агломерационных эффектов в региональной экономической науке становится все более актуальным направлением. Среди совокупности работ можно выделить такие группы исследований, которые базируются на классификации Дурантона и Пуги, территориальном и географическом подходах, на изучении связанного разнообразия, использовании результатов кросс-секционного анализа, сортировочных процессах, анализе агломерационной экономии. Агломерационные эффекты представляют собой взаимную выгоду для компаний от их совместного размещения на географической территории. Выделяют эффекты локализации и урбанизации. Агломерационные эффекты тестируются эмпирически.

Проведенный анализ специализации российских регионов и возникающих в их экономике агломерационных эффектов показал, что далеко не все регионы могут эффективно использовать сложившийся уровень и характер специализации. Моделирование влияния агломерационных эффектов на социально-экономическое развитие выявило, что в группах сельскохозяйственных и промышленных регионов наиболее значимым фактором остается труд, нежели капитал, агломерационные эффекты в сельском хозяйстве и в сфере услуг не влияют положительно на душевой ВРП. Как важное условие, сохраняется развитие сектора обрабатывающей промышленности.

Предложенный авторский подход к определению полноты использования преимуществ региональной специализации позволит выявить резервы ресурсов в экономике, выраженные в агломерационных эффектах. Данная методика может быть положена в основу регулярного мониторинга эффективности региональной экономики для получения информации о характере и динамике специализации, о возможности получения агломерационных эф-

фектов в различных секторах и наиболее значимых факторах социально-экономического развития в целом.

Результаты исследования позволят органам управления российских регионов проводить более обоснованную экономическую политику в отношении развития сложившейся специализации и сопутствующих отраслей, а также в сфере поддержки предпринимательских инициатив в наиболее эффективных секторах экономики.

Литература

1. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
2. Растворцева С.Н., Куга Я.Т. Региональная специализация и географическая концентрация промышленности в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. Т. 23. №. 13-1 (132).
3. Снитко Л.Т., Растворцева С.Н., Гринева Н.А. Конкурентоспособность региона: теоретические основы и направления повышения: монография. Белгород: Кооперативное образование. 2008. 189 с.
4. Duranton G., Puga D. Micro-foundations of urban agglomeration economies. *Handbook of regional and urban economics*, 2004, vol. 4, pp. 2063–2117.
5. Куценко Е.С. Экономическая логика формирования, развития и упадка кластеров // Кластерные политики и кластерные инициативы: теория, методология, практика. Пенза: ИП Тугушев СЮ, 2013. С. 6–66.
6. Camagni R., Capello R., Caragliu A. Static vs. dynamic agglomeration economies. Spatial context and structural evolution behind urban growth. *Papers in Regional Science*, 2016, no. 95 (1), pp. 133–159.
7. Alonso W. The economics of urban size. *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*, 1971, no. 26, pp. 67–83.
8. Nooteboom B. Towards a dynamic theory of transactions. *Journal of Evolutionary Economics*, 1992, no. 2 (4), pp. 281–299.
9. Boschma R., Iammarino S. Related variety, trade linkages, and regional growth in Italy. *Economic Geography*, 2009, no. 85 (3), pp. 289–311.
10. Frenken K., Van Oort F., Verburg T. Related variety, unrelated variety and regional economic growth. *Regional Studies*, 2007, no. 41 (5), pp. 685–697.
11. Ciccone A., Hall R.E. Productivity and the density of economic activity. *American Economic Review*, 1996, no. 86 (1), pp. 54–70.
12. Combes P.-P., Duranton G., Gobillon L. Spatial wage disparities: sorting matters! *Journal of Urban Economics*, 2008, no. 63, pp. 723–742.
13. Press K. *A Life Cycle for Clusters?: The Dynamics of Agglomeration, Change, and Adaption*. Springer Science & Business Media, 2006.
14. Sedgley N., Elmslie B. Agglomeration and congestion in the economics of ideas and technological change. *American Journal of Economics and Sociology*, 2001, no. 60 (1), pp. 101–121.
15. Belussi F., Hervás-Oliver J.L. (Eds.). *Agglomeration and Firm Performance*. Berlin: Springer, 2018.
16. Marshall A., Marshall M.P. *The economics of industry*. London: Macmillan and Company, 1920.
17. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76 (6), pp. 77–90.
18. Arrow K. The Economic Implications of Learning by Doing. *A Review of Economic Studies*, 1962, vol. 29, pp. 155–173.

19. Romer P.M. Growth Based on Increasing Returns Due to Specialization. *American Economic Review*, 1987, vol. 77 (2), pp. 56–62.
20. Beaudry C., Schiffauerova A. Who's Right, Marshall or Jacobs? The Localization Versus Urbanization Debate. *Research Policy*, 2009, vol. 38, pp. 318–337.
21. Glaeser E.L., Kallal H.D., Scheinkman J.A., Shleifer A. Growth in cities. *Journal of Political Economy*, 1992, vol. 100 (6), pp. 1126–1152.
22. Ciccone A., Hall R.E. *Productivity and the density of economic activity* (No. w4313). National Bureau of Economic Research, 1993.
23. Sveikauskas L. The productivity of cities. *The Quarterly Journal of Economics*, 1975, vol. 89 (3), pp. 393–413.
24. Shefer D. Localization economies in SMSA's: A production function analysis. *Journal of Regional Science*, 1973, vol. 13 (1), pp. 55–64.
25. Rosenthal S. S., Strange W.C. Geography, industrial organization, and agglomeration. *Review of Economics and Statistics*, 2003, vol. 85 (2), pp. 377–393.
26. Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 84–99.
27. Hanson G.H. Scale economies and the geographic concentration of industry. *Journal of Economic Geography*, 2001, vol. 1 (3), pp. 255–276.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Растворцева – доктор экономических наук, профессор, профессор департамента, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (119017, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17/1; e-mail: SRastvortseva@hse.ru)

Людмила Тарасовна Снитко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Белгородский университет кооперации, экономики и права (308023, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а; e-mail: slt2009@yandex.ru)

Rastvortseva S.N., Snitko L.T.

Regional Specialization and Agglomeration Effects in the Russian Economy

Abstract. The main goal of economic science which is the search for ways to meet the existing needs by means of limited resources is of particular relevance today in the context of the Covid-19 pandemic, the rapid recession of the world economy, reduced export volumes and energy prices decline. Agglomeration effects represent savings of the region's assets from their more efficient distribution based on specialization. The purpose of the research is to develop theoretical and methodological aspects of specialization and agglomeration effects, which determined the need to solve the following tasks: (1) to provide an overview of approaches related to the study issues, (2) to assess the regional specialization of Russia and calculate agglomeration effects in agriculture, mining and processing sectors of industry, and the service sector, (3) to build a model of agglomeration effects impact on the regions' economic development. The article presents the systematization of research on agglomeration processes through the allocation of groups of works that are based on the classification of Duranton and Puga, territorial and geographical approaches, the study of related diversity, the use of the cross-sectional analysis results, sorting processes, and agglomeration economy analysis. The economic point of evaluating a region's specialization is to identify the industries in which it has competitive advantages in order to attract targeted resources. The assessment of agglomeration effects in Russia has shown that not all regions fully realize the advantages of specialization. The constructed models allowed to determine that (1) labor remains the key factor of development in agricultural and industrial regions; (2) roads are not a significant infrastructure indicator

of development; (3) agglomeration effects in agriculture and services do not provide the desired result of the per capita GRP increment; (4) the manufacturing sector development is still an important condition. The article proposes a model allowing the assessment of the impact of agglomeration factors and regional specialization, the results of which can become an information basis for the development of regulatory actions in regional management. The research can be valuable for both the researchers and decision-makers in the field of spatial development.

Key words: regional specialization, agglomeration effects, regional economy, new economic geography, economy of localization, regions of Russia.

Information about the Authors

Svetlana N. Rastvortseva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of Department, National Research University Higher School of Economics (17/1, Malaya Ordynka Street, Moscow, Russian Federation, 119017; e-mail: SRastvortseva@hse.ru)

Lyudmila T. Snitko – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of Department, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (116A, Sadovaya Street, Belgorod, Russian Federation, 308023; e-mail: slt2009@yandex.ru)

Статья поступила 17.04.2020.

Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства*

Екатерина Георгиевна

ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; Researcher ID: I-8400-2016

Аннотация. В условиях нарастания регионального неравенства экономика Российской Федерации и ее регионов испытывает структурные ограничения, связанные с ее несбалансированностью. Результатом такого положения дел становится сокращение внутреннего потребительского спроса, который в последнее время рассматривается как один из факторов экономического роста. Это актуализирует проблему поиска, выявления и обоснования направлений конечного потребления, способных в современных экономических условиях стимулировать спрос населения на товары и услуги отечественного производства и снизить структурные диспропорции. В связи с этим цель исследования – выявление и научное обоснование направлений стимулирования конечного потребления, снижающих региональные диспропорции. Одним из таковых можно назвать туризм, обладающий высоким мультипликативным эффектом, в структуре формирования ресурсов продукции которого минимальна доля импорта. Оценен эффект от роста выпуска продукции туристской отрасли в региональном разрезе, в чем заключается научная новизна исследования. Его результаты позволили выявить проблему недополучения регионами эффектов от стимулирования потребления товаров и услуг туризма. Высокий вклад Центрального федерального округа, на который приходится наибольший эффект от роста выпуска продукции туризма, свидетельствует о необходимости преодолеть имеющуюся пространственную

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5

For citation: Leonidova E.G. Stimulating final consumption within the reduction of regional inequality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5

асимметрию в развитии туризма между отдельными регионами страны. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также инструментарий, основанный на методологии межотраслевого баланса. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами структурной политики, сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка, Всемирной туристской организации. Направления будущих исследований связаны с определением методов регулирования конечного потребления для более глубокого осмысления проблем структурой перестройки экономики.

Ключевые слова: экономика, экономическое неравенство, конечное потребление, туризм.

Введение

Современную постиндустриальную экономику отличает обострившаяся проблема неравенства, которое проявляется во всех сферах общества. Высокий уровень дифференциации социально-экономических параметров находит отражение в падении общей экономической активности, негативно влияет на уровень и качество жизни населения, снижает возможности для реализации человеческого потенциала. Вопросы неравенства рассматриваются учеными не только сквозь призму социальной дифференциации, в частности неравномерного распределения доходов, но и трактуются более широко. Так, выделяют такие виды неравенства, как межличностное, межэтническое, гендерное, глобальное, межрегиональное, внутрирегиональное, экономическое, политическое, социальное, горизонтальное, вертикальное, неравенство возможностей и т. д. В последнее время среди исследователей значительно возрос интерес к изучению экономического неравенства, связанный с изданием в 2015 году книги французского экономиста Т. Пикетти «Капитал в XXI веке». Ученый обосновал, что рост концентрации богатства будет увеличиваться в том случае, если уровень доходности капитала превысит уровень экономического роста, это приведет к значительному расслоению общества [1].

Российскую Федерацию отличает высокий уровень регионального неравенства: по этому показателю она входит в число лидеров среди европейских государств и стран Центральной Азии, опережая такие развивающиеся страны БРИКС, как Бразилия, Индия, Китай [2]. Это обстоятельство сдерживает экономический рост в стране, значительно зависящий от объема внутреннего потребительского спроса.

При этом действует закономерность, согласно которой рост неравенства обуславливает снижение внутреннего потребительского спроса при неизменном уровне доходов населения, поскольку основная часть граждан сокращает свои расходы, а самые обеспеченные слои общества тратят доход на накопление либо на потребление эксклюзивных товаров и услуг, зачастую импортного производства, что приводит к уменьшению спроса на отечественные товары [3; 4]. Примитивная структура потребления большинства россиян, в которой основной статьей расходов является приобретение предметов первой необходимости, ограничивает предпосылки для экономического роста. В связи с этим важно оптимизировать структуру потребления населения путем инвестирования в человеческий капитал (увеличение расходов на услуги образования, здравоохранения, организацию отдыха и досуговые мероприятия), особенно в отношении низкодоходных групп, чье дополнительное потребление будет удовлетворено главным образом за счет товаров и услуг отечественного производства. Стоит отметить, что российской экономической наукой достаточно подробно изучены и освещены в многочисленных публикациях вопросы, связанные с дифференциацией общества по уровню дохода, бедности, структуре потребления на национальном уровне. В то же время в условиях усиления регионального неравенства и нарастания структурных деформаций, имеющих место на всех стадиях воспроизводственного процесса, возрастает необходимость выявления и научного обоснования направлений по стимулированию конечного потребления, снижающих региональные диспропорции. Это и стало целью исследования.

Достижение указанной цели потребовало проанализировать состояние этого структурного элемента экономики и оценить территориальное распределение эффекта, полученного при реализации направлений по стимулированию конечного потребления. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами структурной политики, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка, Всемирной туристской организации. Исследование раскрывает современные тенденции формирования конечного потребления, содержит оценку эффекта от стимулирования направлений конечного потребления на экономику на региональном уровне, что образует его научную новизну.

Теоретические аспекты исследования

Анализ теоретических работ по проблемам структурных диспропорций в региональном разрезе показал, что исследователи в последнее время уделяют внимание изучению дифференциации регионов по инвестициям в основной капитал [5], потребительскому и финансовому поведению населения [6], ресурсной обеспеченности [7] и др. В то же время остаются слабо освещенными аспекты регионального неравенства в отношении такого важнейшего компонента воспроизводственного процесса, как конечное потребление. В соответствии с методологией системы национальных счетов, его образуют совокупные расходы домашних хозяйств, государственного сектора и некоммерческих организаций (НКО), которые обслуживают домашние хозяйства без извлечения прибыли. Обобщение работ отечественных и зарубежных авторов, занимающихся исследованием структурных преобразований экономики [8–19], позволило заключить, что конечное потребление как элемент воспроизводственной системы является важнейшим фактором экономического роста. Регулирование конечного потребления подразумевает стимулирование потребительского спроса.

В России этот процесс ограничивается недостаточным объемом реальных располагаемых денежных доходов населения. Согласно Росстату, значение данного показателя по итогам 2019 года было ниже уровня 2014 года на 6,4%. По мнению экспертов, повышению благосостояния россиян препятствует недостаточный объ-

ем инвестиций в человеческий капитал¹. По сравнению с развитыми зарубежными странами, объем расходов на качественное образование, здравоохранение, услуги культуры и отдыха в России значительно ниже [20]. Несмотря на то что развитие человеческого капитала предполагает сопряженный рост всех его составляющих, следует учесть, что время проявления эффекта для экономики от инвестирования государственным сектором того или иного компонента не одинаково. Например, согласно оценке Международного валютного фонда, увеличение вложений государства в строительство школ только спустя два десятилетия превзойдет по результативности рост затрат по сооружению дорог². В связи с этим перспективным является выделение средств на обеспечение качественного отдыха населения, который реализуется в рамках функционирования внутреннего туризма³. Инвестиции в соответствующую отрасль имеют существенный мультипликативный макроэкономический эффект: среди всех отраслей сферы услуг мультипликатор для туристской отрасли соответствует самому высокому значению [21]. По оценкам специалистов НИУ ВШЭ, современная экономическая ситуация в России формируется более высоким уровнем доходной обеспеченности домохозяйств по сравнению с 1991 годом, что создает дополнительные возможности для развития туристской отрасли, объем которой существенно расширяется за счет перенаправления потоков на внутренний туризм [22].

Связь между развитием туризма и его влиянием на человеческий капитал подтверждена в трудах российских и зарубежных ученых. Так, уделяется внимание разработке методических подходов к исследованию региональных процессов развития туризма и человеческого капитала [23]. В другой работе на основе исполь-

¹ Риск бездействия: академик РАН оценил экономические перспективы России. URL: https://ria.ru/20191124/1561469566.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

² Ломская Т. Как и зачем власти собираются умножать человеческий капитал // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/05/24/770536-umnozhat-chelovecheskii-kapital>

³ В представленном исследовании термины «туризм», «туристская отрасль», «туристский сектор» используются как синонимичные.

зования эконометрических методов на примере 25 африканских стран доказывается влияние функционирования туристской отрасли на развитие человеческого капитала [24]. Итальянскими учеными в результате исследования, проведенного в отношении 63 стран мира в 1996–2008 гг., установлено, что в наибольшей степени туризм влияет на рост образования [25]. Позитивное воздействие на стимулирование экономического роста в результате повышения инвестиций в туризм доказано на примере иранской экономики [26]. Вышеозначенное позволяет полноценно рассматривать наращивание объемов потребления товаров и услуг туризма⁴ внутри страны⁵ населением в качестве одного из перспективных направлений по стимулированию конечного потребления.

Методика исследования

Для анализа конечного потребления и обоснования направлений по его стимулированию использовались общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Для оценки территориального распределения эффекта от увеличения выпуска продукции туристской отрасли использован метод межотраслевого баланса, который дает возможность провести сценарное межотраслевое моделирование экономики. В качестве инструмента прогнозирования взята межотраслевая модель, опирающаяся на основное уравнение межотраслевого баланса, в матричной форме имеющего вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор общего объема продукции;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;

y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица;

$(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

⁴ Под товарами и услугами туризма понимают товары и услуги, предлагаемые на туристическом рынке, с использованием особой классификации продуктов и видов экономической деятельности согласно методологии вспомогательного счета туризма (ВСТ).

⁵ Согласно методологии ВСТ, потребление, относящееся к внутреннему туризму, включает туристское потребление посетителей-резидентов в пределах экономической территории соответствующей страны.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y .

Модель содержит включенный в нее вид деятельности «Туризм», отдельно не представленный в российской статистике. Для расчета туристского выпуска и туристской добавленной стоимости по видам деятельности, связанным с туризмом, использован методический инструментарий, основанный на агрегировании данных, характеризующих отгрузку товаров, выполнение работ и оказание услуг российскими предприятиями [21].

На основе целевых показателей развития туристской отрасли, установленных в программных и стратегических документах, был рассчитан прогнозный темп ее роста до 2024 года. Далее на основе межотраслевой модели выполнен расчет объема реализации продукции туризма при увеличении конечного спроса на нее с учетом полученных прогнозов. Также был оценен вклад туризма в дополнительный прирост численности работников и фонда заработной платы.

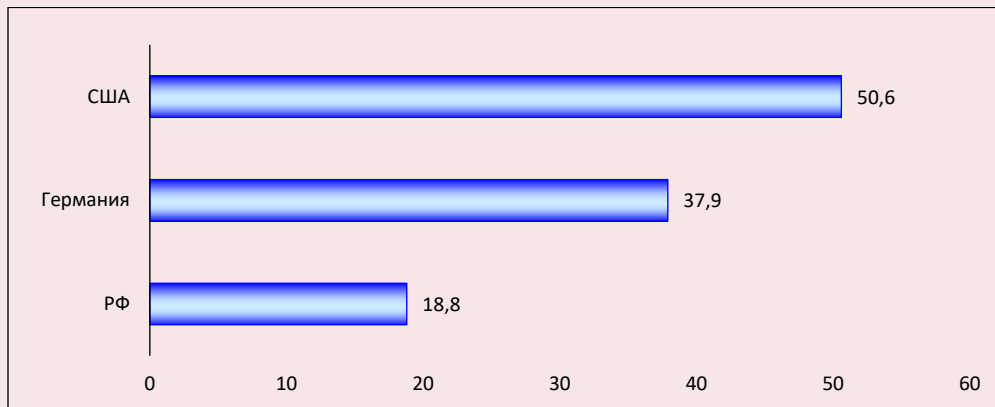
Основные результаты исследования

Конечное потребление и проблема регионального неравенства в России

Согласно данным Всемирного банка, Россия по объему конечного потребления на душу населения в пересчете по паритету покупательной способности (ППС) существенно уступает крупным зарубежным державам. Конечное потребление в РФ почти в три раза ниже, чем в США, и вдвое меньше, чем в Германии (рис. 1).

Ограничение потребления товаров и услуг основными институциональными единицами (население, государство, НКО) сокращает возможности предприятий по увеличению объемов производства продукции, снижая доходы всех экономических агентов. В структуре внутреннего спроса РФ в 2014–2019 гг. доля конечного потребления практически не менялась, составляя примерно 75–76%. Согласно официальным статистическим данным, внутренний спрос в РФ за анализируемый период снизился на 2,2% (табл. 1). Негативная динамика данного показателя за указанный временной промежуток обусловлена в том числе снижением конечного потребле-

Рис. 1. Конечное потребление по ППС в расчете на душу населения в 2018 году, тыс. долл. США

Источник: данные Всемирного банка.

Таблица 1. Внутренний спрос в РФ, трлн руб. (в постоянных ценах)

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2014, %
Внутренний спрос	90,3	82,2	81,2	84,5	86,1	88,3	97,8
Конечное потребление	67,8	62,4	61,4	63,5	65,2	66,8	98,5
домашних хозяйств	51,3	46,4	45,2	46,9	48,5	49,6	96,7
государственного управления	16,2	15,6	15,8	16,2	16,4	16,9	104,3
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	100,0
Валовое накопление	22,5	19,8	19,8	21,0	20,9	21,5	95,6
<i>Справочно</i>							
Экспорт	20,7	21,5	22,1	23,2	24,5	24,0	115,9
Импорт	24,5	18,4	17,7	20,8	21,3	21,8	89,0

Источник: данные Росстата.

ния – его объем сократился на 1,5%. При этом довольно существенно уменьшились объемы потребительского спроса домохозяйств – спад составил 3,3%. Несмотря на тенденцию роста потребительских расходов в секторе государственного управления на 4,3%, следует отметить, что вследствие своего низкого удельного веса в структуре внутреннего спроса он не оказывает значимого влияния на экономику.

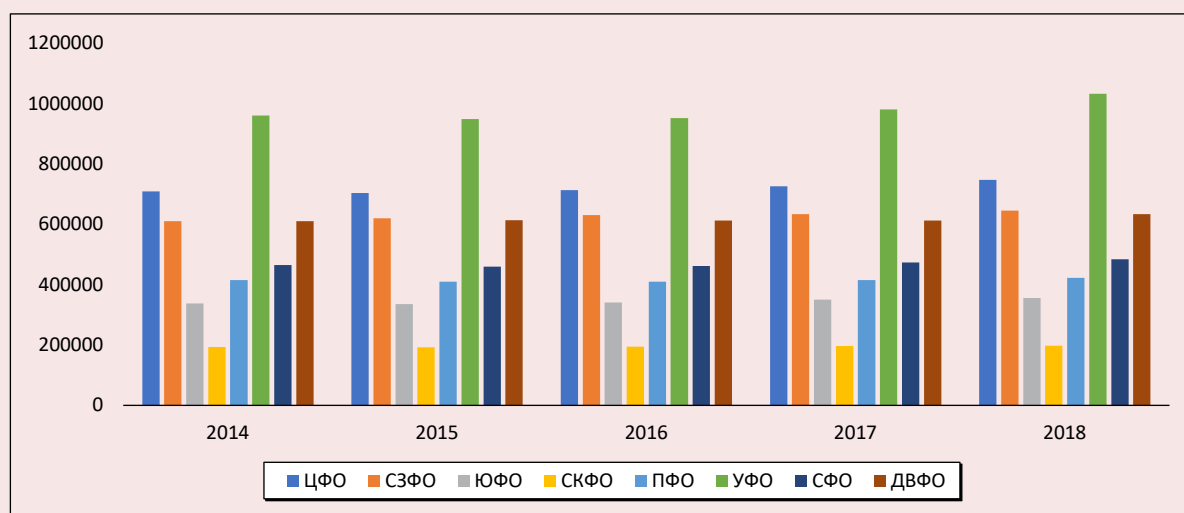
Таким образом, наиболее целесообразна активизация внутреннего спроса на основе стимулирования потребления сектора домашних хозяйств как основного и конечного потребителя произведенных продуктов в экономике. Так, аналитики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН рассматривают возможный рост потребительских расходов в 2020–2021 гг. как способ выхода из стагнационной

«ловушки», первоочередной этап на пути к росту российской экономики⁶. Данный процесс ограничивается имеющимися структурными диспропорциями в экономике страны, обусловленными неравномерностью регионального развития.

Сохранение высокой дифференциации в экономическом развитии регионов, дисбаланс в размещении производительных сил вкупе со слабой мобильностью населения усиливают процессы регионального неравенства, о чем свидетельствует валовой региональный продукт на душу населения (рис. 2).

⁶ Основные направления долгосрочного прогноза социально-экономического развития / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/dolgosrochnii-prognoz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/>

Рис. 2. Валовой региональный продукт на душу населения по федеральным округам Российской Федерации, руб. (в постоянных ценах)

Источник: данные Росстата.

Эти процессы порождают диспропорции и в отношении формирования конечного потребления в регионах. Показателен пример одного из экспортоориентированных регионов Северо-Запада России — Вологодской области, в которой объем фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения в 2014–2018 гг. был в 1,5 раза ниже, чем в среднем по округу. При этом темпы роста данного показателя являются одними из самых низких по СЗФО, что не способствует структурной сбалансированности региональной экономики [27; 28].

Структура потребительских расходов и ее трансформация

Анализ динамики потребительских расходов населения с 2014 по 2018 год показал, что структуру потребления россиян отличает высокая доля расходов на продовольствие (табл. 2). Так, в 2018 году на долю продуктов питания и напитков в потреблении семей уходило около 31%. За указанный период рост индикатора составил 2,3 п. п., что свидетельствует о сокращении возможностей населения тратить средства на обеспечение более качественного уровня жизни и направлять их на потребление других категорий товаров и услуг. Повышение трат домохозяйств на еду связано с отсутстви-

ем положительной динамики реальных располагаемых доходов, а также с ростом цен на продукты питания⁷.

В целом структура потребления россиян достаточно консервативна и практически не меняется с течением времени, однако проведенный анализ ее динамики позволил отметить некоторые корректировки. Так, за 2017–2018 гг. доля расходов на организацию досуга увеличилась в 2,1 раза, что может быть связано с увеличением доходов наиболее обеспеченных домашних хозяйств за этот же период⁸, для которых, согласно закону Энгеля, характерно повышение расходов на образование, медицину, отдых и развлечения при увеличении денежных доходов. Это свидетельствует о тенденции социального расслоения, что затрудняет воспроизводство человеческого капитала значительной части населения и,

⁷ Неравенство в потреблении домашних хозяйств. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/20223.pdf>

⁸ Согласно Росстату, за период с 2017 по 2018 год наиболее заметные изменения в распределении общего денежного дохода в разрезе 20-процентных групп населения отмечены в группе с наибольшими доходами. Доля наиболее обеспеченных россиян увеличилась с 46,9 до 47,1%.

Таблица 2. Динамика структуры потребительских расходов домашних хозяйств, %

Вид продукции	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2014, п. п.
Продукты питания и безалкогольные напитки	28,5	32,1	32,3	31,2	30,7	+2,3
Алкогoльные напитки, табачные изделия	2,8	3,0	3,1	3,0	3,0	+0,3
Одежда и обувь	8,9	9,2	9,2	8,8	8,0	-0,9
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и др. виды топлива	10,3	10,8	11,3	10,9	9,9	-0,4
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом	6,3	5,5	5,9	5,3	5,4	-0,9
Здравоохранение	3,6	3,7	3,6	3,8	3,8	+0,2
Транспорт	17,8	14,4	13,3	16,0	16,7	-1,1
Связь	3,4	3,3	3,3	3,1	3,2	-0,1
Организация отдыха и культурные мероприятия	7,1	6,7	6,7	6,9	7,8	+0,7
Услуги по организации досуга	1,4	1,6	1,7	1,6	3,5	+2,1
Образование	1,0	0,9	0,8	0,8	0,8	-0,2
Гостиницы, кафе и рестораны	3,6	3,5	3,5	3,3	3,5	-0,1
Другие товары и услуги	6,8	6,9	7,1	6,9	7,0	+0,2

Источник: данные Росстата.

соответственно, обеспечение экономического роста. Таким образом, снижение неравенства в потреблении товаров и услуг может рассматриваться как источник активизации потребительского спроса.

Трансформация структуры потребления домашних хозяйств, обладающих ресурсами для развития, должна осуществляться, по мнению российских ученых, в первую очередь на основе таких драйверов развития, как расходы на транспорт, связь, отдых и культуру, а затем — за счет трат на услуги индустрии гостеприимства (общественного питания и гостиничного хозяйства), а также сферы жилищно-коммунального хозяйства. При этом отмечается, что расходы на здравоохранение и образование не могут выступать в качестве такого драйвера в силу того, что соответствующие качественные платные услуги в этой сфере доступны лишь немногочисленной части населения с высокими доходами [29]. Можно заключить, что туризм как отрасль, включающая в себя транспортное обслуживание, гостиничные услуги, деятельность предприятий общественного питания, организаций связи, культурно-досуговых учреждений, может рассматриваться в качестве катализатора потребительского спроса со стороны широких слоев населения.

В научных исследованиях доказано, что рост среднемесячных денежных доходов россиян (на одного члена домашнего хозяйства) на 5 тыс. руб. в ценах 2018 года вызовет увеличение потребительских расходов среди наименее обеспеченных домохозяйств на 4,2 тыс. руб., из которых не менее 80% будет направлено на приобретение товаров и услуг отечественного производства, тем самым стимулируя внутренний спрос. В разрезе всех доходных групп населения наряду с увеличением трат на продовольственные товары и услуги, одежду, довольно заметным будет прирост расходов на транспорт, организацию отдыха и культурные мероприятия [30].

Роль развития туристской отрасли в контексте повышения уровня человеческого капитала довольно существенна. В научных исследованиях по данной проблематике установлено, что создание рабочих мест в результате активизации туристского сектора генерирует рост расходов населения на питание, а образующиеся средства направляются населением на повышение уровня грамотности. Доходы от государственных инвестиций в туризм позволяют направлять их на предоставление более качественных услуг в сфере образования и здравоохранения [24].

Значимость туризма как перспективного направления по стимулированию конечного потребления в Российской Федерации определяется тем, что имеется нереализованный потенциал потребления туристских услуг жителями внутри страны. По данным социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, в среднем лишь 43% жителей России за последние пять лет отдыхали за пределами региона проживания (табл. 3) (для сравнения: в Японии и Германии путешествует 80% населения, в Великобритании – 70%).

При этом доля россиян, проводящих свой отпуск дома, за 2015–2019 гг. увеличилась в 2,5 раза⁹.

Россия значительно уступает зарубежным странам по количеству туристов (рис. 3). Следовательно, вклад туристской отрасли в рост объемов конечного потребления мог бы быть выше.

Это подтверждают данные расходов населения на потребление туристских товаров и услуг внутри страны (табл. 4). За период с 2014 по 2018 год объем туристского потребления в России уменьшился на 6,4%, в то время как значение этого показателя в других государствах демонстрирует положительную динамику.

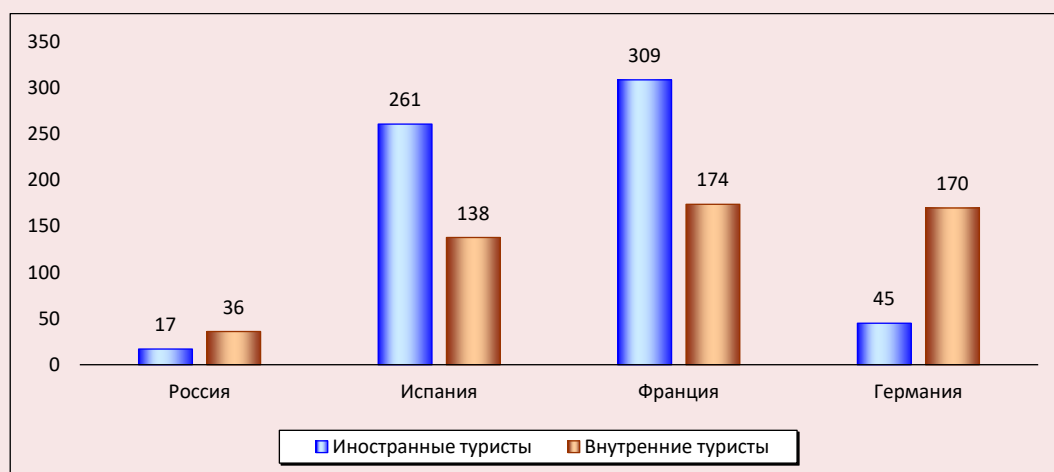
Среди мировых лидеров по объемам трат населения особенно выделяется Китай, в котором рост показателя за анализируемый период составил 56,2%, что объясняется большим

Таблица 3. Распределение ответов россиян относительно проведения отпуска в России за пределами домашнего региона

А Вы за последние пять лет ездили отдыхать, проводили отпуск в других регионах России или нет? (закрытый вопрос, один вариант ответа, % от всех опрошенных)						
Вариант ответа	Все опрошенные	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Да, один раз	16	21	21	19	13	11
Да, два раза и более	27	36	34	30	26	18
Нет, не ездил	57	43	45	51	61	71
Затрудняюсь ответить	0	0	0	0	0	0

Источник: Итоги лета – 2019 / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9917>

Рис. 3. Число туристов на 100 жителей в разных странах в 2018 г., чел.

Источник: данные Евростата.

⁹ Итоги лета – 2019 / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9917>

Таблица 4. Динамика расходов на потребление товаров и услуг туризма резидентами, млрд долл. США (в постоянных ценах)

№	Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2014, %
1	США	771,7	783,6	798,5	830,1	857,5	111,1
2	Китай	497,4	560,5	638,8	711,5	776,7	156,2
3	Германия	305,8	297,0	301,3	310,3	315,1	103,0
4	Япония	183,4	196,8	195,7	201,1	202,8	110,6
5	Великобритания	159,6	169,7	181,2	193,9	200,1	125,4
6	Индия	147,9	161,3	176,1	184,1	196,6	132,9
7	Италия	140,7	150,9	152,5	158,3	161,0	114,4
8	Мексика	121,5	130,9	130,5	133,6	136,8	112,6
9...	Франция	129,2	128,4	130,1	131,3	135,7	105,0
...16	Россия	43,9	41,4	42,2	42,6	41,1	93,6

Источник: данные Всемирной туристской организации.

вниманием к развитию внутреннего туризма. Согласно прогнозам, к 2020 году объем внутреннего туристического потока в Китае составит более 6 млрд человек [31]. Для еще большего стимулирования его роста и увеличения внутреннего потребления в сфере туризма в стране на законодательном уровне регулируются цены на услуги, относящиеся к внутреннему туризму (входные билеты на туристические объекты, билеты на транспорт и т. д.).

Отставание России по данному показателю объясняется, в том числе, отсутствием должного внимания к туризму как к перспективной и высокодоходной отрасли народного хозяйства со стороны государства. Длительное время туристский сектор не воспринимался органами власти в качестве катализатора экономического развития. С постсоветского периода управление отраслью осуществлялось структурами, ответственными за развитие культуры, спорта

и т. д. Лишь к концу 2018 года сложилось окончательное понимание о туризме как о драйвере роста экономики, что обусловило переход Федерального агентства по туризму из подчинения Министерства культуры РФ в ведение Министерства экономического развития РФ.

В 2019 году Правительством РФ была принята Стратегия развития туризма в РФ до 2035 года, определяющая основные ориентиры функционирования отрасли. В частности, в документе указано, что вклад туризма в ВВП страны по сравнению с уровнем 2017 года должен возрасти в 5,1 раза, а количество внутренних туристских поездок на одного жителя РФ в год — увеличиться в 2,5 раза (табл. 5).

Кроме того, в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹⁰ туризм является приоритетной отраслью в подавляющем большинстве российских регионов.

Таблица 5. Целевые ориентиры развития туризма в РФ до 2035 года

Показатель	2017 (факт)	2025 (прогноз)	2035 (прогноз)
Количество внутренних туристских поездок на 1 жителя РФ в год	0,4	0,6	1,0
Валовая добавленная стоимость туристской индустрии, трлн руб.	3,2	6,1	16,3
Экспорт туристских услуг, млрд долл. США	8,9	15,7	28,6
Инвестиции в сферу туризма, индекс, %	100	150	300

Источник: Стратегия развития туризма в России до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р. URL: <http://government.ru/docs/37906/>

¹⁰ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

Возможности снижения регионального неравенства

В контексте выполнения данных показателей, а также снижения регионального неравенства важно иметь представление о том, каким образом распределится основной эффект в результате возросшего спроса на продукцию туризма.

На основе инструментария межотраслевого моделирования определено, на какие территории придется этот эффект при следующих сценарных вариантах:

- сохранении существующей территориальной структуры туристского потребления;
- трансформации территориальной структуры туристского потребления в соответствии с численностью населения округа (рис. 4).

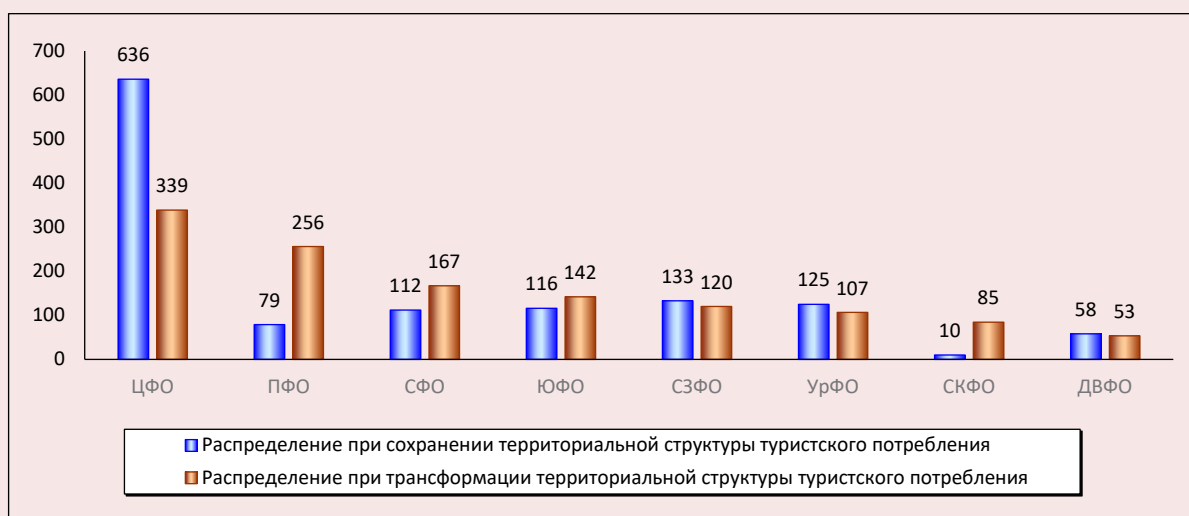
По итогам расчетов выявлено, что в обоих случаях прирост валового выпуска продукции в результате возросшего спроса населения на продукцию туризма придется на Центральный федеральный округ. Это обстоятельство можно объяснить тем, что в ЦФО находится один из самых крупных мировых мегаполисов – город федерального значения Москва, который располагает существенным туристическим потенциалом, генерируя турпоток. При этом при моделировании роста спроса на туристскую продукцию пропорционально численно-

сти населения, проживающего в федеральных округах, распределение эффекта будет более равномерным: удельный вес Центрального федерального округа в этом случае составит не 50, а 27%. В результате дополнительный прирост валового выпуска продукции получают другие территории. Доля Приволжского федерального округа увеличится с 6 до 20%, что может быть обусловлено высокой концентрацией проживающих в нем потенциальных потребителей товаров и услуг туризма. Так, по численности населения округ занимает второе место в РФ. Таким образом, возросший потребительский спрос обеспечит больший прирост валового выпуска продукции.

Также произойдет значительное перераспределение эффекта в результате роста туристского потребления в СФО, ЮФО и СКФО.

Это говорит о сложившейся территориальной асимметрии в развитии туризма в стране, а также о недополучении регионами эффектов от роста потребления товаров и услуг туризма. Таким образом, принимая во внимание то, что практически все территории РФ располагают туристским потенциалом, целесообразно создавать условия, при которых спрос на продукцию, производимую туристской отраслью, будет регулироваться с учетом количества населения федеральных округов.

Рис. 4. Прирост валового выпуска продукции от стимулирования потребления товаров и услуг туризма в разрезе федеральных округов, млрд руб.

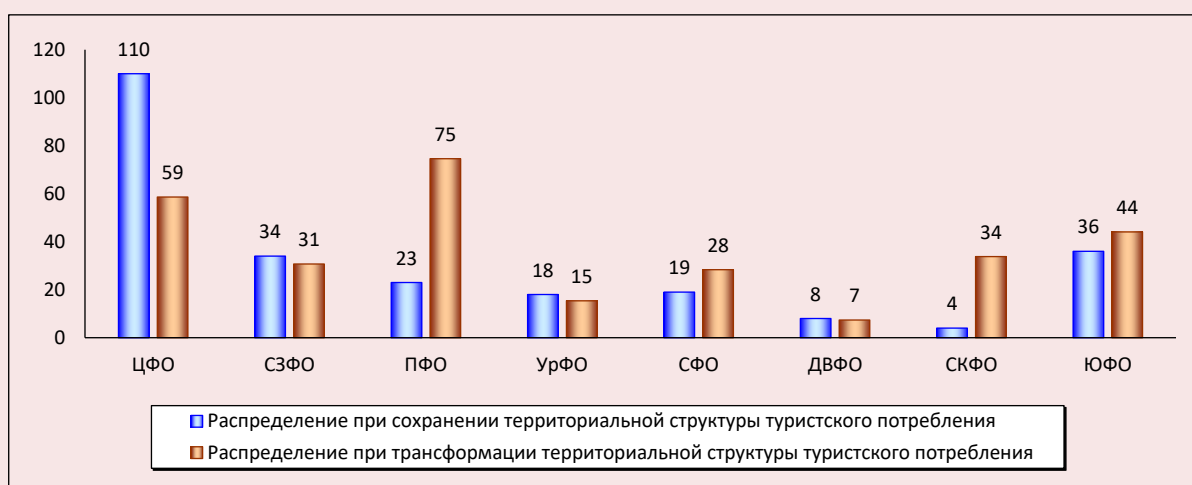
Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

Прирост валового выпуска продукции, вызванного спросом на товары и услуги туризма, обеспечит соответствующее увеличение занятости и фонда оплаты труда в регионах (рис. 5, 6).

По результатам проведенного сценарного моделирования можно отметить, что при варианте роста спроса на туристскую продукцию, учитывающего численность населения федеральных округов, распределение эффектов по

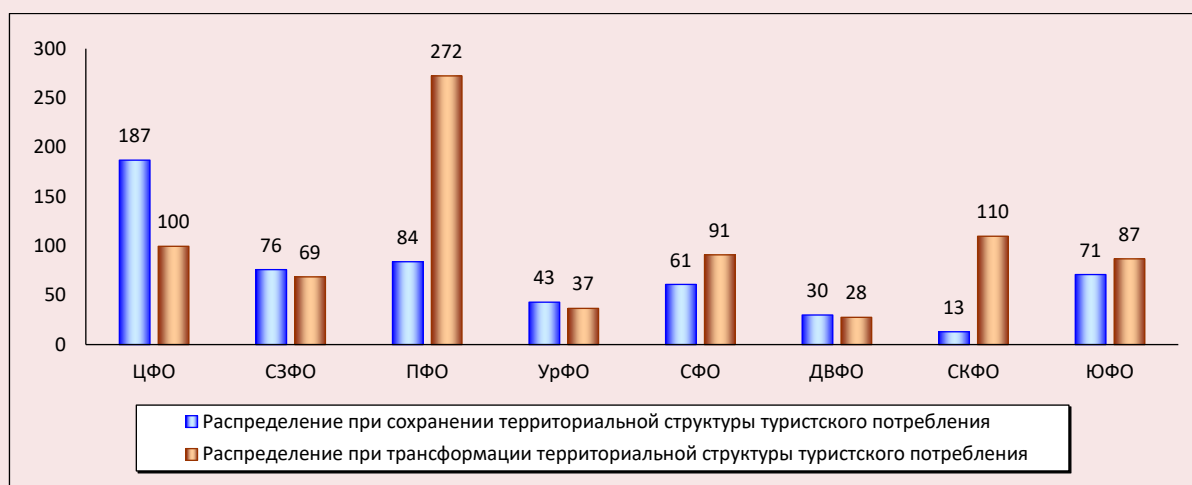
территории страны происходит более равномерно. При этом заметно трансформируется роль Центрального федерального округа, ранее выступавшего в качестве основного получателя выгод от увеличения основных экономических показателей. Происходит улучшение позиций регионов-аутсайдеров. Так, значимый эффект в виде прироста фонда оплаты труда и численности работников отмечен в Северо-Кавказском федеральном округе.

Рис. 5. Территориальное распределение прироста фонда заработной платы, вызванного ростом туристского потребления в РФ, млрд руб.

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

Рис. 6. Территориальное распределение прироста численности работников, вызванного ростом туристского потребления в РФ, тыс. чел.

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

Таким образом, результаты расчетов позволили выявить сценарий, при котором распределение эффекта от роста выпуска продукции туристской отрасли способствует снижению регионального неравенства, что требует более обоснованного подхода при проведении политики по регулированию внутреннего спроса.

Подводя итог, стоит отметить, что осуществление органами власти экономической политики, направленной на стимулирование внутреннего потребительского спроса в России и ее регионах, должно учитывать имеющееся региональное неравенство, заключающееся в неравномерном территориальном распределении эффектов при росте спроса на производимые товары и услуги. Это обстоятельство диктует необходимость реализации мероприятий по сбалансированному социально-экономическому развитию российских территорий.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить значительные территориальные диспропорции, обостряющие проблему регионального неравенства. Отсутствие существенных изменений по таким показателям, как ВРП на душу населения, объем фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения, сигнализируют о высоком уровне межрегиональных различий. В этой ситуации стимулирование конечного потребления, осуществляемое на основе корректировки структуры потребительских расходов, может способствовать снижению региональной дифференциации. Усиление значимости человеческого капитала в контексте решения задачи по обеспечению экономического роста страны ставит вопрос о качественном изменении потребления, увеличении в его структуре доли сферы услуг в части развития образования, здравоохранения, культуры, организации отдыха.

Можно констатировать, что существенный потенциал для потребления товаров и услуг туризма не используется в современной российской экономике в необходимом объеме. Прогноз относительно спроса на путешествия внутри страны в результате влияния пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 видится довольно неоднозначным. С одной стороны, вследствие ограничений на выезд граждан

за рубеж интерес населения к турам по стране может значительно возрасти. Это способствует усложнению структуры потребления домашних хозяйств в направлении роста расходов на товары и услуги туризма. Важным шагом в развитии туристской отрасли в РФ стал переход Ростуризма в июне 2020 года из ведения Министерства экономического развития под прямое руководство Правительства России. Ведомству переданы функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере туризма и туристской деятельности в стране. Кроме того, известное российское общественное объединение «Опора России» выступало инициатором создания национального проекта по развитию туризма.

В то же время спрос на внутренний туризм может снизиться вследствие уменьшения платежеспособного спроса населения в результате введения жестких карантинных мер в стране, а также падения цен на нефть и экспортного спроса.

Результаты проведенного межотраслевого моделирования позволили обосновать важность оптимизации структуры потребления российских домохозяйств в контексте сокращения территориальных диспропорций. Эффекты в виде дополнительного прироста численности работников и фонда заработной платы, возникающие в результате одинакового спроса во всех округах страны, распределяются по ее территории более равномерно, что способствует снижению регионального неравенства. Учитывая имеющийся потребительский потенциал и перспективность стимулирования конечного потребления, на его основе необходимо осуществлять меры, связанные с изменением структуры потребления населения. Этому будет способствовать оптимизация потребительского спроса на товары и услуги отечественного производства путем повышения их конкурентоспособности, а также проведение политики, направленной на рост доходов населения путем регулирования ставок минимальной оплаты труда, обеспечения доступности механизмов потребительского кредитования, повышения уровня доходов наименее обеспеченных слоев населения, а также снижения налоговой нагрузки домашних хозяйств.

Следует отметить, что стимулированию конечного потребления будет способствовать разработка методического инструментария для оценки его вклада в экономику. Это позволит более обоснованно подходить к определению основных индикаторов экономического развития при создании соответствующих программ.

Научная значимость исследования состоит в развитии научных положений в отношении обоснования направлений по стимулированию конечного потребления, разработке методи-

ческого инструментария, позволяющего оценить их влияние на экономику страны и регионов на основе метода межотраслевого баланса. Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные результаты органами власти при определении направлений, обеспечивающих структурные изменения. В дальнейшем будут продолжены работы по выявлению методов регулирования конечного потребления для более глубокого осмысления проблем структурной перестройки экономики.

Литература

1. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
2. Bussolo M., Dávalos M.E, Peragine V., Sundaram R. *Toward a New Social Contract. Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf?sequence=10>
3. Анисимова Г.В., Воейков М.И. Политическая экономия равенства и неравенства: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 47 с.
4. Моисеева, Ю.О. Экономический рост и динамика уровня доходов населения // *Russian Journal of Labor Economics*. 2018. № 2. С. 599–606. DOI: 10.18334/et.5.2.39046 1
5. Розанова Л.И. Инвестиционное неравенство регионов // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2013. № 1. С. 43–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=809. DOI: 10.7256/2306-4595.2013.1.809
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С. Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. *Известия РАН. Серия географическая*. 2019. № 5. С. 3–17.
7. Морощкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // *Регионоведение*. 2018. Т. 26. № 4. С. 638–657. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657>
8. Земскова Е.С., Колосков Д.А. Деформация структуры конечного потребления как препятствие экономического роста (на примере Республики Мордовия) // *Наукосведение*. 2017. № 6. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf>
9. Миролюбова Т.В., Ворончихина Е.Н. Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа валового регионального продукта (на примере Пермского края) // *Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» (Perm University Herald. Economy)*. 2017. Т. 12. № 1. С. 91–109. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-1-91-109
10. Рожковская Е.А. Динамика и структура конечного потребления как фактора экономического роста // *Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Респ. Беларусь*. 2008. № 1. С. 4–18.
11. Ивантер В.В. Перспективы восстановления экономического роста в России // *Вестник РАН*. 2017. № 1. С. 15–28. DOI: 10.7868/S0869587317010042
12. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) // *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 5–28. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-5-28>
13. Миронов В.В., Коновалова Л.Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // *Вопросы экономики*. 2019. № 1. С. 54–78. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>
14. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широга. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.
15. Eicher T.S., Schreiber T. Structural policies and growth: time series evidence from a natural experiment. *Journal of Development Economics*, 2010, vol. 91, pp. 169–179. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2009.05.003

16. Freire C. Economic diversification: A model of structural economic dynamics and endogenous technological change. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, no. 49, pp. 13–28.
17. Kucera D., Jiang X. Structural transformation in emerging economies: Leading sectors and the balanced growth hypothesis. *Oxford Development Studies*, 2019, vol. 47, pp. 188–204.
18. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 43–52.
19. Баранов А.О., Гореев А.В. Оценка влияния национальных проектов на развитие экономики России с использованием динамической межотраслевой модели // ЭКО. 2019. № 49 (10). С. 94–114. URL: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-94-114>.
20. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
21. Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
22. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада: докл. К XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19-22 апр. 2016 г. / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 76 с.
23. Васильева А.В. Влияния туризма на развитие человеческого капитала в регионе: постановка исследовательских задач // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 45–48.
24. Folarin O., Oladipupo E., Ajogbeje K., Adeniyi O. Does tourism development contribute to human capital development in Africa? *Tourism*, 2017, no. 65, pp. 314–329.
25. Biagi V., Ladu M.G., Royuela V. Human development and tourism specialization. Evidence from a panel of developed and developing countries. *International Journal of Tourism Research*, 2016, vol. 19, no. 2. DOI: <https://doi.org/10.1002/jtr.2094>
26. Shakouri B., Yazdi SK., Nategian N., Shikhrezaei N. International tourism and economic growth and trade: Variance decomposition analysis. *Journal of Tourism & Hospitality*, 2017, vol. 6, no. 3 (286). DOI: 10.4172/2167-0269.1000286
27. Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4
28. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
29. Российская экономика: курс лекций. Кн. 2. Настоящее и перспективы после реформ / под ред. Е.Г. Ясина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 527 с.
30. Влияние уровня и распределения доходов на структуру потребления российских домашних хозяйств // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/uroven-raspredelenie-dohodov-struktura-potrebleniya-domashnih-hozyajstv>
31. Dai Bin, Jiang Yiyi. Characteristics of the scene and the choice of policy for the development of outbound tourism in China. *Tourism Journal*, 2013, 28 (1), pp. 39–45.

Сведения об авторе

Екатерина Георгиевна Леонидова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

Stimulating Final Consumption within the Reduction of Regional Inequality

Abstract. With increasing regional inequality, the economy of the Russian Federation and its regions experiences structural constraints related to its imbalance. The result of this situation is the reduction of domestic consumer demand, which has recently been considered a factor of the economic growth. It actualizes the problem of finding, identifying, and justifying areas of final consumption which may stimulate the population's demand for goods and services of domestic production and reduce structural imbalances in current economic conditions. In this regard, the purpose of the study is to identify and scientifically substantiate ways to stimulate final consumption that reduce regional imbalances. One of these ways is tourism, which has a high multiplicative effect. It has the minimum share of import in the structure of the formation of its products' resources. The study's scientific novelty is the estimation of the effect of the increase of the tourism industry's output within the regional context. Its results allowed us to identify the problem of under-receiving effects from stimulating the consumption of tourism goods and services by regions. The high contribution of the Central Federal District, which accounts for the greatest effect from the growth of tourism output, indicates the need to overcome the existing spatial asymmetry in tourism development between certain regions of the country. General scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, as well as tools based on the methodology of inter-sectoral balance, were used as the methodological basis of the research. The information basis of the research included works of domestic and foreign scientists dealing with structural policy, information from state statistics institutions, data from the World Bank and the World Tourism Organization. Future research areas are related to the definition of methods for regulating final consumption for a deeper understanding of problems of economic restructuring.

Key words: economy, economic inequality, final consumption, tourism.

Information about the Author

Ekaterina G. Leonidova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky St., Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Статья поступила 27.04.2020.

Современные формы активизации экономического роста в регионах*

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

**Наталья Александровна
ЕКИМОВА**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4
E-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

Аннотация. Статья посвящена обзору как российских, так и зарубежных исследований в области современных форм активизации экономического роста в регионах на примере институтов регионального развития. В качестве наиболее перспективных институтов регионального развития выбраны проектное управление и агентства регионального развития. Нарастание интереса к проектному управлению показано на данных международной базы *ScienceDirect*, в которой количество статей по данной теме за 1996–2019 гг. составило 19,5 тыс., а их годовая численность за указанный период выросла в 3,8 раза. В России имеет место похожая тенденция: по данным электронной библиотеки *eLIBRARY.RU*, количество аналогичных статей за период 2000–2019 гг. увеличилось в 87,5 раза, а их общее число за указанный период составило 1,2 тыс. Главным ме-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-110-50121-Экспансия).

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Современные формы активизации экономического роста в регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 74–92. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.6

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Modern ways to boost economic growth in regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 74–92. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.6

тодом исследования выступает сравнительный страновой анализ. Рассмотрены достоинства и недостатки проектного финансирования, в том числе на примерах Оперного театра в Сиднее (Австралия), Олимпийского стадиона в Монреале (Канада), сверхзвукового лайнера «Конкорд» (Франция – Великобритания), Суэцкого канала (Египет), телескопа «Хаббл» (США – ЕС), моста Хамбер (Великобритания). Изучая международный опыт агентств регионального развития, авторы классифицировали их на три типа: агентства по обеспечению регионального выравнивания внутри страны (Шотландия, Австралия, Канада); агентства по обеспечению экономического выравнивания внутри международного объединения стран (Евросоюз – Польша, Румыния, Португалия); агентства по обеспечению вхождения страны в состав мировых лидеров на базе инновационной экономики (Китай, Малайзия, Ботсвана). Обобщающий анализ работ, исследующих деятельность агентств регионального развития, позволил представить описанные институты в системном виде, а также выявить их слабые и сильные стороны, которые необходимо учесть при развитии данного инструмента активизации экономического роста в регионах России.

Ключевые слова: региональное управление, институты регионального развития, проектное управление, проектное финансирование, агентства регионального развития.

Введение

Современная мировая экономика входит в режим охлаждения экономического роста, когда темпы наращивания производства резко снижаются по сравнению с предыдущими десятилетиями. Последние события в мире, связанные с пандемией коронавируса, падением цен на нефть, остановкой работы предприятий грозят усугубить эту тенденцию.

Наиболее болезненным данный режим может оказаться для территорий, лежащих за пределами центров экономической активности, догоняющее развитие которых находится в компетенции региональных властей. Более чем полувековой мировой опыт разных стран показал, что существуют эффективные инструменты, позволяющие добиться быстрого экономического роста. Достаточно вспомнить восстановление разрушенных в ходе войны экономик Германии, Австрии, Франции, СССР и др.; экономическое развитие стран Восточной и Центральной Европы после их вхождения в состав ЕС; «экономическое чудо» азиатских государств. Несмотря на различия всех этих стран, в стратегии их развития можно выделить общие черты, связанные с проведением институциональных реформ и политики регионального развития [1].

Мировая практика показала, что для решения задач экономического развития территорий в условиях культурных, институциональных и технологических ограничений требуется система специальных институтов, способных реализовывать нестандартные схемы проектов раз-

вития регионов. Благодаря такой политике в регионах могут быть созданы точки роста, обладающие большим экономическим мультипликатором и порождающие рост в смежных отраслях, тем самым инициирующие заметную экономическую активность.

В настоящий момент Россия остро нуждается в эффективных механизмах запуска регионального экономического роста. Такая потребность вызвана, с одной стороны, вялым ростом в предыдущие годы, с другой – необходимостью выравнивать уровни развития территорий, между которыми и без того огромный разрыв постоянно увеличивается. В связи с этим накопленный международный опыт внедрения прогрессивных форм для активизации регионального экономического роста может дать России организационные ориентиры по созданию на своей территории похожих институтов с учетом ее специфики. Получение указанных ориентиров предполагает инвентаризацию имеющегося арсенала институтов регионального развития (ИРР)¹. В связи с этим цель данной статьи состоит в поиске и изучении современной литературы об опыте наиболее перспективных ИРР для их последующей адаптации в России.

¹ Следует отметить, что понятие «регион» в контексте ИРР в зависимости от цели их деятельности может варьироваться от узкого (применительно непосредственно к регионам как составной части страны) до более широкого (как отдельной территории, страны).

Институты регионального развития: общая архитектура

Разнообразные ИРР стали неотъемлемой частью системы управления в любом высокоразвитом государстве. Будучи одним из инструментов государственной инновационной политики, они представляют собой нормы взаимодействия между экономическими агентами, результатом применения которых является изменение состояния системы [2]. Аккумулируя и перераспределяя финансовые средства в наиболее перспективные проекты, ИРР способствуют не только эволюции отраслей экономики и реализации национальных стратегий, но и содействуют повышению инвестиционной привлекательности регионов и решению вопросов межрегиональной дифференциации [3].

На сегодняшний день имеется целый ряд классификаций ИРР, в основе которых лежат разные признаки. С точки зрения «учредительного принципа» можно выделить федеральные институты развития, федеральные институты развития на региональном уровне, региональные институты развития [4].

По функциональному признаку в международной практике выделяют следующие ИРР: *финансовые*, отвечающие за дополнительное финансирование регионального финансового рынка; *инфраструктурные*, связанные с реализацией инфраструктурных проектов регионов; *корпорации промышленного (инновационного) развития*, нацеленные на поддержку промышленности в регионах и стимулирование инноваций; *экспансионистские институты развития*, деятельность которых направлена на интернационализацию регионов путем привлечения иностранных инвестиций и развития экспорта; специализированные *социальные фонды*, участвующие в развитии территорий [3].

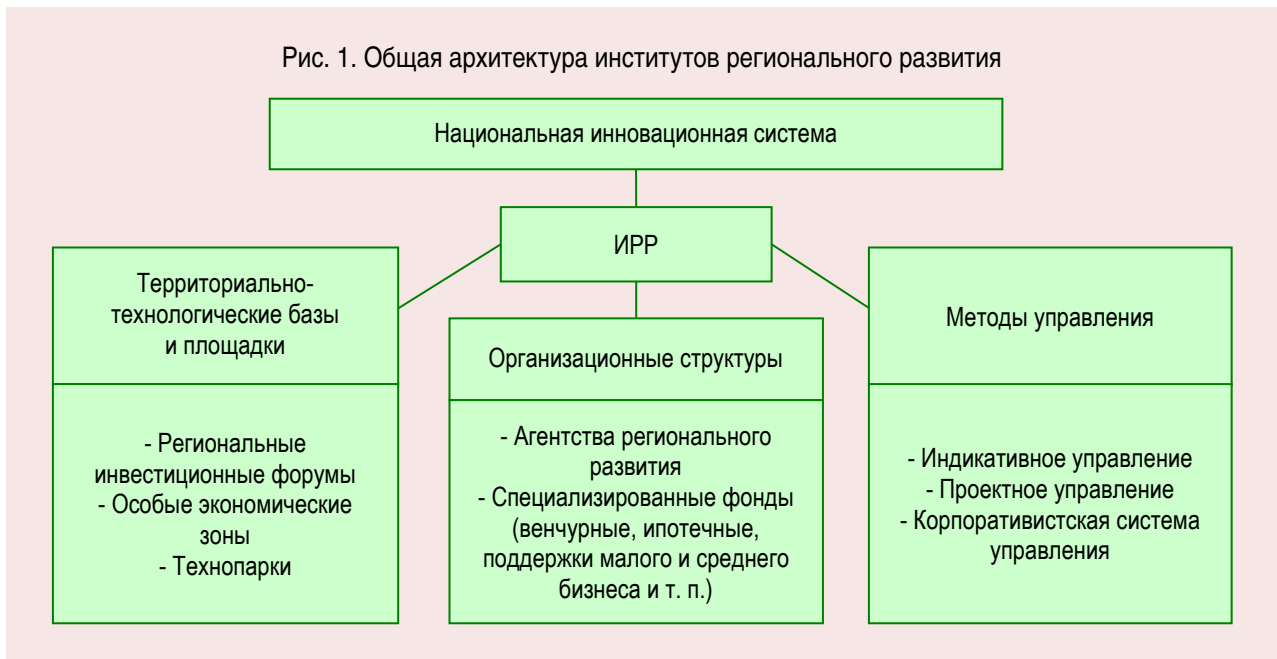
С позиции уровня развития и зрелости ИРР иногда выделяют *институты конкурентного рынка* (ИКР) и *институты догоняющего развития* (ИДР) [1]. К первому типу относятся институты, обеспечивающие высокое качество конкурентной среды и характерные для развитых государств с высоким уровнем гражданской культуры. ИДР являются промежуточными институтами и выступают драйвером быстрого экономического роста развивающихся стран в условиях низкого качества ИКР.

В арсенал ИРР входят элементы, представляющие собой не только *организационные структуры*, но и различные *методы управления* социально-экономическим развитием территорий, а также *территориально-технологические площадки* и базы. В разряд первых попадают агентства (корпорации) регионального развития, региональные ипотечные и венчурные фонды. Вторым элементом включает корпоративистскую систему управления, индикативное планирование, проектное управление и др. К третьим относятся региональные инвестиционные форумы (РИФ), технопарки и особые экономические зоны. Объединяющий признак разных ИРР состоит в том, что все они являются *специальными институтами* (правилами взаимодействия участников рынка), создаваемыми для ускорения экономического развития *отдельных регионов* страны. Общая архитектура ИРР, не претендующая на исчерпывающую полноту, представлена на *рисунке 1*.

Некоторые из перечисленных элементов ИРР характерны в большей степени для институтов догоняющего развития, в связи с чем их исследование не нашло должного отражения в западной литературе. В частности, речь идет о региональных инвестиционных форумах, получивших широкое распространение в России в последние десятилетия. Данные структуры представляют собой своеобразные площадки, на которых спрос на инвестиции и их предложение могут периодически беспрепятственно встречаться. В развитых странах эту миссию выполняют финансовые институты и биржевые механизмы, однако в развивающихся государствах данные институты развиты недостаточно, в связи с чем и возникает необходимость в поиске новых форм организации рынка инвестиций типа РИФ [5; 6].

Нельзя сказать, что подобного рода форумы являются уникальной российской инновацией, подобные мероприятия регулярно проводятся и в других странах мира. Так, в 2020 году был запланирован целый ряд подобных мероприятий: Глобальный инвестиционный форум (*Global Investment Forum*) в Швейцарии, Альтернативный инвестиционный форум (*Alternative Investment Forum*) в Литве, Социальный инвестиционный форум (*Responsible Investment Forum*) в Великобритании, Инвестиционный

Рис. 1. Общая архитектура институтов регионального развития

саммит (*Selectusa Investment Summit*) в США, Форум частных инвестиций (*Private Investment Forum Worldwide*) в Швейцарии и др. Россия же не просто присоединилась к новому институту, а стала одним из первых и наиболее активных его операторов.

К настоящему времени отмечается как положительный, так и отрицательный опыт деятельности РИФ² в России. Так, наиболее успешным является Петербургский международный экономический форум, который с 2006 года проходит под патронажем и при личном участии Президента РФ. По результатам 2019 года в форуме приняло участие более 19 тыс. чел. из 145 стран мира; проведено более 230 деловых мероприятий и подписано 745 инвестиционных соглашений на общую сумму 3,3 трлн рублей³.

Учитывая, что успех РИФ зависит от множества факторов, среди которых немалое значение имеют поддержка федеральных и региональных властей, финансовая помощь от спонсоров, координация сроков проведения и др., «провал» хотя бы одного из них способен

привести форум к фиаско. В России в качестве примеров таких неудачных инициатив можно назвать Байкальский экономический форум, вытесненный более активным Восточным экономическим форумом; Тульский экономический форум, по итогам работы которого в 2006 и 2007 гг. было подписано 69 инвестиционных соглашений на общую сумму 275 млрд рублей, что существенно превысило бюджет Тульской области за несколько лет [7], но прекративший свое существование в 2013 году из-за снижения активности инвесторов [8]. Однако приведенные примеры не являются уникальными и характерными исключительно для России. Например, неудачными оказались в конце прошлого столетия попытки властей Республики Бангладеш привлечь иностранные инвестиции в экономику с помощью инвестиционных форумов: слишком грандиозные цели намеченных мероприятий и их обширные повестки вызвали недоверие инвесторов и послужили причинами провала инициативы [9].

Еще одним элементом ИРР выступает *индикативное планирование* (ИП). В условиях недостаточно развитой институциональной среды, низкого уровня культуры и технологий ИП является институтом, который превращается в главный драйвер модернизации экономики страны и способствует улучшению институтов конкурентного рынка [1; 10].

² Во избежание недопонимания заметим, что понятие РИФ является достаточно широким и под него часто попадают форумы с иными названиями, а в качестве их разновидности выступают периодически проводимые выставки, салоны, шоу и т. п. Более подробное обсуждение данных институтов – предмет отдельной статьи.

³ Петербургский международный экономический форум. URL: <https://forumspb.com/about/?lang=ru>

Современная система индикативного планирования представляет собой деятельность государственных органов по составлению средне- и долгосрочных планов территориально-отраслевого развития страны, в основе которых лежат крупномасштабные проекты модернизации ее отдельных регионов и отраслей [11]. ИП активно использовалось в послевоенное время в Японии, Франции, Южной Корее, США; сегодня оно успешно применяется в Ирландии, Индии, Саудовской Аравии, Малайзии и Китае, где представляет собой макроэкономическое планирование при сохранении самостоятельности предприятий и доминировании госсектора в экономике [1; 11; 12]. Использование ИП в Республике Татарстан позволило региону войти в число российских регионов-лидеров по экономическому развитию и инвестиционной привлекательности [13; 14].

Нельзя не отметить, что институты управления ИПР предполагают методическое обеспечение планируемых проектов. Например, самостоятельную проблему представляет аналитический инструментарий, позволяющий адекватно оценить сложные проекты для их последующего отбора и составления планов регионального развития. Однако данный вопрос является темой для отдельного исследования и выходит за рамки статьи.

Рассмотренные разновидности ИПР широко распространены как в развитых, так и в развивающихся странах. Среди них, на наш взгляд, наиболее интересными и важными являются *проектное управление* (ПУ) и *агентства регионального развития* (АРР), на изучении которых мы остановимся более подробно. Выбор указанных институтов – ПУ и АРР – определяется фактом их непохожести и комплементарности одновременно. Если первые направлены на реализацию *сверхмасштабных* инициатив в конкретном регионе, способных стать точками роста, то вторые призваны построить в регионе *бизнес-сеть* для обеспечения *устойчивости* возникших позитивных импульсов роста. При этом здесь и далее понятие «регион» будет рассматриваться в широком смысле, т. е. как некая часть территории страны, имеющая достаточную административную и экономическую самостоятельность.

Проектное управление как институт регионального развития

Зародившееся в 60-е годы XX века ПУ получило широкое распространение в конце прошлого столетия, сменив популярную в то время концепцию управления *New Public Management* из-за таких недостатков последней, как неэффективное сочетание процессной деятельности с программно-целевым планированием [15] и ее противоречие принципам демократии, заключающееся в превалировании экономической эффективности над социальной справедливостью и моралью [16].

Управленческая модель, получившая название *Good Governance* (достойное управление), была призвана устранить указанные недостатки и стать не только оптимальным вариантом организации госуправления, но и главным фактором борьбы с бедностью [17; 18]. Она положила начало использованию программно-целевого подхода, в том числе и в практике российского реформирования бюджетного сектора [19], в рамках которого получил широкое распространение принцип ПУ, рассматривающий государственную программу как систему проектов, направленных на ее выполнение⁴ [20].

С этого момента наблюдается устойчивый рост интереса к ПУ как среди менеджеров, так и среди исследователей. Так, по данным базы *ScienceDirect*, принадлежащей одному из крупнейших издательских домов мира *Elsevier* и содержащей порядка 2,5 тыс. научных изданий и 26 тыс. электронных книг⁵, с 1996 по 2019 год количество статей в научных журналах, в той или иной степени связанных с понятием «*project management*», составило 19,5 тыс., при этом их годовая численность возросла в 3,8 раза (*табл. 1*). Общее количество статей, посвященных данной тематике, во всех учитываемых в *ScienceDirect* источниках (книги, тезисы докладов, энциклопедии, отчеты и т. п.) за указанный период – 36,1 тыс.

Тематика научных исследований в рассматриваемые годы также претерпела существенные изменения. Так, на начальном этапе пре-

⁴ Стоит отметить, что проектное управление является инструментом реализации не только концепции *Good Governance*, но и *New Public Management*. Однако большее распространение ПУ получило именно в рамках первой.

⁵ Официальный сайт ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/>

Таблица 1. Количество научных статей в журналах, учтенных в базе данных ScienceDirect в 1996-2019 гг., ед.

Год	Количество	Год	Количество	Год	Количество	Год	Количество
2019	1649	2013	1239	2007	607	2001	350
2018	1451	2012	1012	2006	562	2000	353
2017	1517	2011	858	2005	506	1999	349
2016	1532	2010	685	2004	429	1998	372
2015	1630	2009	675	2003	412	1997	350
2014	1491	2008	640	2002	364	1996	438

Составлено по: данные ScienceDirect.

обладало изучение теоретических аспектов ПУ: взаимосвязи проекта и проектного управления [21]; сочетания широкого спектра современных проектов и различных стилей управления [22]; возможностей использования ПУ в различных сферах: медицине [23], проектировании производственных систем [24], индустрии развлечений [25] и т. п.; практики внедрения современных концепций и методов управления проектами в разных странах, например в Китае [26], России [27] и др.

В более поздних работах сделан акцент на эмпирических исследованиях, например на результатах использования стандартов ПУ на предприятиях Германии и Швейцарии [28] или опыте его внедрения в 30 металлообрабатывающих компаниях Португалии [29], а также выявлении критериев передовой управленческой практики на основе результатов деятельности руководителей фирм [30]. Получил развитие и сравнительный анализ внедрения ПУ как в различных отраслях промышленности [31; 32], так и в странах с разными менталитетом и культурой [33; 34]. Современные исследования в области ПУ посвящены эффективности его инструментов и его влиянию на социально-экономическое развитие территорий.

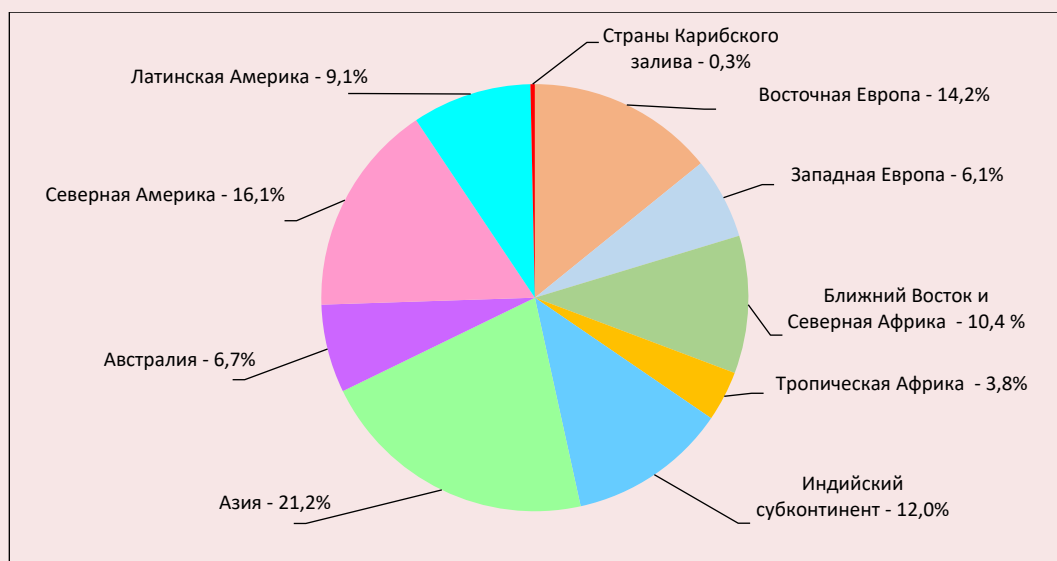
Одним из эффективных инструментов проектного управления признано *проектное финансирование* (ПФ). Однозначного определения данного термина нет. По мнению одних авторов, наиболее полно сущность ПФ раскрывается в определении Базельского комитета по банковскому надзору (*Basel Committee on Banking Supervision*), действующего при Банке международных расчетов, согласно которому под указанным явлением следует понимать особый способ привлечения средств для выполнения конкретного долгосрочного инвестиционного

проекта (как правило, крупного, сложного и дорогостоящего) под залог будущих денежных потоков от его реализации [35; 36]. Другие рассматривают ПФ как «мультиинструментальную форму финансирования, специально созданную для реализации проекта компании, при которой будущие денежные потоки проекта являются основным источником обеспечения возврата заемных средств и выплаты доходов инвесторам» [37, с. 55]. Третьи воспринимают ПФ как «метод привлечения долгосрочного кредитного финансирования для крупных проектов посредством “финансового инжиниринга”, основанного на заимствовании под денежный поток, генерируемый только самим проектом» [38, с. 14].

Несмотря на многообразие существующих в литературе определений, на примере приведенных выше несложно заметить, что все они по сути идентичны и отражают основные признаки ПФ: осуществляется для конкретного, как правило, нового проекта; характеризуется высокой степенью риска из-за отсутствия активов для обеспечения возврата заемных средств; залогом возврата денежных средств выступает будущий денежный поток от реализации проекта.

Современная практика ПФ зародилась в 1930-е годы с финансирования разведки нефтяных месторождений в США [39], однако широкое распространение она получила в конце XX столетия – сначала в крупных американских энергетических проектах, а затем в сфере общественной инфраструктуры в Великобритании и мобильной телефонной связи во всем мире [38]. За 22 года (с 1991 по 2012 год) в США было привлечено более 2,5 трлн долл. на финансирование порядка 6 тыс. международных проектов [40]. В 2008 году в мире началось активное перераспределение проектов в сторо-

Рис. 2. Региональное распределение мирового рынка ПФ

Источник: Project Finance Report, 2018.

ну азиатского субконтинента [39]. Это привело к тому, что уже на начало 2018 года Азия стала одним из лидеров мирового рынка ПФ (рис. 2). В целом по миру объемы ПФ по итогам 2017 года составили 338,5 млрд долларов США⁶.

В наши дни ПФ рассматривается как высококачественный финансовый инструмент, который ведет к более эффективному управлению инвестициями и экономическому росту. Например, с помощью эконометрических моделей показано положительное влияние ПУ на социально-экономическое развитие европейских государств [41]. В свою очередь результаты анализа 90 стран за период с 1991 по 2005 год с помощью неоклассической модели роста продемонстрировали, что сильнее всего эффект от ПФ проявляется в странах с низким уровнем дохода, которые, согласно исследованию [42], могут получить до 0,67% ежегодного прироста ВВП при увеличении уровня их проектного финансирования с 25 перцентилля выборки до 75.

В России интерес к ПФ, пока не ставшему достаточно популярным инструментом, постоянно возрастает. В частности, это можно наблюдать на примере роста количества публи-

каций, посвященных этой тематике. Так, по данным электронной библиотеки *eLIBRARY.RU*, количество статей в научных журналах, посвященных ПФ, с 2000 по 2019 год выросло в 87,5 раза: с 2 до 175 соответственно. Их общее количество за указанный период составило 1,2 тыс. ед. Несмотря на достаточно скромный объем работ, в которых анализируются эмпирический опыт внедрения ПФ в России и его связь с экономическим ростом и развитием территорий, по имеющимся публикациям можно отследить наиболее перспективные сферы его применения. Среди них фигурируют строительство, объекты инфраструктуры и топливно-энергетический комплекс.

Во многих исследованиях отмечается, что, несмотря на участие России в таких крупных международных проектах, как «Сахалин-2», «Ямал-СПГ», «Северный поток» и др., в стране наблюдается стагнация ПФ, связанная с целым рядом причин, ключевыми из которых являются недостаточность и фрагментарность законодательной базы в соответствующей сфере [37]; общая макроэкономическая ситуация в России с элементами стагнации и инвестиционного застоя [43]; преимущественно декларативный характер правительственных решений в области проектной деятельности, принятых в 2014–2016 гг. [13].

⁶ Project Finance Report, 2018. URL: <https://www.iflr.com/Supplement/98839/Supplements/Project-Finance-Report-2018.html>

Мировая практика ПУ уже доказала свою состоятельность (достаточно вспомнить такие реализованные крупномасштабные проекты, как Суэцкий канал, Сиднейский оперный театр, сверхзвуковой лайнер «Конкорд» и др.), однако остаются вопросы относительно эффективности проектов. Например, открытие знаменитого оперного театра в Сиднее, несомненно, повлияло на дальнейшее развитие города. Являясь одной из визитных карточек Австралии, театр ежегодно собирает порядка 2 млн зрителей и бесконечное число туристов, желающих сфотографироваться на его фоне. Однако этот сверхуспешный проект на стадии реализации был близок к полному провалу: сроки его строительства затянулись на 14 лет вместо запланированных 4, а превышение сметы составило почти 15 раз⁷.

Еще один пример — знаменитый олимпийский стадион в Монреале — удивительное архитектурное сооружение, до сих пор являющееся не только одним из самых крупных спортивных объектов Канады, но и главной достопримечательностью Монреаля. С его 175-метровой башни, наклоненной под углом в 45 градусов, открывается необычайный вид на окрестности, увидеть которые можно, поднявшись на фуникулере на смотровую площадку, расположенную на самой вершине башни. Однако знаменитый канадский стадион является и одним из самых провальных проектов: его строительство, завершить которое планировалось в 1972 году, растянулось почти на 20 лет, а первоначальная смета в размере 134 млн долларов США только на момент открытия стадиона в незавершенном виде для проведения Олимпиады 1976 года была превышена в 8,2 раза, что создало большую дыру в бюджете города на долгие 30 лет [44]. Общий объем расходов с учетом последующих строительства и реконструкции стадиона составил 1,4 млрд долларов США⁸.

Это далеко не единичные случаи: перерасход средств при строительстве сверхзвукового лайнера «Конкорд» составил 1100%, Суэцкого канала — 1900%, телескопа Хаббл — 525%,

⁷ Сиднейский оперный театр. URL: <https://www.miroworld.ru/sidnejskij-opernyj-teatr/>.

⁸ In Depth: World's Most Expensive Stadium. URL: https://www.forbes.com/2008/08/06/expensive-stadiums-worldwide-forbeslife-cx_ae_0806sports_slide.html#310a4a11lead

моста Хамбер в Великобритании — 175% и т. д.⁹ Проекты, в долгосрочной перспективе поменявшие ход мировой истории, можно назвать ярким примером неэффективного менеджмента на стадии их планирования и реализации¹⁰.

Все это позволяет сделать вывод о том, что ПУ — это трудоемкий процесс, сопряженный с высокими рисками и сложностью решаемых задач. Однако такая практика позволяет совершать экономические прорывы и выводить государства на новый уровень развития. Опыт стран «экономического чуда» (Китая, Вьетнама, Малайзии и др.) подтверждает, что эффект прорыва возможен только за счет реализации *мегапроектов*, способствующих технологическому рывку и ускорению экономического роста. Ключевую роль для обеспечения возможности такого рывка, как было отмечено ранее, играют ИДР [1; 10].

Есть основания полагать, что реформа государственной системы проектной деятельности, проведенная в России в 2018–2019 гг., может стать значимым шагом по формированию подобных институтов в нашей стране [13]. В частности, в 2018 году вышло постановление Правительства РФ № 158 от 15.02.2018 «О программе “Фабрика проектного финансирования”», в котором определен механизм ПФ инвестиционных проектов с целью обеспечения экономического роста и повышения доступности данного инструмента в России. Главным куратором «фабрики» ПФ является Министерство экономического развития РФ, функциями оператора наделен Внешэкономбанк (ВЭБ), выступающий не только в качестве аккумулятора государственных гарантий и субсидий, получаемых от Министерства финансов РФ, но и в роли эксперта по отбору инвестиционных проектов для участия в программе. Запущенный механизм фактически перенастраивает архитектуру ПУ в России, содействуя превращению

⁹ Проектное управление как способ реализации стратегических задач. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wJd-4e1eFXM>

¹⁰ В приведенных примерах противоречие в их успешности связано с методическими проблемами оценки экономического эффекта. Совершенно очевидно, что в долгосрочном проекте указанные уникальные события и объекты имеют положительный эффект, а в краткосрочном — отрицательный. Мы исходим из прерогативы долгосрочного развития.

государства из рядового участника в реальный драйвер ПФ [43] и тем самым способствуя его становлению в качестве ключевого инструмента по реализации национальных проектов [13; 45].

Агентства регионального развития: возможности и опасности

По мнению Европейской ассоциации агентств развития (*EURADA*), АРР представляют собой государственно-частные юридические лица, создаваемые на национальном, региональном и местном уровнях с целью работы по различным каналам с частными компаниями, государственными учреждениями и гражданским обществом для достижения более высокого уровня экономического развития¹¹.

Правовой статус АРР различается практически во всех европейских странах. Это полуавтономные государственные корпорации в Германии; корпорации государственно-частного сектора в Чехии, Эстонии, Словакии и Польше; межмуниципальные агентства в Испании; частнопроводимые общественные организации во Франции; публичные общества с ограниченной ответственностью в Нидерландах, Италии, Ирландии и Португалии; вневедомственные общественные организации в Англии; общества с ограниченной ответственностью в Швеции; некоммерческие организации в Латвии; муниципальные предприятия в Греции [46].

Несмотря на то что организационно-правовые модели АРР столь же многообразны, как и страны, к которым они принадлежат, современные исследователи выделяют ряд специфических критериев типового агентства, а также факторы внешней среды, необходимые для успеха его деятельности в регионе. К числу первых относятся следующие: полуавтономное положение агентства по отношению к центральным органам власти; стратегическая поддержка местных фирм с помощью «мягких» инструментов политики; осуществление комплексной поддержки с использованием широкого спектра политических инструментов [47]. Среди факторов успеха выделяют достаточно большое население; предпринимательский потенциал региона; квалифицированную рабочую силу; консенсус в отношении стратегии местного/регионального развития [48].

¹¹ EURADA. URL: <http://www.eurada.org/studies-of-rdas/>

Прародителем современных АРР принято считать *Tennessee Valley Authority*, созданное в США в 1933 году для решения вопросов экономического развития долины Теннесси — региона, наиболее пострадавшего от Великой депрессии [49]. Его появление фактически определило главную цель деятельности всех последующих АРР — способствовать социально-экономическому развитию конкретной территории. Несмотря на общую цель АРР, задачи, решаемые для ее достижения, варьировались в зависимости от политико-экономических установок государства и особенностей того времени, в котором они создавались. В связи с этим далее рассмотрим три типа АРР, различающихся по функциональному признаку.

1. АРР по обеспечению регионального выравнивания внутри страны. К данному типу относятся АРР, в задачи которых входит решение вопросов развития отдельной территории и регионального выравнивания внутри страны. История их становления берет свое начало в 60–70-х годах прошлого века, когда в региональном управлении Западной Европы наметились изменения, связанные с переходом от традиционной политики «сверху вниз» к политике «снизу вверх» и возрастанием роли органов, не входящих в состав государственного аппарата. Традиционная политика, основанная на попытках центрального правительства содействовать равенству между регионами путем повышения экономической активности проблемных районов с помощью метода «кнута и пряника» с опорой на «жесткие» инструменты, такие как развитие инфраструктуры и финансовые субсидии, не позволяла достигать намеченных целей, в том числе и из-за недопонимания специфических особенностей той или иной территории.

Новая модель региональной политики, исходящая из самих регионов (снизу), была направлена на развитие и повышение конкурентоспособности местных фирм и реализовывалась с помощью «мягких» инструментов, таких как подготовка кадров и консультирование. Для осуществления подобного рода политики регионам требовались некие структуры на местах, которые, обладая в определенной степени независимостью от центральной власти, могли бы выступать в роли *посредника* между регионом и правительством, с одной стороны, транслируя интересы региона «наверх», с другой — являясь

проводником денежных средств, выделяемых «сверху» на развитие территории. В роли таких структур и выступили создаваемые в тот период АРР, первоочередной задачей которых стало выравнивание развития регионов внутри страны [50; 51].

Процесс создания АРР в этот период распространился не только на европейские страны, такие как Нидерланды, Австрия, Дания, Шотландия [51; 52], но и на другие развитые государства мира. Так, например, в Австралии АРР реализовывались в форме общественных земельных агентств, их деятельность была направлена на развитие регионов посредством продажи земли государственным структурам и их прямого участия в жилищном строительстве; в Канаде образован Департамент региональной экономической экспансии, который после целой череды слияний и преобразований в 2005 году реформирован в Агентство экономического развития Канады в регионах Квебека (*Canada Economic Development for Quebec Regions*) [53; 54].

Исследования того периода показали, что большая часть АРР ориентировалась не столько на повышение инвестиционной привлекательности региона, сколько на укрепление конкурентоспособности местных фирм и решение вопросов занятости населения конкретной территории [47]. Однако со временем происходила трансформация их деятельности в сторону продвижения региона как места притока инвестиций в модернизацию производства и развитие высокотехнологичных отраслей.

Так, например, первое АРР Шотландии – Совет по развитию высокогорья и островов (*Highlands and Islands Development Board*) – было создано в 1965 году. В его задачи входило распределение государственных субсидий на экономическое и культурное развитие малонаселенной северо-западной территории страны. В 1975 году сформирован аналогичный орган для равнинной территории Шотландии – Шотландское агентство развития (*Scottish Development Agency, SDA*), возглавляемое независимым советом и финансируемое шотландским офисом Департамента торговли и промышленности Великобритании. *SDA* изначально было ориентировано на поддержку местных фирм путем предоставления капитала и реструктуризации традиционных секторов промышленности. До

75% всех инвестиций осуществлялось в традиционные шотландские отрасли (машиностроение, текстильная, пищевая промышленность и т. п.). Такая политика эффективно решала задачи по поддержанию региональной занятости, однако слабо способствовала прогрессивным секторальным изменениям в экономике. В связи с этим в начале 80-х годов произошел пересмотр стратегии деятельности *SDA* в сторону венчурного подхода, ориентированного на новые высокотехнологические фирмы, что привело к перераспределению инвестиций в передовые отрасли промышленности (электроника, биотехнология и т. п.) с 25 до 50%. Кроме того, на фоне общего снижения числа инвестируемых фирм повысилась адресность инвестиций, созданы отделения *SDA* за рубежом с целью привлечения иностранного капитала, произошел заметный рост консультационных услуг (почти на 700% в течение 1980-х гг.), особенно в таких областях, как передача технологий и рыночная разведка [52].

В 1991 году обе организации были трансформированы в финансируемые шотландским правительством вневедомственные общественные структуры: *Highlands and Islands Enterprise (HIE)* и *Scottish Enterprise (SE)* соответственно, которые вместе с международным шотландским агентством развития *Scottish Development International (SDI)* представляют собой современную систему АРР в Шотландии. Каждая структура курирует определенный регион Шотландии: *HIE* – северо-запад; *SE* – центральную, южную и восточную часть. *SDI* представляет Шотландию на международном рынке через обширную сеть представительств более чем в 20 странах мира.

По результатам работы *HIE* в 2018–2019 гг. было поддержано 564 проекта на общую сумму 54,6 млн фунтов стерлингов, что позволило создать более 1000 рабочих мест, увеличить товарооборот между поддерживаемыми предприятиями почти на 118 млн фунтов стерлингов и международную торговлю на 46 млн фунтов стерлингов в год¹². Количество проектов, поддержанных *SE* за этот же период, составило 69 на общую сумму 24,5 млн фунтов стерлингов,

¹² Официальный сайт HIE. URL: <https://www.hie.co.uk/media/5488/hieplusannualplusreportplusandplusacountsplus2018-19.pdf>

из которых 17,9 млн пришлось на долю малых и средних предприятий региона¹³. В дополнение к этому *SDI* заключило ряд стратегических договоров с иностранными инвесторами и современными производителями, благодаря чему перед страной открылись новые перспективы в развитии высокотехнологичных отраслей. Например, был подписан Стратегический альянс с *Boeing UK* о разработке и развитии цепочки поставок современных компонентов самолета, способствующий созданию 200 новых рабочих мест в Шотландии. Одним из первых направлений деятельности данного альянса стало вложение 11,8 млн фунтов стерлингов в проект по разработке сверхлегкой металлической основы для компонентов самолета, реализуемый исследовательским центром Стратклайдского университета. Кроме того, были заключены договоры с американской облачной технологической компанией *Elcom Systems Limited*, специализирующейся на электронных закупках, о расширении ее деятельности в Глазго, а также американской космической аналитической компанией *Spire* на открытие нового офиса в Шотландии, что позволит Шотландии не только создать новые рабочие места, но и со временем войти в число лидеров по исследованию в области метеорологии¹⁴.

Данная инновационная стратегия способствует модернизации шотландской промышленности и ее диверсификации, связанной с переходом к высокотехнологичной экономике и развитием таких отраслей, как электротехническая промышленность, энергетика, инновационные технологии.

2. APP по обеспечению экономического выравнивания внутри международного объединения стран. Второй тип APP представляют собой агентства, созданные с целью решения задач региональной дифференциации между странами внутри Европейского союза. Их становление относится к концу 20-го столетия, когда происходило формирование ЕС. В условиях перехода к рыночной экономике после событий 1991 года многие страны – кандидаты в ЕС, преимущественно Центральной и

Восточной Европы (ЦВЕ), столкнулись с серьезной проблемой региональных дисбалансов, решение которой затруднялось отсутствием четко сформулированной региональной политики развития и рассматривалось в рамках различных макроэкономических стратегий. Введя требование к странам – кандидатам на вступление в ЕС по созданию децентрализованных региональных организаций, повышающих потенциал территории и способствующих сокращению различий между уровнем развития стран-членов ЕС, Европейская комиссия фактически мотивировала эти государства на принятие ими политики регионального развития в рамках существующих нормативных актов ЕС и инициировала процесс создания APP на территории ЦВЕ [55]. В свою очередь Европейская ассоциация агентств развития (EURADA), созданная в 1992 году и в настоящее время объединяющая 76 APP из 22 стран ЕС, способствовала распространению лучших практик в области регионального экономического развития в интересах всего европейского сообщества и активно участвовала в создании агентств в странах ЦВЕ. В 90-е годы специалистами ЕС были созданы APP в Венгрии, Чехии, Польше, Словакии, Эстонии, Литве и других странах ЦВЕ [56].

Несмотря на то, что к данной группе относятся преимущественно APP в государствах ЦВЕ, создание которых было инициировано стремлением этих стран вступить в ЕС, сюда можно включить и страны-члены ЕС, в которых агентства также сыграли значимую роль в межнациональном выравнивании. Яркий тому пример – Португалия, где первые APP появились только в 1999 году. Созданные изначально в целях выравнивания региональных дисбалансов внутри страны, они достаточно быстро переориентировались на догоняющее развитие в рамках ЕС [57]. Это придало определенный импульс экономическому развитию страны и в конце 90-х – начале 2000-х гг. по темпам роста душевого ВВП она занимала уже 4-е место среди государств ОЭСР. Так, отношение душевого ВВП Португалии к среднеевропейскому за период 1998–2002 гг. увеличилось с 73 до 77% на фоне стремительного роста данного показателя в Лиссабонском регионе (с 95 до 105%) и на Мадейре (с 58 до 90%)¹⁵. Однако в последующие

¹³ Официальный сайт SE. URL: <https://www.scottish-enterprise.com/media/3222/rsa-annual-summary-2018-19.pdf>

¹⁴ Официальный сайт SDI. URL: <https://www.sdi.co.uk/news-features/news-and-feature-articles>

¹⁵ Данные Евростата.

годы рост ВВП в Португалии заметно замедлился; намечилось ежегодное снижение местных и региональных инвестиций в среднем на 1,4% на фоне среднеевропейского роста на 2,9% в год; усилилась внутрорегиональная дифференциация [58]. Современные португальские АРР, регулируемые как частные субъекты права, воплощают в региональной политике принципы, установленные центральным правительством, в связи с чем всю систему ИРР Португалии можно охарактеризовать как преимущественно централизованную¹⁶. Подобная политика хотя и способствует региональному выравниванию внутри страны, но не позволяет ей сократить разрыв с передовыми государствами ЕС: за прошедшие годы отношение душевого ВВП Португалии к среднеевропейскому так и осталось на уровне 77%¹⁷.

Со временем процесс формирования системы АРР в странах ЦВЕ, первоначально способствующий их вступлению в состав ЕС, во многих государствах стал эффективным инструментом центрального правительства для реализации региональных стратегий.

Так, активный процесс создания АРР начался в Польше в 1991 году, когда появились первые 6 агентств. В течение 1991–1997 гг. было создано 33 АРР и более 100 поддерживающих бизнес организаций (специализированные фонды, ассоциации), которые по сути являются аналогами указанных агентств, но в отличие от них не представляют в своем лице органы власти. Изначально создаваемые с целью реструктуризации убыточных государственных предприятий и поддержки регионов внутри страны, АРР достаточно быстро превратились в инструмент межнационального выравнивания. Сегодня АРР в Польше активно участвуют в реализации не только региональной, но и инновационной политики, что позволило сократить отставание страны по душевому ВВП от среднеевропейского уровня с 46% в 2000–2002 гг. до 71% в 2018 году¹⁸.

Еще одним примером достаточно эффективного встраивания АРР в инновационную систему страны служит Румыния [59]. Ее присоединение к числу стран – кандидатов на всту-

пление в ЕС в 1995 году способствовало выделению политики регионального развития из общего социально-экономического курса в качестве самостоятельного направления. Созданная в 1997 году «Зеленая карта регионального развития» (*The Green Carte of Regional Development*) положила начало дальнейшим действиям по определению институциональной и законодательной основы в области региональной политики, окончательное закрепление которой состоялось в 1998 году с принятием закона о региональном развитии¹⁹ [49]. Согласно данному документу политика, направленная на обеспечение сбалансированного и устойчивого экономического роста, а также на сокращение региональных диспропорций между отдельными регионами как внутри страны, так и между Румынией и государствами-членами ЕС, должна реализовываться в конкретных регионах через органы центрального управления и специализированные региональные органы с вовлечением бизнес-партнеров. В период с сентября 1998 по май 1999 года Румыния была разделена на 8 регионов развития, получивших свое название по географическому принципу и не имеющих административного статуса. Территориальное деление введено исключительно для улучшения координации региональных проектов развития и управления средствами, поступающими от ЕС²⁰.

Современная институциональная основа региональной политики Румынии предполагает как *национальный* уровень, представленный Министерством регионального и государственного управления и Национальным советом регионального развития, так и *региональный*, включающий АРР и региональные советы развития. Национальный совет регионального развития участвует в разработке национальной стратегии регионального развития, рассмотрении критериев и приоритетов использования Национального фонда регионального развития и утверждении проектов, предложенных АРР. Восемь региональных советов, представляющих собой добровольные объединения орга-

¹⁶ EURADA. URL: <http://www.eurada.org/wp-content/uploads/2020/04/RDAs-Portugal-Study.pdf>

¹⁷ Данные Евростата.

¹⁸ Данные Евростата.

¹⁹ Law No. 151/1998, Privind dezvoltarea regională în România. <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/15220>

²⁰ Regional Development Agencies in Romania. URL: <http://www.eurada.org/wp-content/uploads/2020/04/RDAs-in-Romania.pdf>

нов местного самоуправления без образования юридического лица, реализуют аналогичные функции на уровне регионов [49].

Региональная политика на местах в Румынии проводится АРР, которые являются некоммерческими организациями, имеющими юридический статус (в отличие от советов) и осуществляющими свою деятельность в рамках собственного бюджета. В их задачи входят разработка планов развития своего региона в соответствии с национальными стратегиями и распределение денежных средств по конкретным региональным проектам из бюджета, финансирующегося из разных источников: Национального фонда регионального развития, региональных бюджетов, иностранных инвестиций, средств частного сектора и др. [46].

Оценить эффективность региональной политики в Румынии можно на основе душевого ВВП. Учитывая, что основной задачей АРР является социальное и экономическое развитие территории, рост душевого ВВП напрямую коррелирует с их деятельностью [60]. В *таблице 2* приведены данные по душевому ВВП, позволяющие оценить успешность процесса интеграции Румынии в ЕС.

Можно отметить положительную динамику в выравнивании региональных диспропорций между Румынией и странами ЕС. На момент вхождения в ЕС в 2007 году показатель душевого ВВП в Румынии составлял 38,4% от средне-европейского, что на 4,4 п. п. больше, чем двумя годами ранее. При этом в наиболее развитом регионе страны (Бухарестском) его значение достигало 83,8% от уровня ЕС. Положительная динамика сохранилась и в последующие годы: несмотря на все еще существенное отставание в 2018 году душевого ВВП Румынии от среднего по ЕС (66,0%), темпы его роста за рассматриваемый период почти в два раза превышали среднеевропейские: 2,73% против 1,40.

Однако проведение новой региональной политики в Румынии вскрыло и непредвиденную проблему: наряду с сокращением межнациональных диспропорций по сравнению с государствами-участниками ЕС наметилось усиление экономического и социального неравенства между регионами внутри страны. Так, разрыв между наиболее развитым регионом (Бухарестским) и наименее развитым (Северо-Восточным) увеличился с 2,7 до 3,6 раза. Аналогичный рост разрыва между центром и

Таблица 2. ВВП на душу населения в регионах Румынии по ППС

Регион развития	2004		2006		2018	
	ВВП на душу населения, ППС, евро	ВВП на душу населения, % от среднего по ЕС	ВВП на душу населения, ППС, евро	ВВП на душу населения, % от среднего по ЕС	ВВП на душу населения, ППС, евро	ВВП на душу населения по ППС, % от среднего по ЕС
Северо-Западный (Nord-Vest)	7 093	33,0	8 500	35,9	18 500	61,0
Центральный (Centru)	7 629	35,5	9 100	38,3	18 800	62,0
Северо-Восточный (Nord-Est)	5 070	23,6	5 800	24,7	12 600	42,0
Юго-Восточный (Sud-Est)	6 612	30,7	7 700	32,5	16 500	55,0
Южный (Sud – Muntenia)	6 111	28,4	7 600	32,1	15 400	51,0
Бухарестский (Bucuresti – Ilfov)	13 862	64,5	19 800	83,8	45 900	152,0
Юго-Западный (Sud-Vest Oltenia)	6 183	28,8	7 200	30,4	14 900	50,0
Западный (Vest)	8 395	39,0	10 600	44,7	20 500	78,0
Румыния	7 301	34,0	9 100	38,4	19 900	66,0
ЕС	21 503	100,0	23 600	100,0	30 200	100,0

Составлено по: данные Eurostat.

регионами наблюдается и на остальной территории Румынии, что позволяет сделать вывод о формировании в стране *концентрической модели развития*, когда основные ресурсы сосредотачиваются на строго ограниченном участке территории [61]. Все это говорит о том, что АРР в Румынии хотя и являются эффективным инструментом выравнивания межнациональных диспропорций, их деятельность требует определенной корректировки в отношении проводимой политики внутри страны с целью сокращения разрыва между регионами. Тем не менее их решающая роль в экономическом развитии регионов и политике региональной децентрализации останется ключевой в силу зависимости экономики страны от политики ЕС и ее финансовой поддержки.

3. АРР по обеспечению вхождения страны в состав мировых лидеров на базе инновационной экономики. К третьему типу АРР относятся агентства, представляющие собой один из наиболее действенных инструментов в структуре системы ИДР, используемых практически всеми странами «экономического чуда» (Китай, Малайзия, Вьетнам, Ботсвана и др.). Как правило, в роли таких агентств выступают генеральные агентства развития (ГАР), координирующие деятельность всех остальных элементов системы ИДР страны [1; 10]. В большинстве случаев ГАР является федеральной государственной структурой, отвечающей за инновационное развитие государства с учетом регионального фактора. Например, в Китае это Национальная комиссия по развитию и реформам, отвечающая за разработку долго-, средне- и краткосрочных планов развития страны на всех уровнях, за их согласованность с бюджетами и координацию работы национальной инновационной системы. В Малайзии в качестве ГАР выступает *Economic Planning Unit*; в Ботсване — Министерство финансов и планирования развития и т. д. [10].

Значимость АРР в быстром развитии указанных выше стран определяется их ролью в реализации масштабных мегапроектов по модернизации экономики, позволяющих преодолевать отставание и совершать то самое «экономическое чудо». Выступая координатором деятельности всех участников в процессе реализации того или иного мегапроекта, начиная с его отбора министерствами и заканчивая во-

влечением представителей бизнес-структур и гражданского общества в его осуществление, АРР способствуют повышению доверия между взаимодействующими агентами, росту эффективности их взаимодействия и, как следствие, достижению намеченных целей [13].

Таким образом, изучение практического опыта функционирования АРР показало: несмотря на то что данный инструмент является эффективным для выравнивания диспропорций как на национальном уровне, так и в межстрановом разрезе, он может способствовать формированию в стране *концентрической модели развития*, когда основные ресурсы сосредотачиваются на строго ограниченном участке территории.

В российской литературе практика функционирования АРР, представленных преимущественно в виде региональных корпораций развития (РКР), в силу их не столь длительного существования и недостаточной аналитической базы пока не получила широкого распространения. Так, их история берет свое начало в 2005 году с момента создания «Корпорации развития Дальнего Востока». Несмотря на то что РКР должны выступать в качестве драйверов регионального развития, нельзя сказать, что данная миссия реализуется ими в полном объеме и вполне успешно. Некоторые РКР, например «Корпорация развития Восточной Якутии», «Корпорация развития Республики Бурятия», «Корпорация развития Республики Татарстан», были закрыты, не просуществовав и пяти лет. Причины неудач различны, начиная от сворачивания инвестиционных проектов, под которые создавались РКР (например проекта «Комплексное развитие Томпонского горнопромышленного района» в Якутии), заканчивая отсутствием полноценного обмена информацией с внешней средой, порождающего управленческие злоупотребления и торможение региональных инициатив [62].

Тем не менее имеются и положительные примеры деятельности РКР, которые в своих регионах успешно реализуют инвестиционные проекты, способствующие развитию приоритетных для субъекта РФ отраслей и направлений. Например, «Корпорация развития Республики Башкортостан» (КРРБ) активно работает с инвестиционными проектами в таких отраслях, как сельское хозяйство, нефтехимия,

лесная промышленность, логистика и туризм. С участием КРРБ на территории региона реализованы или находятся на стадии реализации крупномасштабные проекты: строительство горнодобывающего комбината на территории Абзелиловского района, нового химического производства «Завод по производству косметических и текстильно-вспомогательных веществ» в г. Благовещенске, индустриально-парка «Уфимский», создание производства молотого гипса на территории г. Кумертау, модернизация производства средств малой механизации и инструмента для монтажа линий электропередач, кабельных сетей и др. Вклад только указанных проектов в экономику региона составляет 2,12 млрд рублей инвестиций с созданием 424 дополнительных рабочих мест²¹.

Опыт работы российских АРР еще только предстоит осмыслить, выявив ключевые факторы успеха и причины неудач. Однако при их расширении и совершенствовании в России необходимо учитывать зарубежный опыт, рассмотренный в данной статье.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в мире уже созданы и апробированы такие мощные ИРР, как ПУ и система АРР. Эти институты при умелом использовании позволяют полностью преобразить экономический ландшафт городов и регионов многих государств. Россия уже приступила к внедрению указанных институтов, однако ни ПУ, ни АРР пока не справляются с возложенной на них миссией драйверов региональной экономики. Вместе с тем есть основания полагать, что в дальнейшем данные институциональные инициативы будут расширяться и совершенствоваться. Для этого может быть полезен организационный и методический опыт тех стран, которые смогли создать эффективные ИРР.

Помимо всего прочего, международный опыт показывает, что оба института – ПУ и АРР – не являются панацеей от региональной стагнации. Фактически речь идет о том, что их эффективное использование предполагает изрядное управленческое искусство. Например, для многих объектов, выполненных на базе ПУ, даже в случае большого долгосрочного экономического эффекта характерны проблемы с многократным недоучетом объемов финансирования и сроков реализации. Что касается АРР, то они неоднородны и функционально различаются: одни нацелены на внутрирегиональное выравнивание, другие – на сокращение межрегиональных диспропорций, третьи – на догоняющее развитие и построение передовой экономики. Разумеется, данное деление условно, ибо каждое АРР решает, как правило, все три типа задач. Однако определенная их специализация все-таки явно просматривается; более того, указанные задачи могут приходиться в противоречие и вызывать побочные негативные эффекты. Так, сосредоточение ресурсов на наиболее перспективной ограниченной территории может приводить к формированию концентрической модели развития и росту межрегиональных диспропорций внутри страны. И, наоборот, перераспределение средств для подтягивания отстающих регионов способно снизить общую эффективность национальной экономики. Возникают и случаи, когда решение проблем по активизации регионального роста способствует консервации традиционных отраслей и сдерживает внедрение более современных видов бизнеса и соответствующих им инноваций.

Накопленный мировой опыт в возникновении и решении проблем при внедрении перспективных ИРР создает информационную базу для российских операторов и минимизации управленческих ошибок.

Литература

1. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 34–56. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.2
2. Попов Е.В., Власов М.В., Симахина М.О. Институты регионального развития экономики знаний // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 4. С. 2–7.

²¹ Официальный сайт Корпорации развития Республики Башкортостан. URL: <https://kr-rb.ru/investoru/history-uspeha/>

3. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как фактор экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 18–26. DOI: 10.17059/2013-3-1
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. Становление в России институтов регионального развития // Муниципальная академия. 2019. № 3. С. 95–100.
5. Балацкий Е.В. Региональные инвестиционные форумы России: оценка привлекательности // Мир измерений. 2011. № 11 (129). С. 42–50.
6. Балацкий Е.В. Инвестиционные форумы России как институт регионального развития // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 2 (18). С. 101–128.
7. Моисеев В.В., Ницевич В.В., Ницевич В.Ф. Власть и бизнес на пути решения проблемы инвестиций в России и регионах // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 330–340.
8. Юревич М. «Смертельные болезни» региональных инвестиционных форумов. Почему они закрываются // Капитал страны. 2016. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/smertelnye_bolezni_regionalnyh_investicionnyh_forumov_pochemu_oni_zakryvaut/ (дата обращения 18.04.2020).
9. Jasimuddin S. Foreign investment in Bangladesh: character and perspective. *Asian Affairs*, 1994, vol. 25, pp. 163–168. DOI: 10.1080/738552619
10. Полтерович В.М. Федеральное агентство развития: оно необходимо для разработки и реализации успешных стратегий // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 35–41.
11. Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. 2011. № 4 (55). С. 17–29.
12. Луговской Р.А., Цветкова Т.Б. Планирование и регулирование социально-экономического развития России. СПб.: РГГМУ, 2011. 110 с.
13. Полтерович В.М. Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 годы // Terra Economicus. 2020. Т. 18. № 1. С. 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27
14. Вафин А.М. Индикативное планирование как инструмент реализации промышленной политики в регионе // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 32–35.
15. Чаркина Е.С. Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы: научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2017. 54 с.
16. Terry L. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement. *Public Administration Review*, 1998, vol. 58, iss. 3, pp. 194–200. DOI: 10.2307/976559
17. Graham J., Amos B., Plumptre T. Principles for Good Governance in the 21-st Century. *Policy Brief*, 2003, no. 15. Available at: <https://docplayer.net/21638341-Policy-brief-principles-for-good-governance-in-the-21-st-century-policy-brief-no-15-august-2003-by-john-graham-bruce-amos-tim-plumptre.html>
18. Argynades D. Good Governance, Professionalism, Ethics and Responsibility. *International Review of Administrative Sciences*, 2006, vol. 72, iss. 2, pp. 155–170. DOI: 10.1177/0020852306064607
19. Смотрицкая И.И., Сагинова О.В., Шарова И.В. Государственное предпринимательство и развитие российской экономики // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 1. С. 97–108.
20. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. Т. 6. № 4. С. 44–52.
21. Munns A.K., Bjeirmi B.F. The role of project management in achieving project success. *International Journal of Project Management*, 1996, vol. 14, iss. 2, pp. 81–87. DOI: 10.1016/0263-7863(95)00057-7
22. Shenhar A.J., Driv D. Toward a typological theory of project management. *Research Policy*, 1996, vol. 25, iss. 4, pp. 607–632. DOI: 10.1016/0048-7333(95)00877-2
23. Scott-Conner C.E.H., Grubbs M.R. Project Management Techniques Applicable within the Department of Surgery. *Journal of Surgical Research*, 1996, vol. 65, iss. 1, pp. 87–91. DOI: 10.1006/jsre.1996.0348
24. Ekmark U., Nelson J., Martensson N. The Project Management Process in Manufacturing Systems Engineering. *CIRP Annals*, 1997, vol. 46, iss. 1, pp. 339–342. DOI: 10.1016/S0007-8506(07)60838-5
25. Hartman F., Ashrafi R., Jergeas G. Project management in the live entertainment industry: what is different? *International Journal of Project Management*, 1998, vol. 16, iss. 5, pp. 269–281. DOI: 10.1016/S0263-7863(97)00056-2

26. Yang M.L., Chuah K.B., Rao Tummala V.M., Chen E.H. Project management practices in Pudong, a new economic development area of Shanghai, China. *International Journal of Project Management*, 1997, vol. 15, iss. 5, pp. 313–319. DOI: 10.1016/S0263-7863(96)00084-1
27. Voropajev V.I. Project management development for transitional economies (Russian case study). *International Journal of Project Management*, 1998, vol. 16, iss. 5, pp. 283–292. DOI: 10.1016/S0263-7863(97)00026-4
28. Ahlemann F., Teuteberg F., Vogelsang K. Project management standards – Diffusion and application in Germany and Switzerland. *International Journal of Project Management*, 2009, vol. 27, iss. 3, pp. 292–303. DOI: 10.1016/j.ijproman.2008.01.009
29. Pinto R., Domingues C. Characterization of the Practice of Project Management in 30 Portuguese Metalworking Companies. *Procedia Technology*, 2012, vol. 5, pp. 83–92. DOI: 10.1016/j.protcy.2012.09.010
30. Alias Z., Baharum Z.A., Idris M.F. Project Management Towards Best Practice. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 68, pp. 108–120. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.12.211
31. Graham R. Managing the project management process in Aerospace and Construction: a comparative approach. *International Journal of Project Management*, 1999, vol. 17, iss. 1, pp. 39–45. DOI: 10.1016/S0263-7863(97)00072-0
32. Cooke-Davies T.J., Arzymanow A. The maturity of project management in different industries: An investigation into variations between project management models. *International Journal of Project Management*, 2003, vol. 21, iss. 6, pp. 471–478. DOI: 10.1016/S0263-7863(02)00084-4
33. Chen P., Partington D. An interpretive comparison of Chinese and Western conceptions of relationships in construction project management work. *International Journal of Project Management*, 2004, vol. 22, iss. 5, pp. 397–406. DOI: 10.1016/j.ijproman.2003.09.005
34. Bredillet C., Yatim F., Ruiz Ph. Project management deployment: The role of cultural factors. *International Journal of Project Management*, 2010, vol. 28, iss. 2, pp. 183–193. DOI: 10.1016/j.ijproman.2009.10.007
35. Mullner J. International project finance: review and implications for international finance and international business. *Management Review Quarterly*, 2017, vol. 67, iss. 2, pp. 97–133. DOI: 10.1007/s11301-017-0125-3
36. Переверзева В.В., Юрьева Т.В. Проектное финансирование в системе проектного управления // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2017. № 5. С. 36–45.
37. Никонова И.А., Смирнов А.Л. Проектное финансирование в России. Проблемы и направления развития. М.: Консалтбанкир, 2016. 216 с.
38. Йескомб Э.Р. Принципы проектного управления. М.: Альпина Паблишер, 2016. 408 с.
39. Esty B.C., Chavich C, Sesia A. *An overview of Project Finance and Infrastructure Finance – 2014 Update*. Boston: Harvard Business School, 2014. 42 p.
40. Subramanian K.V., Tung F. Law and Project Finance. *Journal of Financial Intermediation*, 2016, vol. 25, pp. 154–177. DOI: 10.1016/j.jfi.2014.01.001
41. Todorov T.S. Evaluating Project and Program Management as Factor for Socio-economic Development within EU. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 119, pp. 819–828. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.03.092
42. Kleimeier S., Versteeg R. Project finance as a driver of economic growth in low-income countries. *Review of Financial Economics*, 2010, vol. 19, iss. 2, pp. 49–59. DOI: 10.1016/j.rfe.2010.01.002
43. Дворецкая А.Е. Проектное финансирование: новые тенденции и механизмы // Банковское дело. 2019. № 5. С. 4–13.
44. Zimbalist A. *Circus Maximus: The Economic Gamble Behind Hosting the Olympics and the World Cup*. Washington: Brookings Institution Press, 2015. 174 p.
45. Швыдко А.О. Проектное финансирование как инструмент достижения национальных целей // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 9 (115). С. 54.
46. Eroglu N., Eroglu I., Ozturk M., Aydin H.I. Development Agencies on the Way to Regional Development: Romania-Turkey Comparison. *Procedia of Economics and Business Administration*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 214–221.
47. Halkier H., Danson M. Regional development agencies in Western Europe: a survey of key characteristics and trends. *European Urban and Regional Studies*, 1997, vol. 4 (3), pp. 243–256. DOI: 10.1177/096977649700400304
48. Toktas Y., Sevinc H., Bozkurt E. The Evolution of Regional Development Agencies: Turkey Case. *Annales Universitatis Apulensis Series Oeconomica*, 2013, vol. 15, iss. 2, pp. 670–681.

49. Toktas Y., Botoc C., Kunu S., Prozan R. The Regional Development Agency Experiences of Turkey and Romania. *Business and Economics Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2, pp. 253–270. DOI:10.20409/berj.2018.103
50. Yuill D. *Regional Development Agencies in Europe*. Aldershot: Gower, 1982. 449 p.
51. Halkier H., Danson M., Dambor C. *Regional development agencies in Europe*. London: Jessica Kingsley, 1998. 374 p. DOI:10.4324/9781315000206
52. Halkier H. Development Agencies and Regional Policy: The Case of the Scottish Development Agency. *Regional Politics and Policy*, 1992, vol. 2, no. 3, pp. 1–26. DOI: 10.1080/13597569208420846
53. Балацкий Е.В. Агентства регионального развития и их особенности: международный опыт // Капитал страны. 2012. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/agentstva_regionalnogo_razvitiya_i_ih_osobennosti_mezhdunarodnyj_opyt/ (дата обращения 18.04.2020).
54. Maude A., Beer A. Regional Development Agencies in Australia: A Comparative Evaluation of Institutional Strengths and Weaknesses. *The Town Planning Review*, 2000, vol. 71, no. 1, pp. 1–24. DOI: 10.3828/tpr.71.1.y722741518171674
55. Hughes J., Sasse G., Gordon C. *Europeanization and regionalization in the EU's enlargement to Central and Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2004. 231 p. DOI: 10.1057/9780230503182
56. Özen P. *Bölge kalkınma ajansları*. TEPAV, 2005. Available at: https://www.tepav.org.tr/upload/files/1271245092r8246.Bolgesel_Kalkinma_Ajanslari.pdf
57. Salvador R., Juliao R.P. *Regional Development Agencies in Portugal*. In: *40th Congress of the European Regional Science Association "European Monetary Union and Regional Policy"*, 2000. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/cc18/61711fafa6beaea0bae1e0ad8cc39a9a0dc6.pdf?_ga=2.42817901.919716742.1587215455-1302553556.1585572547
58. Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.
59. Benedek J., Horvath R. Regional Development in Romania. In: Baun M., Marek D. *EU regional policy after enlargement*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 226–247. Available at: <https://www.regionalstudies.org/wp-content/uploads/2018/07/countryreps-romania.pdf>
60. Florescu I.C. The regional development in Romania based on the European Union funds for 2014–2020. In: *The 26th International Business Information Management Association Conference*. Madrid, 2015. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303819710_The_regional_development_in_Romania_based_on_the_European_Union_funds_for_2014-2020/
61. Burgess E.W., McKenzie R.D., Park R.E. *The City*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1925. 240 с.
62. Екимова Н.А. Корпорации регионального развития: хроника неудач // Капитал страны, 2016. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/korporacii_regionalnogo_razvitiya_hronika_neudach/ (дата обращения 18.04.2020).

Сведения об авторах

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Modern Ways to Boost Economic Growth in Regions

Abstract. The paper reviews Russian and foreign research on modern ways to boost regional economic growth on the example of regional development institutions. We have chosen project management and regional development agencies as the most promising institutions for regional development. The growing interest in project management is confirmed by the data of the international database *ScienceDirect*, in which the number of articles on this topic for 1996-2019 was 19.5 thousand, and their annual number has increased 3.8-fold during this period. There is a similar trend in Russia: according to the electronic library *eLIBRARY.RU* the number of articles on this topic for the period from 2000 to 2019 has increased 87.5-fold, and their total number for this period was 1.2 thousand. Our main research method is cross-country comparative analysis. We investigate advantages and disadvantages of project financing on the examples of the Sydney Opera House (Australia), the Olympic Stadium in Montreal (Canada), the Concorde supersonic airliner (France–UK), the Suez Canal (Egypt), the Hubble Space Telescope (USA–EU), the Humber Bridge (UK). While studying international experience of regional development agencies, we have classified them into three types: agencies for ensuring regional leveling within the country (Scotland, Australia, Canada); agencies for ensuring economic leveling within an international association of countries (EU–Poland, Romania, Portugal); agencies that help countries join the world's leading nations on the basis of the innovative economy (China, Malaysia, Botswana). A summary analysis of the works that study the activities of regional development agencies has allowed us to present the institutions under consideration on a system-wide basis and to identify their weak and strong points that should be taken into account in the development of this tool that helps enhance economic growth in Russia's regions.

Key words: regional management, regional development institutions, project management, project financing, regional development agencies.

Information about the Authors

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Статья поступила 20.04.2020.

Налоговый разрыв на региональном уровне и оценка факторов, его определяющих*

**Андрей Александрович
ПУГАЧЕВ**

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Ярославль, Российская Федерация, 150000, ул. Комсомольская, д. 3
E-mail: andrxim@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7989-6353

Аннотация. Сокращение налогового разрыва на региональном уровне способствует развитию налогового потенциала и повышению бюджетной обеспеченности регионов. Цель — исследование налогового разрыва на региональном уровне в РФ на основе комплексной оценки факторов, его определяющих. Обобщены подходы к определению налогового разрыва на региональном и национальном уровнях. Очерчен круг факторов, формирующих налоговый разрыв. В целях исследования в него включены суммы задолженности по налогам и сборам, суммы доначисления налогов и сборов в случае сплошного охвата налогоплательщиков налоговыми проверками и масштаб теневой экономики. Представлена разработанная методика анализа структуры и динамики факторов налогового разрыва на региональном уровне, позволяющая оценить его величину и структуру, а также качество работы налоговых и финансовых органов региона, идентифицировать возможности для сокращения налогового разрыва. Предложен вариант группировки субъектов Федерации относительно состояния и перспектив сокращения налогового разрыва, сформированный на основе соотношения его уровня и динамики. Группировка регионов способствует проведению их сравнительного анализа по налоговому разрыву и факторам, его определяющим. Потенциал сокращения налогового разрыва в России за счет повышения качества налогового администрирования во многом уже реализован. Перспективы для финансовых и налоговых органов открывает работа с налоговой задолженностью. Наибольший удельный

* Результаты исследования получены в рамках выполнения НИР ЯрГУ № ОП-2Г-03-2019.

Для цитирования: Пугачев А.А. Налоговый разрыв на региональном уровне и оценка факторов, его определяющих // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 93–110. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.7

For citation: Pugachev A.A. Regional tax gap and assessment of its determining factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 93–110. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.7

вес в налоговом разрыве имеет теневая экономика, что актуализирует значимость активизации комплексной работы государства по ее легализации.

Ключевые слова: налоговый разрыв, налоговая конкуренция, налоговый потенциал региона, факторы налогового разрыва, налоговая задолженность, теневая экономика, налоговый контроль.

Введение

Развитие налогового потенциала регионов необходимо для сглаживания пространственной дифференциации [1, с. 58–59], выравнивания бюджетной обеспеченности и исполнения заявленного вклада государства в экономическое развитие в условиях замедления темпов роста в России, когда с 2013 года реальный темп роста ВВП не превышает 1–2% (при рецессии в 2015 году)¹. Оно возможно, в первую очередь, за счет расширения налоговой базы без увеличения налоговой нагрузки, например, активизации налоговой конкуренции регионов за мобильные налоговые базы, или за счет сокращения налогового разрыва.

Под налоговой конкуренцией за мобильные налоговые базы понимаем добросовестную конкуренцию между органами государственной власти субъектов Федерации посредством установления налогов и условий налогообложения, при котором выбор той или иной политики каждым органом власти оказывает влияние на распределение мобильной налоговой базы [2, с. 1]. Сегодня в России налоговая конкуренция регионов находится на этапе становления. Представляется, что с помощью инструментов налоговой конкуренции органы государственной власти субъектов Федерации в настоящее время стремятся инспирировать интерес инвесторов к региону за счет некоторой компенсации недостатков инвестиционного климата, экономико-географического положения, ресурсной базы, развития инфраструктуры и бизнес-среды. Процесс горизонтальной налоговой конкуренции российских регионов заслуживает отдельного изучения.

Налоговый разрыв на региональном и национальном уровне освещен в отечественных исследованиях недостаточно. На практике его оценки существуют (в налоговых органах), но

¹ Индексы физического объема валового внутреннего продукта // Федеральная служба государственной статистики РФФП. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения 30.11.2019).

официальными не являются, несмотря на то что факторы налогового разрыва существенны по объемам: налоговая задолженность превышает 1 трлн руб., или 8,4% доходов консолидированного бюджета РФ, 1,1% ВВП², а теневая экономика, по официальным данным, достигает 12–15% ВВП³, по неофициальным – 23–44% [3, с. 9]. При этом, например, в ЕС на государственном уровне уже на протяжении десятилетий публикуются статистические данные о налоговом разрыве⁴. В США впервые в мире еще в 1963 году начались измерения численности налогоплательщиков, исполняющих и не исполняющих налоговые обязательства, и потенциально недополученных налоговых доходов [4, с. 121].

Цель исследования состоит в восполнении пробела в части определения налогового разрыва на региональном уровне в РФ, имеющегося в отечественной финансовой науке, за счет комплексной оценки факторов, формирующих разрыв.

Подходы к определению налогового разрыва и его взаимосвязь с другими категориями

В современной финансовой науке и практике не сформирован единый подход к определению налогового разрыва (tax gap). Эта категория рассматривается как в теоретическом, так и в прикладном плане. В рамках теоретического, или научного, подхода предельно обобщенно налоговый разрыв понимают как разницу

² Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения 30.11.2019).

³ Корректировка валовой добавленной стоимости на экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://gks.ru/storage/mediabank/tab14-19-2.xls> (дата обращения 30.11.2019).

⁴ Measuring tax gaps 2015 edition. Tax gap estimates for 2013-14 // Налоговая и таможенная администрация Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/measuring-tax-gaps> (дата обращения 30.11.2019).

между фактическими налоговыми поступлениями в бюджетную систему и начисленными к уплате налогами или потенциально возможным уровнем налоговых поступлений. В таком случае налоговый разрыв рассматривается на макроуровне, поэтому подход можно назвать также макроэкономическим. Вместе с тем с развитием методов налогового контроля и администрирования, в частности с внедрением СУР АСК НДС-2, термин «налоговый разрыв» получил широкое распространение в практике финансово-хозяйственной деятельности. Практический подход предполагает трактовку налогового разрыва как расхождения в данных налоговых деклараций организаций-контрагентов по одним и тем же операциям, то есть налоговый разрыв здесь представляет собой признак некорректности исчисления налоговых обязательств, неправомерного заявления налоговых вычетов при возникновении расхождений в отражении одних и тех же операций контрагентами. Таким образом, с позиции практического подхода налоговый разрыв рассматривается на микроуровне, но также в целом связан с разницей между уплаченным и начисленным уровнем налоговых платежей.

Каким образом исследователи подходят к определению налогового разрыва? О.А. Мирнова, Ф.Ф. Ханафеев рассматривают его как разницу между суммой налоговых платежей, которые могли бы поступить в бюджетную систему при условии полного исполнения всех норм налогового законодательства и своевременного перечисления налогов, с одной стороны, и фактически уплаченной суммой налогов в отчетном периоде, — с другой. Ученые подчеркивают, что эта разница может возникнуть за счет умышленно сокрытых налогоплательщиками налоговых баз, невыполнения ими налоговых обязательств, применения схем незаконной налоговой минимизации и, как следствие, — недопоступления налоговых платежей в бюджет [5, с. 112].

Д.Ю. Шакирова, В.Н. Засько приводят следующее определение: налоговый разрыв — разница между суммами фактически поступивших налогов и предполагаемыми суммами налога, которые могли бы поступить в бюджетную систему при условии полного исполнения налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах [6, с. 163].

Зарубежные ученые К. Raczowski и В. Mro'z определяют налоговый разрыв как разницу между причитающимися налогами, которые налогоплательщики должны были уплатить в течение определенного периода времени, и суммой налога, которая фактически была внесена в государственный бюджет [7, с. 546].

Счетная палата США дает следующую трактовку: налоговый разрыв — это разница между суммами налогов, которые налогоплательщики должны были заплатить, и тем, что они фактически заплатили добровольно и вовремя⁵.

Налоговый разрыв может рассматриваться и в разрезе отдельных налогов. В отчете Проектной группы по налоговому разрыву в Европейской комиссии указано, что разрыв по налогу на прибыль корпораций — это разница между потенциальными обязательствами, то есть налог, который был бы собран, если бы все налогоплательщики исполнили налоговое законодательство, и фактическими налоговыми платежами. Разрыв по корпоративному подоходному налогу может быть представлен в процентах от ВВП, в процентах от потенциальных обязательств или в абсолютных значениях [8, с. 22].

Отдельно отметим, что в научных исследованиях встречается употребление термина «разрыв» в связи с налоговым менеджментом, например «tax gap management». В данном контексте речь идет об управлении специфическими дисбалансами, присущими налоговой системе: между последствиями налогообложения по прогрессивной и плоской шкале; в сфере внешнеэкономической деятельности в зависимости от обложения НДС; по налоговым льготам; между доходами и расходами бюджетов; во временных лагах между созданием ВВП и генерацией налоговых доходов [9, с. 23].

Таким образом, подходы к определению налогового разрыва среди как отечественных, так и зарубежных исследователей во многом схожи. В его основе лежат категории налоговых обязательств налогоплательщиков и фактического поступления налогов. Основными критериями являются полнота и своевременность исполнения налоговых обязательств. При этом критерий

⁵ Tax Gap. Multiple Strategies Are Needed to Reduce Noncompliance / United States Government Accountability Office. 2019. May 9. Available at: <https://www.gao.gov/assets/700/698969.pdf> (дата обращения 30.11.2019).

своевременности выделен не везде, например, он отсутствует в определении Д.Ю. Шакировой и В.Н. Засько, а также Проектной группы по налоговому разрыву в Европейской комиссии. Считаем указанный критерий значимым, поскольку важна не только сама по себе полнота исполнения налоговых обязательств, но и уплата в определенный законодательством срок.

Обобщая различные подходы, полагаем, что налоговый разрыв можно определить как разницу между фактическими налоговыми поступлениями и предполагаемыми, которые могли бы пополнить бюджет при условии исполнения законодательства всеми налогоплательщиками, иными словами, как разницу между фактическими налоговыми поступлениями и налоговым потенциалом.

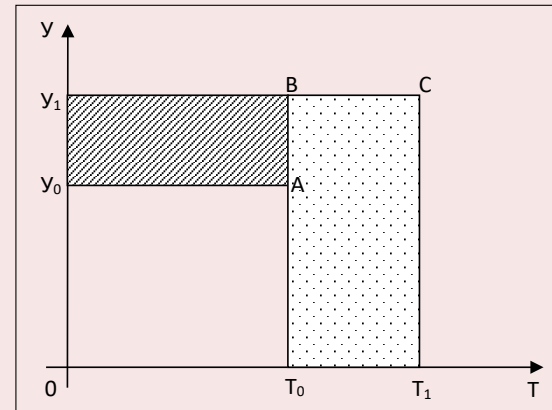
Важно также понять взаимосвязь категорий «налоговый потенциал», «налоговый разрыв» и «налоговый предел».

Под налоговым потенциалом будем понимать составляющую структуры бюджетного и финансового потенциалов, которая представляет собой максимальную сумму доходов бюджетной системы, потенциально аккумулированную в форме налогов, сборов и иных обязательных платежей с хозяйствующих субъектов данной территории в рамках действующей модели налогового федерализма за определенный промежуток времени, опосредованную налоговыми органами, в соответствии с налоговой политикой государства и с учетом уровня экономического развития⁶.

Налоговый потенциал не тождественен налоговому пределу. Употребление термина «налоговый предел» связано с теорией налогового бремени в 1970-х гг. А. Лаффер проиллюстрировал зависимость между объемом налоговых поступлений и величиной ставок налогов [10]. Употребление категории «предел» обусловлено определением точки экстремума указанной функции, то есть ставки налога, обеспечивающей максимизацию налоговых поступлений. Следовательно, налоговый предел необходимо рассматривать как максимальные налоговые платежи, возможные к изъятию. Он включает в себя налоговый потенциал в рамках

⁶ Пугачев А.А. Развитие налогового потенциала региона в рамках совершенствования налогового федерализма: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Ярославль, 2016. 179 с. С. 54.

Рис. 1. Графическое представление соотношения понятий «налоговый потенциал» – «налоговый разрыв» – «налоговый предел»

Источник: Пугачев А.А. Развитие налогового потенциала региона в рамках совершенствования налогового федерализма: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. Ярославль, 2016. С. 42.

действующей системы налогообложения и налоговый разрыв. Схематично соотношение данных категорий представлено на рисунке 1.

На оси абсцисс отложены ставки налога (T), на оси ординат — уровень налоговой базы (Y). T_0 — действующая ставка налога, при которой налогоплательщики декларируют налоговую базу Y_0 , в то время как фактическая налоговая база составляет Y_1 . Прямоугольник OY_0AT_0 представляет собой фактически уплаченные налоги или реализованный налоговый потенциал, а прямоугольник OY_1BT_0 — номинальный налоговый потенциал. Разница между налоговым потенциалом и фактическими налоговыми поступлениями — площадь прямоугольника Y_0Y_1BA — представляет собой налоговый разрыв. Налоговый предел будет достигнут (гипотетически), если к фактической налоговой базе Y_1 применить ставку налога T_1 , при которой, по А. Лафферу, формируется максимум поступлений в бюджет. Его величина определена прямоугольником OY_1CT_1 .

В настоящее время в финансовой науке значение соотношения реализованного налогового потенциала и номинального возрастает, как и возможности его использования в практической сфере. Соответствующее соотношение, раскрываемое посредством дефиниции «на-

логовые усилия», используется зарубежными исследователями. Например, L. Alfirman [11] определяет налоговые усилия как отношение фактически аккумулированных налоговых поступлений к расчетным (потенциальным) налоговым поступлениям. Аналогичную позицию представляют и R.M. Bird, J. Martinez-Vazquez, B. Torgler [12]. Соответственно, эти категории напрямую связаны с налоговым разрывом: показатель налогового разрыва имплементирован в их расчет.

Факторы налогового разрыва

Налоговый разрыв представляет собой разницу между номинальным и реализованным налоговым потенциалом и определяется влиянием масштаба теневой экономики, коррупции, уклонения от уплаты налогов, качества налогового администрирования и иных факторов. Перечень этих факторов может быть различным в зависимости от исследовательских задач. Рассмотрим отдельные варианты идентификации и классификации факторов налогового разрыва.

Интерес к количественной оценке налогового разрыва проявляет достаточно большое количество государств. На текущий момент к ним присоединились и страны постсоветского пространства. Однако официально опубликованные методические разработки представлены только США, отдельными странами Латинской Америки и ЕС [13, с. 136].

Управление по налоговым доходам и таможенным платежам Великобритании при определении налогового разрыва учитывает потери от деятельности организованных преступных групп, участия хозяйствующих субъектов в теневой экономике, использования схем уклонения от уплаты налогов, искажения облагаемого объекта, интерпретации налоговых последствий сложных хозяйственных операций, а также из-за ошибок, пренебрежения необходимым уровнем осторожности и неуплаты⁷.

Счетная палата США проводит оценку налогового разрыва по трем факторам: занижение налоговых обязательств по своевременно поданным налоговым декларациям; недоплата налогов, причитающихся по своевременно по-

данным декларациям; занижение налоговых обязательств путем уклонения от уплаты при отсутствии налоговой декларации⁸.

Ученые в качестве основных факторов налогового разрыва выделяют теневую экономику и преступный бизнес, злоупотребления с офшорами, ошибки или небрежность налогоплательщиков [14, с. 7; 15, с. 60]. Набор факторов налогового разрыва может быть различным в зависимости от исследовательских задач, что вызывает научные дискуссии. Например, в качестве факторов рассматриваются предоставление налоговых льгот и убытки организаций [16, с. 137].

Таким образом, подходы исследователей к определению совокупности факторов налогового разрыва во многом схожи. К ним относят теневую экономику, уклонение от уплаты налогов, качество налогового контроля и администрирования.

Информационно-методическая основа исследования факторов, определяющих налоговый разрыв

Авторская методика анализа структуры и динамики факторов налогового разрыва на региональном уровне включает следующие этапы:

1. Сбор статистических данных и определение оцениваемых составляющих налогового разрыва.
2. Расчет показателей.
3. Анализ структуры и динамики налогового разрыва.
4. Оценка результатов и формирование выводов о составляющих налогового разрыва и перспективах его сокращения.

В нашем исследовании в налоговый разрыв включены суммы задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам, администрируемым ФНС, суммы доначисленных налогов и сборов по результатам налоговых проверок, а также оценочные данные, касающиеся масштабов теневой экономики, то есть по факторам, для оценки которых имеются статистические данные. Первые две составляющие сформированы по официальным статистическим и аналитическим данным ФНС РФ — по следующим отчетам: № 1-НМ «Отчет о

⁷ Measuring tax gaps 2015 edition. Tax gap estimates for 2013-14 // Налоговая и таможенная администрация Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/measuring-tax-gaps> (дата обращения 30.11.2019).

⁸ Tax Gap. Multiple Strategies Are Needed to Reduce Noncompliance / United States Government Accountability Office. 2019. May 9. Available at: <https://www.gao.gov/assets/700/698969.pdf> (дата обращения 30.11.2019).

начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации», № 4-НМ «Отчет о задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации», № 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов»⁹. Третья составляющая основана на официальных данных Росстата о доле ненаблюдаемой экономики в ВВП и включает ненаблюдаемые прямыми статистическими методами операции теневого и неформального сектора¹⁰. Теневой сектор формируют налогоплательщики, которые намеренно уклоняются от уплаты налогов или исполнения законодательных норм [17, с. 46–47] Неформальный сектор представляет собой производственную деятельность, осуществляемую домашними хозяйствами, не зарегистрированными в качестве организаций, ИП или самозанятыми гражданами.

Каждый из факторов определяется отдельно. Для расчета задолженности по налогам и сборам во все уровни бюджетной системы на конец года за вычетом задолженности, не подлежащей взысканию налоговыми органами, необходимо вычесть из совокупной налоговой задолженности ее составляющие:

- отсроченные (рассроченные) платежи,
- задолженность, приостановленную к взысканию,
- задолженность, взыскиваемую судебными приставами, по постановлениям о возбуждении исполнительного производства,
- задолженность, невозможную к взысканию налоговыми органами.

Потенциал доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками определяется обратным счетом исходя из суммы дополнительного начисления налогов по результатам налоговых проверок и доли налогоплательщиков, охваченных налоговыми проверками.

⁹ Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения 30.11.2019).

¹⁰ Корректировка валовой добавленной стоимости на экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://gks.ru/storage/mediabank/tab14-19-2.xls> (дата обращения 30.11.2019).

Налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики рассчитывается как произведение доли ненаблюдаемой экономики и суммы налоговых доходов всех уровней бюджетов бюджетной системы от налогоплательщиков данного региона. Схема расчета налогового разрыва, используемая в рамках настоящего исследования, представлена формулой (1).

$$Tax\ gap = TD + TPTK + TPSE, \quad (1)$$

где *Tax gap* – налоговый разрыв,

TD – налоговый разрыв по налоговой задолженности,

TPTK – потенциал доначисления налогов в случае охвата проверками 100% налогоплательщиков,

TPSE – налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики.

Каждая из составляющих рассчитывается по формулам (2–4).

$$TD = TTD - TDa - TDb - TDc - TDe, \quad (2)$$

где *TTD* – совокупная налоговая задолженность,

TDa – налоговая задолженность, приостановленная к взысканию налоговыми органами,

TDb – налоговая задолженность, невозможная к взысканию налоговыми органами,

TDc – налоговая задолженность, взыскиваемая судебными приставами,

TDe – отсроченные (рассроченные) платежи.

$$TPTK = \frac{TP \times (1-d)}{d}, \quad (3)$$

где *TP* – сумма дополнительного начисления налогов по результатам налоговых проверок,

d – доля налогоплательщиков, охваченных налоговыми проверками.

$$TPSE = TR \times SE, \quad (4)$$

где *TR* – сумма налоговых доходов консолидированного бюджета РФ от налогоплательщиков региона (полный реализованный налоговый потенциал),

SE – доля ненаблюдаемой экономики.

Рассмотрим допущения при оценке налогового разрыва.

Во-первых, налоговый разрыв определяется нами по каждому региону для консолидированного бюджета РФ в целом, то есть как полный налоговый разрыв – по всем налогам и сборам независимо от распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы.

Во-вторых, при оценке доли ненаблюдаемой экономики в регионах использовано допущение, что доля ненаблюдаемой экономики в субъектах Федерации равна доле ненаблюдаемой экономики в среднем по России. Это допущение обусловлено отсутствием официальных статистических данных по ненаблюдаемой экономике в разрезе субъектов РФ. При этом нужно понимать, что различие может быть существенным [18, с. 2017–2018]. В соответствии с методологией Росстата, экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами, включают теневые, незаконные операции и операции в неформальном секторе. Незаконные операции являются запрещенными и Росстатом на текущий момент не учитываются в ненаблюдаемой экономике. Отсутствие их учета не влияет на налоговый разрыв, поскольку запрещенные виды деятельности не формируют налоговый потенциал, налогообложение для них не предусмотрено.

В-третьих, исходя из того, что полный охват всех налогоплательщиков налоговыми проверками позволит повысить доначисление налогов и сборов, пропорционально доначислению при фактически сложившемся охвате налогоплательщиков налоговыми проверками. С учетом современных тенденций и качества контрольной работы налоговых органов, применения риск-ориентированного подхода к налоговым проверкам можно предположить, что уровень доначисления по неохваченной налоговыми проверками части налогоплательщиков будет ниже, чем по охваченной. Это обусловлено использованием риск-ориентированного подхода подразделениями ФНС. Он предполагает, что выездные проверки проводятся по тем налогоплательщикам, которые с высокой степенью вероятности допустили нарушения налогового законодательства при расчете и уплате налогов, что устанавливается налоговыми органами по результатам предпроверочного анализа. В связи с этим при расчете доли налогоплательщиков, охваченных налоговыми проверками, учтены как выездные, так и камеральные проверки, отраженные в отчете № 2-НК. Вместе с тем вероятно, что с дальнейшим развитием налогового администрирования и контроля будут выявлены новые налоговые схемы, механизмы идентификации которых не были известны ранее налоговым органам. Это позволит повышать собираемость налогов и сбо-

ров и сокращать налоговый разрыв. Например, используемые в настоящее время налоговые схемы по налогу на прибыль организаций через дробление или, напротив, консолидацию бизнеса, в том числе крупнейших налогоплательщиков, наносят огромный урон бюджетам регионов, особенно с моноструктурной налоговой базой, вследствие непрозрачности администрирования прибыли крупнейших корпораций [19, с. 113].

В-четвертых, при расчете доли налогоплательщиков, охваченных налоговыми проверками, сделано допущение, что на одного налогоплательщика приходится одна налоговая проверка в год, однако часто бывает иначе. Применение такого подхода продиктовано отсутствием соответствующих статистических данных о налоговых проверках в разрезе налогоплательщиков.

В-пятых, используемый подход не учитывает поведенческие реакции налогоплательщиков на действия органов власти по изменению налогового законодательства, сокращению налогового разрыва и совершенствованию налогового администрирования. Последнее допущение на сегодняшний день, пожалуй, является общим для всех вариантов расчета налогового разрыва.

Анализ структуры и динамики факторов налогового разрыва на региональном уровне

Рассмотрим реализацию второго этапа, который включает в себя методика анализа структуры и динамики факторов налогового разрыва, на примере Ярославской области. Ярославская область – старопромышленный регион, расположенный на севере европейской территории России, входящий в состав Центрального федерального округа, с близкими к среднестатистическим по стране показателями социально-экономического развития¹¹.

¹¹ В структуре ВРП Ярославской области наибольшую долю формируют обрабатывающие производства – 27%; торговля – 16%; транспорт и связь – 12%. По объему отгруженной продукции собственного производства область занимает 69 место в России, по обрабатывающим производствам – 32 место, по среднему душевому уровню ВРП – 36 место, по уровню оборота торговли на душу населения – 38 место, по средней номинальной начисленной заработной плате – 42 место, по среднему душевому уровню инвестиций в основной капитал – 61 место (по состоянию на 2018 г.). Рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

На втором этапе происходит расчет показателей. В *таблице 1* представлены процесс и результаты расчета для 2011 и 2015–2017 гг. Наиболее актуальными статистическими данными по ВРП являются данные за 2017 год, что определило границу анализируемого периода. Для

обеспечения возможности проанализировать динамику показателей 2011 год стал наиболее ранним в ретроспективе, для которого имеются все необходимые статистические данные по актуальным формам отчетности ФНС и Росстата.

Таблица 1. Алгоритм определения структуры и динамики факторов, формирующих налоговый разрыв, на примере Ярославской области

Показатель	2011	2015	2016	2017	Темп роста, 2017 к 2011, раз
1. Задолженность по налогам и сборам во все уровни бюджетной системы на конец года, млн руб., в т. ч.	5 965,9	7 488,9	16 323,6	11 181,9	1,87
1.1. взыскиваемая судебными приставами, млн руб.	1 322,0	1 380,4	1 289,4	1 300,4	0,98
1.2. отсроченные платежи, млн руб.	3,9	0,8	19,6	21,4	5,49
1.3. приостановленная ко взысканию, млн руб.	1 035,1	1 042,6	9 052,7	1 585,7	1,53
1.4. невозможная ко взысканию, млн руб.	49,1	26,9	31,8	39,2	0,80
2. Налоговый разрыв по налоговой задолженности, млн руб. (1 – 1.1 – 1.2 – 1.3 – 1.4)	3 382,8	4 991,6	5 771,8	8 146,4	2,41
3. Сумма налогов и сборов, доначисленная по результатам налоговых проверок, млн руб.	1 677,2	1 282,0	1 623,0	1 316,4	0,78
4. Доля налогоплательщиков, охваченных налоговыми проверками, %	52,6	42,7	56,9	79,3	1,51
5. Потенциал доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками, млн руб. (3*((100%-4) / 4))	1 508,8	1 722,8	1 229,1	344,3	0,23
6. Доля ненаблюдаемой экономики в ВРП, %	14,6	13,2	13,2	12,7	0,87
7. Реализованный налоговый потенциал - сумма налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы от налогоплательщиков региона, млн руб.	70 747,2	105 749,0	125 652,1	142 075,1	2,01
8. Налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики, млн руб. (6 × 7)	10 329,1	13 958,9	16 586,1	18 043,5	1,75
9. Налоговый разрыв, млн руб. (2 + 5 + 8)	15 220,7	20 673,3	23 587,0	26 534,3	1,74
10. ВРП, млн руб.	286 967,5	443 054,1	472 344,0	510 631,5	1,78
11. Налоговый разрыв по налоговой задолженности, % к налоговому разрыву (2 / 9 × 100%)	22,23	24,15	24,47	30,70	1,38
12. Налоговый разрыв по налоговой задолженности, % к реализованному налоговому потенциалу (2 / 7 × 100%)	4,78	4,72	4,59	5,73	1,20
13. Налоговый разрыв по налоговой задолженности, % к ВРП (2 / 10 × 100%)	1,18	1,13	1,22	1,60	1,36
14. Потенциал доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками, % к налоговому разрыву (5 / 9 × 100%)	9,91	8,33	5,21	1,30	0,13
15. Потенциал доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками, % к реализованному налоговому потенциалу (5 / 7 × 100%)	2,13	1,63	0,98	0,24	0,11
16. Потенциал доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками, % к ВРП (5 / 10 × 100%)	0,53	0,40	0,26	0,07	0,13
17. Налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики, % к налоговому разрыву (8 / 9 × 100%)	67,86	67,52	70,32	68,00	1,00
18. Налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики, % к реализованному налоговому потенциалу (8 / 7 × 100%)	14,6	13,2	13,2	12,7	0,87
19. Налоговый потенциал ненаблюдаемой экономики, % к ВРП (8 / 10 × 100%)	3,60	3,15	3,51	3,53	0,98

Окончание таблицы 1

Показатель	2011	2015	2016	2017	Темп роста, 2017 к 2011, раз
20. Налоговый разрыв, % к реализованному налоговому потенциалу ($9 / 7 \times 100\%$)	21,51	19,55	18,77	18,68	0,87
21. Налоговый разрыв, % к ВРП ($9 / 10 \times 100\%$)	5,30	4,67	4,99	5,20	0,98

Рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения 30.11.2019); Корректировка валовой добавленной стоимости на экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://gks.ru/storage/mediabank/tab14-19-2.xls> (дата обращения 30.11.2019); Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2017 гг. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: [http://gks.ru/storage/mediabank/rozn32\(1\).xls](http://gks.ru/storage/mediabank/rozn32(1).xls) (дата обращения 30.11.2019).

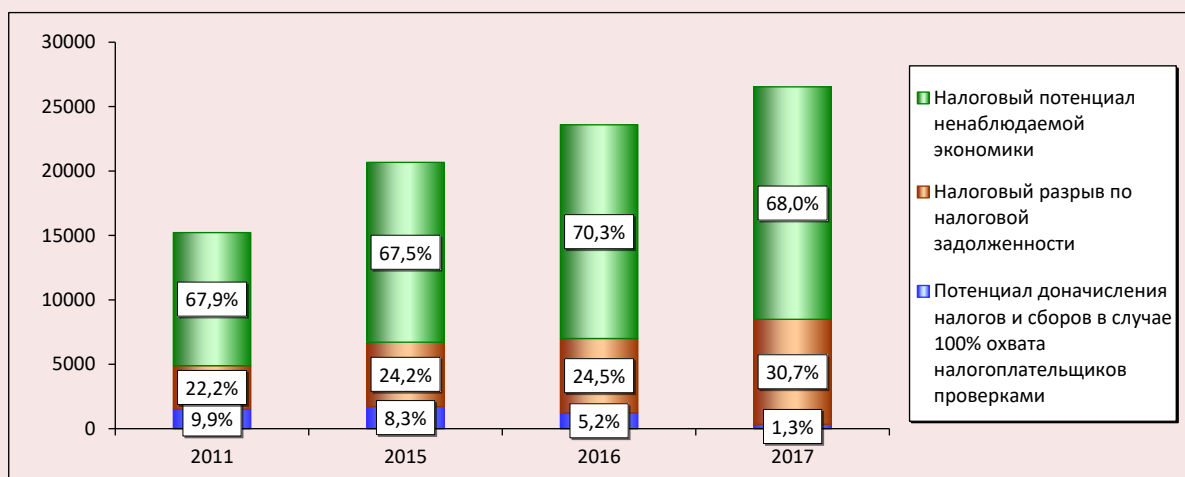
На основании расчетов на третьем этапе проводится анализ динамики и структуры налогового разрыва.

В целом налоговый разрыв Ярославской области вырос с 15,2 до 26,5 млрд руб., то есть на 11,3 млрд руб. Поскольку данные приводятся в номинальном выражении, то необходимо рассмотреть и относительные показатели. Темп прироста налогового разрыва составил 74,3% на фоне прироста ВРП на 77,9% и полного реализованного потенциала на 101%, что свидетельствует о позитивной тенденции, выражающейся в том, что темп роста налоговых доходов и ВРП опережает темп роста налогового разрыва. Это же подтверждает и продолжающееся сокращение налогового разрыва с

5,3 до 5,2% ВРП, или с 21,51 до 18,68% налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ от налогоплательщиков области. Стоит отметить, однако, что в 2016 и 2017 гг. отношение налогового разрыва к ВРП возросло с 4,67 до 5,2%.

Для каждой из трех составляющих налогового разрыва, как и для итогового результата, можно рассчитать соотношение с реализованным полным налоговым потенциалом региона, то есть суммой налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы от налогоплательщиков региона, и ВРП. Наглядно структура и динамика факторов налогового разрыва Ярославской области в 2011, 2015–2017 гг. представлена на *рисунке 2*.

Рис. 2. Структура и динамика факторов, формирующих налоговый разрыв Ярославской области в 2011, 2015–2017 гг.

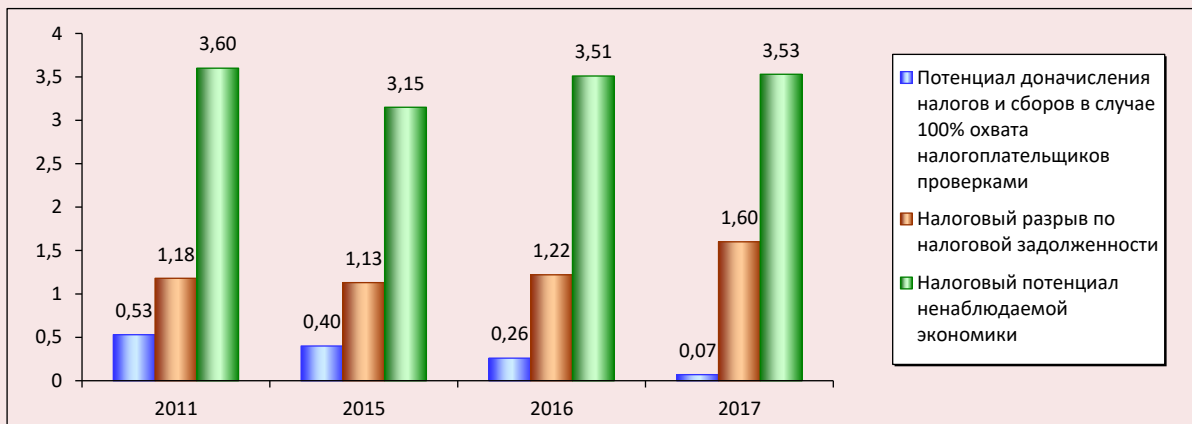
По оси ординат отмечена величина налогового разрыва в млн руб., в % показана доля факторов в налоговом разрыве. Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Прирост налогового разрыва Ярославской области обуславливает динамика налогового потенциала ненаблюдаемой экономики и разрыва по налоговой задолженности. В рассматриваемом периоде совокупная доля этих факторов в налоговом разрыве возросла с 90,1 до 98,7%. При этом доля налогового потенциала теневой экономики остается стабильной в пределах 67,5–70,3%, в абсолютном выражении прирост составил 7,3 млрд руб. (с 10,3 до 18 млрд руб.), несмотря на снижение доли ненаблюдаемой экономики в ВРП. Налоговый разрыв по налоговой задолженности существенно возрос: с 22,2 до 30,7%, или на 4,7 млрд руб. (с 3,4 до 8,1 млрд руб.). При этом потенциал доначисления нало-

гов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков налоговыми проверками сократился с 1,5 до 0,3 млрд руб. и в настоящее время фактически не играет роли в формировании налогового разрыва. Такая динамика вызвана проведенной работой ФНС РФ по совершенствованию налогового контроля. Охват налогоплательщиков налоговыми проверками возрастает при снижении количества выездных проверок, увеличивается и объем предикативных аналитических процедур налоговых органов.

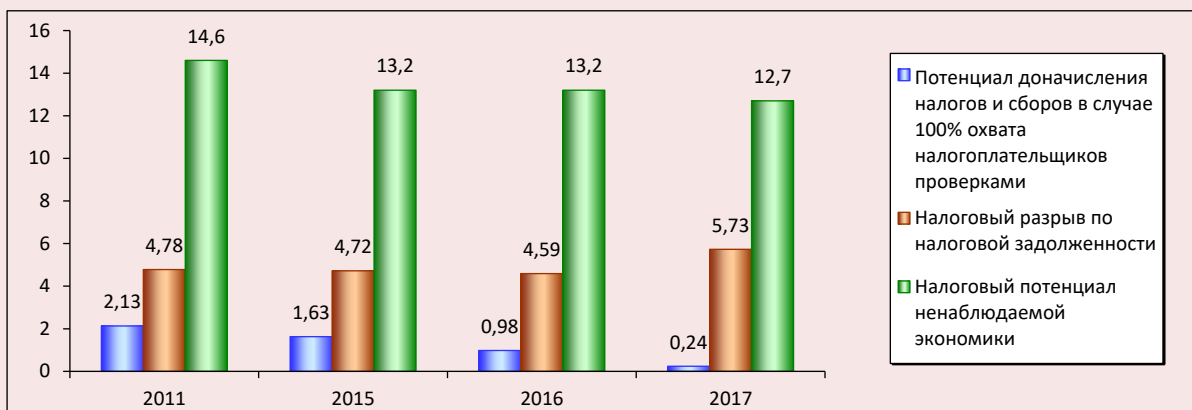
Соотношение факторов налогового разрыва Ярославской области с ВРП и полным реализованным налоговым потенциалом проиллюстрировано на *рисунках 3 и 4*.

Рис. 3. Отношение факторов, формирующих налоговый разрыв, к ВРП Ярославской области в 2011, 2015–2017 гг., %

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Рис. 4. Отношение факторов, формирующих налоговый разрыв, к полному реализованному налоговому потенциалу Ярославской области в 2011, 2015–2017 гг., %

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Соотношение факторов налогового разрыва и ВРП свидетельствует о сокращении потенциала доначисления налогов и сборов по результатам налоговых проверок и увеличении налогового разрыва по налоговой задолженности в Ярославской области. Налоговый разрыв в 2017 году по сравнению с 2011 годом сократился по отношению как к ВРП, так и к налоговым доходам. Для налоговых органов перспективы сокращения налогового разрыва сегодня лежат не в плоскости налогового контроля, а в сфере работы с налоговой задолженностью, которая формирует порядка 30,7% налогового разрыва. Ключевым направлением его сокращения является работа по легализации теневой экономики. Пока даже по официальным статистическим данным она сокращается не так быстро, что требует реализации комплекса мер на государственном уровне.

Анализ факторов налогового разрыва проведен по каждому региону отдельно, по федеральным округам и по РФ в целом. По ЦФО результаты представлены на рисунке 5.

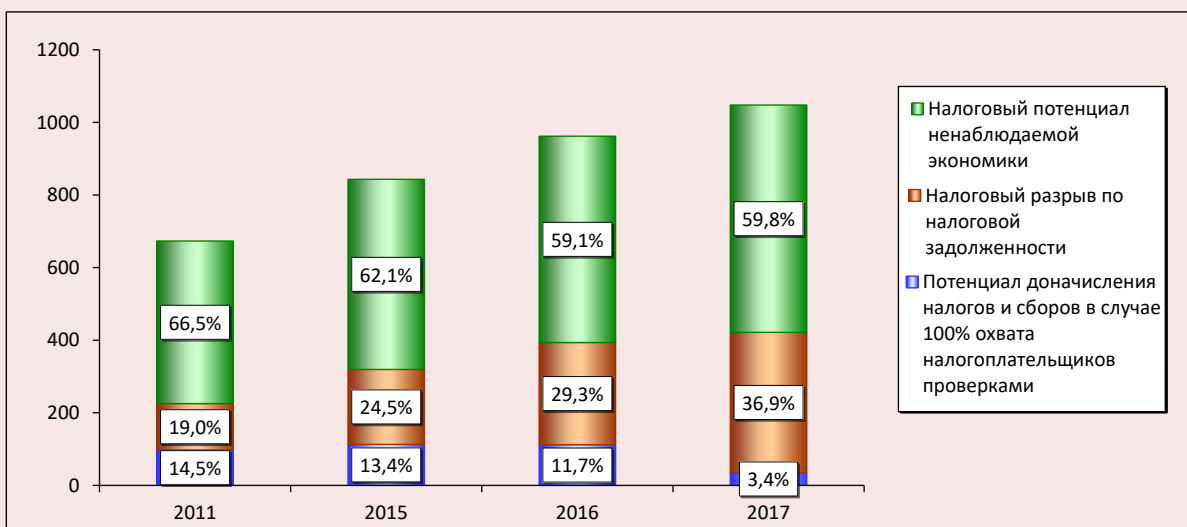
В целом по ЦФО динамика и структура факторов налогового разрыва схожи с показателями по Ярославской области. Отличием является

более существенное, почти двукратное наращивание удельного веса налогового разрыва по налоговой задолженности, доля налогового разрыва по теневой экономике в ЦФО ниже на 8,2 п. п. (59,8% против 68 в Ярославской области). Это характеризует более высокое качество работы налоговых органов Ярославской области с задолженностью и более позитивный уровень платежеспособности налогоплательщиков по сравнению с ЦФО в целом.

Сводные данные о динамике налогового разрыва по РФ и федеральным округам приведены в таблице 2.

В России налоговый разрыв с 2011 по 2017 год вырос в номинальных ценах в 1,5 раза (с 2 до 3 трлн руб.). По отношению к налоговым доходам консолидированного бюджета РФ налоговый разрыв сократился с 20,9 до 17,5%, или на 3,4 п. п., сократилось и отношение налогового разрыва к ВВП с 4,5 до 4%. В целом эта позитивная тенденция свидетельствует об опережающем темпе роста налоговых доходов и ВРП по отношению к налоговому разрыву. Для сравнения отметим, что в Великобритании налоговой администрацией разрыв оценивается в 5,6% налоговых доходов, в странах ЕС, по

Рис. 5. Структура и динамика факторов, формирующих налоговый разрыв Центрального федерального округа, в 2011, 2015–2017 гг.

По оси ординат представлена величина налогового разрыва, млрд руб., в % показана доля факторов в налоговом разрыве.

Источник: рассчитано автором по данным ФНС РФ и ФСГС РФ.

Таблица 2. Динамика налогового разрыва по федеральным округам Российской Федерации в 2011, 2015–2017 гг.

Федеральный округ	Налоговый разрыв, млрд руб.				Налоговый разрыв, % к полному реализованному налоговому потенциалу	Налоговый разрыв, % к ВРП
	2011	2015	2016	2017	2017	2017
Центральный	673,30	843,30	962,03	1 047,93	21,25	4,01
Северо-Западный	184,44	268,04	306,24	316,24	15,20	3,86
Северо-Кавказский	89,92	114,15	122,58	73,60	38,95	3,95
Южный	99,15	149,12	164,58	155,46	16,76	2,90
Приволжский	294,41	392,56	417,42	453,39	16,13	4,11
Уральский	398,94	513,11	479,39	583,95	14,12	5,47
Сибирский	191,02	238,09	251,20	271,54	16,51	3,50
Дальневосточный	84,29	128,00	129,28	111,07	17,80	2,86
РФ	2 026,92	2 678,34	2 858,65	3 028,37	17,46	4,04

Справочно: данные по ЮФО в 2015 г. приведены с учетом КФО, присоединенного к ЮФО с 2016 года.
 Рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения 30.11.2019); Корректировка валовой добавленной стоимости на экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <http://gks.ru/storage/mediabank/tab14-19-2.xls> (дата обращения 30.11.2019); Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2017 гг. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: [http://gks.ru/storage/mediabank/rozn32\(1\).xls](http://gks.ru/storage/mediabank/rozn32(1).xls) (дата обращения 30.11.2019).

оценкам исследователей, достигает в среднем 10,7% ВВП (1,6–13,8%) [16, с. 67]. Однако следует учитывать, что такое различие уровней обусловлено не только различием самого разрыва, но и различием методик его расчета, в первую очередь вследствие разницы в оценке теневой экономики.

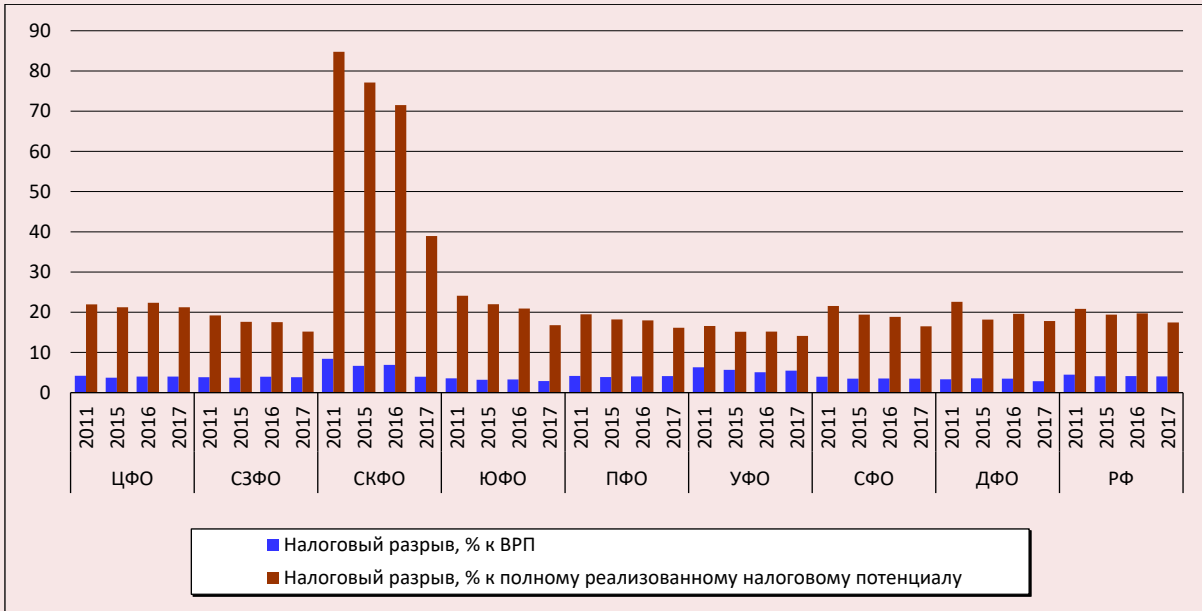
По федеральным округам в абсолютном выражении также отмечено увеличение налогового разрыва, за исключением Северо-Кавказского федерального округа, где в 2017 году он сократился на 40%, или на 49 млрд руб., при том что его отношение к реализованному налоговому потенциалу остается максимальным в стране (39%) при среднем уровне по отношению к ВРП. Общей причиной такой ситуации является низкая степень реализации налогового потенциала, низкая налоговая нагрузка в регионах СКФО. Минимальный уровень налогового разрыва по отношению к ВРП наблюдается в ЮФО и ДФО. Динамика соотношения налогового разрыва с рассматриваемыми показателями представлена на *рисунке 6*.

На всем рассматриваемом периоде максимальный налоговый разрыв в относительном выражении сложился в СКФО. Во всех федеральных округах отмечено сокращение относительной величины налогового разрыва. Рас-

смотрим соотношение структуры налогового разрыва федеральных округов на *рисунке 7*, где представлена доля каждого фактора в налоговом разрыве.

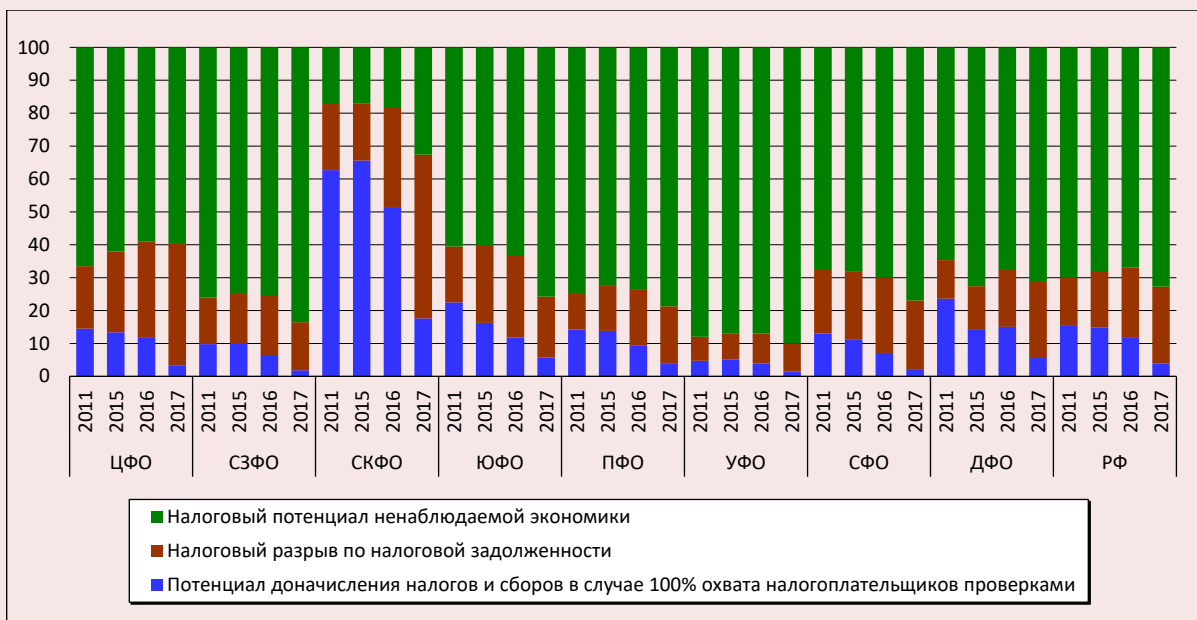
Во всех федеральных округах сокращается доля потенциала доначисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками. Это подтверждает, что качество контрольной деятельности налоговых органов повышается. Наиболее высокой остается доля в СКФО – 17,6%, минимальной в УФО – 1,4%. Стабильно высока доля ненаблюдаемой экономики в налоговом разрыве (68%), ее увеличение отмечено в СЗФО, СКФО, СФО, ЮФО. Максимальной доля ненаблюдаемой экономики в налоговом разрыве остается в УФО – 90% в 2017 году. Это свидетельствует о том, что потенциал сокращения налогового разрыва за счет работы налоговых органов реализован в высокой степени. Возросла также доля налогового разрыва по налоговой задолженности на 8,5 п. п. (с 22,2 до 30,7%). Ее наибольшее увеличение отмечено в ЦФО, СКФО, где она является максимальной по стране – 49,8%, а также в ДФО. Стабильно низкой и минимальной в стране доля налогового разрыва по налоговой задолженности остается в УФО – 8,6% в 2017 году.

Рис. 6. Динамика соотношения налогового разрыва с полным реализованным налоговым потенциалом и ВРП федеральных округов в 2011, 2015–2017 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНС РФ и ФСГС РФ.

Рис. 7. Структура налогового разрыва федеральных округов в 2011, 2015–2017 гг., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНС РФ и ФСГС РФ.

Оценка налогового разрыва на региональном уровне предполагает возможность группировки регионов по уровню налогового разрыва с учетом тенденции к его сокращению или, напротив, увеличению. В основу такой классификации может быть положено соотношение уровня налогового разрыва к ВРП и коэффициента опережения темпа роста налогового разрыва по отношению к темпу роста реализованного налогового потенциала. Темп роста может рассчитываться как по сравнению с предыдущим годом, так и за определенный период. По первому показателю – уровню налогового разрыва к ВРП – деление происходит относительно его средней величины по стране в целом, например, выше среднего и ниже среднего. При этом может быть выбрано деление и на другое количество групп с установленными границами распределения. По второму показателю – коэффициенту опережения темпа роста налогового разрыва по отношению к темпу роста реализованного налогового потенциала – класси-

фикация осуществляется относительно 1, то есть регионы с опережающим ростом налогового потенциала или сокращающимся разрывом и регионы с увеличивающимся налоговым разрывом. Таким образом, выделяется 4 группы регионов:

А: с низким уровнем налогового разрыва и тенденцией к его дальнейшему сокращению,

В: с низким уровнем налогового разрыва, но имеющие тенденцию к его увеличению,

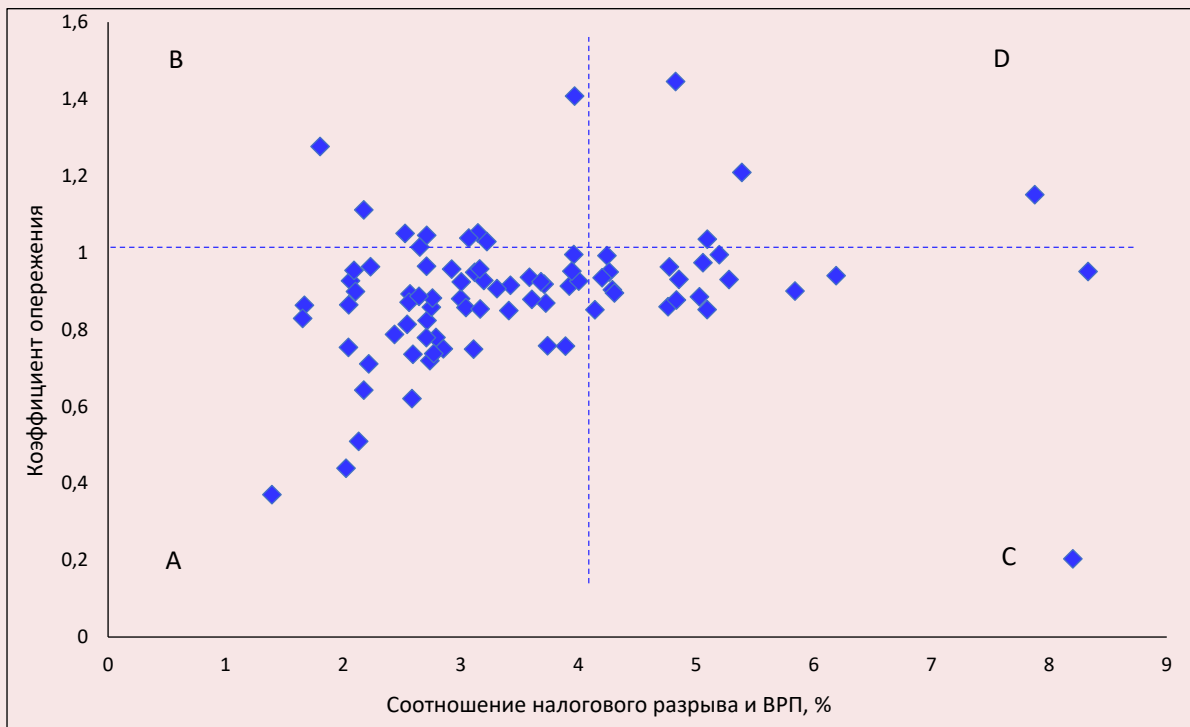
С: с высоким уровнем налогового разрыва, имеющие тенденцию к его сокращению;

Д: с высоким уровнем налогового разрыва, который продолжает увеличиваться.

Рассмотрим распределение регионов России в 2017 году (коэффициент опережения темпа роста налогового разрыва по отношению к темпу роста реализованного налогового потенциала в 2017 году по отношению к 2016 году, *рис. 8*).

Большинство регионов РФ (52) в 2017 году находится в группе А. Распределение регионов представлено в *таблице 3*.

Рис. 8. Группировка субъектов Федерации по уровню и динамике налогового разрыва в 2017 году

Источник: рассчитано автором по данным ФНС РФ и ФСГС РФ.

Таблица 3. Группировка субъектов Федерации по уровню и динамике налогового разрыва в 2017 году

Коэффициент опережения темпа роста налогового разрыва по отношению к темпу роста полного реализованного налогового потенциала региона	Отношение налогового разрыва к ВРП, %	
	Ниже среднего (< 4,042%)	Выше среднего (> 4,042%)
Опережающий рост налогового разрыва по отношению к реализованному налоговому потенциалу (> 1)	В: Регионы с низким уровнем налогового разрыва, но имеющие тенденцию к его увеличению 9 регионов	Д: Регионы с высоким уровнем налогового разрыва, который продолжает увеличиваться 4 региона
	Республики Дагестан, Чечня, Бурятия, Хакасия, Забайкальский и Приморский края, Амурская, Магаданская области, Севастополь	Смоленская, Омская области, республики Ингушетия и Карачаево-Черкесия
Опережающий рост реализованного налогового потенциала по отношению к налоговому разрыву (> 1)	А: Регионы с низким уровнем налогового разрыва и тенденцией к его дальнейшему сокращению 52 региона	С: Регионы с высоким уровнем налогового разрыва, имеющие тенденцию к его сокращению 19 регионов
	Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Волгоградская, Кировская, Нижегородская, Пензенская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Ростовская, Тюменская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, республики Карелия, Коми, Адыгея, Калмыкия, Крым, Башкортостан, Марий-Эл, Мордовия, Татарстан, Чувашия, Алтай, Тыва, Саха (Якутия), Алтайский, Ставропольский, Краснодарский, Красноярский, Камчатский, Хабаровский края, Чукотский АО	Московская, Рязанская, Ярославская, Калининградская, Ленинградская, Астраханская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Иркутская, Томская области, республики Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Удмуртия, Пермский край, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО
<p>Рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: http://www.nalog.ru/rn76/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#t2 (дата обращения 30.11.2019); Корректировка валовой добавленной стоимости на экономические операции, ненаблюдаемые прямыми статистическими методами // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://gks.ru/storage/mediabank/tab14-19-2.xls (дата обращения 30.11.2019); Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2017 гг. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://gks.ru/storage/mediabank/rozn32(1).xls (дата обращения 30.11.2019).</p>		

С помощью представленной классификации регионов можно делать выводы о качестве работы региональных налоговых и финансовых органов по сокращению налогового разрыва на основе соотношения его уровня и динамики. Это соотношение с учетом факторного анализа налогового разрыва позволяет также предлагать рекомендации по сокращению налогового разрыва для регионов за счет работы с тем или иным фактором, его формирующим. Для сокращения ненаблюдаемой экономики в части теневого сектора целесообразно, например, сокращать расчеты наличными, в части неформального сектора – перспективы открывает эксперимент с введением налога на профес-

сиональный доход для самозанятых граждан. Сокращение налогового разрыва по налоговой задолженности требует совершенствовать работу налоговых органов, в частности по реструктуризации и гарантийному обеспечению задолженности, взаимодействию с кредитными организациями, реализации имущества должников и т. д. Повышение качества контрольной работы налоговых органов для сокращения налогового разрыва в соответствующей части возможно за счет дальнейшего развития централизованных подходов к налоговым проверкам и развитию системы налогового мониторинга для крупнейших налогоплательщиков в режиме онлайн с доступом налоговых органов

к налоговому и бухгалтерскому учету налогоплательщика в рамках Раздела V.2 Части 1 Налогового кодекса РФ.

Выводы и обсуждение результатов

В рамках исследования налогового разрыва на региональном уровне в РФ и оценки факторов, его формирующих, получены следующие выводы.

1. Установлено, что подходы к определению налогового разрыва как отечественными, так и зарубежными исследователями во многом схожи. В целом налоговый разрыв можно определить как разницу между фактическими налоговыми поступлениями и предполагаемыми, которые могли бы пополнить бюджет при условии исполнения законодательства всеми налогоплательщиками, иными словами, как разницу между фактическими налоговыми поступлениями и налоговым потенциалом.

2. Обосновано, что налоговый разрыв определяется влиянием масштаба теневой экономики, коррупции, уклонения от уплаты налогов, качества налогового администрирования и иных факторов. Перечень этих факторов может быть различным в зависимости от исследовательских задач. Дискуссионным является вопрос об учете в качестве фактора налогового разрыва выпадающих налоговых доходов вследствие налоговых льгот, или так называемых налоговых расходов. С 2016 года ведутся официальные реестры налоговых расходов государства, в том числе в разрезе субъектов Федерации¹². Вместе с тем налоговые льготы формируют не налоговый разрыв, а разницу между номинальным налоговым потенциалом и налоговым пределом (см. рис. 1), поскольку являются законным элементом снижения налоговой нагрузки для отдельных категорий налогоплательщиков. В связи с этим учитывать налоговые льготы в налоговом разрыве некорректно.

3. Представлена авторская методика анализа структуры и динамики налогового разрыва на региональном уровне. В отличие от существующих она не только позволяет оценить величину и структуру налогового разрыва региона

в абсолютном и относительном выражении, но и дает возможности для сравнительной оценки регионов по налоговому разрыву и факторам, его определяющим. Использование предложенной авторской методики помогает сделать выводы о качестве работы налоговых и финансовых органов региона с задолженностью и по налоговому контролю и администрированию, а также идентифицировать и анализировать перспективы и резервы сокращения налогового разрыва.

4. В целом по РФ налоговый разрыв на 01.01.2018 составил 3,03 трлн руб. С 2011 по 2017 год по отношению к налоговым доходам консолидированного бюджета РФ налоговый разрыв сократился с 20,9 до 17,5%, или на 3,4 п. п., сократилось и отношение налогового разрыва к ВВП – с 4,5 до 4%. Несмотря на позитивную динамику, налоговый разрыв в 3,03 трлн руб., или 4% ВПП, 17,5% налоговых доходов консолидированного бюджета, является существенным показателем с позиций возможностей для наращивания доходов бюджетов и сокращения государственного долга, а соответственно, и роста государственных инвестиций и социальных расходов. Во всех федеральных округах отмечено сокращение относительной величины налогового разрыва. Также наблюдается сокращение доли потенциала дончисления налогов и сборов в случае 100% охвата налогоплательщиков проверками. Это подтверждает, что качество контрольной деятельности налоговых органов повышается. Стабильно высокой (68%) остается доля ненаблюдаемой экономики в налоговом разрыве. Возросла также доля налогового разрыва по налоговой задолженности (с 22,2 до 30,7%).

5. Предложен авторский вариант группировки субъектов Федерации относительно состояния и перспектив сокращения налогового разрыва, в основе которого – соотношение его уровня и динамики. Такая группировка регионов позволяет делать выводы о качестве работы региональных налоговых и финансовых органов и формировать рекомендации по сокращению налогового разрыва за счет работы конкретного фактора, его формирующего. Например, по уменьшению количества расчетов наличными, совершенствованию работы налоговых органов по реструктуризации и гарантийному обеспечению налоговой задолженности,

¹² Реестр налоговых льгот (налоговых расходов), установленных законами субъектов Российской Федерации на 2016–2017 годы с оценкой на прогнозный период до 2021 года // Министерство финансов РФ. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/budget/policy/#> (дата обращения 30.11.2019).

взаимодействию с кредитными организациями, реализации имущества должников, развитию централизованных подходов к налоговым проверкам и системы налогового мониторинга для крупнейших налогоплательщиков.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что потенциал сокращения налогового разрыва в России за счет повышения качества контрольной работы налоговых органов во многом уже реализован. Перспективы для финансовых и налоговых органов открывает

работа с налоговой задолженностью. В целом наибольший удельный вес в налоговом разрыве имеет теневая экономика — до 68%. Эта доля определена по официальным статическим данным (12–15%), если бы использовались альтернативные оценки, которые доходят до 23–44% [3, с. 9], то показатель был бы существенно выше как в абсолютном, так и в относительном выражении. Это подтверждает значимость активизации комплексной работы государственных органов по легализации теневой экономики.

Литература

1. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
2. Podvieszko A., Parfenova L., Pugachev A. Tax competitiveness of the new EU member states. *Journal of Risk and Financial Management*, 2019, no. 12 (1), 34, pp. 1–19. DOI:10.3390/jrfm12010034
3. Авдийский В.И., Безденежных В.М. Структура финансовых потоков в теневой экономике и основные способы их оценки // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 11 (5). С. 6–15. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-5-6-15
4. Rotz W., Murlow J., Falk E. The 1995 Taxpayer compliance measurement program (TCMP). Sample redesign: A case history. In: *Turning Administrative System into Information System*. Internal Revenue Service, Washington, 1994. Pp. 121–126.
5. Миронова О.А., Ханафеев Ф.Ф. Налоговый разрыв: проблемы определения и урегулирования // Вопросы региональной экономики. 2016. № 2 (27). С. 112–115.
6. Шакирова Д.Ю., Засько В.Н. Налоговый разрыв: особенности определения и мировой опыт // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 18. С. 163–170
7. Raczkowski K., Mro'z B. Tax gap in the global economy. *Journal of Money Laundering Control*, 2018, no. 21 (4), pp. 545–554. DOI: 10.1108/JMLC-12-2017-0072
8. The concept of tax gaps. Report II: Corporate income tax gap estimation methodologies. In: *Taxation Papers. Working Paper №73 – 2018*. Fiscalis Tax Gap Project Group (FPG/041). Brussels, July 2018. 112 p.
9. Kosova T., Slobodyanyuk N., Polzikova H., Šatanová A. Tax gap management: Theory and practice. *Економічний часопис-XXI*, 2018, no. 11-12 (174), pp. 22–28. DOI: <https://doi.org/10.21003/ea.V174-04>
10. Laffer A., Seymour J. *The Economics of the Tax Revolt*. Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 138 p.
11. Alfirman L. Estimating stochastic frontier tax potential: Can Indonesian local governments increase tax revenues under decentralization. In: *Center for Economic Analysis Working Paper*, 2003, no. 03–19. 37 p.
12. Bird R.M., Martinez-Vazquez J., Torgler B. *Societal Institutions and Tax Effort in Developing Countries*. Toronto, University of Toronto, 2004. 195 p.
13. Эффективность деятельности налоговых органов: оценка и резервы повышения / Е.С. Филиппович [и др.]; под общ. ред. Е.С. Филиппович. Минск: БГАТУ, 2017. 256 с.
14. Murphy R. *The Tax Gap, Tax Evasion in 2014 – and What Can be Done about it*. Public and Commercial Services Union, London, September, 2014. Available at: <http://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/16565/1/PCSTaxGap2014Full.pdf> (accessed 30.11.2019).
15. Raczkowski K. Measuring the tax gap in the European economy. *Journal of Economics and Management*, 2015, no. 21 (3), pp. 58–72.
16. Рошупкина В.В. Показатель налоговой нагрузки как индикатор эффективности фискальных мер // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 2. С. 133–141.
17. Суслина А.Л., Леухин Р.С. Борьба с теневой экономикой в России: частные аспекты общих проблем // Финансовый журнал. 2016. № 6. С. 46–61.

18. Федотов Д.Ю., Невзорова Е.Н., Орлова Е.Н. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 11. С. 2015–2032.
19. Поварова А.И. Проблемы формирования регионального бюджета в условиях бюджетной консолидации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.7

Сведения об авторе

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Комсомольская, д. 3, ауд. 304; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

Regional Tax Gap and Assessment of Its Determining Factors

Abstract. Reduction of the tax gap at the regional level contributes to development of tax potential and the increase of regions' budget security. The purpose of the article is to study the tax gap at the regional level in the Russian Federation (RF) on the basis of a comprehensive assessment of factors that determine it. Approaches to the determination of the tax gap at regional and national levels are summarized. Factors that form the tax gap are defined. Due to the purpose of the study, it includes the amount of taxes and fees' arrears, the amount of additional taxes and fees in case of tax inspections' continuous coverage of taxpayers, and the scale of the shadow economy. The developed methodology for analyzing the structure and dynamics of regional tax gap factors is presented. It allows assessing its size, structure, and the work quality of region's tax and financial authorities. Besides, it allows identifying opportunities for reducing the tax gap. A variant of grouping entities of the Federation regarding the state and prospects of reducing the tax gap, formed on the basis of the ratio of its level and dynamics, is proposed. Grouping of regions helps to conduct its comparative analysis according to the tax gap and its determining factors. The potential for reducing the tax gap in Russia by improving the quality of tax administration has been largely implemented. The work with tax arrears opens up opportunities for financial and tax authorities. The shadow economy has the largest share in the tax gap, which actualizes the importance of conducting the comprehensive work of the state to legalize it.

Key words: tax gap, tax competition, tax potential of the region, factors of the tax gap, tax arrears, shadow economy, tax control.

Information about the Author

Andrey A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University (room 304, 3, Komsomolskaya St., Yaroslavl, 150000, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

Статья поступила 20.12.2019.

Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека

Галина Вадимовна

БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

Аннотация. Принятие необдуманных финансовых решений может отрицательно повлиять на отдельные домохозяйства и общество в целом, поэтому органы государственной власти, используя различные управленческие механизмы, осуществляют регулирование финансового поведения населения. В статье предпринята попытка понять, каким образом в государственном регулировании финансового поведения населения представлены механизмы, направленные на изменение «среды» (в частности нормативно-процессуальных основ финансовой системы) и «человека» (его знаний и установок). В работах схожей тематики рассматриваются правовые основы деятельности финансовых организаций, поведенческие инструменты в управлении финансовым поведением населения, способы повышения его финансовой грамотности и т. д. В отличие от них в проведенном исследовании, во-первых, отражены взгляды альтернативных экономических теорий (теория рационального выбора, поведенческая экономика) на возможность регулирования экономического поведения, приведены приемы широко распространенного в зарубежных странах поведенческого «подталкивания»; во-вторых, предложена схема регулирования финансового поведения населения России и проанализированы основные нормативные документы, регламентирующие деятельность финансовых организаций страны; в-третьих, дана оценка соотношению линий регулирования «изменение среды» и «изменение человека». Показано, что воздействие на финансовое поведение россиян направлено главным образом на «изменение среды», т. е. на построение добросовестной институциональной финансовой системы. Воздействия по линии «изменение человека» вторичны, они реализуются через повышение

Для цитирования: Белехова Г.В. Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 111–128. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.8

For citation: Belekova G.V. Regulation of financial behavior of the population of modern Russia: regulatory context formation and personal development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 111–128. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.8

финансовой грамотности и введение массовых финансовых продуктов. Такое регулирование допускает перекося в сторону «пассивности» человека. Устранение выявленного дисбаланса позволит повысить эффективность управленческих решений в отношении финансового поведения граждан. Предлагается перенаправить регулирование с конструирования «идеальной» среды на воспитание грамотного и финансово активного населения, способного своим поведением формировать нужную для экономики и общества финансовую среду.

Ключевые слова: финансовое поведение, государственное регулирование, подталкивание, изменение среды, изменение познания, финансовая грамотность.

Введение

Общероссийские опросы регулярно выявляют в финансовом поведении россиян действия с повышенным риском негативных последствий для материального благополучия. Например, в кредитных практиках широко участвуют социально уязвимые группы населения с низкой платежеспособностью: активнее других берут кредиты молодые семьи (возраст супругов от 25 до 40 лет) с двумя несовершеннолетними детьми (50%), молодые (в возрасте от 25 до 40 лет) матери-одиночки с одним ребенком (45%) и двумя детьми (51%)¹. Фиксируется высокая доля закредитованных (тех, кто отдает на выплаты по кредитам более 30% семейного дохода) среди малоимущих заемщиков² – 29% по сравнению с 10% среди более обеспеченных³. Наряду с этим 44% россиян, бравших кредит за последний год, лояльно относятся к нарушению кредитных договоров и считают, что небольшая просрочка платежа не страшна, а для 25% заемщиков преступлением не является невозврат кредита⁴.

Распространенность подобных финансовых практик весьма негативно влияет как на отдельные домохозяйства, так и на общество в целом. Государство, в отличие от других экономиче-

ских агентов, не только заинтересовано в грамотном финансовом поведении населения, но и способно воздействовать на него и финансовую систему в целом. Последние 20 лет целевыми ориентирами такого воздействия выступают увеличение объема организованных сбережений населения, диверсификация используемых населением финансовых инструментов, доведение нормативно-правовых основ финансовой системы до современных международных стандартов. Значимую роль в достижении указанных целей, наряду с социальной политикой, политикой в сфере труда и занятости, образования, здравоохранения и проч., играет и политика по регулированию финансового рынка, которая формирует нормативно-процессуальные рамки финансового поведения населения.

Проблематика регулирования финансового поведения населения находит отражение в ряде научных публикаций российских исследователей. Их тематика связана в основном с нормативно-правовым регулированием финансового рынка и деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций, особенностями правоприменительной практики и изменениями в законодательстве (В.А. Поздышев [1], В.Г. Голубцов [2]). Значительное число статей посвящено проблеме повышения финансовой грамотности населения (О.Е. Кузина и Д.Х. Ибрагимова [3], А.В. Стахнюк и Е.А. Измалкова [4], Г.В. Цветова и М.В. Ерофеева [5]). Менее представлены исследования о влиянии когнитивных, психологических и социокультурных факторов на финансовое поведение населения и их учете в практике его регулирования (Т.Н. Колесникова [6]), об особенностях применения поведенческих инструментов в разных сферах регулирования и возможностях их встраивания в политику по управ-

¹ Портрет заемщика: кто в России чаще всего берет кредиты? // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/portret-zaemshchika-kto-v-rossii-chashche-vsego-beret-kredity/> (дата обращения 04.02.2020).

² Характеристика «Денег не хватает даже не продукты питания» (опрос НАФИ).

³ Портрет заемщика: кто в России чаще всего берет кредиты? // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/portret-zaemshchika-kto-v-rossii-chashche-vsego-beret-kredity/> (дата обращения 04.02.2020).

⁴ Каждый четвертый заемщик считает, что невозврат кредита не является преступлением // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-chetvertyy-zaemshchik-schitaet-chto-nevozvrat-kredita-ne-yavlyaetsya-prestupleniem/> (дата обращения 04.02.2020).

лению финансовым поведением населения (А.Е. Голодникова и соавт. [7]). Отдельный пласт составляют труды обзорного, теоретико-методологического плана, авторы которых рассматривают положения новой поведенческой экономики, ее влияние на государственную политику и способы манипулирования экономическим поведением (И.Н. Дрогобыцкий [8], А. Злотников [9], А. Шмаков [10]) либо анализируют преимущества и провалы государственного патернализма с точки зрения его воздействия на экономическое поведение населения в целом (Р.И. Капелюшников [11; 12], А.Я. Рубинштейн и А.Е. Городецкий [13]).

В то же время работ, направленных на изучение концептуальных основ текущей практики регулирования финансового поведения в России, соответствия нормативно-процессуальных аспектов регулирования современным взглядам экономической науки (в частности положениям поведенческой экономики), представлено крайне мало. На наш взгляд, для выявления возможностей по повышению эффективности регулирования финансового поведения населения важно понимать, какие концептуальные положения современной экономической мысли используются в действующей системе регулирования.

Цель нашей работы заключается в систематизации нормативно-процессуальных аспектов регулирования финансового поведения населения, что позволит понять, каким образом в этой сфере государственного регулирования используются механизмы, направленные на изменение «среды» (нормативных основ финансового рынка) и «человека» (его знаний и установок). Для этого в первой части статьи рассмотрены положения альтернативных экономических теорий (теория рационального выбора, поведенческая экономика) относительно возможности регулировать экономическое поведение, приведены приемы поведенческого «подталкивания»; во второй части представлена схема регулирования финансового поведения россиян, проанализированы основные нормативные документы, регламентирующие деятельность финансовой системы России, показано соотношение линий регулирования «изменение среды» и «изменение человека».

Теоретические взгляды на возможность регулирования финансового поведения населения

Исследования экономического поведения населения преследуют цель «объяснить, предсказать и научиться воздействовать на поведение осуществляющего выбор человека» [10, с. 98]. Изначально экономика рассматривала человеческое поведение с точки зрения модели «рационального человека» (*Homo economicus*), который опирается на нормативный, априорный анализ принятия рациональных решений. В неоклассических теориях благосостояния и рационального выбора, рассматривающих рационального человека с четкой структурой предпочтений, прямое вмешательство государства считалось излишним, а мерой качества экономической политики являлась индивидуальная полезность (В. Парето, Дж. Хикс, П. Самуэльсон) [14, с. 16]. Согласно теории рационального выбора, человек осуществляет обдуманый, разумный, рациональный выбор, преследуя собственную выгоду. При этом население в общей массе направляется метафоричной «невидимой рукой», которая является скрытым механизмом действия рыночной экономики. Другими словами, рыночное регулирование самодостаточно и способно настраивать индивидуальное рациональное поведение. Поэтому как таковой вопрос о регулировании экономического поведения населения не поднимался, т. е. сам классический взгляд на человека как на оптимально действующего *Homo economicus* не требовал выстраивания системы социально-экономического регулирования поведения.

Появление и развитие альтернативных экономических концепций, ослабляющих тезис о рациональности человеческого поведения, повлекли за собой трансформацию взгляда на роль государства в регулировании экономического поведения населения. Наиболее известным альтернативным взглядом стала поведенческая концепция, согласно которой поведение человека подвержено влиянию эмоций, стереотипов мышления и т. п., а рациональность ограничена когнитивными способностями индивидов к обработке неполной и несовершенной информации [15].

В экономической, социальной и психологической литературе можно найти многочисленные эмпирические доказательства отклонений от рационального поведения. Например, несовершенная оптимизация: в некоторых случаях люди игнорируют информацию, которая помогла бы принять правильное решение [16]; в других — они изначально рассматривают плохие варианты финансовых решений или по каким-либо причинам отказываются от выбора лучших вариантов [17; 18]. Влияние оказывают пристрастные суждения или предпочтения. В частности, некоторые люди придают большее значение потенциальным потерям, а не эквивалентному размеру потенциальной выгоды [19; 20]; текущим (краткосрочным), а не будущим (долгосрочным) результатам [21; 22; 23], что приводит к неэффективным расходам, займам или инвестированию. Выбор потребителей варьируется в зависимости от самих финансовых продуктов и услуг, от того, как оформлено их предложение, каким образом представлены их характеристики [19; 24; 25]. Также значимо влияние социального контекста: потребители могут слишком доверять финансовым консультантам, не учитывая, что последние могут быть мотивированы личным корыстным интересом [26]; сравнение с успехами других может вызывать чувство зависти или разочарования у потребителя и удерживать его от совершения грамотного выбора [27].

Подобные наблюдения привели к появлению теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона, теории перспектив Д. Канемана и А. Тверски, новой поведенческой экономики Р. Талера и проч., допускающих вмешательство государства в экономическое поведение населения. Исследования Р. Талера и К. Санстейна легли в основу «либертарианского патернализма» — политики минимального вмешательства государства (патера) в выбор человека [28; 29]. Предполагается, что путем проведения минимально агрессивной политики с использованием специального инструментария с психологической начинкой [30, с. 350] государство-патерналист помогает людям принимать индивидуально и общественно оптимальные решения, не препятствуя при этом достижению их субъективных предпочтений и повышению их благосостояния [14, с. 16–17; 31].

Наряду с развитием концептуальных взглядов экономической науки происходит трансформация «традиционных» способов регулирования в политике (command-and-control, transparency-and-access), которые показывают снижающуюся эффективность в регулировании поведения населения [7, с. 8]. Знания о поведенческих ошибках и способах воздействия на них все чаще учитываются при разработке регулирующих воздействий на поведение населения. Так, «в настоящее время в мире существует не менее 20 подразделений по выработке предложений в области подталкивания (nudge unit) в Европе, Америке, Азии и Австралии» [32].

Как отмечает Р.И. Капелюшников, логика государственного регулирования в поведенческой экономике предполагает эффективное устранение когнитивных и поведенческих ошибок населения, прямые ограничения текущего нерационального поведения и широкую социальную поддержку будущего поведения. Традиционные направления государственной политики, напротив, предполагают регулирование и контроль текущего экономического поведения населения с помощью будущих вознаграждений или штрафов [11, с. 88].

Широкое применение получили две линии регулирования поведения населения: изменение познания⁵ (знаний, убеждений и установок самого человека) и изменение контекста⁶ (среды или ситуаций), в рамках которого человек принимает решения [33, с. 126–127]. Их качественное наполнение происходит в рамках поведенческой концепции.

«Изменение познания» предполагает предоставление человеку новой информации в той или иной форме. Такие вмешательства вызывают рефлексивную умственную обработку и пытаются обучить человека принимать более обоснованные и эффективные решения. Влияние информации и образования согласуется с классической моделью рационального человека: чем больше у него информации, тем выше вероятность, что он точно рассчитает выгоду от каждого альтернативного варианта и выберет оптимальный. «Изменение познания» лучше

⁵ Англ. «change cognitions (beliefs and attitudes)» [33].

⁶ Англ. «change the context (environment or situation)» [33].

Рис. 1. Описание способа регулирования MINDSPACE

M	Messenger	=	Уведомитель	↔	На выбор человека влияет тот, кто передает информацию
I	Incentives	=	Стимулы	↔	Реакция человека на стимулы строится по шаблонам восприятия
N	Norms	=	Нормы и стандарты	↔	На выбор человека влияет то, что делают другие
D	Defaults	=	Опции по умолчанию	↔	Человек обычно соглашается с предустановленными опциями
S	Salience	=	Приоритет	↔	Человек обращает внимание на то, что является для него актуальным и обладает новизной
P	Priming	=	Фиксированные установки	↔	На выбор человека влияют подсознательные сигналы
A	Affect	=	Эмоции	↔	На выбор человека влияют эмоциональные ассоциации
C	Commitments	=	Приверженность	↔	Человек стремится соответствовать общественным обязательствам
E	Ego	=	Эго	↔	Человек обычно действует с выгодой для себя

Источник: составлено автором на основе [33, с. 129–133].

всего работает на тех, кто наиболее открыт для информирования, восприятия и понимания новых знаний, поэтому оно может способствовать увеличению разрыва между лицами с высоким и низким уровнем образования. Применительно к финансовому поведению такие вмешательства предназначены для повышения финансовой грамотности, облегчают людям понимание финансовых продуктов и услуг и сам процесс принятия решений [33, с. 127–128].

«Изменение контекста» в большей степени учитывает, что люди обладают ограниченными когнитивными способностями. Оно предполагает воздействие на автоматические процессы суждения, фокусируясь на корректировке поведения без изменения взглядов [33, с. 129–133]. При этом используется комплекс воздействий, который в западной практике часто обозначается как MINDSPACE (рис. 1).

Последствия, к которым приводит использование двух линий регулирования поведения — «изменения познания» и «изменения контекста», в настоящее время являются актуальной тематикой исследований зарубежных ученых. Например, в работах P. Dolan and etc. [33], B.C. Madrian and etc. [34] установлено, что

вмешательства по типу «изменение познания» (на базе образования и новой информации) влияют на финансовое поведение преимущественно высокообразованных, финансово грамотных и восприимчивых к новой информации людей, а «изменение контекста» имеет более универсальный эффект и пригодно для населения с различными социально-демографическими характеристиками.

Обобщение инструментов поведенческой экономики (по большей части вмешательств по типу «изменение контекста») представлено в трудах К. Санстейна, Р.И. Капелюшниковой, А.Е. Голодниковой, Д.Б. Цыганкова, М.А. Юнусовой и др. В них рассматриваются наиболее перспективные для государственного управления инструменты поведенческого «подталкивания»: установление «опций по умолчанию»⁷ [35, с. 19]; прямые запреты,

⁷ Например, политика по добровольному донорству органов. В одних странах (Франция, Польша, Венгрия) в медицинских завещаниях опция по умолчанию — «я согласен быть донором органов». В других странах (Нидерланды, Германия) органы для донорства нельзя использовать без явного согласия (т. е. необходимо самостоятельно указать на согласие или не согласие).

ограничивающие возможности индивидуально-го выбора в сферах с высоким риском (например, запрет на упразднение государственного пенсионного страхования); законодательное закрепление периодов охлаждения (например, при покупке страховых продуктов или дорогих вещей); клиентоориентированные формы раскрытия информации при сделках с высокорискованными продуктами (ипотека, кредитование и проч.); рассылка текстовых сообщений разнообразного содержания⁸ [7, с. 12–14; 11, с. 84–88; 36].

Говоря об опыте регулирования поведения населения посредством «изменения познания» и «изменения контекста», следует указать те аспекты, которые могут ограничить их применение в российской практике. Во-первых, изучена лишь часть из множества комбинаций различных видов вмешательств и эффектов от их применения, и преимущественно на опыте зарубежных стран. Поэтому для избегания нежелательных результатов и прояснения российской специфики приемов «подталкивания» необходимы предварительные исследования и экспериментальные апробации. Во-вторых, специализированные исследования должны проводиться не только учеными на ограниченных выборках. К изучению вопроса следует привлекать крупных работодателей и непосредственно правительство страны, так как они могут отработать регулируемую политику на большей совокупности населения или на однородных категориях работников (военнослужащие, работники бюджетной сферы или определенной отрасли промышленности). В-третьих, для некоторых людей политика внешнего «подталкивания» может показаться сомнительной в морально-этическом плане. Основаниями для скепсиса могут быть, например, ограничение

⁸ Например, в Австралии для подталкивания арендаторов к своевременному внесению арендных платежей и погашению задолженности рассылаются сообщения, «содержащие поведенческие стимулы: социальные нормы («9 из 10 арендаторов в Вашем районе заплатили арендную плату вовремя»), неприятие потерь («Ваша арендная плата просрочена. Договор аренды под угрозой»), сообщение об издержках общества («Ваша арендная плата просрочена. Невыплаченная аренда стоит государству и сообществу денег, которые могли бы быть направлены на помощь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации»)) и проч. [7, с. 14].

конституционных прав человека на свободу выбора или манипулирование со стороны лиц, принимающих решения, в пользу их корыстных интересов, а не интересов общества в целом. Однако, согласно методическим основам «либертарианского патернализма» Р. Талера и К. Санстейна, приемы внешнего «подталкивания» не вносят никаких ограничений в возможности выбора, а формируют условия для принятия человеком решений на добровольной основе «таким образом, чтобы эти решения были оптимальны для него самого» [28, с. 179; 35, с. 18–21]⁹. Более того, как уже отмечалось выше, в зарубежных странах с начала 2000-х гг. функционируют государственные и общественные «центры подталкивания» («nudge unit»), которые разрабатывают «технологии поведенческого подталкивания в разных ситуациях»; в целом поведенческие методы применяются в публичной политике более чем 150 стран [35, с. 22].

Таким образом, эволюция экономической мысли, управленческой и политической науки и практики обозначила ограниченность «нормативной» теории рационального выбора (и других концепций, основанных на ней) для применения в регулировании экономического поведения населения. Рациональный выбор все чаще рассматривается не как максимизирующий полезность (прибыль) и минимизиру-

⁹ Разберем на примере «плана 401 (k)» – плана сбережений сотрудников. Работодатель может выбрать один из двух вариантов – «автоматическая регистрация» или «выбор». При «автоматической регистрации» сотрудникам поясняют, что, если они не откажутся, они будут зачислены в план; в самой форме уже прописано, что сотрудник соглашается на участие (при этом имеются варианты по умолчанию для ставок отчислений и распределения активов), но есть графа для отказа (которую сотрудник должен заполнить). Альтернативный вариант «выбор» – сотрудник сам должен отметить, участвует или не участвует (а также определить процент отчислений и распределение активов).

Вариант «автоматической регистрации» действительно является патерналистским. Т. е. работодатель действует как патерналист – он считает, что участие в плане 401 (k) сотрудника выгодно для его благополучия, поэтому он направляет выбор в сторону участия. Но в то же время работодатель не вынуждает работника участвовать, т. к. даже при автоматической регистрации у сотрудника есть возможность выбрать отказ от участия, заполнив специальную графу. Т. е. налицо отсутствие манипулирования и ограничения воли или свободы выбора человека [28, с. 176–177].

ющий издержки, а как наилучший и наиболее удовлетворительный из доступных вариантов. Развитие альтернативных экономических течений (в частности поведенческой экономики) показало, что задача управленца состоит в создании такого окружения, чтобы приблизить принимаемое человеком решение к наилучшему из возможных с точки зрения соблюдения баланса между общественной полезностью и индивидуальным благополучием.

Регулирование финансового поведения населения России

Становление современной практики регулирования финансового поведения россиян проходило на фоне трансформации государственного управления в конце XX века. Переход от советской системы государственно-патернализма к либеральной идеологии и «страховым взаимоотношениям» государства и населения стал причиной того, что органам власти пришлось создавать условия (в том числе нормативно-процессуальную среду) для включения населения в финансовые операции и обучать его работать в условиях риска, неопределенности и личной ответственности за собственное материальное благополучие.

Регулирование финансового поведения населения России опосредовано регулированием деятельности участников финансового рынка. Обобщенная схема процесса регулирования финансового поведения населения, которая, на наш взгляд, реализуется в условиях российской действительности, представлена на рисунке 2. Его главными координаторами выступают Правительство РФ и Центральный банк Российской Федерации. Они определяют «правила игры» — разрабатывают стратегические и программные документы, которые регламентируют отношения, возникающие при взаимодействии населения, финансово-кредитных организаций, государства и прочих агентов по вопросам формирования, распределения и использования денежных и других финансовых ресурсов граждан.

Участие в регулировании финансового поведения населения также принимают Министерство финансов РФ, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Министерство образования и науки РФ и другие федеральные органы исполни-

тельной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, институты финансового рынка и прочие заинтересованные стороны. Их деятельность регламентируется действующими программными документами (Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы, Стратегия развития национальной платежной системы, Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года, Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 гг. и др.) и прочими нормативно-правовыми актами.

Одна из приоритетных целей развития финансового рынка — «повышение уровня и качества жизни граждан Российской Федерации за счет использования инструментов финансового рынка»¹⁰; далее от нее выстраиваются цели и задачи применительно к финансовому поведению населения (см. рис. 2). В частности, *целями регулирования финансового поведения являются:*

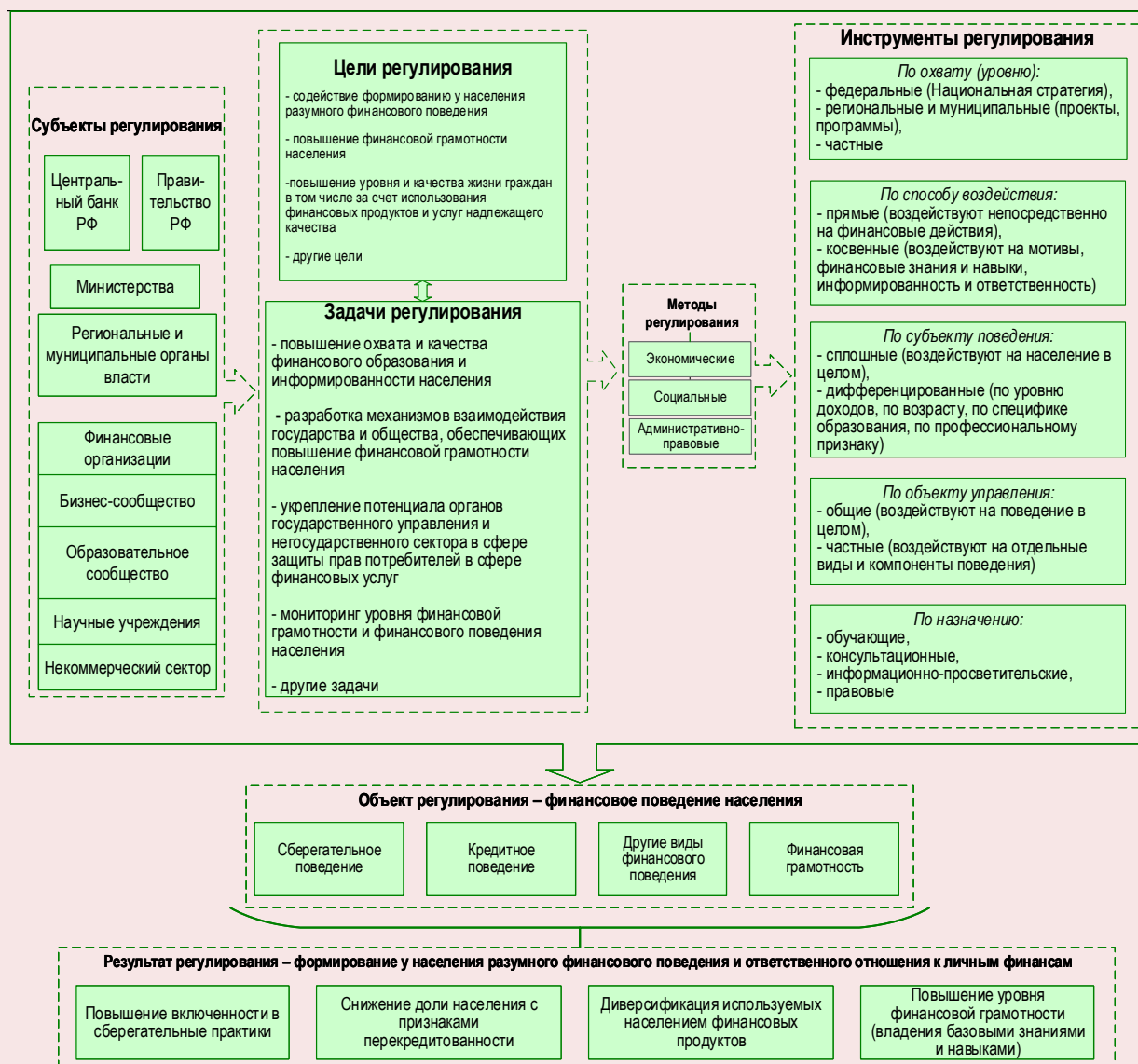
- содействие формированию у граждан разумного финансового поведения;
- повсеместное повышение финансовой грамотности во всех социально-демографических, профессиональных, доходных и других группах населения;
- обеспечение доступности для потребителей финансовых продуктов и услуг надлежащего качества, использование которых способствует улучшению качественных характеристик жизни населения;
- справедливая реализация нормативно-правовых норм, закрепленных законодательством, по отношению ко всем участникам финансового рынка и др.

К задачам регулирования финансового поведения россиян относятся:

- расширение включенности граждан в процессы финансового просвещения;
- разработка и реализация государственных и частных программ повышения финан-

¹⁰ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов / Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf

Рис. 2. Схема процесса регулирования финансового поведения населения России

Источник: составлено автором.

совой грамотности в социально-демографических, профессиональных, доходных и других группах населения (например, уроки для несовершеннолетних детей на базе общеобразовательных организаций, дополнительное финансовое обучение студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования, занятия с молодыми семьями или социально уязвимыми группами на базе центров социальной помощи семье и детям, «образовательные дни» для конкретных групп

населения в финансовых организациях различного уровня, в том числе региональных управлениях Центрального банка Российской Федерации);

– проведение регулярных мониторингов, направленных на исследование включенности населения в финансовое поведение, на измерение актуального уровня финансовой грамотности людей для оценки результативности осуществляемых мероприятий и их своевременной корректировки и др.

В качестве конкретизации *конечного результата регулирования финансового поведения* подходящей, на наш взгляд, является вариация цели из проекта Минфина и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», а именно – *формирование у населения разумного финансового поведения и ответственного отношения к личным финансам*. Указанный результат может быть конкретизирован для каждого вида поведения и финансовой грамотности, например:

- для сберегательного: повышение включенности населения в законные сберегательные практики; увеличение доли населения, имеющего трехмесячные запасы денежных средств (т. е. финансовую «подушку безопасности»), и проч.;
- для кредитного: снижение доли населения с признаками перекредитованности; повышение информированности о «правильных шагах» использования кредитов и проч.;
- по финансовой грамотности: увеличение доли населения в целом и отдельных групп (например семей с детьми, низко- и среднедоход-

ных групп и т. д.), ведущих семейный бюджет; повышение доли населения, сравнивающего возможные финансовые услуги и условия их предоставления; уменьшение доли граждан, не осведомленных о признаках финансовых пирамид и других формах финансового мошенничества, и проч.

Далее рассмотрим некоторые нормативно-процессуальные механизмы, применяющиеся при регулировании финансового поведения россиян, что позволит проследить соотношение линий регулирования «изменение среды» и «изменение человека».

Сберегательная и кредитная политики являются наиболее проработанными сферами государственного регулирования финансового поведения населения. На практике они реализуются в разнообразных формах: изменение ставки рефинансирования Банком России, фискальная политика, система государственного и частного гарантирования сохранности вкладов населения, установление правил взаимодействия кредитных и некредитных финансовых организаций с физическими лицами, введение процедуры банкротства и проч. (табл. 1) [37; 38].

Таблица 1. Примеры механизмов государственного регулирования в области сберегательного и кредитного поведения населения

Механизм	Содержание	Линия регулирования
Система страхования банковских вкладов (ССВ)	Государственная программа для защиты сбережений населения в российских банках функционирует с 2004 г., когда была создана Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» (АСВ). У вкладчиков банков, входящих в ССВ, есть право на получение компенсации до 1,4 млн руб. (включительно) в случае отзыва у банка лицензии (наступления страхового случая). По состоянию на начало 2020 г. в систему страхования вовлечено 720 банков-участников. За время существования ССВ произошло 508 страховых случаев, более 1,5 млн вкладчиков получили страховое возмещение. Неоднократно (4 раза за 10 лет) пересматривалась величина возмещения по вкладам, а за весь период она выросла в 14 раз – со 100 тыс. руб. до 1 млн 400 тыс. рублей ¹¹ .	Изменение среды
Система гарантирования прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования	Начала функционировать с 2014 г.; обеспечивает сохранность сумм, поступающих на пенсионный счет и используемых для расчета будущей пенсии застрахованного лица. Участниками системы являются 33 негосударственных пенсионных фонда. За время функционирования системы гарантийные случаи, связанные с аннулированием лицензии фонда-участника, не наступали ¹² .	Изменение среды

¹¹ См.: <https://www.asv.org.ru/agency/>

¹² См.: <https://www.asv.org.ru/pension/>

Окончание таблицы 1

Механизм	Содержание	Линия регулирования
Федеральный закон № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» ¹³	Наряду с основными правилами в этом законе закреплены дополнительные обязанности банков, о которых заемщики обычно не осведомлены, в частности: <ul style="list-style-type: none"> • бесплатное осуществление обслуживающих операций при получении и погашении кредита; • бесплатное предоставление информации о размере текущей задолженности, графике платежей (по запросу заемщиков не чаще одного раза в месяц); • информирование заемщиков о наличии у них просроченной задолженности по кредиту (не позднее 7 дней способом, указанным в договоре между заемщиком и финансовым учреждением); • запрет на оказание дополнительных платных услуг, не указанных в договоре с заемщиком. 	Изменение среды
Показатель долговой нагрузки заемщиков (ПДН)	С 1 октября 2019 г. ЦБ РФ обязал банки и микрофинансовые организации рассчитывать ПДН при принятии решения о предоставлении кредита в размере от 10 тыс. рублей, а также рекомендовал им информировать заемщика о значении его ПДН. Алгоритм расчета предлагает определение отношения среднемесячных платежей заемщика по всем кредитам и займам к его среднемесячному доходу. Данное нововведение не запрещает кредиторам выдавать займы гражданам с высоким уровнем ПДН. Однако банки будут вынуждены формировать дополнительный запас капитала при кредитовании заемщиков с ПДН более 50 процентов. Это не выгодно, а следовательно, сократится число займов с высоким риском, снизятся темпы роста необеспеченного потребительского кредитования ¹⁴ .	Изменение среды
Запреты на выдачу займов	С 1 октября 2019 г. введен запрет на предоставление гражданам ипотечных займов непрофессиональными кредиторами, т. е. теми, кто находится вне сферы надзора Банка России. С 1 ноября 2019 г. введен запрет для микрофинансовых организаций на выдачу гражданам ссуд, обеспеченных залогом жилья, даже если оно не является единственным ¹⁵ .	Изменение среды
Регулирование размера неустойки (штраф, пени)	С 1 января 2020 г. согласно ФЗ от 27 декабря 2018 г. № 554-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О потребительском кредите (займе)» и ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» по договору потребительского кредита (займа), выданного на срок один год и менее, запрещено начислять проценты, неустойки (штраф, пени), платежи за дополнительные услуги после того, как фиксируемая сумма платежей достигнет полуторакратного размера суммы предоставленного кредита (займа) ¹⁶ .	Изменение среды
Источник: составлено автором.		

¹³ О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

¹⁴ Быстро и бесконтактно: главные финансовые сюрпризы года // Российская газета. Специальный редакционный проект «События года 2019». URL: <https://rg.ru/2019/12/02/bystro-i-beskontaktno-glavnye-finansovye-siurprizy-goda.html> (дата обращения 17.01.2020).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Самые значимые нововведения января // Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/article/1312704/> (дата обращения 17.01.2020).

На стадиях разработки и предварительного рассмотрения в Государственной Думе находят несколько законопроектов, которые в будущем могут повлиять на финансовое поведение россиян, в том числе на решения о сбережениях и займах. Законопроектом № 757296-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования системы обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации)» предполагается повышение предельного уровня возмещения по банковским вкладам до 10 млн руб. для случаев непродолжительного (не более 3-х месяцев) хранения этих средств на счетах граждан (при продаже жилого помещения или земельного участка, получении наследства, получении социальных выплат и пособий, получении грантов в форме субсидий и др.)¹⁷. Другой законопроект – № 843962-7 «О внесении изменений в ФЗ “О потребительском кредите (займе)”» (в части уточнения порядка заключения договора потребительского кредита (займа))¹⁸ – предполагает введение для кредиторов обязанности раскрывать все условия кредитования непосредственно в договоре потребительского кредита (займа), а также предусматривает запрет на проставление кредитором в заранее напечатанной форме (в виде «галочек» и иных обозначений, выполненных типографическим способом) за заемщика согласия с условиями кредитования без его собственноручной подписи¹⁹.

Указанные законопроекты являются примерами регулирования по линии «изменение среды». Одним из механизмов, предполагающим воздействие и на среду, и на человека, стало законодательное закрепление норм о *банкротстве физических лиц*. С 1 октября 2015 года вступила в силу обновленная Глава X

«Банкротство гражданина» Федерального закона от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)»²⁰. Эта мера явилась ответом властей на ситуацию с увеличением числа проблемных кредитов и неплатежеспособных должников. Банкиры получили новый инструмент работы с такими клиентами, а граждане – возможность разрешить сложную финансовую ситуацию. Однако практические результаты пока неоднозначны. По информации «Федресурса» (Единого федерального реестра сведений о банкротстве), за четыре года существования механизма потребительского банкротства им воспользовались порядка 163 тыс. россиян, что составляет только 16% от потенциальных банкротов, которых в России около 1 млн человек. Большинство дел (более 70%) заканчиваются без возмещений кредиторам (например, в 2019 году из 225,6 млрд руб. требований было возвращено лишь 8 млрд руб., или 3,5%), в основном по причине того, что еще на входе в процедуру у граждан отсутствует имущество, которое можно было бы использовать для выплат²¹. Для добросовестных граждан из-за недостаточных финансовых знаний процедура банкротства бывает трудоемкой, а для недобросовестных заемщиков в силу их нравственных особенностей она может стать способом избежать серьезных потерь. Получается, что данная мера нуждается в адаптации к неподготовленным банковским организациям и населению²².

Отдельного упоминания заслуживает государственное регулирование процесса *повышения финансовой грамотности населения*. На системной основе задачей повышения финансовой грамотности россиян стали заниматься с июля 2011 года, по итогам многолетней работы в сентябре 2017 года была разработана

²⁰ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

²¹ Банкротства граждан – статистика Федресурса за 2019 год // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/390d0bea-3b00-4512-87a9-5d23fcabfb59> (дата обращения 21.01.2020).

²² Сообщается, что Минэкономразвития подготовило законопроект об упрощенном формате банкротства (подробнее: Как извлечь пользу из банкротства // Российская газета. 22.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/19/proceduru-bankrotstva-mozhno-budet-prohodit-v-uproshchennom-poriadke.html> (дата обращения 21.01.2020)).

¹⁷ См.: Законопроект № 757296-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. Правительство РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/757296-7> (дата обращения 17.01.2020).

¹⁸ См.: Законопроект № 843962-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. Правительство РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/843962-7> (дата обращения 17.01.2020).

¹⁹ Кредит без нагрузки // Российская газета. 05.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/25/v-gd-vnesli-zakonoproekt-o-zaprete-naviazvat-zaemshchikam-uslugi.html> (дата обращения 17.01.2020).

Таблица 2. Основные положения Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы

Положение	Содержание
Цель Стратегии	Создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества
Целевые группы для приоритетной работы	<ul style="list-style-type: none"> - Обучающиеся образовательных организаций разного уровня; - граждане пенсионного и предпенсионного возраста, лица с ограниченными возможностями здоровья; - граждане с низким и средним уровнем доходов
Минимальные знания и навыки финансово грамотного гражданина	<ul style="list-style-type: none"> - Следить за состоянием личных финансов; - планировать свои доходы и расходы; - формировать долгосрочные сбережения и финансовую «подушку безопасности» для непредвиденных обстоятельств; - иметь представление о том, как искать и использовать необходимую финансовую информацию; - рационально выбирать финансовые услуги; - жить по средствам, избегая несоразмерных доходам долгов и платежей по ним; - знать и уметь отстаивать свои законные права как потребителя финансовых услуг; - быть способным распознавать признаки финансового мошенничества; - знать о рисках на рынке финансовых услуг; - знать и выполнять свои обязанности налогоплательщика; - вести финансовую подготовку к жизни на пенсии
Итоги реализации Стратегии	<ul style="list-style-type: none"> - Сформированная инфраструктура для обеспечения постоянного процесса повышения финансовой грамотности населения в Российской Федерации; - повышение качества финансового образования и информирования граждан по вопросам управления личными финансами, личной финансовой безопасности и защиты прав потребителей финансовых услуг; - формирование ответственного типа поведения на финансовом рынке и приобретение населением финансовых компетенций, в том числе по осуществлению долгосрочного планирования личных финансов (финансов домохозяйства) на всех этапах жизненного пути
Источник: составлено автором.	

и утверждена к реализации «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы»²³ (табл. 2). Во многих регионах России (Калининградская, Волгоградская, Архангельская, Кировская, Калужская области, Краснодарский, Алтайский, Ставропольский края, республики Башкортостан, Адыгея, Татарстан и др.) реализуются региональные стратегии и программы для повышения финансовой грамотности населения. Создана Федеральная методическая сеть по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования для предоставления образовательных, методических, информационных и консультационных услуг. На регулярной основе проводятся информационные и обучающие мероприятия: региональ-

²³ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р // Правительство России. Документы. URL: <http://government.ru/docs/29441/>

ные и всероссийские конференции; конкурсы школьных, студенческих и журналистских работ; Всероссийская неделя сбережений; Семейный финансовый фестиваль и проч. Налажена работа сетевых ресурсов – сайт и газета «Дружи с финансами», информационно-просветительский ресурс Банка России «Финансовая культура», портал по защите прав потребителей финансовых услуг «Хочу. Могу. Знаю» и др.

Осуществляемые мероприятия направлены и на «среду», и на «человека», однако необходимо понимать, что такая работа представляет собой многолетний процесс, эффект от которого возможен при массовом включении населения в проводимые мероприятия финансового просвещения и адекватном изменении самой финансовой среды.

Помимо обозначенных, реализуются и другие механизмы регулирования финансового поведения населения, преимущественно связанные с изменением среды (в нормативно-процессуальном аспекте) (табл. 3).

Таблица 3. Прочие механизмы государственного регулирования финансового поведения населения

Механизм	Содержание	Линия регулирования
Вывод с рынка кредитных организаций, не удовлетворяющих надзорным требованиям макрорегулятора	ЦБ РФ проводит политику по дестимулированию недобросовестного поведения организаций на финансовом рынке. В 2014–2016 гг. количество ежегодно отзываеваемых лицензий на осуществление банковских операций было примерно одинаковым (86 в 2014 г., 93 в 2015 г., 89 в 2016 г.), в 2017–2019 гг. оно существенно сократилось (47 в 2017 г., 64 в 2018 г., 27 в 2019 г.) ²⁴ . Общее количество действующих банков за 6 лет уменьшилось более чем в два раза – с 923 на 1 января 2014 г. до 442 на начало 2020 года ²⁵ .	Изменение среды
Разработка ключевых информационных документов (КИД)	Осуществляется ЦБ РФ совместно с участниками финансового рынка. КИДы представляют собой паспорта финансовых продуктов в страховом сегменте, на рынке ценных бумаг и в банковском секторе. Они будут содержать информацию обо всех условиях и возможных рисках для потребителя ²⁶ .	Изменение среды
Отмена комиссий	С середины июня 2020 г. согласно ФЗ от 16 декабря 2019 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 29 ФЗ “О банках и банковской деятельности”» в России будут отменены комиссии за межрегиональные переводы денежных средств между банковскими счетами физических лиц внутри одной кредитной организации (так называемый «банковский роуминг») ²⁷ ; готовится законопроект об отмене банковских комиссий по коммунальным и обязательным платежам ²⁸ .	Изменение среды
Новые массовые финансовые продукты	Облигации федерального займа ОФЗ-н (в тексте); гарантированный пенсионный план (в тексте).	Изменение среды + человека

Источник: составлено автором.

Отдельно стоит упомянуть работу государства по развитию финансовых продуктов, с помощью которых оно планирует мягко вовлечь широкие массы россиян на рынок капитала и параллельно повысить их финансовую грамотность. Например, *облигации федерального займа ОФЗ-н*, выпускаемые Минфином с 2017 года. «Пользователи ОФЗ-н – это в основном люди среднего и старшего возраста. Для расширения аудитории пользователей ОФЗ-н в

2019 году проведена модернизация продукта: расширена сеть продаж до четырех банков (Сбербанк, ВТБ, Почта Банк, Промсвязьбанк), внедрена продажа через мобильные и интернет-приложения. Эксперты отмечают, что привлечение лиц молодого возраста к покупке “народных” облигаций ... даст им реальный опыт работы с инвестиционными продуктами и обучит планировать бюджет на долгосрочный период»²⁹.

²⁴ Данные портала Финграм. URL: <https://finagram.com/skolko-bankov-zakrylos-v-2018/> (дата обращения 21.01.2020); Что ждет российские банки в 2020 году // Российская газета. Специальный редакционный проект «События года 2019». URL: <https://rg.ru/2020/01/06/chto-zhdet-rossijskie-banki-v-2020-godu.html> (дата обращения 21.01.2020).

²⁵ Информация о банковской системе Российской Федерации / Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/lic/> (дата обращения 05.02.2020).

Банком России учитываются только действующие кредитные организации (442 учреждения), тогда как в отчетности АСВ учитываются также банки, у которых отозвана лицензия, но выплаты по ССВ осуществляются (720 учреждений).

²⁶ Стали грамотнее // Российская газета. 14.01.2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/14/reg-szfo/banki-rasskazali-kak-minuvshij-god-izmenil-povedenie-klientov.html> (дата обращения 05.02.2020).

²⁷ Отменяется «банковский роуминг» // Российская газета. 18.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/12/18/rg-publikuet-dokument-ob-otmene-bankovskogo-rouminga.html> (дата обращения 05.02.2020).

²⁸ Оставят без комиссионных // Российская газета. 29.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/29/bankovskiuu-komissiiu-po-platezham-za-kommunalnye-uslugi-zapretiat.html> (дата обращения 05.02.2020).

²⁹ Люди государственного долга // Российская газета. 01.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/28/eksperty-rasskazali-chto-vygodnee-vklad-v-banke-ili-narodnye-obligacii.html> (дата обращения 13.02.2020).

Минфин некоторое время разрабатывает законопроект о новом продукте накопительной пенсионной системы — *гарантированном пенсионном плане (ГПП)*. ГПП станет новым видом пенсионной схемы в рамках действующей системы негосударственного пенсионного обеспечения. Предполагается, что ГПП как стандартизированный защищенный пенсионный продукт предоставит гражданам возможность направлять личные деньги на финансирование своего пенсионного дохода при стимулирующей поддержке государства, а также защитит накопления от нецелевого использования. Однако, как отметил в начале января 2020 года первый заместитель председателя Банка России Сергей Швецов, «этот продукт в большей степени заинтересует граждан с месячным доходом где-то от 45 тысяч рублей на человека в семье. Вряд ли те, у кого доход меньше, будут участвовать в этой схеме, потому что у них ... не так много возможностей урезать текущее потребление. Это продукт для граждан, обладающих достаточной финансовой грамотностью»³⁰. Отметим, что ранее в разработке был индивидуальный пенсионный капитал, предусматривающий автоматическую «подписку» работников, но его трансформировали в ГПП, участие в котором добровольное, т. е. работник должен написать заявление на присоединение к данной системе. Как видим, в новом пенсионном продукте государство отказалось от использования одного из приемов подталкивания — установления выбора по умолчанию.

Помимо разработки и введения финансовых продуктов и услуг, Минфин и ЦБ РФ *регулируют их текущее предложение* (т. е. «среду»). Ярким примером стало вмешательство Банка России в реализацию услуг по инвестиционному страхованию жизни, которые предлагались под видом стандартных банковских депозитов. Организации пользовались как существующи-

ми в законодательстве «пробелами», так и невнимательностью населения при заключении договоров. Однако население не только не получало повышенный доход, но и сталкивалось с неудобствами при досрочном закрытии. По указанию Банка России³¹ с 1 апреля 2019 года страховщики и их агенты обязаны предупреждать клиентов об основных рисках и существенных условиях договора при продаже подобных комплексных продуктов. Такое вмешательство привело к значительному сокращению предложения вкладов с инвестиционным страхованием жизни. Однако в настоящее время банки активно продвигают депозиты, совмещенные с индивидуальными инвестиционными счетами и брокерскими услугами. Подобная ситуация наглядно свидетельствует, что в российском обществе «изменение среды» апостериорно и не всегда приводит к закреплению грамотных финансовых практик среди населения.

Таким образом, государственное регулирование финансового поведения россиян (в нормативно-процессуальном аспекте) направлено преимущественно на «изменение среды», а именно на построение устойчивой добросовестной институциональной финансовой среды, в которой функционируют конкурентоспособные, соблюдающие законы финансовые организации, предоставляющие населению максимально открытые и понятные продукты и услуги. Однако разработка и принятие тех или иных законодательных норм, формирующих контекст деятельности финансовых организаций, зачастую являются реакцией органов власти на имеющиеся проблемы или совершаемые населением ошибки. Воздействия по линии «изменения человека», его знаний и навыков только набирают силу, реализуясь в основном через мероприятия по повышению финансовой грамотности и введение новых массовых финансовых продуктов.

³⁰ См.: План «Б» для лучшей жизни // Российская газета. Специальный проект. URL: <https://rg.ru/2020/01/12/v-cb-rasskazali-komu-podojdet-novaia-shema-pensionnyh-nakoplenij.html> (дата обращения 13.02.2020); Минфин внесет в правительство законопроект о новой пенсионной схеме // Российская газета. Специальный проект. URL: <https://rg.ru/2020/01/14/minfin-vneset-v-pravitelstvo-zakonoproekt-o-novyh-pensii.html> (дата обращения 13.02.2020).

³¹ О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика: указание Центрального банка Российской Федерации от 11 января 2019 г. № 5055-у / Центральный банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/50883/791>

Заключение

Большинство из указанных в статье аспектов регулирования финансового поведения россиян изменяют финансовую среду (в нормативно-процессуальном плане), в которой действует человек. Они либо ограничивают недобросовестные действия финансовых организаций, либо пытаются максимально упростить и оптимизировать выбор потребителя. Однако в России данные «вмешательства» реализуются несколько иным способом, нежели поведенческое «подталкивание» в зарубежных странах. Можно заметить, что в России человек воспринимает среду пассивно — законодатель (т. е. государство) изменило «правила игры», а ему лишь нужно быть информированным об этих новшествах, а не совершать активный выбор. Даже специалисты Центра стратегических разработок, изучающие регуляторную политику нашей страны, формирующие предложения и конкретные алгоритмы ее улучшения, только упоминают об использовании подходов поведенческого регулирования, причем безотносительно к населению, тогда как основное внимание уделяется устранению «избыточности» законодательных актов и снижению правовых барьеров для функционирования бизнеса³². Лишь в отношении некоторых аспектов регулирования финансового поведения в России предполагает активный выбор человека. Например, в сфере финансовой грамотности и финансового просвещения, которые требуют прямого включения граждан в проводимые мероприятия. Другой пример — пенсионная система: предлагаемые государством пенсионные схемы и инструменты всегда связаны с личным волеизъявлением граждан в решении вопроса пенсионного обеспечения.

Не вызывает сомнений, что для действенного регулирования финансового поведения россиян недостаточно только решить вопрос о средствах для работы на финансовом рынке, т. е. обеспечить устойчивый рост доходов и

материального благосостояния населения в целом. Необходимо также повысить лояльность и уровень доверия населения к финансовым организациям, улучшить доступность и понятность самих финансовых продуктов, снизить возможные риски в ходе взаимодействия населения и финансовых организаций.

Результаты проведенного исследования показывают, что российское правительство, осуществляя политику по регулированию финансового поведения граждан, воздействует на обозначенные аспекты путем выстраивания «среды» (нормативно-процессуальных рамок финансовой системы), допуская перекося в сторону «пассивности» человека. При этом можно говорить, что оно действует методом «проб и ошибок» (в подтверждение — многолетняя реформа пенсионной системы), без основательной проработки концептуальных основ (например адаптации положений поведенческой экономики и предлагаемых ей механизмов «подталкивания» для российских условий). В связи с этим, среди прочего, принимаемые решения зачастую не адекватны материальным, когнитивным и поведенческим возможностям населения (в частности, ОФЗ-н и ГПП, по признанию многих экспертов, рассчитаны на людей с высоким достатком и финансовой грамотностью), а иногда являются запоздалыми (например, указания по комплексным банковским депозитам). Следовательно, устранение выявленного дисбаланса между изменением нормативно-процессуальных аспектов финансовой среды и человека (его знаний и установок) должно учитываться лицами, принимающими решения, для повышения эффективности регулирования финансового поведения россиян. На наш взгляд, органам власти следует постепенно изменить вектор регулирования с создания «идеальной» финансовой среды на формирование думающего и активного финансово грамотного гражданина. Тогда само население своим поведением будет формировать спрос на законные и конкурентоспособные финансовые продукты и услуги, а недобросовестные финансовые организации и мошеннические схемы будут устраняться в ходе «естественного экономического отбора».

³² Регуляторная политика в России: основные тенденции и архитектура будущего: доклад / А.Е. Голодников [и др.] / Центр стратегических разработок; НИУ ВШЭ. М., 2018. URL: <https://publications.hse.ru/books/219490252> (дата обращения 22.01.2020).

Литература

1. Поздышев В.А. Банковское регулирование в 2016–2017 годах: основные изменения и перспективы развития // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 9–17.
2. Голубцов В.Г. Механизм несостоятельности (банкротства) гражданина по законодательству России и США: сравнительно-правовое исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 117–125.
3. Кузина О.Е., Ибрагимов Д.Х. Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4 (88). С. 14–25.
4. Стахнюк А.В., Измалкова Е.А. Методы работы по повышению финансовой грамотности населения (региональный аспект) // Деньги и кредит. 2014. № 8. С. 52–56.
5. Цветова Г.В., Ерофеева М.В. Повышение финансовой грамотности населения России: обзор образовательных проектов // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 71–78.
6. Колесникова Т.Н. Влияние когнитивных искажений на поведение экономических агентов // Вестник СГСЭУ. 2019. № 1 (75). С. 31–35.
7. Голодникова А.Е., Цыганков Д.Б., Юнусова М.А. Потенциал использования концепции «nudge» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 7–31.
8. Дрогобыцкий И.Н. Поведенческая экономика: сущность и этапы становления // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 1. С. 26–31.
9. Злотников А. Нерациональная рациональность новой поведенческой экономики Ричарда Талера // Наука и инновации. 2018. № 6 (184). С. 40–45.
10. Шмаков А.В. Экономические представления о человеческом поведении. Как повлиять на выбор, нужно ли учиться рисовать, чтобы стать художником, и сможет ли «буба» изменить экономическую науку? // Terra economicus. 2015. Т. 13. № 4. С. 96–131.
11. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. Ч. I // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66–90.
12. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. Ч. II // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 28–46.
13. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 4. С. 38–57.
14. Пономарева С.И. Нормативные установки поведенческой экономики и формы «поведенческой» политики // Управленец. 2018. Т. 9. № 3. С. 14–19.
15. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*, 1955, vol. 69, no. 1, pp. 99–118.
16. Golman R., Hagmann D., Loewenstein G. Information avoidance. *Journal of Economic Literature*, 2017, no. 55, pp. 96–135. DOI: 10.1257/jel.20151245
17. Barr M., Mullanaitan S., Shafir E. The case for behaviorally informed regulation. In: *New perspectives on regulation Cambridge*; eds. by D. Moss, J. Cistierno. Cambridge, MA: The Tobin Project. 2009. Pp. 25–61.
18. Woodward S.E., Hall R.E. Diagnosing consumer confusion and sub-optimal shopping effort: theory and mortgage-market evidence. *American Economic Review*, 2012, vol. 102, no. 7, pp. 3249–3276. DOI: 10.1257/aer.102.7.3249
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263–292.
20. Shefrin H., Statman M. The disposition to sell winners too early and ride losers too long: theory and evidence. *Journal of Finance*, 1985, vol. 40, no. 3, pp. 777–790.
21. Increasing saving behavior through age-progressed renderings of the future self / H.E. Hershfield, D.G. Goldstein, W.F. Sharpe, J. Fox, L. Yeykelis, L.L. Carstensen, J.N. Bailenson. *Journal of Marketing Research*, 2011, vol. 48, Special issue, pp. S23–S37.

22. Asymmetric discounting in intertemporal choice: a query–theory account / E.U. Weber, E.J. Johnson, K.F. Milch, H. Chang, J.C. Brodsholl, D.G. Goldstein // *Psychological Science*, 2007, 18, pp. 516–523. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2007.01932.x
23. Sussman A.B., O’Brien R.L. Knowing when to spend: unintended financial consequences of earmarking to encourage savings. *Journal of Marketing Research*, 2016, vol. 53, no. 5, pp. 790–803. DOI:10.1509/jmr.14.0455
24. Johnson E., Haubl G., Keinan A. Aspects of endowment: a query theory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2007, vol. 33, no. 3, pp. 461–474. DOI: 10.1037/0278-7393.33.3.461
25. Sussman A.B., Olivola C.Y. Axe the tax: taxes are disliked more than equivalent costs. *Journal of Marketing Research*, 2011, vol. 48, Special issue, pp. S91–S101.
26. Schwartz J., Luce M., Ariely D. Are consumers too trusting? The effects of relationships with expert advisers. *Journal of Marketing Research*, 2011, vol. 48, Special issue, pp. S163–S174.
27. Beshears J., Choi J., Laibson D., Madrian B., Milkman K. The effect of providing peer information on retirement savings decisions. *Journal of Finance*, 2015, vol. 70, no. 3, pp. 1161–1201. DOI: 10.1111/jofi.12258
28. Thaler R.H., Sunstein C.R. Libertarian Paternalism. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, no. 2, pp. 175–179.
29. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / пер. с англ. А.А. Прохоровой. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
30. Рубинштейн А.А. Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «Мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Р. Талера // *Экономический журнал ВШЭ*. 2019. Т. 23. № 3. С. 345–364.
31. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 310 с.
32. Юнусова М.Ю., Цыганков Д.Б. Институциональные развилки формирования nudge unit в системе современного государственного управления // XIX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, 13 апреля 2018 г. – Сессия Dc-15. Поведенческое подталкивание и экономическая политика. URL: https://events-files-bpm.hse.ru/files/_reports/7E1AC993-47C3-4327-B173-5B675C34D8AD/NudgeUnits_full.pdf
33. Influencing financial behavior: from changing minds to changing contexts / P. Dolan, A. Elliott, R. Metcalfe, I. Vlaev. *Journal of Behavioral Finance*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 126–142. DOI: 10.1080/15427560.2012.680995
34. Madrian B.C., Hershfield H.E., Sussman A.B., Bhargava S., Burke J., Huettel S.A., Jamison J., Johnson E.J., Lynch J.G., Meier S., Rick S., Shu S.B. Behaviorally informed policies for household financial decision-making. *Behavioral Science & Policy*, 2017, vol. 3, iss. 1, pp. 27–40.
35. Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 5–25.
36. Sunstein C. Nudges.gov: Behavioral Economics and Regulation. In *Oxford Handbook of Behavioral Economics and the Law*; eds. by E. Zamir, D. Teichman. Oxford University Press, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2220022> (дата обращения 13.12.2019).
37. Дивненко З.А., Рыжкова Ю.А., Шувайникова Е.М. Аккумуляция сбережений в России: проблемы и перспективы // *Экономика России: перспективы посткризисного развития: мат-лы всерос. науч.-практ. симпозиума молодых ученых и специалистов*. СПб.: НВШ–СПб, 2010. С. 113–115.
38. Данилова Т.Н. Институциональный аспект сберегательных решений населения // *Финансы и кредит*. 2006. № 12. С. 14–23.

Сведения об авторе

Галина Вадимовна Белехова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Belekhova G.V.

Regulation of Financial Behavior of the Population of Modern Russia: Regulatory Context Formation and Personal Development

Abstract. Making premature financial decisions can negatively affect individual households and society as a whole, so public authorities, using various management mechanisms, regulate the population's financial behavior. The article attempts to understand how the state regulation of the population's financial behavior presents interventions in order to "change the context" (in particular, the regulatory and procedural foundations of the financial system) and to "change cognition" (in our case – "human change", in particular personal knowledge and attitudes). Similar research topics cover the legal basis of financial organizations, behavioral tools for managing the population's financial behavior, the ways to improve their financial literacy, and so on. In contrast, the present study first reflects the views of alternative economic theories (rational choice theory, behavioral economics) on the possibility of regulating economic behavior, the techniques of behavioral "nudging" widely spread in foreign countries are given; second, a scheme for regulating the financial behavior of the Russian population is proposed and the main regulatory documents regulating the activities of financial organizations in the country are analyzed; third, the relation between the regulation lines of "change the context" and "human change" is estimated. It is shown that the impact on the financial behavior of the Russians is mainly devoted to the "change the context", i.e. at building a bona fide institutional financial system. The impacts in the line of "human change" are secondary; they are implemented through improving financial literacy and introducing mass financial products. This regulation allows a bias towards the person's "passivity". The elimination of the identified imbalance will improve the effectiveness of management decisions regarding the citizens' financial behavior. It is proposed to redirect interventions from the construction of an "ideal" regulatory context of the financial system to the development of a literate and financially active population, able to form the necessary financial environment for the economy and society by their behavior.

Key words: financial behavior, government regulation, nudging, change the context, change cognition, financial literacy.

Information about the Author

Galina V. Belekhova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Статья поступила 27.02.2020.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.9

УДК 304, ББК 66.3(2Рос),4

© Новикова Т.С., Цыплаков А.А.

Социальная политика в многоотраслевой агент-ориентированной модели*

**Татьяна Сергеевна
НОВИКОВА**

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского
отделения Российской академии наук
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, ул. Пирогова, д. 1
E-mail: tsnovikova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8636-5219; Researcher ID: W-4419-2019

**Александр Анатольевич
ЦЫПЛАКОВ**

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского
отделения Российской академии наук
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, ул. Пирогова, д. 1
E-mail: tsy@academ.org
ORCID: 0000-0002-9297-3269; Researcher ID: C-5579-2017

Аннотация. В условиях современного научно-технологического развития усиливается роль социального государства и возрастает значимость решения проблемы неравенства как проявления социальной несправедливости. Цель данной работы – развитие пространственной агент-ориентированной модели (АОМ) в направлении детализированного представления блока социальных трансфертов и исследования поведения экономических агентов в ответ на изменение параметров социальной политики государства. Для включения в экономический анализ этических соображений и формализации стремления к социальной справедливости используется изоэластичная функция общественного благосостояния (ФОб), которая определяется на

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00783-ОГН «Агент-ориентированное моделирование процесса инвестирования в пространственной экономике».

Для цитирования: Новикова Т.С., Цыплаков А.А. Социальная политика в многоотраслевой агент-ориентированной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 129–142. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.9

For citation: Novikova T.S., Tsyplakov A.A. Social policy in a multi-regional agent-based model. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 129–142. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.9

основе функций полезности домашних хозяйств с поправочными коэффициентами, отражающими степень социальной незащищенности. Новизна работы связана с исследованием зависимости от различных вариантов структуры пособий с учетом гетерогенности агентов. В предлагаемой АОМ учитывается пять основных видов денежных трансфертов: пенсии, пособия по безработице, детские пособия, пособия по бедности и прочие социальные трансферты. Кроме того, в экспериментальных расчетах рассматриваются два дополнительных социальных пособия: пропорциональные и связанные с базовым доходом. Результаты экспериментальных расчетов показывают, что социальные пособия достаточно удачно встраиваются в исходную АОМ, причем основные эффекты этих пособий проявляются в ней в полной мере. Относительные характеристики отдельных пособий существенно различаются с точки зрения тех или иных представлений о социальной справедливости и соответствующих изменений ФОБ. На примере соотношения детского пособия и пособия по бедности показано, что наибольший эффект в терминах прироста ФОБ при высоких уровнях неприятия неравенства достигается только за счет комплексного использования пособий.

Ключевые слова: социальная политика государства, функция общественного благосостояния, социальная справедливость, общественные блага, социальные пособия, агент-ориентированное моделирование.

1. Введение

В условиях современного научно-технологического развития усиливается роль социального государства и возрастает значимость решения проблемы неравенства [1] как проявления социальной несправедливости¹. При этом морально-этические и ценностные вопросы постоянно находятся в центре внимания. С середины прошлого века возрастает значимость «этически-ориентированной» традиции в экономической науке, согласно формулировке Сена [2, с. 17]. Об этом свидетельствует и распространение нового термина, обозначающего экономическую теорию как «моральную науку» [3; 4].

Получивший широкое распространение в середине прошлого века подход социальной справедливости в экономическом анализе, делающий акцент на перераспределении дохода и богатства путем государственного вмешательства, сохранил свое значение и в новом тысячелетии (см., например, [5; 6]). Тревожную картину последствий социального неравенства и несправедливости рисует нобелевский лауреат Дж. Стиглиц: «Фактически мы платим очень высокую цену за наш рост и неравенство: не только ослаблением развития и уменьшением ВВП, но и общей нестабильностью» [7, с. 14]. В теориях общественного сектора и социального

государства [8; 9] предлагаются самые разные меры социальной политики, позволяющие ослабить неравенство за счет определенного сочетания налогов и трансфертов (см., например, [10; 11]).

Разработка экономико-математического инструментария, позволяющего получать количественные оценки изменения социальных приоритетов и формирования соответствующей социальной перераспределительной политики, остается нерешенной проблемой. В предлагаемой статье делается шаг к ее решению на основе применения агент-ориентированного подхода, создающего широкие возможности для компьютерного моделирования поведения автономных агентов. Целью работы является развитие пространственной агент-ориентированной модели (АОМ) в направлении детализированного представления блока социальных трансфертов и исследования поведения экономических агентов в ответ на изменение государством структуры социальных пособий как составляющей институциональной среды. Новизна предлагаемого подхода связана с экспериментальным исследованием функции общественного благосостояния в зависимости от широкого спектра социальных трансфертов с учетом гетерогенности агентов (неоднородности по владению собственностью и возникающей из-за этого неоднородности по доходам, распределения домохозяйств по количеству

¹ Доклад о неравенстве в мире – 2018. Всемирный банк, 2018. 157 с.

детей и других важных различий в характеристиках домохозяйств). Такой инструментарий позволяет моделировать социальную незащищенность отдельных домохозяйств.

2. Перераспределительная и социальная политика в агент-ориентированных моделях

Современные экономические АОМ наряду с частными агентами (фирмами и домашними хозяйствами) учитывают две группы государственных агентов: государственные предприятия (организации, учреждения, агентства), обеспечивающие производство различных общественных благ на микроэкономическом уровне, и правительства соответствующих уровней бюджетной системы, а также внебюджетные фонды, осуществляющие государственную политику на макро- и мезоэкономическом уровнях (более детально обзор существующих подходов к моделированию государства в АОМ представлен в работе [12]).

Среди зарубежных АОМ, включающих достаточно развернутое представление государства, следует назвать группу моделей, первоначально созданных в рамках проекта Eurase в семи европейских университетах [13]. В дальнейшем на той же платформе стали разрабатываться другие модели, в частности Eurase@Unibi [14]. Ее авторы отмечают, что государство представлено в ней как осуществляющее перераспределительные функции и разработку соответствующей политики. Среди расходов расширенного правительства выделяются пособия по безработице, а также «различные трансферты и субсидии фирмам и домашним хозяйствам, которые могут использоваться или нет в зависимости от экспериментов по исследуемому варианту политики» [14, с. 38]. В большинстве других зарубежных макроэкономических АОМ государственные трансферты сводятся только к пособиям по безработице, например в таких известных моделях, как ASPEN [15], Lagom [16; 17].

Пространственные АОМ обычно представляют государство через выделение различных уровней бюджетной системы. В работе Тсекерис и Вогиатзоглу [18] принятие решений разных правительств осуществляется в соответствии с различными ФОБ. В отличие от традиционной зависимости от функций полезности предлагаемые ФОБ для центрально-

го правительства зависят от общей эффективности и территориального равенства городов, а для местных правительств — от показателей эффективности развития городов на соответствующей территории и благосостояния местных жителей.

Среди российских АОМ государство представлено более развернуто, включает организации социальной сферы и расширенные правительства, осуществляющие социальную политику на различных уровнях бюджетной системы. Прежде всего это относится к работам группы исследователей ЦЭМИ РАН во главе с акад. В.Л. Макаровым и А.Р. Бахтизиным (см., например, [19; 20]). Пространственный аспект экономических АОМ разрабатывается авторским коллективом ИЭОПП СО РАН под руководством В.И. Сулова, предложившим агент-ориентированную межотраслевую многорегиональную модель сначала с учетом только частных агентов [21], а затем с включением государства [12]. В статье представлено развитие данной модели в направлении учета в ней перераспределительной социальной политики.

В исследовании А.Р. Бахтизина [20] государство рассматривается в рамках гибридной модели, объединяющей не только АОМ, но и вычислимые модели общего равновесия и нейронных сетей. При этом в качестве отдельного агента выделяется объединенное правительство, формирующее расширенные бюджеты всех уровней и осуществляющее расходы на государственное конечное потребление. Предоставление товаров и услуг этим агентом в общем случае характеризуется неконкурентностью (как определяющим свойством общественных благ), однако эта важная особенность в модели не учитывается.

Уровень муниципальных образований в составе региона исследуется в работе В.Л. Макарова, А.Р. Бахтизина, Е.Д. Сушко [22]. Организации сферы образования, здравоохранения, науки и государственного управления выделены в предлагаемой АОМ в качестве отдельных агентов и финансируются из муниципального бюджета в соответствии с нормативами бюджетной обеспеченности. В рассмотренных АОМ государство направляет собираемые налоги на решение проблем эффективности и соответствующее финансирование госпредприятий

(организаций социальной сферы), формируя государственное конечное потребление. Однако свойство неконкурентности благ, предоставляемых государственными предприятиями, не учитывается. Тем самым на модельном уровне остается открытым вопрос принятия эффективных эндогенных решений в общественном секторе.

Рассмотрим более детально подходы к учету перераспределительной политики государства в агент-ориентированных моделях. Несмотря на отмеченный выше потенциально широкий спектр направлений политики в модели Eugace@Unibi [14], основные исследования в сфере государственного вмешательства посвящены прямому стимулированию экономического роста. Для этого предлагается использовать только два конкретных вида трансфертов: субсидии для обучения работников и инвестиционные субсидии фирмам. В более поздних версиях рассматриваемой модели пространственный аспект учитывается на примере разных вариантов технологической политики. В работе [14] исследуется сообщество из двух регионов, различающихся по уровню технологического развития. Фирмам в отстающих регионах предоставляются целевые субсидии для финансирования инвестиций в физический капитал и приобретения инвестиционных товаров высокого технологического уровня. Общая сумма субсидий финансируется из общих фондов сообщества, образуемых из вкладов регионов пропорционально их ВВП. Наряду с субсидиями фирмам учитываются трансферты домашним хозяйствам, и в этом случае позитивный эффект от технологической политики усиливается [23].

Проблемы неравенства в агент-ориентированных моделях также рассматриваются в прямой взаимосвязи с уровнями экономического развития. Одной из первых публикаций, в которой исследуются механизмы возникновения различных видов неравенства, включая не только доходы и богатство, но и характеристики рынка труда, образования, здоровья, миграции и гендерных факторов с акцентом на взаимосвязь технологических изменений и уровня квалификации работников, стала статья [14]. Практически одновременно была опубликована работа, посвященная моделированию взаи-

мосвязи неравенства в доходах и финансовой нестабильности [17]. В ней показано, что различные варианты распределения дохода (между прибылью и заработной платой) существенно влияют на макроэкономические показатели. При этом фискальная политика государства оказывается достаточно эффективной, особенно при перераспределении доходов в пользу прибыли по сравнению с заработной платой. Отметим достаточно упрощенное представление фискальной политики, в которой государственные расходы направляются только на выплату пособий по безработице. В целом прослеживается тенденция к усилению значимости морально-этических приоритетов и соответствующей перераспределительной социальной политики, в связи с этим возрастает и актуальность исследований с использованием агент-ориентированных моделей.

3. Модель АОМММ

3.1. Общая структура модели

В модели АОМММ выделяется пять основных групп агентов: домашние хозяйства, частные, государственные предприятия, правительства разных уровней бюджетной системы и Пенсионный фонд. На микроэкономическом уровне — три основные группы агентов: домашние хозяйства, потребляющие частные и общественные товары и поставляющие трудовые ресурсы, фирмы, производящие частные товары, и государственные предприятия.

Вариант пространственной многорегиональной межотраслевой модели, используемый в экспериментальных исследованиях социальной политики, включает три региона (Запад, Восток и Центр), 300 домашних хозяйств, 150 фирм (при формировании производственно-технологических множеств и обработке информации объединяемых в четыре отрасли по производству частных товаров), одно обобщенное государственное предприятие, отвечающее за услуги транспорта, и одно обобщенное государственное предприятие, выпускающее один вид общественных товаров и соответствующее отраслям с номерами 52–56 классификации продуктов ОКПД межотраслевого баланса РФ (включая государственное управление и обеспечение военной безопасности, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг).

На макро- и мезоэкономическом уровнях государство представлено группой агентов, включающей федеральные и региональные правительства, а также Пенсионный фонд. Таким образом, в задачи государственных агентов входит обеспечение как экономической эффективности, так и социальной справедливости. В данном исследовании региональные правительства и региональные общественные товары в модели не учитывались.

Далее кратко рассмотрим составляющие предлагаемой модели, связанные с проведением социальной политики².

3.2. Моделирование домохозяйств

Функция полезности каждого домашнего хозяйства $h = 1, \dots, H$ состоит из двух групп слагаемых, связанных с потреблением частных товаров в объемах x_{ih} , $i = 1, \dots, N$, с одной стороны, и общественных товаров в объеме g .

В качестве функций полезности в нашей модели использовались функции Кобба-Дугласа (в более общей модели АОМММ предполагается использование более общей функции CES). Исходная полезность умножается на понижающий коэффициент θ_h , учитывающий особенности домашних хозяйств с точки зрения состава семьи и потребности в социальной помощи:

$$U_h(x_{1h}, \dots, x_{Nh}, g) = \theta_h \cdot \exp\left(\sum_{i=1}^N k_{cih} \ln(x_{ih}) + k_g \ln(g)\right). \quad (1)$$

Коэффициент при функции полезности θ_h можно интерпретировать как степень незащищенности (точнее, неденежной составляющей социальной незащищенности). Если $\theta_h < 1$, то при прочих равных условиях такому домохозяйству требуется более высокий доход для достижения того же уровня полезности, что и при $\theta_h = 1$.

В случае детских пособий они различаются для семей с одним ребенком, двумя, тремя и более детьми. Домашние хозяйства за исключением пенсионеров были разбиты на четыре группы: бездетные, с одним, двумя, тремя и более

детьми. Численность соответствующих домашних хозяйств и соотношение величин выплат в каждой группе задавались на основе реальных статистических данных в России за 2015 год³. В результате было получено распределение по четырем группам. Для каждой из четырех групп в расчетах используются соответствующие понижающие коэффициенты θ_h , равные единице для бездетных семей и меньше единицы для других групп семей в возрастающей степени при увеличении в них числа детей.

Кроме того, коэффициенты θ_h для некоторых домохозяйств были снижены еще больше, чтобы отразить проблемы со здоровьем членов семьи и другие неблагоприятные факторы. В случае прочих социальных пособий они отражают различия в потенциальной потребности в предоставлении средств на медицинские расходы, санаторно-курортное лечение, оплату отдельных коммунальных услуг, материальной помощи и других трансфертах, дополняющих выплаты по системе социального страхования. Понижающие коэффициенты учитываются в поведении государства при предоставлении детских пособий и социальной помощи.

Семьи пенсионеров и безработных выделены в отдельные домохозяйства наряду с семьями работающих. Они получают соответствующие трансферты из Пенсионного фонда и федерального бюджета.

3.3. Моделирование государства

Государственные предприятия обеспечивают производство общественных благ, а также, в текущем варианте модели, услуг транспортной отрасли. Подобно частным фирмам, их производственные возможности описываются производственными функциями леонтьевского типа, и они предъявляют соответствующий спрос на труд, капитал и частные товары, используемые в производстве. Цена продукции устанавливается на уровне, обеспечивающем фиксированный уровень маржи сверх себестоимости, включающей капитальные затраты на поддержание производственных мощностей. В результате наличия маржи государственные предприятия получают прибыль, которая в дальнейшем перечисляется в бюджет.

² Более детально исходная модель АОМММ анализируется, например, в работе [21], более поздний вариант модели с учетом деятельности государства – в работе [12].

³ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. 332 с.

Пенсии в модели выплачиваются Пенсионным фондом за счет страховых взносов. Доходы Пенсионного фонда полностью расходуются на выплату пенсий, поэтому в бюджете Пенсионного фонда доходы равны расходам и межбюджетных трансфертов не требуется. Размер выплачиваемой пенсии пропорционален некоторому фиксированному коэффициенту. Данные коэффициенты отвечают за дифференциацию пенсий. Используется случайное распределение коэффициентов, которое моделирует существующий в жизни разброс в размерах пенсий.

Правительство осуществляет государственную политику за счет сочетания бюджетных расходов и доходов. Расходы бюджета E состоят из двух частей:

$$E = G + S. \quad (2)$$

Здесь G – государственные расходы на конечное потребление, которые формируются в результате закупок общественных благ g у государственных предприятий (по цене p_g):

$$G = p_g g. \quad (3)$$

Деятельность государства связана также с предоставлением частным агентам трансфертов S . Такие трансферты могут использоваться для перераспределения доходов и богатства и, в конечном счете, достижения целей социальной справедливости. В данном исследовании мы рассмотрим эту часть деятельности государства подробнее.

Государственные доходы R формируются в модели за счет поступлений прибыли государственных предприятий B и налогов T : подоходного налога, налога на прибыль, НДС и страховых взносов. Бюджетный дефицит в рассматриваемых версиях модели не учитывается, планируемый уровень доходов ограничивается поступлениями налогов и прибыли госпредприятий:

$$R = T + B. \quad (4)$$

На этом этапе моделирования использовались упрощающие предположения. Бюджетный дефицит не рассматривался, поэтому выполнялось условие $E = R$. Цены общественных товаров устанавливались по принципу нулевой прибыли государственных предприятий, поэтому $B = 0$.

3.4. Моделирование социальных трансфертов

В основных вариантах рассматриваемой версии модели учитывается пять основных видов социальных трансфертов в денежной форме:

$$S = S_s + S_u + S_c + S_p + S_a, \quad (5)$$

где S – суммарные социальные трансферты, S_s – пенсии, S_u – пособия по безработице, S_c – детские пособия, S_p – пособия по бедности, S_a – прочие социальные трансферты.

Поскольку в модели пенсии проходят через отдельный сбалансированный бюджет, в дальнейшем этот аспект деятельности государства в представленной статье детально не рассматривается. Расходы S_x на выплату каждого пособия x ($x = u, c, p$ или a) составляют фиксированную долю β_x от государственных расходов E и затем распределяются между домохозяйствами $h = 1, \dots, H$:

$$S_x = \beta_x E = \sum_{h=1}^H S_{xh}, \quad (6)$$

где S_{xh} – размер пособия вида x , предоставляемого домохозяйству h .

Для решения проблем социальной справедливости особое значение имеет не просто сумма выделяемых средств, а характер ее распределения между нуждающимися. Основной принцип распределения социальных трансфертов в модели состоит в следующем. Каждое из домохозяйств h характеризуется неотрицательным коэффициентом дифференциации C_{xh} , в соответствии с которым ему должен выплачиваться трансферт вида x . Если домохозяйство не имеет права на данную выплату, то $C_{xh} = 0$. Соответственно, денежная сумма S_{xh} , которую получает домохозяйство h , равна:

$$S_{xh} = C_{xh} S_x / \sum_{j=1}^H C_{xj}. \quad (7)$$

Рассмотрим особенности основных социальных трансфертов.

Пособия по безработице распределяются между соответствующими домохозяйствами поровну. Таким образом, $C_{uh} = 1$ для безработных и $C_{uh} = 0$ для остальных. Если H_u – общее количество безработных, то размер выплачиваемого пособия (для имеющих на него право) равен:

$$S_{uh} = S_u / H_u. \quad (8)$$

Пособия по материнству и детству выделяются только семьям с детьми и различаются в зависимости от количества детей. Домохозяйства за исключением пенсионеров разбиты на четыре группы по количеству детей. Первой группе бездетных семей, а также пенсионерам данные пособия не выплачиваются, т. е. $C_{c,h} = 0$. Размер пособия для второй группы семей с одним ребенком служит в качестве базового, т. е. $C_{c,h} = 1$. При увеличении количества детей денежные выплаты семьям возрастают и сохраняются до достижения ребенком возраста трех лет (табл. 1).

Пособия по бедности рассчитываются по несколько иному принципу (т. е. формула (7) не используется). Для домохозяйства h величина трансферта равна

$$S_{ph} = \max\{Inc^* - Inc_h, 0\}, \quad (9)$$

где Inc^* – установленный минимальный уровень дохода («черта бедности»). Величина Inc^* устанавливается таким образом, чтобы суммарные расходы на выплату пособия равнялись заданной величине:

$$S_p = \sum_{h=1}^H S_{ph} = \sum_{h=1}^H \max\{Inc^* - Inc_h, 0\}, \quad (10)$$

Прочие социальные трансферты рассчитываются аналогично детским пособиям (табл. 2). Домашние хозяйства были разбиты на десять равных по численности групп, распределены по возрастанию соответствующих выплат, а затем

нормированы таким образом, чтобы получить суммарное значение коэффициентов соотношения выплат, равное 10.

Кроме перечисленных выше основных пособий, в экспериментальных расчетах рассматривались еще два дополнительных трансферта, выделяемых для домашних хозяйств после вычета пенсий и пособий по безработице из распределяемых для социальной политики средств: псевдопособие и безусловный базовый доход.

Псевдопособие (S_p). Для сопоставимости расчетов в исходном варианте модели берется денежный трансферт, распределяемый между домашними хозяйствами пропорционально доходам. Если использовать обозначения формулы (8), то для этого трансферта следует взять $C_{fn} = Inc_h$, где Inc_h – величина доходов h -го домашнего хозяйства до получения пособия.

Такой принцип распределения соответствует принципу нейтральности налогов, когда государство собирает деньги, но не тратит их на социальные цели, а просто отдает обратно в экономику способом, который в минимальной степени искажает экономические стимулы для агентов. В частности, после такого трансферта не изменяется ни структура доходов, ни коэффициент Джини. Подобный трансферт не снижает экономическое неравенство, и его нельзя назвать социальным в обычном смысле.

Безусловный базовый доход (S_b). При этом виде социальной поддержки каждое домохозяйство гарантированно получает определен-

Таблица 1. Исходные данные по детским пособиям

Число детей	1	2	3
Доля, %	15,6	14,9	3,5
θ_h	0,667	0,500	0,400
C_{ah}	1,000	2,194	3,292

Источники: расчеты авторов; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: стат. сб. М.: Росстат, 2017. 332 с.

Таблица 2. Исходные данные по прочим социальным пособиям

№ группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Доля, %	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
θ_h	0,5	0,6	0,65	0,7	0,75	0,8	0,85	0,9	0,95	1,0
C_{ah}	2,81	1,87	1,51	1,20	0,94	0,70	0,50	0,31	0,15	0,00

Источник: расчеты авторов.

ную сумму денег без проверки нуждаемости и каких-либо дополнительных условий. Таким образом, данный вид трансфертов основан на отказе от принципов избирательности социальной поддержки и широко обсуждается как в теории, так и на практике (см., например, [24]). Если использовать обозначения формулы (8), то для него можно просто задать $C_{bh} = 1$ для любого домашнего хозяйства h . Безусловный базовый доход не учитывает дифференциацию материального положения семей, но более значим для бедных по сравнению с богатыми, так как составляет для них более высокую долю от общего дохода. Поэтому выплаты данного пособия соответствуют традиционным представлениям о социальной справедливости и отражают наблюдающуюся в последние годы тенденцию к расширению выплат социальных пособий независимо от различий в исходном положении реципиентов.

Рассмотренные дополнительные трансферты входят в итоговую сумму социальных трансфертов S наряду с теми, которые были включены в нее ранее в формуле (5).

3.5. Экономические показатели для оценки социальной политики

Моделирование выбора бюджетной и социальной политики в нашем исследовании осуществляется в соответствии с модифицированным вариантом изоэластичной функции общественного благосостояния (ФОБ), зависящей от значений функции полезности отдельных домохозяйств:

$$\Phi_{ОБ} = \left(\frac{1}{H} \sum_{h=1}^H U_h^{1-\nu} \right)^{1/(1-\nu)}. \quad (11)$$

Эта ФОБ представляет собой среднее степенное отдельных полезностей со степенью $1-\nu$, где $\nu > 0$. Величину ν можно интерпретировать как коэффициент неприятия неравенства. При $\nu = 0$ ФОБ равняется среднему арифметическому полезностей, что соответствует утилитаристскому (бентамовскому) критерию, отражающему распределительную индифферентность. В пределе при $\nu \rightarrow 1$ это среднее геометрическое, что соответствует критерию Бернулли-Нэша. При $\nu = 2$ это среднее гармоническое. В пределе при $\nu \rightarrow \infty$ формула дает минимальную полезность, что соответствует роулсианскому критерию. Таким образом, изменение параметра ν в пределах от 0 до беско-

нечности позволяет формализовать весь спектр представлений о справедливости от утилитаристских до роулсианских.

Для мониторинга неравенства населения по доходам в модели используется коэффициент Джини. Пусть Inc_h – доход домохозяйства h ($h = 1, \dots, H$), а r_h – ранг этого дохода по порядку возрастания (т. е. самому низкому доходу присваивается ранг 1, а самому высокому – ранг H). Тогда по определению коэффициент Джини равен:

$$\sum_{h=1}^H (2r_h - H - 1) Inc_h / \left(H \sum_{h=1}^H Inc_h \right). \quad (12)$$

Близкое к нулю значение коэффициента означает равномерное распределение доходов. Здесь следует отдавать себе отчет, что неравенство доходов – это не то же самое, что неравенство уровней благосостояния и жизненных условий. В обществе могут быть люди со средним уровнем дохода, но с низким уровнем благосостояния (например, из-за проблем со здоровьем или высокого уровня цен в месте проживания).

4. Эксперименты с социальными трансфертами

4.1. Схема экспериментальных расчетов

Рассматриваемую изоэластичную ФОБ предлагается использовать для выбора оптимальной бюджетной и социальной политики при изучении последствий изменения доли различных социальных трансфертов (а в дальнейшем и налоговых ставок). При построении данной функции учитывается состав семей и снижение полезности при вероятности оказаться в неблагоприятных социальных обстоятельствах.

Для измерения эффектов различных альтернативных вариантов социальной политики и обеспечения сопоставимости соответствующих вариантов экспериментальных расчетов в исследовании был использован следующий подход. Во-первых, ставки налогов во всех вариантах оставались неизменными. Во-вторых, общий удельный вес трансфертов в бюджетных расходах поддерживался на неизменном уровне, чтобы структура бюджетных расходов с точки зрения соотношения трансфертов и закупок общественного блага оставалась неизменной.

В качестве исходного состояния для экспериментов с пособиями рассматривается случай,

когда правительство выплачивает только два трансферта: пособие по безработице (5% от величины расходов) и псевдопособие (25% от величины расходов). Остальные расходы бюджета направляются на закупки общественных товаров. Затем от варианта к варианту псевдопособие полностью или частично заменяется на одно из остальных социальных пособий. Эффекты от такой замены анализируются по различным индикаторам и прежде всего по величине $\Phi\text{ОБ}$ с разными коэффициентами неприятия неравенства.

В экспериментальных расчетах был использован статический вариант модели, когда производственные мощности и другие исходные параметры экономики находятся на неизменном уровне. В рамках одного прогона (300 модельных периодов) после достаточно большого числа периодов модель приходит в состояние квазиравновесия, для которого можно найти значения интересующих нас экономических показателей, характеризующих результаты экономической политики.

4.2. Основные результаты расчетов

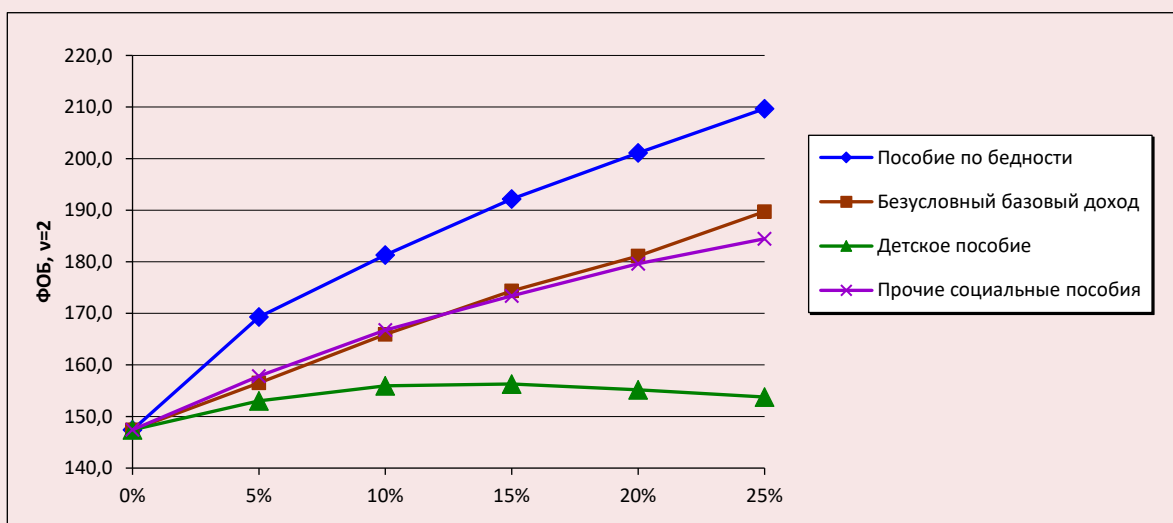
Результаты экспериментов показаны на серии диаграмм (рис. 1–4). Все графики отражают зависимость одного из результирующих показателей от доли расходов на одно из четырех пособий.

Как можно увидеть, $\Phi\text{ОБ}$ с параметром $\nu = 2$ растет по мере увеличения долей трех социальных пособий (рис. 1). Только для детского пособия этот эффект не работает при большой доле пособия. Рост $\Phi\text{ОБ}$ говорит о том, что социальные пособия действительно являются полезными с точки зрения общества в целом, если общество стремится к социальной справедливости и помощи социально незащищенным гражданам.

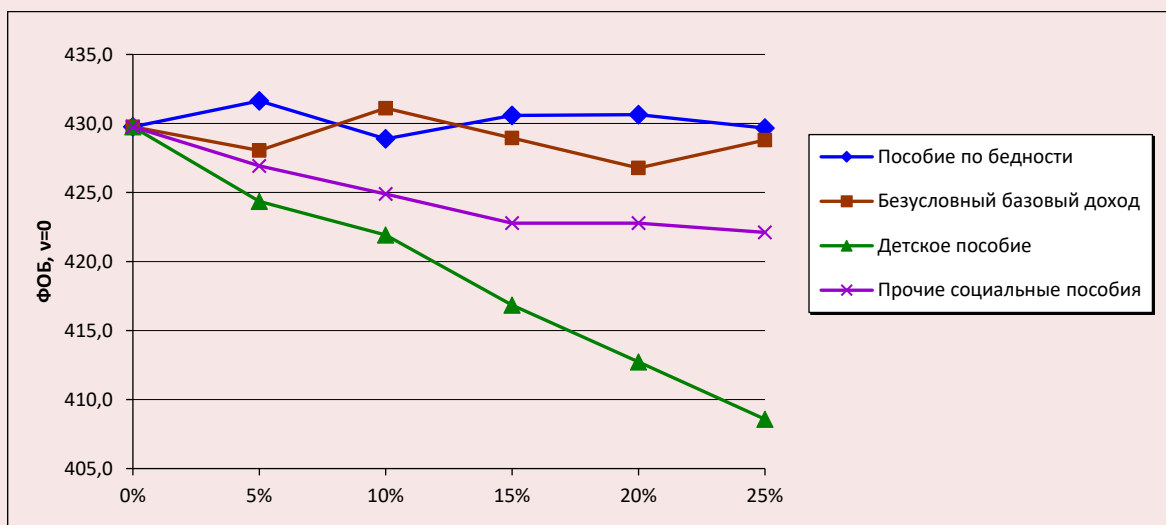
На диаграмме $\Phi\text{ОБ}$ с параметром $\nu = 0$ (рис. 2) мы видим, что пособие по бедности и безусловный базовый доход, которые сводятся к чистому перераспределению доходов, являются нейтральными с точки зрения влияния на общественное благосостояние, поскольку здесь общество безразлично к неравенству – его цели чисто утилитаристские.

Для прочих социальных пособий и детского пособия наблюдается эффект падения утилитаристской $\Phi\text{ОБ}$. Такой феномен объясняется тем, что это пособия перераспределения доходов в пользу тех, кто имеет низкий коэффициент при полезности. Рубль, переданный таким домохозяйствам, дает меньший прирост полезности, чем рубль, переданный домохозяйствам с коэффициентом, равным единице. Таким образом, с чисто утилитаристской точки зрения общество не должно помогать социально незащищенным гражданам.

Рис. 1. $\Phi\text{ОБ}$ при $\nu = 2$ в зависимости от удельного веса в расходах

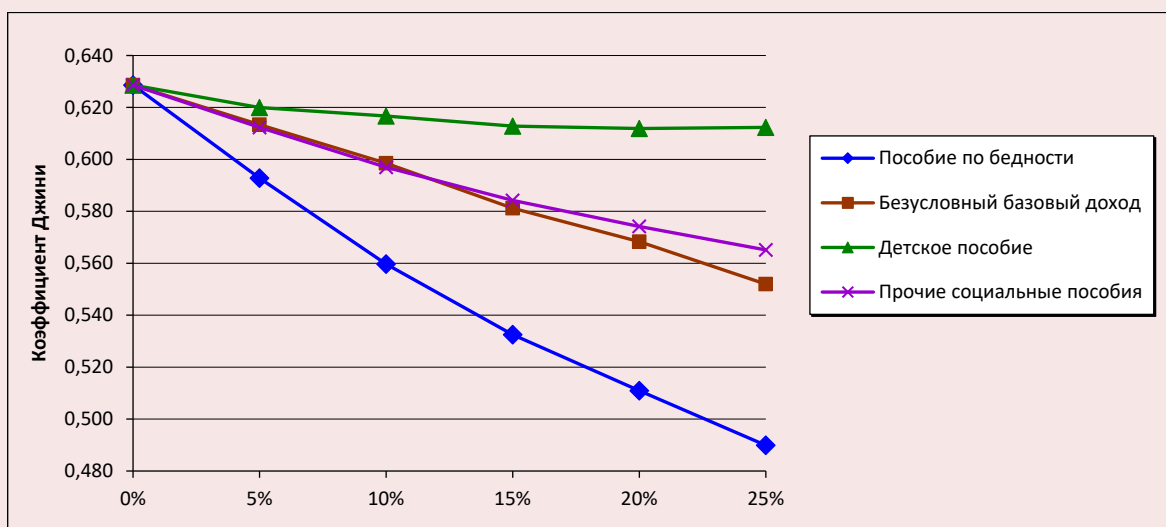

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Утилитаристская ФОБ ($v = 0$) для четырех пособий в зависимости от удельного веса каждого пособия

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Коэффициент Джини для четырех пособий в зависимости от доли пособия в расходах

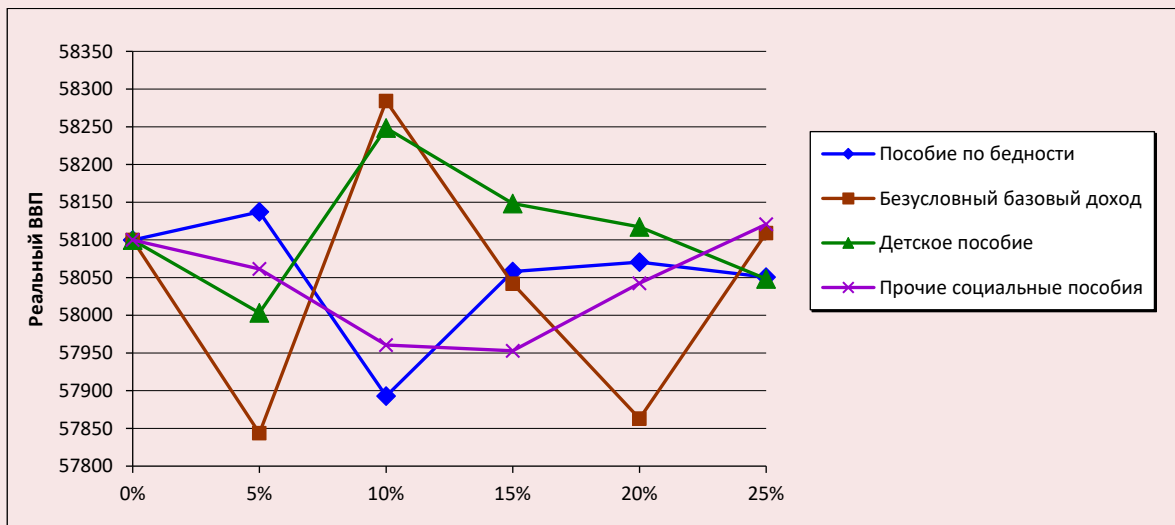
Источник: расчеты авторов.

Далее, как показано на *рис. 3*, все пособия несколько снижают коэффициент Джини, который является измерителем неравенства по доходам. При низких доходах размер пособия по бедности тем выше, чем ниже доходы домохозяйства, поэтому влияние этого пособия на коэффициент Джини самое сильное; такое пособие нацелено именно на снижение неравенства. Размер остальных трех пособий не зависит

от дохода домохозяйства, поэтому они в той или иной степени выравнивают доходы, если сравнивать их с псевдопособием, но не так сильно, как пособие по бедности.

Наконец, *рис. 4* демонстрирует, что рост доли социальных пособий практически не влияет на величину ВВП. Колебания ВВП в экспериментах носили случайный характер, причем размер колебаний не очень велик. Это свиде-

Рис. 4. Реальный ВВП в зависимости от доли пособия в расходах

Источник: расчеты авторов.

тельствует о том, что схема наших экспериментов была выбрана корректно. Изменения в экономике при введении социальных пособий свелись в основном к перераспределению продукта между домохозяйствами в пользу нуждающихся, не затрагивая сам размер продукта.

Проведенный анализ позволяет сравнить пособие по бедности и безусловный базовый доход. С точки зрения снижения неравенства и увеличения неутилитаристской $\Phi\text{ОБ}$ пособие по бедности работает более целенаправленно и является более предпочтительным вариантом. Таким образом, использование безусловного базового дохода следует обосновывать какими-то другими соображениями с привлечением эффектов, которые выходят за рамки нашей АОМ.

4.3. Эксперименты с неприятием неравенства

В предыдущих экспериментах мы рассматривали изоэластичную $\Phi\text{ОБ}$ только с $\nu = 0$ и $\nu = 2$. Проведем теперь более детальный анализ, раскрывающий роль параметра ν в выборе структуры пособий. Для этого зафиксируем суммарную долю пособия по бедности и детского пособия в бюджетных расходах на уровне 25%. Остальные условия экспериментов возьмем такие же, как и выше.

Рис. 5 показывает относительный уровень $\Phi\text{ОБ}$ в зависимости от доли детского пособия при разных значениях ν ($\nu = 0, 2, 10$ и 100). За

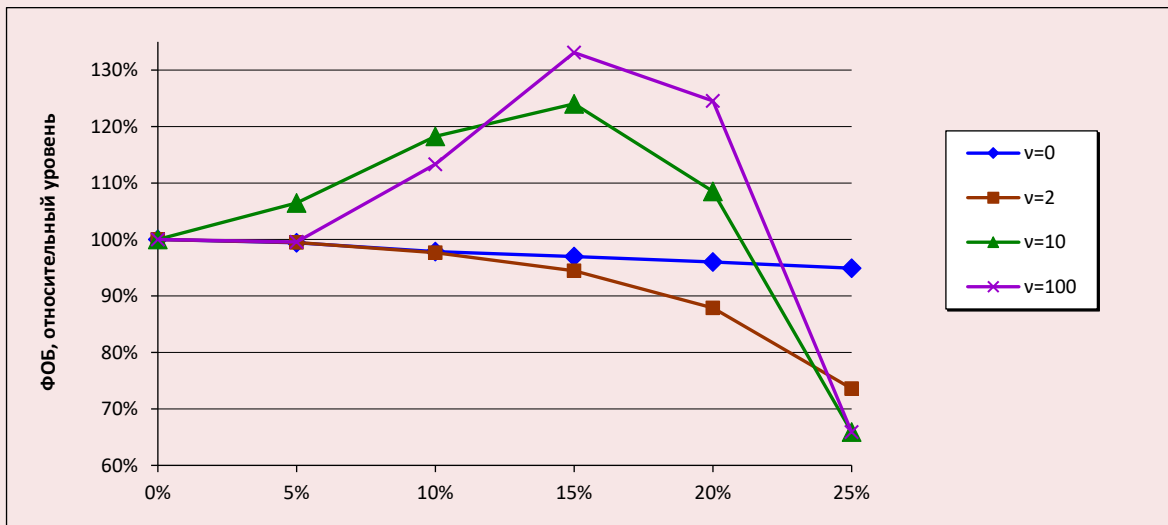
уровень 100% было взято значение $\Phi\text{ОБ}$ в ситуации, когда детское пособие не выплачивается и все 25% приходится на пособие по бедности.

При $\nu = 0$ и $\nu = 2$ детское пособие «проигрывает» пособию по бедности. Однако при более высоких значениях ν (10 и 100) выбор становится менее однозначным. Сначала с ростом доли детского пособия $\Phi\text{ОБ}$ увеличивается, но при возрастании этой доли до уровня 15% и выше начинает резко падать.

Данный анализ позволяет сделать вывод, что важность детского пособия с точки зрения обеспечения социальной справедливости проявляется только при достаточно большом неприятии несправедливости обществом. Кроме того, эти эксперименты показывают, что при высоких значениях ν ни одно из пособий не имеет однозначного преимущества само по себе; наибольший эффект достигается за счет одновременного использования двух пособий.

5. Выводы

В предлагаемой статье раскрыты возможности для использования подхода функции общественного благосостояния при анализе социальной политики. Они составляют основу теоретической значимости исследования. Внимание сфокусировано на том, как изменения в различных социальных трансфертах влияют

Рис. 5. ФОБ в зависимости от доли детского пособия для комбинации пособия по бедности и детского пособия при разных значениях v

Источник: расчеты авторов.

на благосостояние агентов-домохозяйств. Для чистоты эксперимента использован статический вариант модели, где производственные мощности экономики и другие ключевые параметры находятся на неизменном уровне. После достаточно большого числа периодов модель приходит в состояние квазиравновесия, для которого определены значения интересующих нас экономических показателей, характеризующие результаты экономической политики. В первую очередь рассмотрена зависимость функции общественного благосостояния (ФОБ) от различных вариантов структуры пособий.

Исследование основано на сравнительно сложной по структуре АОМ, включающей межотраслевые, межрегиональные и пространственные эффекты. Оказалось, что социальные пособия достаточно удачно встраиваются в такую модель, причем основные эффекты пособий в полной мере в ней проявляются.

Трансферты, распределяемые между домашними хозяйствами пропорционально доходу, не снижают экономическое неравенство, и по существу у них в целом нет никакой социальной составляющей. Широко обсуждаемые в последние годы трансферты, моделирующие безусловный базовый доход, не основаны на требовании избирательности, которое обычно предъявляют к социальной поддержке.

Если общество в достаточно высокой степени нетерпимо к социальной несправедливости, то социальная политика должна быть комплексной. Этот тезис наглядно подтверждают эксперименты с сочетанием детского пособия и пособия по бедности. Каждое из этих пособий само по себе может приводить к существенно более низкому уровню благосостояния, чем их сочетание, но проявляется данный эффект только при достаточно высоком уровне неприятия неравенства v изоэластичной функции общественного благосостояния.

В дальнейшем с помощью разработанных методов для оценки последствий изменения в структуре различных социальных трансфертов предполагается приблизительно оценить параметр неприятия неравенства изоэластичной ФОБ, соответствующий той фактической социальной политике, которая сложилась в экономике России. Это покажет, насколько общество фактически не приемлет социальную несправедливость и неравенство. Кроме того, структура модели позволяет более детально анализировать и другие важные аспекты социальной политики, такие как пространственное неравенство, взаимосвязи между федеральным и региональным уровнями, связь между поколениями, долгосрочные изменения в зависимости от управления государственным долгом.

Литература

1. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Эд Маргинем, 2015. 685 с.
2. Сен А. Об этике и экономике. М.: Наука, 1996. 160 с.
3. Hodgson B. *Economics as Moral Science*. Berlin: Springer, 2001. 132 p.
4. Atkinson A.B. Economics as a moral science. *Economica*, 2009, vol. 76, pp. 791–804. DOI: 10.1111/j.1468-0335.2009.00788.x
5. Castles F.G., Leibfried S., Lewis J., Obinger H., Pierson C. (eds.) *The Oxford Handbook of the Welfare State*. Oxford: OUP, 2010, 881 p.
6. Jorgenson, D. W. Production and Welfare: Progress in Economic Measurement. *Journal of Economic Literature*, 2018, vol. 56, pp. 867–919. DOI: 10.1257/jel.20171358
7. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
8. Hindriks J., Myles G.D. *Intermediate Public Economics*. 2nd edition. Boston: MIT Press, 2013, 354 p.
9. Новикова Т.С. Экономика общественного сектора. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2012. 172 с.
10. Vining A., Weimer D. An Assessment of Important Issues Concerning the Application of Benefit-Cost Analysis to Social Policy. *Journal of Benefit-Cost Analysis*, 2010, vol. 1, pp. 1–40. DOI: 10.2202/2152-2812.1013
11. Midgley J., Livemore M, *Handbook of Social Policy*. 2th ed. Thousand Oaks: Sage Publication, 2009, 606 p.
12. Суслов В.И., Новикова Т.С., Цыплаков А.А. Моделирование роли государства в пространственной агент-ориентированной модели // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 951–965.
13. Dawid H., Delli Gatti D. Agent-Based Macroeconomics. *Bielefeld Working Papers in Economics and Management*. 2018, no. 2. Available at: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3112074>
14. Dawid H., Harting P., Neugart M. Economic Convergence: Policy Implications from a Heterogeneous Agent Model. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2014, vol. 44, iss. C, pp. 54–80. DOI: 10.1016/j.jedc.2014.04.004.
15. Basu N., Pryor R., Quint T. ASPEN: A Microsimulation Model of the Economy. *Computational Economics*, 1998, vol. 12, pp. 223–241. DOI: 10.1023/A:100869111
16. Wolf S., Furst S., Mandel A., Lass W., Lincke D., Pablo-Marti F., Jaeger C. A. Multi-Agent Model of Several Economic Regions. *Environmental Modelling & Software*, 2013, vol. 44, pp. 25–43. DOI: 10.1016/j.envsoft.2012.12.012
17. Dosi G., Fagiolo G., Napoletano M. & Roventin A. Income distribution, credit and fiscal policies in an agent-based Keynesian model. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2013, vol. 37, pp. 1598–1625. DOI: 10.1016/j.jedc.2012.11.008
18. Tsekeris T., Vogiatzoglou K. Spatial Agent-Based Modeling of Household and Firm Location with Endogenous Transport Costs. *Netnomics*, 2011, vol. 12, pp. 77–98. DOI: 10.1007/s11066-011-9060-y
19. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Социальное моделирование – новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели). М.: Экономика, 2013. 295 с.
20. Бахтизин А.Р. Агент-ориентированные модели экономики. М.: Экономика, 2008. 234 с.
21. Агент-ориентированная многорегиональная модель «затраты–выпуск» российской экономики / В.И. Суслов [и др.] // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 1. С. 112–131.
22. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Компьютерное моделирование взаимодействия между муниципалитетами, регионами, органами государственного управления // Проблемы управления. 2013. Вып. 6. С. 31–40.
23. Dawid H., Harting P., Neugart M. Fiscal Transfers and Regional Economic Growth. *Bielefeld Working Papers in Economics and Management*, 2016, no. 9. Available at: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2852316>
24. Van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Boston: Harvard University Press, 2017.

Сведения об авторах

Татьяна Сергеевна Новикова – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: tsnovikova@mail.ru), Новосибирский государственный университет (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1)

Александр Анатольевич Цыплаков – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: tsy@academ.org), Новосибирский государственный университет (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1)

Novikova T.S., Tsyplakov A.A.

Social Policy in a Multi-Regional Agent-Based Model

Abstract. In the modern scientific and technological development, the role of the welfare state and the importance of solving the problem of inequality as a manifestation of social injustice is increasing. The purpose of the work is to develop a spatial agent-based model (ABM) in the direction of a detailed representation of social transfers block and the study of the economic agents' behavior in response to the changes of the state's social policy parameters. The isoelastic function of social welfare (FSW), which is based on the households' utility functions with correction factors reflecting the degree of social insecurity, is used to include ethical considerations in the economic analysis and formalize the goals for social justice. The novelty of the work is associated with the study of the dependence on different variants of the benefits structure, taking into account the agents' heterogeneity. The proposed ABM takes into account five main types of monetary transfers: pensions, unemployment benefits, child benefits, poverty benefits, and other social transfers. In addition, the experimental calculations consider two additional social benefits: the proportional transfer and basic income. The experimental calculations results show that social benefits are quite successfully integrated into the original ABM, and the main effects of these benefits are fully manifested in it. The relative characteristics of individual benefits differ significantly from the point of view of certain concepts of social justice and the corresponding changes in the FSW. By the example of the ratio of child benefit to the poverty benefit, it is shown that the effect in terms of the FSW at high levels of inequality rejection is achieved only through the complex use of transfers.

Key words: state's social policy, function of social welfare, social justice, public goods, social benefits, agent-based modeling.

Information about the Authors

Tatyana S. Novikova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrent'ev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tsnovikova@mail.ru), Novosibirsk State University (1, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Aleksandr A. Tsyplakov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrent'ev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: tsy@academ.org), Novosibirsk State University (1, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Статья поступила 06.11.2019.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.10

УДК 339.564, ББК 65.428.2

© Якушев Н.О.

Совершенствование инструментов оценки и управления экспортной деятельностью МСП в регионе*

Николай Олегович

ЯКУШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: nilrus@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4255-4493; Researcher ID: I-8530-2016

Аннотация. Интернационализация фирм малого и среднего предпринимательства (МСП) через выход на внешние рынки является одним из ключевых вопросов в экономической науке. В настоящее время возрастает актуальность задач, связанных с темпами экономического роста, увеличением валового регионального продукта, расширением бюджетных доходов территорий. Одним из источников роста российской экономики до 2024 года в майских указах Президента РФ, направленных на повышение ее конкурентоспособности, назван несырьевой экспорт. Увеличение доли субъектов МСП до 10% в общем объеме несырьевого экспорта является одной из ключевых задач национального проекта «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». При этом на региональном уровне РФ существует ряд проблем, сдерживающих эффективное использование имеющегося экспортного потенциала МСП как источника роста экономики. К наиболее острым из них относятся следующие: низкая конкурентоспособность производственного сектора МСП; недостаток опыта работы на внешних рынках и отсутствие действенных мер поддержки экспортеров МСП; отсутствие стратегий использования экспортного потенциала МСП, а также эффективных механизмов и инструментов их реализации на региональном уровне. В связи с этим целью исследования стала разработка подхода к управлению экспортной деятельностью МСП в регионе. В статье систематизированы результаты исследований различных научных направлений и теорий, касающиеся вопросов

* Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

Для цитирования: Якушев Н.О. Совершенствование инструментов оценки и управления экспортной деятельностью МСП в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 143–157. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.10

For citation: Yakushev N.O. Improving the tools for assessing and managing export activities of SMEs in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 143–157. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.10

управления экспортной деятельностью МСП в регионе, позволяющие выделить основные характеристики и особенности этого процесса. Автором разработан подход к оценке специфики и спецификации МСП в экспорте и вклада в совокупный региональный экспорт, что позволяет определить направления для дальнейшего развития направлений поддержки. Проведен анализ существующей системы стимулирования экспорта. Предложены направления, положения и инструменты для федерального и регионального уровней, формирующие единую систему управления и поддержки МСП в части ведения экспортной деятельности.

Ключевые слова: управление, интернационализация, экспортная деятельность, малое и среднее предпринимательство, регион.

Введение

Одной из наиболее выгодных стратегий для достижения целей национального развития как в развивающихся, так и в развитых странах является содействие развитию экспорта малого и среднего предпринимательства (МСП). О формировании способности к интернационализации фирм можно говорить тогда, когда предпосылки к управлению экспортной деятельностью сектора МСП (определяющие стратегию и действия) создаются в диалоге региональных органов власти с бизнесом, а не заключаются лишь в декларировании проектов и планируемых количественных значений показателей.

В 2018 году в России были утверждены национальные проекты. В рамках национального проекта «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» обозначена цель по достижению доли экспорта малого и среднего предпринимательства в общем объеме несырьевого экспорта к 2024 году в 10%¹. Решение этой задачи требует системного подхода и качественных решений в сфере управления экспортной деятельностью в регионе. Однако на сегодня комплексных решений данной задачи не представлено.

В связи с этим целью исследования является разработка подхода к управлению экспортной деятельностью малого и среднего предпринимательства в регионе. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

1. Проанализированы научные теории, касающиеся вопросов экспортной деятельности малого и среднего предпринимательства в регионе, позволяющие выделить основные

характеристики и особенности в управлении этим процессом.

2. Проведена оценка специфики МСП для определения вклада в совокупный региональный экспорт.

3. Исследован подход к управлению экспортной деятельностью в России с выделением особенностей в части малого и среднего предпринимательства на региональном уровне.

4. Разработаны направления, положения и инструменты для федерального и регионального уровней, формирующие единую систему управления и поддержки малого и среднего предпринимательства в части ведения экспортной деятельности.

Теоретические аспекты исследования

Вопросы участия субъектов МСП в международной торговле, оценки готовности фирм к интернационализации являются предметом исследования многих экономистов. Как правило, ученые основываются на теориях международной торговли (либерализма и протекционизма), присутствующих во многих работах по мировой экономике и международным экономическим отношениям [1; 2]. Обычно степень участия в международной торговле и достижения отдельных стран, регионов в этой области определяются наличием конкурентных преимуществ, появление которых обусловлено наличием определенных факторов производства [3; 4; 5].

Общие подходы в теории предпринимательства, затрагивающие вопросы экспорта, включая определение степени эффективности развития субъектов МСП в международном контексте, были разработаны в трудах таких ученых, как Т. Сингер, С. Ли, М. Котабе, А. Бернанд, С. Гупта, Т. Мелевар, М. Чинкота, П. Мукерджи, А. Панагария [6–10].

¹ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <http://static.government.ru/media/files/ualhTsGOc72APotUEQUjhoENhq1qYz4H.pdf>

Способность фирм к интернационализации привлекла значительное внимание исследователей (С.А. Solberg et al., J.W. Lu, P.W. Beamish, J. Child et al., С. Mayer, D.S. Siegel, M. Wright) [11–14]. Были проанализированы альтернативные подходы к управлению экспортом МСП, а также связи между интернационализацией и доступностью ресурсов (L. Kubickova et al., N. Dominguez et al., S. Estrin et al., J. Potter, F. McLeay, H.C. Andersen) [15–19]. В частности, для небольших фирм внимание часто фокусируется на том, как ресурсные и информационные ограничения определяют стратегию и действия компаний на зарубежном рынке. Большая часть литературы по экспорту малых и средних предприятий включает в себя процессный (поэтапный) подход к управлению, предложенный J. Johanson и J.E. Vahlne, и новую международную концепцию «рожденный глобально» (G. Knight, and S.T. Cavusgil, B.M. Oviatt and P.P. Mc. Dougall) [20; 21; 22]. Несмотря на критику, модель поэтапного управления в экспорте имеет решающее значение для сектора МСП. В ней делается акцент на управлении за счет опыта и организационных элементов, особенно при рассмотрении процессов интернационализации среди МСП с устоявшейся их позицией на внутреннем рынке.

В некоторых исследованиях (например у Majocchi et al.) используется «возраст компании» в качестве одной из переменных, которая учитывается в управлении экспортом и косвенно характеризует продолжительность опыта интернационализации фирм [23]. Предполагается, что «возраст фирмы» и опыт интернационализации будут положительно связаны со степенью или интенсивностью международного участия фирм в экспорте.

С точки зрения К. Хелмерс, выбор обобщающих показателей позволяет произвести углубленный экономический анализ и выявить негативные тенденции в управлении внешнеэкономической деятельностью [24]. Согласно расчетам Х. Хойта (модель Хойта), высокие значения показателей, характеризующих экспорт, обосновывают включенность конкретной территории в систему внешних отношений с другими странами и регионами [25]. В модели (спецификации) Хекшера – Олина различия в экспорте были объяснены разницей в отно-

сительной обеспеченности стран факторами производства или другими характеристиками, например предпочтениями покупателей в государствах – торговых партнерах [26; 27; 28].

Следовательно, для действенного управления экспортной деятельностью малого и среднего предпринимательства, способного обеспечить экономический рост, необходимо учитывать оценку специфики МСП в экспорте и анализ его спецификации в регионах [29].

Методика исследования

Исследование российского экспорта, а также определение составляющих товарных групп в нем, проводится с учетом специализации регионов. Для этих целей используется методический подход (Balassa и Lafay) [30; 31; 32]. Специализация экспорта определяется отношением удельного веса товара (совокупности товаров отрасли) в экспорте страны к удельному весу товара (товаров-аналогов) в мировом экспорте. Значение показателя по товарной группе больше единицы свидетельствует о специализации экспорта страны (региона) на данном секторе производства [33; 34].

Анализ качественных характеристик экспорта малого и среднего предпринимательства в регионах предполагает определение его вклада в несырьевой экспорт [35]. В настоящий момент органами власти и управления, курирующими внешнеэкономический блок, используется подход АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ), который заключается в отнесении экспорта к сырью или несырью в зависимости от степени участия человека при формировании принципиальных характеристик товара². Однако данный подход имеет следующие недостатки: во-первых, в несырьевую категорию товаров входят как первичная продукция растениеводства (зерно), так и высокотехнологичные изделия; во-вторых, в структуру несырьевого экспорта в большей степени вносят вклад промежуточные товары (металлы, удобрения и прочие); в-третьих, при таком подходе на первое место ставится количественная характеристика (объемы, выраженные в денежных единицах, и количество заключенных экспортных контрактов), а качественные отодвигаются на второй план.

² Классификация экспортных товаров. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/

Указанные недостатки преодолеваются в подходе Вологодского научного центра РАН [36; 37]. Он основан на выделении сырьевой (включая полуфабрикаты) и несырьевой групп товаров в соответствии с единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности. Кроме того, преимущества данного подхода заключаются в учете приоритетных направлений российского экспорта, утвержденных в госпрограмме РФ «Развитие внешнеэкономической деятельности»: совершенствование экспортной специализации Российской Федерации, диверсификация экспорта за счет последовательного увеличения экспорта несырьевых товаров.

Используемый нами методический подход отличается от уже существующих определением специфики (1) и спецификации (2) экспорта МСП как страны в целом, так и каждого субъекта в отдельности.

1. Специфика отражает качественные характеристики в экспорте и позволяет проводить секторальный анализ до конкретного портфеля продуктов. Она определяется отношением объемов экспорта конкретной группы товаров (по типу или сектору) к общим поставкам всей страны (региона) на зарубежные рынки.

2. Спецификация позволяет выявить (оценивать и детализировать) место субъектов МСП в экспорте, а также его территориальную направленность через заданные аналитические параметры. Под спецификацией понимается комплекс индикаторов, основной из которых вычисляется как доля экспортных поста-

вок субъектов МСП в общем объеме экспорта страны (региона). Вспомогательными индикаторами являются доля экспорта МСП в объемах несырьевого экспорта страны; доля продукции машиностроения в несырьевом экспорте страны по отношению к доле экспорта МСП в несырьевом экспорте; доля экспорта МСП в объемах экспорта конкурентоспособной промышленной продукции (несырьевой). В итоге формируется профиль спецификации страны (региона) в экспорте.

В рамках представленной статьи специфика и спецификация России и регионов строится на основе групп товаров, указанных в классификациях РЭЦ и ВолНЦ РАН (сырьевые, несырьевые, полуфабрикаты).

Разработанный подход к оценке специфики и спецификации субъектов МСП в экспорте дает всестороннюю и полную характеристику тенденций в международной торговле для принятия конкретных управленческих решений в области экспортной деятельности малого и среднего предпринимательства.

Основные результаты исследования

Для понимания ситуации с экспортом МСП необходимо учитывать его особенности, а также основные тенденции. Специализация российского экспорта в 2007–2017 гг. оставалась неизменной. К основным товарным группам относятся минеральные продукты, продукция топливно-энергетического комплекса, которые на протяжении всего периода (с 2007 по 2017 год) составляют наибольшую долю в общих объемах вывоза товаров за границу (табл. 1).

Таблица 1. Составляющие группы специализации российского экспорта (за 2007–2017 гг.)*

Продукт/товар	2007	2010	2017
Минеральные продукты, продукция топливно-энергетического комплекса	4,3	3,9	5,1
Товары металлургической промышленности	1,8	1,3	1,4
Продукция лесной и лесозаготовительной промышленности	1,1	0,9	1,2
Прочие категории готовой продукции и изделий	1,3	1,3	0,7
Продукция пищевой промышленности и с/х сырье	0,2	0,3	0,6
Продукция химической промышленности, пластмасса, каучук, резина и изделия из них	0,4	0,4	0,5
Производство прочих неметаллических изделий	0,2	0,2	0,3
Продукция машиностроения	0,1	0,1	0,1
Товары, материалы и готовые изделия легкой промышленности	0,1	0	0

* Специализация экспорта определяется отношением удельного веса товара (совокупности товаров отрасли) в экспорте страны к удельному весу товара (товаров-аналогов) в мировом экспорте. Ранжирование товаров проведено по данным на 2017 год. Составлено по: статистика COMTRADE ООН. URL: <https://www.trademap.org>

Проведенная оценка показывает, что при всех создаваемых благоприятных условиях и применяемых мерах поддержки для развития несырьевого экспорта товары с высокой добавленной стоимостью и продукция машиностроения не являются специализацией для России в поставках на зарубежные рынки. Из этого следует, что Россия в данных товарных группах находится в «нулевой зоне» (доля товарной группы менее единицы в общем объеме, по Balassa и Lafay) по экспортной специализации, хотя имеет потенциал (включая машиностроение; сектор МСП).

Анализ специфики российского экспорта в динамике (табл. 2) показал, что в 2013–2017 гг. наибольшую долю занимали низкотехнологичные товары и сырье. При этом продукция высокой степени переработки (продукция машиностроения, фармацевтика и средства для гигиены, строительные инструменты, изделия из пластмассы в комбинации с другими материалами, готовые пищевые продукты, разные промышленные товары и текстильные изделия), являющаяся одним из локомотивом роста экономики регионов, в 2017 году составляла наименьшую часть по сравнению с сырьевым экспортом.

Таким образом, основной проблемой экспортной деятельности России остается высокая степень направленности экспорта на реализацию продукции с низкой добавленной стоимостью, полуфабрикаты и энергоресурсы, вследствие чего возникает большая зависимость от

цен на товары топливно-сырьевого комплекса, которая, в свою очередь, приводит к неустойчивости экономики [38; 39]. Ввиду этого принципиально важно определить приоритетные направления развития экспортной деятельности. Одним из них на региональном уровне должна стать поддержка несырьевого сектора малого и среднего предпринимательства.

В связи с этим главной задачей во внешнеэкономической сфере для России остается разработка единого методического подхода к оценке текущей ситуации, включающего создание системы показателей для проведения комплексной оценки российского несырьевого экспорта на национальном уровне (учитывающей вклад сектора МСП), основанного на определении специфики и спецификации страны (региона).

Это приводит к необходимости повышать качество оценки субъектов малого и среднего предпринимательства в российском экспорте несырьевых товаров, поскольку ее результаты станут основой при разработке и принятии управленческих решений на федеральном уровне. Как уже отмечалось, одной из ключевых задач в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» является увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства не меньше чем на 10% в общем объеме несырьевого экспорта к концу 2024 года. Эта непроста задача поставлена Правительством России

Таблица 2. Динамика специфики* экспорта в России в 2013–2017 гг.

Тип экспорта	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 к 2013, %
Сырьевой экспорт, млрд долл. США	270,1	239,1	155,3	127,3	161,1	59,6
Доля в общем экспорте страны, %	51,4	48,1	45,2	44,6	45,0	-6,4
Энергетический экспорт, млрд долл. США	113,7	119,9	70,6	49,3	62,9	55,3
Доля в общем экспорте страны, %	21,6	24,2	20,5	17,3	17,6	-4
Экспорт изделий и полуфабрикатов, млрд долл. США	89,9	85,5	73,1	66,4	84,7	94,2
Доля в общем экспорте страны, %	17,1	17,8	21,3	23,3	23,7	6,6
Несырьевой экспорт, млрд долл. США	55,2	49,8	44,5	42,6	49	88,8
Доля в общем экспорте страны, %	9,9	10	12,9	14,9	13,7	3,8

* При оценке специфики российского экспорта были использованы результаты расчетов авторской методики (методика ВолНЦ РАН, описанная в разделе статьи «Методика исследования»).
 Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:1163249375198765::NO>

перед региональными органами власти и управления. Решить ее возможно только при наличии объективного (без подмены понятий) подхода к оценке качественных характеристик и специфических особенностей в экспортной деятельности малого и среднего предпринимательства.

При оценке спецификации экспорта МСП также использовались данные, полученные в ходе расчетов состояния экспорта в России и регионах по двум методикам: РЭЦ и ВолНЦ РАН (табл. 3).

Исходя из данных таблицы, можно сделать следующие выводы:

1. Статистический учет объемов экспорта МСП в России в стоимостном выражении после 2015 года не ведется. При этом в аналитических документах профильными министерствами и ведомствами, а также главными экономистами рассматриваются вопросы раз-

вития экспорта МСП. Однако проблема заключается в том, что конкретной специфики и данных о величине экспорта МСП в официальных документах и аналитических отчетах не отражается. Это затрудняет понимание текущей ситуации относительно специфики экспорта малого и среднего предпринимательства в России и в регионах с 2015 года.

2. Доля экспорта МСП в объемах всего экспорта страны, по нашим оценкам, в среднем за 2015–2017 гг. составляла 2,2% при росте количества участников малых и средних предприятий, осуществляющих экспортную деятельность, более чем вдвое (на 224%).

3. По расчетам доля несырьевого нетто-экспорта МСП в объемах российского несырьевого экспорта согласно классификации АО «Российский экспортный центр» занимает 7,2%. В данном подходе учитывается специ-

Таблица 3. Показатели спецификации экспорта МСП с учетом подходов в несырьевом экспорте

Показатель	Блок 1* «Обычное (базовое) действие – нетто-экспорт» (ср. значение 2015–2017 гг.)		Блок 2* «Стратегическое действие – экспортный рост» (значение к 2024 г.)	
	При подходе РЭЦ	С учетом подхода ФГБУН ВолНЦ РАН	При подходе РЭЦ	С учетом подхода ФГБУН ВолНЦ РАН
1. Объемы экспорта МСП в России, млрд долл. США	н/д	7,3	10,1	8,5
2. Доля экспорта МСП в объемах всего экспорта страны, %	н/д	2,2	2,2	1,8
3. Доля экспорта МСП в объемах несырьевого экспорта страны, %	7,2	21,3	5,1	24,7
4. Объемы транзакционной нагрузки в несырьевом экспорте в расчете на один субъект МСП, осуществляющий экспортную деятельность, млн долл. США	0,4	0,3	0,3	0,2
5. Рост экспорта МСП по отношению к росту несырьевого экспорта, %	150,5/113,7	107,7/110,1	138,4/156,3	116,4/115,7
6. Доля продукции машиностроения в несырьевом экспорте страны по отношению к доле экспорта МСП в несырьевом экспорте, %	25/7,2	58,2/21,3	24/5,1	57,3/24,7
7. Доля экспорта МСП в объемах экспорта конкурентоспособной промышленной продукции (несырьевой), %	6,5	28,9	4,9	18,8

* Блок 1 учитывает текущее состояние в экспорте субъектов МСП (ср. значение 2015–2017 гг.) с оценкой по показателям; блок 2 учитывает значение нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в части наращивания экспорта.
РЭЦ – АО «Российский экспортный центр».
Составлено по: Таможенная статистика внешней торговли Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:1163249375198765::NO>

фика по группам товаров нижних переделов (55,4%), что говорит о «мягкой» структуре экспорта, формирующейся преимущественно за счет портфеля продуктов с низкой добавленной стоимостью, ориентированных на сокращающиеся и стагнирующие рынки. При использовании второго подхода (ФГБУН ВолНЦ РАН) значение данного показателя достигает 21,3%. Из этого следует, что в подходах фиксируется практически двукратная разница в значениях показателя. При втором подходе вклад экспорта МСП в несырьевой экспорт составляет на 14,1% больше, чем при первом. Это связано со спецификой структуры товаров в несырьевом экспорте, используемой при оценке.

4. В несырьевом экспорте объемы транзакционной нагрузки в расчете на один субъект МСП, осуществляющий экспортную деятельность, по оценкам в рамках второго подхода показывают более низкое значение, чем в рамках первого. Добавим, что при более низкой транзакционной нагрузке вероятность выполнения экспортных контрактов для субъектов МСП увеличивается, а значит, ими будет получен положительный опыт при работе на зарубежном рынке. Это улучшает перспективы взаимодействия с внешнеторговыми партнерами, что, в свою очередь, будет способствовать развитию внешнеэкономических связей и повышению конкурентоспособности экономики в конкретном регионе.

В исследовании наряду с анализом специфики и спецификации, проведенным на уровне страны, осуществлена аналогичная оценка и в региональном разрезе, а затем выделены типы регионов по обозначенным признакам. Практическая значимость такого анализа обусловлена необходимостью понимания сложившейся ситуации в экспорте МСП на конкретной территории, что имеет важное значение при разработке действенных управленческих решений в экспортной деятельности МСП.

В ходе анализа структуры экспорта в регионах России по товарному типу и расчета показателя, связанного с оценкой уровня экспортной специфики субъектов МСП, в отрасли выделены группы «международной составляющей» и построена типологизация (по удельному весу товара в региональной структуре экспорта, табл. 4). Значение показателя экспортной специфики позволяет выделить круг товаров и отраслей, которые являются международно-типичными для данной территории. Отрасль в регионе считается экспортно-специфичной, если показатель больше единицы.

В первый сектор входят 4 региона, их доля в общероссийском экспорте составляет 10,5%. Большую часть товарной структуры экспорта на региональном уровне занимают продукция агропродовольственной сферы, продовольственные товары и сельскохозяйственная продукция первичной переработки.

Таблица 4. Типы регионов России по экспортной специфике субъектов МСП

Наименование*	Регионы
Сектор 1	Камчатский край, Ростовская область, Магаданская область, Кабардино-Балкарская Республика
Сектор 2	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Сахалинская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Амурская область, Кемеровская область, Республика Бурятия, Томская область, Тюменская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Ленинградская область, Архангельская область, Республика Коми, Республика Марий Эл, Краснодарский край, Волгоградская область
Сектор 3	Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Тульская область, Воронежская область, Смоленская область
Сектор 4	Хабаровский край, Иркутская область, Пермский край, Кировская область, Саратовская область, Республика Карелия
Сектор 5	Красноярский край, Свердловская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Новгородская область, Вологодская область, Псковская область, Белгородская область, Липецкая область
Сектор 6	Новосибирская область, Курганская область, Ульяновская область, Республика Мордовия, Республика Дагестан, Астраханская область, Калининградская область, Московская область, Ярославская область, Тверская область, Калужская область, Владимирская область, Брянская область, Ивановская область
* Сектор 1 – агропродовольственный сектор; сектор 2 – продукция народного потребления; сектор 3 – продукция химической промышленности и относящаяся к ней; сектор 4 – древесина и изделия из нее, экопродукция; сектор 5 – строительные материалы, изделия из металлов; сектор 6 – машины, оборудование, запчасти и комплектующие. Рассчитано по: авторский подход с использованием данных таможенной статистики по внешней торговле России.	

Второй сектор представлен 19 субъектами (35% от общероссийских объемов группы экспорта). В структуре экспорта в регионах наибольшую долю в поставках на внешние рынки составляют товары экономики «простых вещей».

В третий сектор входят 6 регионов, их доля в общем объеме российского экспорта 5,2%. Специфика экспортной структуры данных регионов связана с продукцией химической промышленности, потребительскими товарами и товарами, которые используются в производственном секторе.

Четвертый сектор представлен 6 регионами, доля которых в объеме общероссийского группы экспорта составляет 17,5%. Основной товарной группой в структуре экспорта выступает древесина и изделия из нее (с преобладанием товаров среднего передела и продукции эко-назначения).

В пятый сектор входят 9 субъектов (12% от общероссийских объемов группы экспорта). В них структура экспорта представлена товарной группой «металлы и изделия из них», где основной сегмент составляют простые изделия.

Шестой сектор содержит 14 регионов (19,8% от общероссийских объемов группы экспорта),

основу товарной структуры экспорта в них занимает машиностроительная продукция (товары с высокой добавленной стоимостью).

В ходе исследования был также проведен расчет спецификации регионов (отношение поставок субъекта в международный регион к общим объемам регионального экспорта), в результате чего выделены две типологические группы с характерными направлениями экспорта (табл. 5).

В первую группу входит 61 субъект (47,2% от общероссийских объемов экспорта), в которых ключевым направлением экспорта являются европейские, азиатские, западно-африканские государства (страны Европейского союза, БРИКС, Азиатско-Тихоокеанского союза, США). Структуру экспорта составляют товары технической и продовольственной направленности разных отраслей, включая эко-продукцию.

Экспорт второй группы, представленной 19 регионами (52,8% от общероссийских объемов экспорта), ориентирован на государства-участники ЕАЭС и СНГ. В состав товарной структуры экспорта входят смешанные группы несырьевой продукции и простые изделия. В целом специфика территорий позволяет гово-

Таблица 5. Группировка регионов России по территориальной спецификации экспорта субъектов МСП

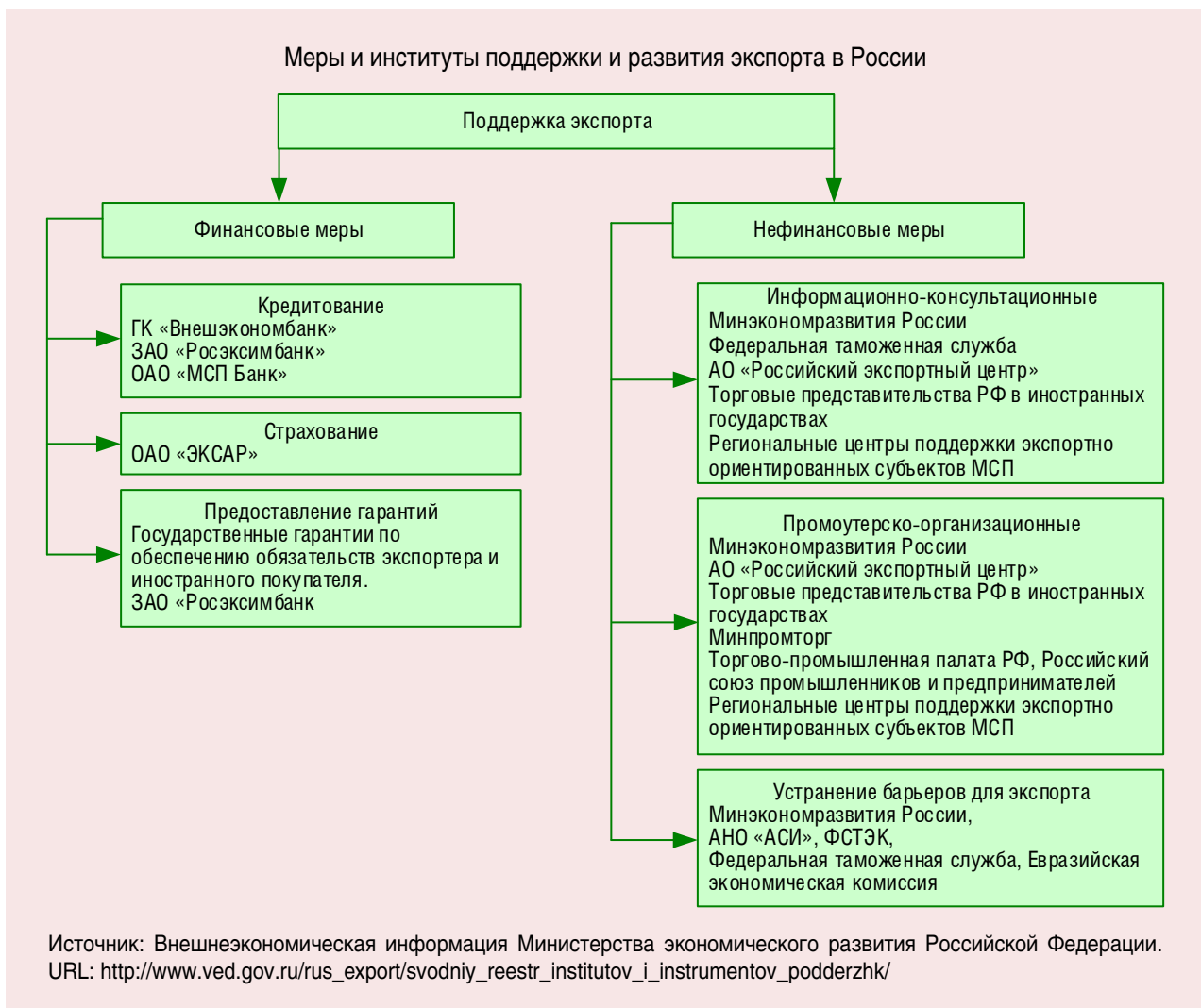
Наименование*	Регионы
Группа 1 (< 50%**)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Белгородская область, Воронежская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Республика Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Забайкальский край, Красноярский край, Иркутская область Кемеровская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ
Группа 2 (< 50%**)	Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Московская область, Орловская область, Смоленская область Тамбовская область, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Оренбургская область, Пензенская область, Курганская область, Алтайский край, Новосибирская область, Омская область
* Группа 1: территориальная направленность – страны ЕС, АТЭС, БРИКС, ЭКОВАС; группа 2: территориальная направленность – государства-участники ЕАЭС, СНГ. ** Объем экспорта в данную группу государств. Рассчитано по: авторский подход на основе данных таможенной статистики внешней торговли России.	

речь о сбалансированности экспорта субъектов МСП в регионах. При этом в таком случае экспорт МСП рассматривается как одна из задач экономического развития региона.

Эффективное экономическое сотрудничество с другими странами может стать «локомотивом» экономического роста в регионе, а затем и в стране в целом. Для регионов с высоким уровнем показателя несырьевого экспорта характерны более высокие риски, но при этом они в большей степени устойчивы к кризисным явлениям [40]. В результате анализа территориальной спецификации экспорта у субъектов МСП сформирована группа регионов (внешнеэкономические связи являются определяющими для территориального пространства), у которых прослеживается зависимость между исследуемым коэффициентом и занимаемой группой товаров экспорта.

Таким образом, для расстановки приоритетов в развитии экспорта субъектов МСП в регионе необходимо использовать инструменты оценки территориальной спецификации и конкретного зарубежного рынка (воздействия иностранной конкуренции). К таким можно отнести оценку конъюнктуры зарубежного рынка, анализ компенсационных мер, механизмов содействия, используемых в международной экспортной практике для эффективной диверсификации сектора МСП в регионе.

В мировой практике можно отметить формирование целого пакета мер по поддержке ВЭД малого и среднего предпринимательства. Не стала исключением и Россия, где на федеральном уровне создана государственная система поддержки внешнеэкономической деятельности, включающая в себя приведенные ниже типы мер и институты (*рисунок*).

Кроме обозначенных мер и институтов поддержки экспорта МСП, в рамках особых экономических зон, функционирующих на территории Российской Федерации, применяются специальные режимы осуществления предпринимательской деятельности для предприятий, занимающихся ВЭД³:

- возможность получения инвестором инфраструктуры для развития бизнеса, созданной за счет средств государственного бюджета;
- предоставление налоговых преференций;
- получение таможенных льгот;
- осуществление взаимодействия с государственными регулирующими органами через систему администрирования «одно окно».

Проанализировав структуру поддержки ВЭД в России, можно сделать вывод, что на федеральном уровне создана система институтов и инструментов развития экспорта, аналоги которых действуют и за рубежом [41; 42].

На региональном уровне поддержка экспорта МСП в настоящее время реализуется в 40 субъектах в 8 федеральных округах Российской Федерации (Центральном – 5 единиц, Северо-Западном – 6, Южном – 5, Северо-Кавказском – 1, Дальневосточном – 3, Уральском – 5, Сибирском – 6, Приволжском – 9). Она представлена центрами поддержки экспорта (либо специальными подразделениями в организациях инфраструктуры поддержки бизнеса, например АНО «Мой бизнес»), созданными в целях информационно-аналитической, консультационной и организационной поддержки внешнеэкономической деятельности субъектов МСП в России. По состоянию на 2017 год, по данным Министерства экономического развития РФ, на деятельность центров поддержки экспорта было выделено 350 млн руб., еще 170 млн руб. составило софинансирование из региональных бюджетов⁴. Основными инструментами центров поддержки экспорта являются [43]:

³ Внешнеэкономическая информация Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/rus_export/svodniy_reestr_institutov_i_instrumentov_podderzhki/

⁴ Экономика: выйти на зарубежные рынки поможет правительство. URL: <https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/ekonomika-vyyti-na-zarubezhnye-rynki-pomozhet-pravitelstvo/>

- стимулирование субъектов малого бизнеса регионов к ведению экспортной деятельности;
- содействие выходу товаропроизводителей на межрегиональный и международный рынки;
- организация и проведение бизнес-миссий предприятий в любую страну мира в зависимости от потребностей участника экспортной деятельности.

Исследование опыта субъектов РФ в поддержке несырьевого экспорта показало, что среди примеров заметной поддержки экспортеров – Москва, Московская, Калужская, Новосибирская, Томская, Омская, Орловская, Владимирская, Нижегородская, Свердловская, Ярославская области, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан. По представленным в открытом доступе аналитическим данным за 2017 год (за 2018–2020 гг. информация отсутствует) в этих 13 субъектах Российской Федерации достигнуты следующие показатели:

- на 10–20% увеличилось количество малых и средних предприятий, получивших услуги в центрах;
- на 49% возросло количество малых и средних предприятий, которые начали экспорт своей продукции в сегмент несырьевого экспорта.

Несмотря на организацию системы поддержки экспортеров в формате единого окна, лишь немногим представителям сектора МСП, включая инновационные компании, удается создать успешный бизнес на международном уровне [44]. Причиной тому является не только географическое положение регионов, но и отсутствие достаточных финансовых, информационных и человеческих ресурсов, требуемых для выхода на внешний рынок. Для устранения этих проблем необходимо продолжать развивать инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, предоставлять специализированные высококачественные услуги для экспортно ориентированных субъектов МСП и создавать условия для обеспечения их выхода на межрегиональные и международные рынки. Кроме того, в рамках центров нужно реализовывать мероприятия, направленные на повышение профессионального уровня сотрудников, топ-менеджеров

таких экспортно ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства, а также привлекать профессиональных консультантов для решения тех или иных локальных задач.

При этом существенная координирующая роль в сфере содействия экспорту должна принадлежать территориальным органам. За федеральным центром, бесспорно, остается стратегическая проработка вопроса, тогда как стимулирование внешнеэкономических связей постепенно перемещается с федерального уровня на региональный, поскольку на современном этапе развития в хозяйственном комплексе региона поддержание рабочих мест, обеспечение налогооблагаемой базы и другие однопорядковые вопросы во многом ложатся на региональный уровень управления.

Рекомендации по управлению экспортной деятельностью МСП в регионе

В настоящее время система управления, в первую очередь стимулирования экспорта МСП, не нацелена на долгосрочное развитие и расширение экспорта несырьевой и высокотехнологичной продукции. Это обусловлено рядом ключевых проблем в управлении экспортной деятельностью МСП в регионе. Во-первых, меры финансовой поддержки сконцентрированы в основном на федеральном уровне, распределяются среди всех участников экспортной деятельности (включая крупный бизнес), что не позволяет полноценно стимулировать развитие экспорта МСП в регионах. Во-вторых, центры поддержки экспорта в регионах уделяют большее внимание организации и проведению бизнес-миссий, а не комплексной работе, направленной на развитие экспортного потенциала МСП. В-третьих, что особенно важно, не учитываются специфика и спецификация экспорта МСП. Главным является лишь наращивание количества экспортеров, к которым относят любую компанию, совершившую хотя бы одну поставку за рубеж.

Для активизации деятельности экспортно ориентированного МСП в регионах необходимо определить приоритетные меры государственной поддержки. Для этого органам власти и управления важно учитывать приоритеты государственной политики и положения по совершенствованию процессов управления в сфере экспортной деятельности (включая МСП) на разных уровнях.

1. В направлении государственной политики на федеральном уровне требуется решить следующие задачи:

- обновление методических подходов, используемых в настоящее время для проведения оценки экспорта (в т. ч. МСП) с целью определения специфики и спецификации;

- обеспечение доступа промышленных предприятий региона к зарубежным технологиям;

- развитие производства высокотехнологичной продукции в регионах с целью развития экспортного потенциала;

- поддержка реализации совместных с зарубежными партнерами проектов в науке и промышленности с целью содействия трансферу технологий в экономику территорий;

- продвижение отечественной высокотехнологичной продукции на зарубежные рынки.

2. В направлении государственной политики на региональном уровне должно быть предусмотрено решение следующих задач:

- выстраивание действенной программы по поддержке экспортной деятельности полного цикла по типу «регион – федеральный центр – регион», где бенефициарием выступает экспортер, а прерогатива в получении финансовой поддержки и нефинансовых мер находится на региональном уровне при взаимодействии с национальным специализированными организациями и курирующими министерствами;

- разработка сегментных форм поддержки с построением целостной системы, направленной на развитие экспортно ориентированных несырьевых производств, учитывающей лучшие практики зарубежных стран;

- определение перспективных территориальных цеховых групп (секторов) для формирования финансовых форм поддержки на региональном уровне, направленных на конкретных бенефициариев с учетом анализа специфики и спецификации.

В части совершенствования процессов управления развитием экспортной деятельности МСП целесообразно учитывать необходимость реализации органами власти и управления, курирующими внешнеэкономический блок, следующих инструментов и мер.

Блок 1 «Комплексная оценка»:

Во-первых, необходима методика (разработанная в программной среде с учетом имеюще-

гося российского и зарубежного опыта), позволяющая оценить экспортную деятельность малого и среднего предпринимательства.

Во-вторых, стоит рассматривать экспорт субъектов МСП не только в стоимостном выражении, но и с выделением конкретной специализации и спецификации в регионе на основе таможенной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

В-третьих, целесообразно проводить оценку вклада экспортеров МСП в экономику страны и регионов. Также при проведении оценки на региональном уровне необходимо учитывать экспортную специфику территории.

В-четвертых, для проведения оценки экспорта МСП нужно использовать результаты отечественных исследований, осуществляемых научными учреждениями и вузами.

В-пятых, необходима организация сетевого взаимодействия между всеми участниками, занимающимися вопросами экспортной тематики, предпринимательства и регионального управления для осуществления оценки экспорта МСП, в целях развития экспортной деятельности малого и среднего предпринимательства в регионе, способствующей росту экономики.

Блок 2 «Приоритеты развития»:

1) развитие и расширение экспорта высокотехнологичной и инновационной продукции МСП для формирования новых продуктов и сегментов рынка, повышение качества продукции, производимой из местного сырья, с возможностью участия в крупных интеграционных проектах;

2) создание и развитие региональной инфраструктуры поддержки экспортно ориентированных МСП с акцентом на развитии технологических компаний (обеспечение построения стратегических приоритетов и действенного выстраивания экспортной политики государства);

3) повышение экспортной активности и культуры поведения на зарубежном рынке среди предпринимательского сектора (для стимулирования роста предпринимательской способности в международной экспансии);

4) финансовая поддержка и помощь в привлечении инвестиций в экспортные проекты, реализуемые субъектами МСП (для продвижения региональных экспортеров в национальных интересах в масштабах мирового хозяйства);

5) увеличение доступности квазикредитных ресурсов для экспортеров (для снижения рисков с зарубежными партнерами (невыполнение договорных обязательств, обеспечение прав собственности, недостаточность патентной защиты и прочие));

6) внедрение эффективных информационных систем управления экспортным проектом в секторе МСП (регламентирование и стандартизация бизнес-процессов, что позволяет быстро перестраивать систему под требования заинтересованного круга лиц);

7) внедрение современных цифровых систем управления для экспортера МСП с построением бизнес-сетей за рубежом (для повышения имиджа фирмы в глазах иностранных и российских партнеров, а также увеличения инвестиционной привлекательности предприятия).

Заключение

В результате проведенного исследования разработан подход к типологизации экспорта МСП в регионе, позволяющий оценить его структурную специфику и спецификацию. Суть разработанного подхода в отличие от уже существующих заключается в формировании показателей (объем экспорта МСП; доля экспорта МСП в объемах всех поставок страны на зарубежные рынки, а также несырьевых товаров), отражающих отраслевые особенности экспортной деятельности субъектов МСП. При его использовании становится возможным представить вклад субъектов МСП и его специфику в региональном экспорте по каждому отраслевому сектору, что позволяет определять перспективы дальнейшего развития экономики региона и научно-производственной кооперации.

Ввиду отсутствия в регионах организованной комплексной (системной) работы по управлению экспортной деятельностью малого и среднего предпринимательства, направленной на развитие территории, были разработаны и научно обоснованы концептуальные положения и направления по совершенствованию этих процессов на федеральном и региональном уровнях, позволяющие активизировать экспортный потенциал субъектов МСП.

Предложенный способ, заключающийся в использовании системного подхода (от оценки специфики и спецификации экспорта МСП до разработки конкретных приоритетов, инстру-

ментов и мер) в управлении экспортной деятельностью малого и среднего предпринимательства в регионе, позволяет восполнить возникающие пробелы в решении данного вопроса.

Проведенное исследование вносит вклад в теорию развития предпринимательства в части

вопросов интернационализации сектора МСП на региональном уровне. Его результаты могут быть использованы для проведения анализа экспорта МСП регионов, а также при разработке программно-целевых документов в сфере управления внешнеэкономическим сектором, направленного на развитие территории.

Литература

1. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
2. Hanson G.H. In understanding regional export growth in China. In: Yan Ing L., Miaojie Yu (Eds.). *World Trade Evolution. Growth, Productivity and Employment*. Routledge. London, 2018, pp. 195–228.
3. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблицер, 2016. 946 с.
4. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5–28.
5. Татаркин А.И., Липецкий А.Ф. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // Экономика региона. 2009. № 1. С. 125–135.
6. Singer T.O., Czinkota M.R. Factors associated with effective use of export assistance. *Journal of International Marketing*, 1994, vol. 2, no. 1, pp. 53–71.
7. Lee S.B. et al. Export strategies and performance of small and medium-sized enterprises: evidence from Korean manufacturing SMEs. *Journal of Korea Trade*, 2004, vol. 17, no. 1, pp. 1–24.
8. Bernard A.B. Why some firms export. *Review of economics and Statistics*, 2004, vol. 86, no. 2, pp. 561–569.
9. Gupta S., Melewar T.C., Cinkota M.C. Global business management for sustainability and competitiveness: The role of corporate branding, corporate identity and corporate reputation. *Journal of World Business*, 2013, vol. 48, no. 3, pp. 285–286.
10. Mukerji P., Panagariya A. Investigating the composition of product-level specialization. *Indian Economic Review*, 2019, vol. 54, no. 1, pp. 3–18.
11. Solberg C. A. et al. The drivers of early internationalization of the firm. *International Marketing: Strategy Development and Implementation*. Routledge, 2018. 402 p. Pp. 1–4.
12. Lu J.W., Beamish P.W. The internationalization and performance of SMEs. *Strategic management journal*, 2001, vol. 22, no. 6–7, pp. 565–586.
13. Child J. et al. *Cooperative strategy: Managing alliances and networks*. Oxford University Press, 2019. 569 p.
14. Mayer C., Siegel D. S., Wright M. Entrepreneurship: an assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 2018, vol. 34, no. 4, pp. 517–539.
15. Kubickova L. et al. Model for assessing the success of SMEs in the internacionalization process. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 2014, vol. 58, no. 6, pp. 245–252.
16. Dominguez N. et al. *Key success factors of SME internationalisation: A cross-country perspective*. Emerald Publishing Limited, 2018. 251 p.
17. Estrin S. et al. Entrepreneurship in emerging markets. The Oxford Handbook of Management in Emerging Markets. *Oxford University Press*, 2019, vol. 4, pp. 457–494.
18. Potter J. Public Policy and SME Internationalization. *Journal of Entrepreneurship and Innovation in Emerging Economies*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 128–133.
19. McLeay F., Andersen H.C. The art of SME export marketing: a case study. *The Marketing Review*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 239–258.
20. Johanson J., Vahlne J.E. The internationalization process of the firm – a model of knowledge development and increasing foreign market commitments. *Journal of International Business Studies*, 1977, vol. 8, pp. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490676>

21. Cavusgil S.T., Knight G. The born global firm: An entrepreneurial and capabilities perspective on early and rapid internationalization. *Journal of International Business Studies*, 2015, vol. 46, no. 1, pp. 3–16.
22. Oviatt B.M., McDougall P.P. Toward a Theory of International New Ventures. *Journal of International Business Studies*, 1994, no. 25 (1), pp. 45–64.
23. Majocchi A., Sestu M.C., Angelo A. *Entry mode strategies: are smes any different?. Key Success Factors of SME Internationalisation: A Cross-Country Perspective*. Emerald Publishing Limited. London. 2018, 274 p.
24. Helmers C., Trofimenko N. The use and abuse of export subsidies: evidence from Colombia. *The World Economy*, 2013, vol. 36, no. 4, pp. 465–486.
25. Hoyt H. Importance of manufacturing in basic employment. *Land Economics*, 1969, vol. 45, no. 3, pp. 344–349.
26. Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. 154–173 с.
27. Олин Б. Межрегиональная и международная торговля. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. 174–187 с.
28. Ethier W. Nontraded goods and the Heckscher-Ohlin model. *International Economic Review*, 1972, vol. 13, no. 1, pp. 132–147.
29. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
30. Balassa B. Exports and economic growth: further evidence. *Journal of development Economics*, 1978, vol. 5, no. 2, pp. 181–189.
31. Balassa B. *The theory of economic integration (routledge revivals)*. Routledge, 2013. 318 p.
32. Lafay G. The measurement of revealed comparative advantages. In: M.G. Dagenais, P.A. Muet (eds.) *International Trade Modelling*. London: Chapman and Hall, 1992. DOI:10.1007/978-1-4757-2150-8_10
33. Balassa B., Bauwens L. Intra-industry specialisation in a multi-country and multi-industry framework. *The Economic Journal*, 1987, vol. 97, no. 388, pp. 923–939.
34. Balassa B. Export incentives and export performance in developing countries: A comparative analysis. *Review of World Economics*. 1978, vol. 114, no. 1, pp. 24–61.
35. Анненкова А.А., Поздняков А.В., Соболева С.А. Внешнеэкономическое предпринимательство региона: структурные сдвиги и тенденции развития в посткризисный период // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 1 (120). Вып. 21/1. С. 82–89.
36. Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
37. Якушев Н.О. Несырьевой экспорт Союзного государства как фактор экономического развития территории России и Беларуси // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 41–54. DOI: 10.15838/ ptd.2018.5.97.3
38. Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 166–182.
39. Экономика России в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы / А.А. Френкель [и др.] // Экономическая политика. 2018. № 5. С. 24–49.
40. Ковалева Е.Н., Оганова А.А. Несырьевой неэнергетический экспорт России макро- и мезоуровня: основные тенденции развития и направления поддержки // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2018. №. 2. С. 36–45
41. Haddoud M.Y., Jones P., Newbery R. Export promotion programmes and SMEs performance. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2017, vol. 24, no. 1, pp. 68–87.
42. Minovic J., Lazarevic–Moravcevic M., Beraha I. Strategic orientation of SMEs: empirical research. *Management: Journal of Sustainable Business and Management Solutions in Emerging Economies*, 2017, vol. 21, no. 81, pp. 16–26.
43. Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 128 с.
44. Мазилев Е.А. Экспортный потенциал малых и средних предприятий // Проблемы развития территории. 2015. № 5 (79). С. 26–35.

Сведения об авторе

Николай Олегович Якушев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nilrus@yandex.ru)

Yakushev N.O.

Improving the Tools for Assessing and Managing Export Activities of SMEs in the Region

Abstract. Internationalization of small and medium-sized enterprises (SMEs) through the access to foreign markets is one of the key issues in economics. Currently, the urgency of tasks related to the pace of economic growth, the increase in the gross regional product, and the expansion the territories' budget revenues is increasing. Non-resource exports are mentioned as one of the sources of growth of the Russian economy until 2024 in the “May” decrees of the President aimed at increasing its competitiveness. Increasing the share of SMEs up to 10% in the total volume of non-resource exports is one of the key tasks of the national project “SMEs and support for individual entrepreneurial initiative”. At the same time, there is a number of problems hindering the effective use of the existing SMEs' export potential as a source of economic growth at the regional level of the Russian Federation. The most acute ones are the following: low competitiveness of the SME manufacturing sector; lack of experience in foreign markets and absence of effective measures to support SME exporters; lack of strategies for using SMEs' export potential, as well as of effective mechanisms and tools for their implementation at the regional level. In this regard, the aim of the research is to develop an approach to managing export activities of SMEs in the region. The article systematizes the research results in various scientific areas and theories related to the management of export activities of SMEs in the region, allowing to identify the main characteristics and features of this process. The author has developed an approach to assessing the specifics and specifications of SMEs in exports and their contribution to the total regional exports, allowing to determine directions for further support areas development. The analysis of the existing export promotion system is carried out. The directions, regulations and tools for the Federal and regional levels forming a unified system of SMEs management and support in terms of export activities are proposed.

Key words: management, internationalization, export activities, small and medium-sized businesses, region.

Information about the Author

Nikolai O. Yakushev – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, Russian Federation, 160014; e-mail: nilrus@yandex.ru)

Статья поступила 22.04.2020.

Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий*

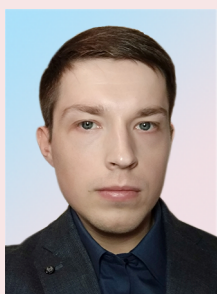
**Виктор Вильгельмович
ФАУЗЕР**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: fauzer.viktor@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8901-4817; Researcher ID: N-9048-2017

**Татьяна Степановна
ЛЫТКИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: tlytkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1972-9080; Researcher ID: N-9076-2017

**Андрей Владимирович
СМИРНОВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: av.smirnov.ru@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6952-6834; Researcher ID: N-8102-2017

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-110-50091.

Авторы выражают признательность Галине Фаузер и Назару Журавлеву за помощь в подготовке рукописи к публикации.

Для цитирования: Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11

For citation: Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to studying demographic problems and settlement of territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с населением, демографическими процессами и заселением Мировой Арктики. Отмечается, что в Арктике накопилось много проблем: от социально-демографических до расселенческих. Каждая страна по-своему решает эти проблемы, используя как универсальные, так и частные подходы. В работе ставится цель рассмотреть подходы, применяемые в российской и зарубежной практике при изучении демографических процессов и заселения Мировой Арктики: демографическое районирование, гендерный, геополитический, качественный, комбинированный, межсекторальный, описательно-исторический, статистический, сетевой, системный, социально-психологический, социологический, технико-экономический, эколого-биологический и ряд других. С использованием данных подходов исследованы процесс заселения/колонизации, система расселения населения, демографические тенденции в Мировой Арктике. Отмечается, что колонизация Европейского Севера России проходила с X по XVII в., Сибири и Дальнего Востока — с конца XVI до середины XIX в. Заселение осуществлялось собственным народом, Россия не нуждалась в привлечении переселенцев из других стран. На основе демографического подхода сделан вывод о том, что к началу XX в. процесс колонизации завершился, началось естественное демографическое развитие и дальнейшее освоение окраинных территорий. В зарубежной Арктике в начальный период колонизация носила торгово-промысловый характер, затем осуществлялась добыча сырьевых ресурсов. С первой половины XX в. стал доминировать военный интерес, сегодня при освоении Арктики преобладает экономическая заинтересованность. В демографическом развитии отмечаются две противоположные тенденции: ниспадающая динамика численности населения в российской Арктике и ее постоянный рост в зарубежной. Поселенческая сеть российской Арктики формировалась городами разной величины, в зарубежной в начальный период создавались небольшие поселения, сейчас расширяется сеть средних и больших городов. В последние годы в Мировой Арктике стал шире использоваться вахтовый метод.

Ключевые слова: Мировая Арктика, население, демографические процессы, заселение территорий, подходы.

Введение

Внимание исследователей к Мировой Арктике (циркумполярный Север) обусловлено тем, что в XXI в. этот мегарегион из северной периферии превращается в зону экономических интересов всех крупнейших государств. Учитывая эти стратегические интересы, можно предположить, что полем «экономических и политических противостояний» станет борьба за энергетические ресурсы. «Будет иметь место диалектическое сосуществование сил кооперации и конкуренции — сценарий, который можно назвать “дружественная гонка”» [1, с. 361]. В течение ближайших десятилетий Арктика может стать «главной кладовой энергетических и минеральных ресурсов, а следовательно, внимание к ней со стороны мирового сообщества будет особенным» [2, с. 16, 19; 3, с. 58–59]. Так, согласно данным журнала «Science», в Арктике залегает 83 млрд баррелей нефти, что составляет 13% мировых неразведанных запасов. Ресур-

сы природного газа — 1550 трлн м³ [4], почти две трети — у берегов России [5, с. 6]. По оценкам Геологической службы США, в Арктике может находиться до четверти мировых неоткрытых запасов углеводородов¹.

В Мировую Арктику входят восемь государств: Россия, Канада, США, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция и Исландия. Такой перечень арктических стран приводится в «Докладе о развитии человека в Арктике» [6, с. 18; 7] и материалах Арктического совета². Подробно состав арктических территорий названных государств, их население и природно-экономический потенциал, государственные стратегии рассматривает Е.А. Корчак [8].

¹ Данные геологической службы США. URL: <http://www.usgs.gov> (дата обращения 01.03.2020).

² Arctic administrative areas. URL: https://arctic-council.org/images/PDF_attachments/Maps/admin_areas.pdf (дата обращения 01.03.2020).

В настоящее время значительный интерес к Арктике проявляют и неарктические страны: Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур, Индия, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Швейцария и Польша. Они получили статус наблюдателей в Арктическом совете и принимают участие в экономических, социальных и культурных проектах в Арктике³.

Арктика — ареал проживания коренных народов, которые в международно-политическом дискурсе представлены как «четвертый мир». В России они названы особой общностью «четвертого измерения», формирующей экологическую систему ценностей, а также «спасителями цивилизации» [9, с. 16–17].

Освоение Арктики привело к появлению множества проблем: демографических, экологических, социальных и расселенческих [10, с. 18–25]. Все арктические страны предпринимают попытки решить их, используя различные подходы. Фокус нашего внимания будет сосредоточен на рассмотрении демографических процессов и заселении Арктики. Исходя из этого, цель статьи — раскрыть подходы к изучению демографических процессов и заселению территории Мировой Арктики (МА). Поставлены следующие задачи: провести сравнительный анализ существующих подходов к изучению демографических проблем и заселению арктических территорий; выявить основные характеристики населения и демографических процессов в МА; определить особенности и тенденции процессов заселения и эволюции системы расселения арктических территорий.

Объектом исследования выступает Мировая Арктика, включающая территории восьми государств, предметом — страновые особенности подходов к изучению демографических проблем и заселению арктических территорий. Научная новизна статьи обусловлена комплексным ретроспективным и сравнительным анализом подходов к изучению демографических проблем и заселению Арктики. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть исполь-

зованы органами исполнительной власти при разработке программ и стратегий развития северных и арктических территорий.

Подходы к изучению демографических проблем арктических территорий

Для изучения демографических проблем в отечественной и зарубежной практике применяются различные подходы. Рассмотрим основные.

Статистический подход наиболее широко распространен в демографических исследованиях. Он включает получение статистической информации о населении, обработку полученных данных, построение временных рядов и распределений, анализ закономерностей, а также вычисление показателей воспроизводства населения. Статистические методы позволяют моделировать воспроизводство населения в целом и отдельные демографические явления.

На той же информационной базе и методах обработки базируется *описательно-исторический подход*. К нему обращаются для определения общей численности населения и его структуры в отдельные исторические периоды применительно к мировому населению, населению отдельных стран или частей света.

Социологический подход широко используется в демографических исследованиях для более глубокого понимания факторов, лежащих в основе процессов естественного воспроизводства населения, брачно-семейных отношений и миграционной подвижности. Он позволяет анализировать не только сами факторы, но и их отражение в сознании человека.

С помощью геополитического подхода оценивается влияние миграционного оттока и естественной убыли населения на национальную безопасность. Сокращение численности населения до критического уровня, приводящее к обезлюдению арктических территорий, низкой их заселенности на фоне соседних стран с восходящей демографической динамикой при отсутствии свободных земель для растущего населения, может привести к ряду серьезных разногласий геополитического порядка.

Социально-психологический подход нацелен на поиск причин той или иной интенсивности процессов, в плоскости социально-психологи-

³ Наблюдатели. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/observers> (дата обращения 01.03.2020).

ческих особенностей индивида или общественных групп. Сравнительно новым моментом здесь является переход от отождествления субъективных интересов индивидуума, семьи и общества в целом, характерного для ранних исследований, к изучению социально-психологических аспектов демографического поведения отдельных групп населения.

Гендерный подход учитывает многообразие факторов, влияющих на демографические процессы, на кризис современной демографической ситуации, в первую очередь в брачно-семейных отношениях, — через «феномен социальной самоорганизации во взаимоотношениях между самыми большими и первичными социальными группами — мужчинами и женщинами» [11, с. 66]. О важности использования гендерного подхода говорится в докладе Экономического и Социального Совета ООН⁴.

Демографическое районирование — подход, помогающий определить состав населения арктических территорий. Выделяют три типа территорий. Во-первых, это территории с относительно благоприятными природно-климатическими условиями, где медико-географические показатели позволяют формировать постоянное население. Во-вторых, это дискомфортные для проживания постоянного населения территории, в которых приоритет должен отдаваться вахтовому методу освоения. В-третьих, территории, где несмотря на необходимость отселения избыточного населения требуется сохранить по крайней мере часть постоянного населения⁵ [12, с. 22–23, 128].

При анализе демографических процессов эффективен *межсекторальный подход*. Например, для снижения смертности «должны быть задействованы не только возможности здравоохранения, но и всех секторов, влияющих на здоровье, обеспечивающих улучшение окружающей среды, условий труда, повышение доходов, оздоровление образа жизни и т.д., с тем чтобы средства на эти цели расценивались как инвестиции в человеческий капитал» [13, с. 288–290, 292].

⁴ Доклад Экономического и Социального Совета за 1997 год. ООН, 1997. 156 с.

⁵ В начале 1990-х гг. по разным оценкам избыточное население российского Севера составляло от 20 до 40%.

Технико-экономический подход трактует демографическое поведение и различия в темпах роста населения с позиций «рациональности экономических интересов общества, семьи и отдельного индивидуума» [14].

Эколого-биологический подход рассматривает демографическое развитие с точки зрения его влияния на природную среду и экологическую ситуацию.

Комбинированный подход включает анализ совокупности социально-экономических и биологических отношений между человеком и природой, в котором решающее значение для демографических процессов и поведения имеет предметная деятельность. Этот способ знаменует собой множественность или плюрализм в оценке всех проявлений демографического развития населения мира, позволяет выявить негативные последствия роста/убыли населения [15, с. 27–30, 48, 56, 57].

Экономико-социально-материальный подход применяется на государственном уровне практически во всех арктических государствах с целью нивелировать суровые природно-климатические условия Арктики, оторванность от «материка» и сложные производственные условия. Применение данного подхода позволяет привлечь человеческие ресурсы в арктические территории, формировать стабильные производственные коллективы.

Качественный подход концентрируется на влиянии исторических, духовно-нравственных, идеологических, психологических и других факторов на демографические процессы.

В.Н. Барсуков и О.Н. Калачикова по приоритетному фактору демографического развития выделяют экономический, социально-экономический, социально-психологический, институциональный, популяционный (биосоциальный, биогенетический), цивилизационный (историко-культурный) и феноменологический подходы, подробно описывают, на какой теории или концепции базируется каждый подход, приводят персоналии [16, с. 23–32].

Имеется ряд частных подходов к исследованию рождаемости, смертности, миграции и семьи. В них предлагаются меры для преодоления кризиса брачно-семейных отношений, опреде-

ляется степень допустимого вмешательства государства в регулирование рождаемости, какие меры государственной политики могут изменить репродуктивные установки семьи на малодетность или бездетность, как сделать Россию миграционно привлекательной, депопуляция обосновывается духовным неблагополучием семьи и общества [11, с. 63]. «Все разнообразие точек зрения может быть сведено к двум парадигмам – парадигме модернизации и парадигме кризиса семьи» [17, с. 239].

При освоении Арктики зарубежные подходы отличаются от российских по многим направлениям: в демографическом плане, в строительстве межбюджетных отношений, в развитии инфраструктуры [18, с. 30]. Так, наши северные соседи делают ставку на прочное освоение и обживание территории. В России чуть ли не насильно северяне отселяются на «материк», тогда как власти штата Аляска субсидируют (200–250 долларов США в месяц) старожилы и пенсионеры, остающихся здесь жить [19, с. 60, 63]. На Аляске «поощряется переселение, активно создается новая инфраструктура, а условия труда и проживания все больше приближаются к стандартам качества жизни, свойственным средним широтам Америки» [20, с. 13].

В России для арктических территорий нужен финансовый механизм развития, а предлагается лишь стабилизация [21, с. 129]. Арктические регионы перечисляют в федеральный бюджет больше, чем получают трансфертов обратно, уровень бюджетной обеспеченности ниже среднероссийского показателя [22, с. 38]. Однако хорошо известно, что неравенство влечет за собой экономические и демографические потери [23, с. 40]. Зарубежные компании для освоения Арктики используют свои технологии и местное население. В России же несколько иная ситуация: в стремлении сократить издержки добывающие компании склонны к привлечению зарубежных поставщиков машин и оборудования, найму высококвалифицированной иностранной рабочей силы [24, с. 28].

Что касается инфраструктуры, ее отставание обусловлено сложившейся практикой освоения Севера и Арктики, которая в советский период базировалась на социальных нормах ГУЛАГа и не предусматривала создание

нормальных условий жизни для людей [25, с. 90–95; 12, с. 14–15]. К Северу и Арктике что в царское, что в советское, что в настоящее время относятся как к «ресурсной кладовой». Развитие социальной сферы существенно отставало, осуществлялось «быстро и небрежно». Огромный пространственный потенциал практически не учитывался, использовались те ресурсы, которые можно было продать без глубокой переработки [26, с. 99].

Подходы к заселению северных и арктических территорий

Прежде всего необходимо определиться с целями и приоритетами развития арктического пространства. Сегодня сформировались два противоположных подхода. В рамках *первого подхода* Арктика рассматривается как источник природных ресурсов, что делает вахтовый метод освоения при сокращении постоянного населения приоритетным. *Второй подход* объявляет Арктику плацдармом инновационного экономического прорыва, позволяющего добиться устойчивого развития арктических территорий и обеспечить национальную безопасность [27, с. 98–99].

Из такого понимания приоритетов развития вытекают два подхода к пространственному планированию освоения Арктики. *Вахтовый* – применяется в «ресурсных» регионах с нехваткой местных трудовых ресурсов или в условиях недостаточной инфраструктурной насыщенности территории. Он направлен на реализацию первичных преимуществ арктических территорий – запасов природных ресурсов. Слабость этого подхода заключается в том, что он закрепляет специализацию региона на добыче сырья, неравномерность освоения и развития.

Сетевой (линейно-узловой) – ориентирован на формирование в арктических агломерациях крупных узлов, которые благодаря агломерационному эффекту и высокому уровню развития инфраструктуры смогут выполнять роль ядра в сетевых структурах хозяйства. Концентрация трудовых ресурсов в крупных узлах создает «эффект масштаба», а остальная территория выступает в роли сырьевой базы (Россия, Норвегия – архипелаг Шпицберген, Дания – о-в Гренландия). Однако такая организация приводит к оттоку трудового и человеческого потенциала за пределы «ядер» расселения [28, с. 98].

Учитывая большую территорию Арктики и ограниченность человеческих ресурсов, при расселении населения применяют *интенсивный и экстенсивный подходы*. Первый предполагает развитие агломераций и групповых систем расселения, связанных между собой экономически и транспортом, происходит развитие ограниченных территорий при минимуме затрат. *Экстенсивный подход* предусматривает формирование развитой системы расселения, охватывающей как можно большую территорию, с сетью опорных поселений, особенно в приграничных районах, учитывая интересы обороноспособности страны [29, с. 8].

Система расселения в зарубежной Арктике рассматривается в рамках концептов близости и удаленности, сетевого подхода, транспортной связанности поселений [30; 31]. Важной ее особенностью является наличие сверхудаленных или окраинных (от англ. *settlements at the edge*) [32] и вахтовых поселений [33; 34]. Отмечается, что на эволюцию системы расселения в будущем станут оказывать влияние климатические изменения, происходящие в Арктике [35; 36; 37].

Таким образом, рассмотрев наиболее часто используемые в отечественной и зарубежной практике подходы, продемонстрируем их применение при изучении и анализе демографических процессов и системы расселения в Мировой Арктике.

Население и демографические процессы Мировой Арктики

Исследование демографических процессов Мировой Арктики нашло отражение в зарубежной научной литературе [6; 7; 38]. Отмечается связь между демографическими процессами, миграцией населения и циклами добычи природных ресурсов [39–42]. В последние годы растет число публикаций о социально-демографических характеристиках населения [34; 43; 44].

В Мировой Арктике, занимающей одиннадцатую часть земной суши, проживает 5 млн 438,5 тыс. человек, или 0,07% от численности населения планеты. Такие «ножницы» между показателями сделали Арктику слабозаселенной территорией — 0,41 человека на кв. км. Ме-

нее всего заселены Канада и Гренландия — 0,03, США — 0,43 и Россия — 0,51 человека на кв. км (*рис. 1*). При этом в МА произведено 232,5 млрд долларов ВРП, что составляет 0,31% мирового ВВП [45, с. 15].

Динамика населения МА определяется демографическими процессами, происходящими в российской Арктике. С 1989 по 2019 год она потеряла 1 млн 46 тыс. человек, или 30% от исходной численности населения. В зарубежной Арктике, наоборот, все годы шел рост численности населения — с 2 млн 579 тыс. в 1989 году до 3,0 млн в 2019 году, прирост составил 420,5 тыс. человек, или 16,3%. В результате доля российской Арктики в общей численности населения МА снизилась с 57,5% в 1989 году до 44,9% в 2019 году. В 1989 году в российской Арктике проживало на 906,4 тыс. человек больше, чем в зарубежной, однако в 2019 году численность населения зарубежной Арктики стала превышать численность российской на 560,1 тыс. человек. Численное превосходство было потеряно на рубеже 2002/2003 гг. В целом население МА с 1989 по 2019 год постоянно уменьшалось (с 6,06 до 5,44 млн человек, или на 625,6 тыс. человек, *рис. 2*).

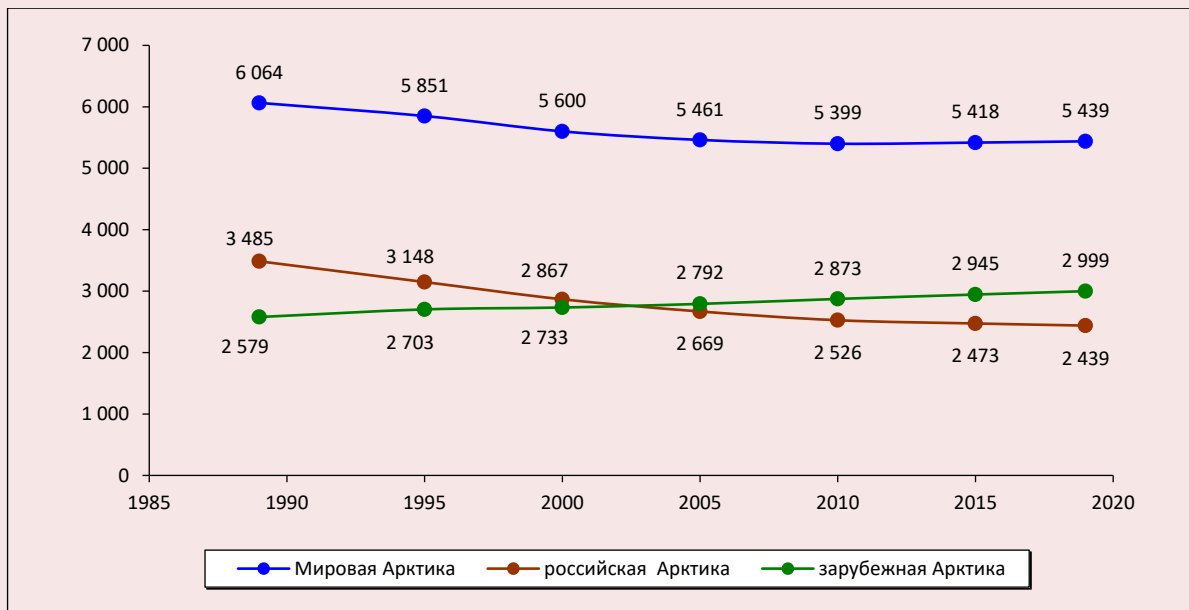
В динамике численности населения арктических государств прослеживаются также две противоположные тенденции: нисходящая динамика в российской Арктике и восходящая в зарубежной (Гренландия и Фарерские о-ва имели разнонаправленную динамику). Численные потери российской Арктики — 1046 тыс. человек — не смогли перекрыть положительные приросты населения арктических государств: США — 202,2, Исландия — 105,1, Канада — 42,2, Норвегия — 28,9, Финляндия — 25,7, Швеция — 11,6, Фарерские о-ва — 3,9 и Гренландия — 0,8 тыс. человек. Имеется еще одна особенность — в арктической части Канады, Исландии и США темп роста численности населения опережал наблюдаемый по стране в целом: 51,7, 41,7 и 37,8%; 38,5, 41,1 и 33,7% соответственно, что свидетельствует об активном заселении арктических территорий. Однако длительная динамика роста населения чревата тем, что приезжие будут замещать местных жителей [46, с. 89]. Доли населения, проживающего в арктической части, незначительны: минимальные в

Рис. 1. Карта плотности населения арктических территорий на начало 2019 года

Составлено по: данные официальных статистических ведомств восьми арктических стран.

Рис. 2. Численность населения Мировой Арктики, 1989–2019 гг., тыс. чел.

Составлено по: данные официальных статистических ведомств восьми арктических стран за исключением территорий Нунавик и Лабрадор Канады. Для оценки численности населения за годы, данные по которым отсутствуют, применялся метод линейной интерполяции по соседним значениям.

США — 0,2, Канаде — 0,3 и России — 1,7%, максимальные в Швеции — 5,0, Норвегии — 9,2 и Финляндии — 12,0%. В большинстве стран они сокращаются, что привело к снижению доли населения, проживающего в Мировой Арктике в целом, с 1,4 до 1,0%.

Рассмотрим показатели, отражающие сходство и отличие в демографическом развитии арктической части и страны в целом. Анализ структуры населения по полу показывает, что во всех зарубежных странах Мировой Арктики доля мужчин больше 50% и выше, чем по арктическим странам в целом. В российской Арктике доля мужчин самая низкая — 48,0%, что не могло не повлиять на половую структуру населения МА, где она составляет 49,6%. Повышенная доля лиц в трудоспособном возрасте привела к тому, что в Мировой Арктике ниже демографическая нагрузка на трудоспособное население — 775, чем по арктическим странам в целом — 827, в расчете на 1000 человек. Ниже она в Канаде — 667 и в Гренландии — 672, высокая в Швеции — 955 и на Фарерских островах — 947.

Относительно молодая возрастная структура населения Арктики обеспечивает высокую рождаемость. Если в арктических частях суммарный коэффициент рождаемости (СКР) составляет 1,71, то по арктическим странам в целом — 1,67. Наиболее высокий СКР на Фарерских о-вах — 2,48, в Канаде — 2,09 и Гренландии — 2,00. Самая низкая рождаемость в Норвегии — 1,54 и Финляндии — 1,59. СКР коррелирует с долей коренных жителей в составе населения: где она более 15%, там выше и рождаемость.

Интегральный показатель качества жизни и здоровья населения — ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в целом по арктическим странам выше, чем в их арктических частях, исключение составляют женщины Финляндии. Объяснить это можно гендерными различиями в ОПЖ — они более значимы в арктических территориях, выше здесь и общий уровень смертности. Самая высокая продолжительность жизни в Арктике у женщин Фарерских о-вов — 84,8, Финляндии — 84,3 и Исландии — 84,1 лет. У мужчин высокая ОПЖ

Таблица 1. Демографические показатели и показатели расселения населения по странам Мировой Арктики и их арктическим территориям

Страна	Численность населения на начало года, тыс. человек			Изменение численности за 1989–2019 гг., %	Доля мужчин, %	Демографическая нагрузка на 1000 человек трудоспособного возраста*		СКР, 2018 г.	Доля коренного населения, % **	ОПЖ при рождении, лет***	
	1989 г.	2000 г.	2019 г.			молодыми	пожилыми			мужчины	женщины
Арктические территории Мировой Арктики	6064,1	5600,4	5438,5	-10,3	49,6	349	426	1,71	7,5	73,0	80,4
Россия	3485,2	2867,0	2439,2	-30,0	48,0	346	334	1,66	4,0	67,1	77,3
США	535,2	626,9	737,4	37,8	51,5	409	403	1,97	14,8	75,0	81,7
Финляндия	638,0	651,1	663,7	4,0	50,4	306	608	1,59	1,4	78,3	84,3
Швеция	509,1	514,8	520,7	2,3	51,0	336	619	1,69	3,9	79,8	83,4
Норвегия	460,3	466,7	489,2	6,3	50,9	325	527	1,54	11,4	78,9	83,4
Исландия	251,9	279,0	357,0	41,7	50,2	355	400	1,71	-	81,0	84,1
Канада****	81,6	93,3	123,8	51,7	50,8	382	285	2,09	53,3	74,1	78,2
Гренландия	55,2	56,1	56,0	1,4	52,8	372	300	2,00	89,7	69,5	72,5
Фарерские о-ва	47,6	45,3	51,5	8,2	51,7	437	510	2,48	-	80,1	84,8
Арктические страны в целом	444571	485940	541893	21,9	48,6	351	476	1,67	0,4	73,7	80,9
Россия	147400	146890	146781	-0,4	46,4	337	467	1,58	0,2	67,8	77,8
США	246819	281422	329969	33,7	49,5	365	472	1,73	0,03	75,1	81,8
Финляндия	4964	5181	5523	11,3	49,4	354	635	1,41	0,2	78,6	84,2
Швеция	8493	8883	10324	21,6	50,3	358	537	1,75	0,2	80,6	84,1
Норвегия	4227	4478	5328	26,0	50,4	338	469	1,56	1,1	79,7	83,7
Исландия	252	279	357	41,1	50,2	355	400	1,71	-	81,0	84,1
Канада	27282	33477	37797	38,5	49,1	285	497	1,50	4,9	79,9	84,0
Дания	5133	5330	5815	13,3	49,7	329	535	1,73	0,9	79,0	82,9

* Финляндия и Канада: мужчины – 15–59 лет, женщины – 15–54 года; остальные страны: мужчины – 16–59 лет, женщины – 16–54 года.
** Россия – коренные малочисленные народы Севера в 2010 г., США – индейцы и уроженцы Аляски в 2010 г., Финляндия – саамы в 2009 г., Швеция и Норвегия – саамы в 2017 г., Канада – аборигенное население в 2016 г., Гренландия – инуиты в 2018 г.
*** Норвегия – 2011–2015 гг., Швеция – 2014–2018 гг., Финляндия и Канада – 2015–2017 гг., США – 2017 г., Дания – 2017–2018 гг., Россия и Исландия – 2018 г.
**** Учитываются Юкон, Северо-Западные территории и Нунавут.
Составлено по: данные официальных статистических ведомств восьми арктических стран: gks.ru, fedstat.ru, census.gov, stat.fi, scb.se, ssb.no, statice.is, statcan.gc.ca, stat.gl, hagstova.fo, statbank.dk. Данные по Мировой Арктике – среднее взвешенное по численности населения значение арктических стран.

отмечена в Исландии – 81,0, на Фарерских о-вах – 80,1 и в Швеции – 79,8 лет (табл. 1).

Заселение Мировой Арктики

Заселение северных и арктических территорий с позиции описательно-исторического подхода происходило в форме колонизации. Помимо экономического воздействия переселения и колонизация оказали влияние на культуру народов. Специфика русской колонизации проявлялась в том, что избыточное население пе-

реселялось не в другие страны, а в отдаленные территории российского государства. Русский переселенец не чувствовал себя покидающим отечество [47, с. 3, 6, 7]. Различие между колонизацией и переселением состоит в том, что «переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [48, с. 24].

Наиболее существенной предпосылкой успешной колонизации является право государства на естественные богатства страны,

прежде всего на землю. Но при заселении территорий, где проживает аборигенное население, возникает необходимость примирить противоположные интересы и вести земельную политику так, чтобы не обидеть ни тех, кто хочет сохранить свою землю, ни тех, кто хочет ее приобрести [49, с. 5, 6, 10]. Как проходила колонизация в России, Америке и других частях света, достаточно подробно рассмотрено в работе Л.Л. Рыбаковского [50, с. 38].

Колонизация Европейского Севера началась в X–XII вв. с проникновением славян на слабозаселенные земли с финно-угорским населением (карелы, коми, ненцы, вепсы, саамы) и закончилась в XVII в. с вхождением Севера в Московское государство. Присоединение Сибири и Дальнего Востока шло с конца XVI – начала XVII вв., завершившись в середине XIX в. [51, с. 6]. Используя *демографический подход*, можно заключить, что к началу XX в. процесс колонизации российских окраин, в т. ч. Арктики, был завершен. «На смену основному компоненту увеличения численности населения – переселению – приходит другой компонент – естественный прирост населения» [50, с. 41–43].

Кратко рассмотрим историю колонизации зарубежной Арктики. В Северной Норвегии она началась еще в раннем Средневековье, в эпоху викингов. Норвежский Север претерпел ускоренный переход от старой общинной жизни и «государства благосостояния» к жестким рыночным отношениям. Сегодня будущее страны связано с нефтегазовым промыслом [46, с. 77–78, 90]. Колонизация Аляски приходится на середину XVIII века русскими людьми. Формой сотрудничества с местным населением была торгово-промысловая деятельность. В XIX веке началась добыча угля. В 1867 году Аляска была продана США, затем последовали золотая и медная лихорадки. В 1930–1950 гг. активно велось военное строительство. В целом это способствовало резкому увеличению численности населения.

Первые европейцы на канадском Севере появились в IX–X вв., но вплоть до середины XVIII в. процесс заселения шел вяло, лишь захват Канады Англией ускорил проникновение европейцев на канадский Север. В XX веке

импульс к заселению дали военное строительство и наличие природных ресурсов [52, с. 22–41, 129–133]. В XXI веке продолжился процесс планомерного заселения МА, формирования сети постоянных поселений, рисунка расселения. Основной экономической интерес всех стран Мировой Арктики – это энергетические ресурсы.

Есть черты развития территорий, свойственные как российской, так и зарубежной Арктике: удорожание большинства видов деятельности; пространственная неравномерность и прерывистость, низкая плотность населения и размещения инфраструктуры; немногочисленность поселений. Этапы и специфика формирования систем расселения в Мировой Арктике достаточно подробно описывает О.М. Благодетелева [20, с. 8].

Для российской Арктики вектор в расселении населения на долгосрочную перспективу определен «Генеральной схемой расселения на территории Российской Федерации». В ней предлагается ряд принципиальных *подходов*:

- «не формировать постоянные поселения в местах с неблагоприятными медико-географическими условиями, в связи с чем предлагается переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения;
- развивать крупные городские поселения – базовые центры проживания населения, концентрировать население в перспективных поселениях со стабильной социально-экономической базой, не создавать новые мелкие поселения, шире внедрять вахтовый метод организации труда;
- рекомендуется максимально ограничить рост городов; обеспечить жесткий отбор лиц, прибывающих в северные районы, по профессиям и состоянию здоровья; постепенный переход к осуществлению плановой сменности работников;
- предстоит преодолеть усиливающуюся стагнацию малых и средних городских поселений, определяющих экономическую и социальную жизнь окружающих сельских районов»⁶.

⁶ Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31).

Современная система расселения сформирована промышленным характером освоения Арктики, что определило в ней повышенную долю городского населения, специфику арктической урбанизации [53, с. 40–45]. Однако, оценивая уровень урбанизации, сталкиваемся с существующей методической трудностью отнесения поселений к городским. В большинстве стран критерием статуса города является численность населения. ООН предлагает принять за нижнюю границу города численность населения в 2 тыс. жителей, что не отменяет национальную специфику. Так, в Норвегии к городам относят поселения от 5 тыс. жителей, в США – от 2,5 тыс. жителей, в Швеции, Исландии и Дании – от 200 жителей [54, с. 65]. В России городом считается населенный пункт с числом жителей не менее 12 тыс., но есть города и с меньшей численностью населения. В российской Арктике наряду с городами расположены поселки городского типа как переходная форма между настоящими городами и сельскими поселениями [55, с. 10–11]. Разнообразие подходов затрудняет сравнение степени урбанизации арктических территорий.

В развитии поселений наметились две противоположные тенденции: увеличивается количество мельчайших населенных пунктов с числом жителей до 5 человек при одновременной концентрации населения в крупных поселениях – свыше 5 тыс. жителей [56, с. 9–10]. Сегодня мировая статистика учитывает поселения с числом жителей свыше одной тысячи, что сужает информационную базу.

В Мировой Арктике 416 поселений с численностью свыше тысячи человек⁷. Из них в России расположено 34,9, в Швеции – 13,9, Финляндии – 13,7, в Норвегии – 12,5, в Исландии – 8,2, в США – 6,7, в Дании – 5,3 и в Канаде – 4,8%. Густота поселений в МА очень низкая – 0,32 поселения на 10 тыс. км². Подавляющая их часть имеет численность населения до 5 тыс. человек – 71,6%, от 5 до 10 тыс. – 11,8, от 10 до 20 тыс. – 8,4, свыше 20 тыс. человек – 8,2%. Самая высокая доля поселений с числом жителей до 5 тыс. человек в Дании – 86,4 и Канаде – 85,0; самая низкая в России – 66,2 и США – 60,7%. Максимальная людность поселений в США – 16688 и России – 15944, а минимальная в Канаде – 4281 и Дании – 3472 человек.

Таблица 2. Распределение населения Мировой Арктики, %

Страна	Численность населения, всего	В том числе по поселениям с числом жителей						
		до 1000	1000–4999	5000–9999	10000–19999	20000–49999	50000–99999	100000 и более
Мировая Арктика	100,0	18,2	12,2	6,3	10,4	12,0	6,8	34,1
Россия	100,0	5,9	9,0	3,9	11,3	13,0	6,8	50,1
США	100,0	37,0	5,9	8,1	-	8,8	-	40,2
Финляндия	100,0	24,9	11,5	10,1	7,2	8,6	7,9	29,8
Швеция	100,0	26,7	19,9	6,6	13,6	16,3	16,9	-
Норвегия	100,0	37,7	17,2	9,4	14,2	8,3	13,2	-
Исландия	100,0	4,8	17,6	7,5	14,8	18,9	-	36,4
Канада	100,0	29,1	27,5	6,4	16,2	20,8	-	-
Гренландия (Дания)	100,0	17,5	40,8	9,8	31,9	-	-	-
Фарерские о-ва (Дания)	100,0	39,2	34,5	-	26,3	-	-	-

Составлено по: данные официальных статистических ведомств восьми арктических стран. Данные по городским поселениям России на начало 2017 г., сельским – по переписи 2010 г., США и Канада – на середину 2016 г., остальные страны – на начало 2017 г.

⁷ Данные о численности российских городских поселений получены из бюллетеня Росстата о численности населения Российской Федерации по муниципальным образованиям (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar), сельских – из итогов Всероссийской переписи населения 2010 года, зарубежных поселений – с сайта <http://www.citypopulation.de>, агрегирующего данные национальных статистических ведомств разных стран.

Большая часть населения МА проживает в поселениях до 50 тыс. человек – 3 млн 213 тыс. (59,1%), а в Исландии численность этой группы составляет 215,1 тыс. (63,6%). В Финляндии 358,1 тыс. проживает в поселениях до 20 тыс. (53,7%). В США и Швеции половина населения живет в небольших поселениях до 10 тыс. – 378,1 (51,0%) и 275,0 (53,2%) тыс. соответственно. В Норвегии, Канаде, Гренландии и на Фарерских о-вах население сосредоточено в мелких населенных пунктах до 5 тыс. человек – 404,9 тыс. человек, или 24,5% от общей численности населения МА, проживающего в таких поселениях (табл. 2).

В 2017 году в Мировой Арктике находилось 15 городов с численностью свыше 50 тыс. человек, из них 9 расположены в России, 5 – в Западной Европе, 1 – в США. Крупнейшие арктические города России – Архангельск (351 488 чел.), Мурманск (298 096), Северодвинск (183 996), Норильск (178 018); США – Анкоридж (298 192 чел. – 40,2% от населения Аляски); Финляндии – Оулу (198 358 – 29,8% от городского населения), Рованиеми (52 481); Исландии – Рейкьявик (123 246 – 36,4% от городского населения); Швеции – Умео (87 238); Норвегии – Тромсе (64 448). Ряд стран имеет только малые города: в Канаде – Уайтхорс (25 085 чел.) и Йеллоунайф (19 569); в Гренландии – Нуук (17 796) и на Фарерских о-вах – Торсхавн (13 130).

Рассматривая динамику численности населения крупных городов за 1989–2017 гг., можно отметить, что во всех городах зарубежной Арктики наблюдался прирост, а в российской – только в 2 из 9 (Ноябрьск и Новый Уренгой). Наибольшая убыль жителей зарегистрирована в Воркуте, Мончегорске, Мурманске и Апатитах. Важно сохранять города, поскольку они являются полюсами экономического роста, «связующими транспортными узлами, важными информационными, научными и культурными центрами для прилегающих территорий» [45, с. 12–15; 57].

Из вышеизложенного материала можно сделать ряд выводов:

1. Несмотря на то что в большинстве работ и директивных документов предпочтение отдается вахтовому методу, следует отметить, что для развития вахты нужны базовые или

опорные города [58, с. 25–30]. Ими могут стать города, не одно десятилетие успешно функционирующие в условиях Севера и Арктики. Например, для всех нефтяных месторождений Сибири базовым является г. Тюмень, а г. Мирный, кроме обслуживания нефтяных промыслов, поставляет вахты на алмазные месторождения [24, с. 27]. В Республике Коми таким городом является Усинск, могут стать Воркута и Инта.

2. Необходимость сохранения сети постоянных поселений связана с геополитическим подходом: 1) чтобы закрепить свой суверенитет в Арктике, нужно иметь в ней постоянно живущее население, адаптированное к местным климатическим условиям [27, с. 100], 2) ставку делать на средние и малые города, поскольку агломерации притягивают к себе население, оголяют прилегающие территории, делают их «ничьими», лакомыми землями для других государств, 3) не представляется целесообразным переводить сформированные города в категорию вахтовых и по технологическим, и по социальным причинам [59, с. 7–8].

Заключение

Внимание к Мировой Арктике за последние сто лет неуклонно росло и будет расти в дальнейшем из-за природных богатств. Несмотря на повышенный интерес правительств арктических государств, наличие стратегических планов, существенных инвестиций, многие проблемы так и не решены и требуют своего нового осмысления и «переосвоения». Как и в предшествующий период, сохраняется подход минимизации затрат. Учитывая это, предлагается следующий подход к заселению Арктики: перейти от политики проживания к политике пребывания пришлого населения, в особо экстремальных условиях максимально использовать вахтовый метод.

До сих пор нет единой точки зрения, как заселять Арктику. Сторонники интенсивного подхода предлагают осваивать Арктику точечно, создавая крупные агломерации, групповые системы расселения, что уменьшает затраты. С точки зрения геополитического и экстенсивного подходов необходимо формировать систему расселения, максимально охватывающую приграничное арктическое пространство.

Накопленный опыт освоения Севера и Арктики показывает, что значительная часть небольших и средних поселений с истощением ресурсной базы прекратит свое существование, поскольку у них нет вариантов для смены специализации. Пример тому – шахтерская Инта. В лучшем случае часть из них может стать базой для внутрирегиональной вахты, если не преобладает корпоративный интерес к использованию вахтово-экспедиционного метода⁸.

В Мировой Арктике наблюдается особенность в развитии демографических процессов: в зарубежной Арктике – восходящая динамика численности населения, в российской – нисходящая, что уменьшает и так низкую заселенность территории. Это привело к тому, что по численности населения зарубежная Арктика стала превышать российскую на 0,5 млн человек. В Арктике более молодая возрастная структура, ниже демографическая нагрузка, достаточно высокая ОПЖ. В ряде арктических стран СКР практически обеспечивает простое воспроизводство населения.

Север и Арктика являются высокоурбанизированными. В российской Арктике сформирована развитая система расселения, включающая города разной людности, полноценная инфраструктура, развит транспорт. Зарубежная Арктика вначале осваивалась вахтово-экспедиционным методом при немногочисленных поселениях узкой специализации, но за последние десятилетия отмечен рост городских поселений с развитой инфраструктурой, не отличающейся от основной части страны.

Вклад данной статьи в изучение исследуемой проблемы заключается в том, что в одной работе обобщены практически все известные подходы к изучению демографических проблем и заселению арктических территорий. К элементам новизны можно отнести то, что предлагаемые подходы использованы при анализе демографических проблем и рассмотрении особенностей расселения всей Мировой Арктики. В перспективе предстоит изучить опыт решения демографических проблем и расселения населения в Мировой Арктике.

Литература

1. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
2. Павленко В.И. Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4. С. 16–25.
3. Половинкин В.Н., Фомичев А.Б. Значение северного и арктического регионов в новых геополитических и геоэкономических условиях // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3. С. 58–63.
4. Gautier D.L., Bird K.J., Charpentier R.R. et al. Assessment of undiscovered oil and gas in the Arctic. *Science*, 2009, vol. 324, no. 5931, pp. 1175–1179. DOI: 10.1126/science.1169467
5. Арктическая зона России в социально-экономическом развитии страны / И.И. Меламед [и др.] // Власть. 2015. № 1. С. 5–11.
6. Einarsson N., Larsen J.N., Nilsson A.N. et al. *Arctic Human Development Report*. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004. 242 p.
7. Larsen J.N. et al. *Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages*. Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2014. 504 p. DOI: 10.6027/TN2014-567.
8. Корчак Е.А. Государственные стратегии зарубежных северных стран в Арктике // ЭКО. 2013. № 6. С. 149–160.
9. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / под общ. ред. Н.К. Харламповой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.

⁸ Обычная вахтовая работа характеризуется короткими (внутри района) перемещениями персонала, малой (7–10 суток) продолжительностью вахт, наличием стабильного транспортного сообщения между рассчитанными на многолетнее функционирование вахтовыми поселками и базовым городом. Работая по вахтово-экспедиционному методу, работники преодолевают большой (до нескольких тысяч километров) путь до объектов работ. Вахтовый период длится две недели и более, по истечении периода обычно происходит замена всего персонала основного производства.

10. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4. С. 18–31. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31
11. Баскова Н.А. Особенности подходов к решению демографических задач в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 11. С. 60–71.
12. Социально-демографическое развитие российского Севера / отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: НИИ труда, 1993. 222 с.
13. Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. Г.В. Осипова, Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2009. 340 с.
14. Caldwell J.C. *The Socio-economic Explanation of High Fertility*. Canberra: The Australian National University, 1976. 133 p.
15. Судоплатов А.П. Современная буржуазная демография. М.: Мысль, 1988. 317 с.
16. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 270 с.
17. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.
18. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера // Арктика: экология и экономика. 2013. № 4 (12). С. 26–31.
19. Агранат Г.А. Российский Север: противоречия и надежды // ЭКО. 2000. № 1. С. 48–67.
20. Благодетелева О.М. Эволюция и современные тенденции развития систем расселения в районах Севера (на примере США, Канады и России) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 3. С. 5–25. DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.01
21. Селин В.С. Экономические процессы и их правовое регулирование в Арктике // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН. 2016. С. 126–130.
22. Селин В.С., Башмакова Е.П. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 23–39.
23. Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 34–41.
24. Крюков В.А., Крюков Я.В. Как раздвинуть рамки арктических проектов // ЭКО. 2017. № 8. С. 5–32.
25. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 1. С. 90–109.
26. Кузнецова Т.Е. Российское пространство и проблемы его организации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1. С. 98–113.
27. Селин В.С., Башмакова Е.П. О государственной стратегии России в Арктике // ЭКО. 2013. № 3. С. 97–113.
28. Савельев Ю.В., Титов А.Ф. Новая модель регионального развития российского Севера // ЭКО. 2012. № 7 (457). С. 95–101.
29. Мазаев Г.В. Дилемма развития системы расселения России // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. Градостроительство. 2012. № 3. С. 7–9.
30. Huskey L. Challenges to economic development: Dimensions of “remoteness” in the North. *Polar Geography*, 2005, vol. 29 (2), pp. 119–125. DOI: 10.1080/789610129
31. Berman M., Lance H. Remoteness, transportation infrastructure, and Urban-rural population movements in the Arctic. *Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland, August 2012*. Stockholm: Nordregio, 2012, pp. 108–122.
32. Saxinger G., Petrov A., Krasnoshtanova N. et al. Boom back or blow back? Growth strategies in mono-industrial resource towns – ‘east’ and ‘west’. In: *Settlements at the Edge*. UK: Edward Elgar Publishing, 2016, pp. 49–74. DOI: 10.4337/9781784711962
33. Finnegan G.F., Jacobs J. Canadian interprovincial employees in the Canadian Arctic: a case study in fly-in/fly-out employment metrics, 2004–2009. *Polar Geography*, 2015, vol. 38 (3), pp. 175–193. DOI: 10.1080/1088937x.2015.1034795

34. Jungsberg L., Copus A., Nilsson K. et al. *Demographic Change and Labour Market Challenges in Regions with Largescale Resource-based Industries in the Northern Periphery and Arctic*. Stockholm: Nordregio, 2018, 42 p.
35. Hamilton L.C., Saito K., Loring P.A. et al. Climigration? Population and climate change in Arctic Alaska. *Population and Environment*, 2016, vol. 38 (2), pp. 115–133. DOI: 10.1007/s11111-016-0259-6
36. Hamilton L.C., Wirsing J., Saito K. Demographic variation and change in the Inuit Arctic. *Environmental Research Letters*, 2018, vol. 13, no. 11. DOI: 10.1088/1748-9326/aae7ef
37. Bird D., McLeman R., Gísladóttir G. et al. Climate change and settlement level impacts. In: *Settlements at the Edge*. UK: Edward Elgar Publishing, 2016, pp. 293–319. DOI: 10.4337/9781784711962
38. Duhaime G., Caron A., Lévesque S. et al. Social and economic inequalities in the circumpolar Arctic. In: *The Economy of the North 2015*. Oslo: Statistics Norway, 2017, pp. 11–25.
39. Heleniak T. Migration in the Arctic. In: *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014, pp. 82–104.
40. Heleniak T. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North. *Polar Geography*, 2009, vol. 32, no. 1-2, pp. 31–60. DOI: 10.1080/10889370903000398
41. Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L. et al. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia. *Land Use Policy*, 2019, no. 103908. DOI: 10.1016/j.landusepol.2019.03.021
42. Bolotova A., Stammler F. How the North became home. Attachment to place among industrial migrants in Murmansk region. In: *Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts*, 2010, pp. 193–220.
43. Petrov A. Creative Arctic: Towards measuring Arctic's creative capital. In: *Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North*. Akureyri: Northern Research Forum, 2014, pp. 149–166.
44. Petrov A. Exploring the Arctic's "other economies": Knowledge, creativity and the new frontier. *The Polar Journal*, 2016, vol. 6, no 1, pp. 51–68. DOI: 10.1080/2154896X.2016.1171007
45. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. № 3 (31). С. 6–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22
46. Криворотов А.К. Норвежское Заполярье: государственная политика и региональное развитие // ЭКО. 2017. № 8. С. 77–92.
47. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 443 с.
48. Давидов Д.А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии // Известия Восточного института. 1911. Т. 37. Вып. 1. 187 с.
49. Гинс Г.К. Переселение и колонизация. Вып. 2: Земельная политика в колониях. СПб., 1913. 65 с.
50. Рыбаковский Л.Л. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–46. DOI: 10.31857/S013216250000760-9
51. Окладников А.П. Открытие Сибири. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1981. 223 с.
52. Агранат Г.А. Зарубежный Север: очерки природы, истории, населения и экономики районов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 319 с.
53. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.
54. Гаврильева Т.Н., Архангельская Е.А. Северные города: общие тренды и национальные особенности // ЭКО. 2016. № 3. С. 63–79.
55. Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: ИСЭПН РАН, 2009. 244 с.
56. Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3 (67). С. 7–18.
57. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7. С. 112–130. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-7-112-130
58. Методика определения опорных поселений российской Арктики / В.В. Фаузер [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2
59. Иглова Н.С. Особенности урбанизации и формирование городских агломераций на Севере России // Arctic Environmental Research. 2011. № 1. С. 5–12.

Сведения об авторах

Виктор Вильгельмович Фаузер — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Татьяна Степановна Лыткина — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Андрей Владимирович Смирнов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V.

Population of the World Arctic: Russian and Foreign Approaches to Studying Demographic Problems and Settlement of Territories

Abstract. The researchers are considering the population, demographic processes and settlement of the World Arctic. It is noted that many issues have accumulated in the Arctic: from socio-demographic problems to resettlement ones. Each country solves these problems in its own way, using both universal and private approaches. The article is aimed at considering approaches used in the Russian and foreign practice to studying demographic processes and settlement of the World Arctic. Among the Russian and foreign approaches, it is necessary to mention the following ones: demographic zoning, gender, geopolitical, qualitative, combined, intersectoral, descriptive and historical, statistical, network, systemic, socio-psychological, sociological, technical and economic, ecological and biological approaches, and others. Using these approaches the process of settlement/colonization, the system of the population's resettlement, and demographic trends in the World Arctic have been considered. It is noted that the colonization of the European North of Russia was taking place from the 10th till the 17th century, Siberia and the Far East — from the end of the 16th till the middle of the 19th century. Settlement has been carried out by its own people; Russia had no need in attracting settlers from other countries. Based on the demographic approach it has been concluded that by the beginning of the 20th century the process of colonization had been completed, and the natural demographic development and further development of the marginal territories had begun. In the foreign Arctic early colonization was of a trade and field nature, then the extraction of raw material resources had started. From the first half of the 20th century the military interest started to dominate; today the economic interest in the development of the Arctic is prevalent. Two opposite trends have been noted in the demographic development: the recessive population dynamics in the Russian Arctic and its constant growth in the foreign one. The settlement network of the Russian Arctic was forming by the network of cities of different sizes, in the foreign one small settlements were created in the initial period; now the network of medium and large cities is expanding. In the recent years the work on a rotational basis has been widely used in the World Arctic.

Key words: the World Arctic, population, demographic processes, settlement of territories, approaches.

Information about the Authors

Viktor V. Fauzer – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru)

Tat'yana S. Lytkina – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: tlytkina@yandex.ru)

Andrei V. Smirnov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com)

Статья поступила 09.04.2020.

Влияние состояния здоровья на социальную активность населения старших возрастов*

Ксения Александровна

УСТИНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6462; Researcher ID: I-8164-2016

Александра Николаевна

ГОРДИЕВСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: alessu85@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7777-3456; Researcher ID: I-9439-2016

Аннотация. Экономика несет потери не только от преждевременной смертности, но и от плохого состояния здоровья людей, которое может приводить к полной или частичной утрате трудоспособности, снижению социальной активности. Обозначенные проблемы затрагивают все группы населения, но наиболее распространены среди граждан старших возрастов, что требует реализации мер по поддержанию состояния здоровья, стимулированию эффективного использования трудового потенциала старшего поколения. В связи с этим цель статьи заключалась в анализе влияния состояния здоровья на социальную активность населения старших возрастов. Информационной базой послужили данные мониторинга качества трудового потенциала населения

* Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0010 «Институты воспроизводства человеческого капитала».

Для цитирования: Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Влияние состояния здоровья на социальную активность населения старших возрастов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 175–192. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.12

For citation: Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Influence of health status on social activity of older population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 175–192. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.12

Вологодской области за 2018 год. Методические аспекты исследования основываются на концепции качественных характеристик населения, а также индексном подходе, который применялся для оценки состояния здоровья и социальной активности. Показано, что принадлежность населения к старшей возрастной группе сопровождалась невысокими значениями индекса потребности в достижении и социальной активности по сравнению с другими группами. Во всех выделенных нами возрастных группах наименьшие значения социальной активности наблюдались в случаях, когда одновременно выполнялось два условия — были ниже медианных значения индекса физического здоровья и, например, когнитивного и творческого потенциалов. Установлено, что социальная активность выше в случаях, когда индексы когнитивного и творческого потенциалов превосходили медианный уровень, а индекс физического здоровья, напротив, его не достигал. Это косвенно характеризует важную роль когнитивных и творческих аспектов в обеспечении высокой социальной активности. В исследовании определено, что у населения старшей возрастной группы конкурентным преимуществом является достаточно высокий уровень когнитивного и интеллектуального потенциалов, которые отчасти компенсируют невысокое физическое и психическое здоровье. Показано, что по сравнению с другими рассматриваемыми по возрасту группами «проигрыш» в материальном плане незначителен, а «проигрыша» в производительности труда вообще не наблюдалось.

Ключевые слова: население старшего возраста, здоровье, социальная активность, потребность в достижении.

Актуальность исследования

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в мире к 2050 году прогнозируется рост численности населения в возрасте от 60 лет и старше до 2,03 млрд человек¹. Ее увеличение приводит к необходимости обратить более пристальное внимание на проблемы, к которым относят невысокий уровень включенности в общественную жизнь, низкий уровень материального обеспечения, ухудшение состояния здоровья². В последней группе проблем — рост доли населения старших возрастов с различного рода нарушениями, например соматическими, функциональными, психическими или когнитивными расстройствами [1].

Несмотря на обозначенные проблемы, население старшего возраста обладает значительным ресурсом: высоким образовательным и квалификационным уровнем, а также профессиональным и жизненным опытом. Для эффективного использования потенциала необходимо создавать условия для увеличения востребованности людей старших возрастов в обществе и экономике, содействия их активному долголетию [2, с. 5].

¹ Report on Ageing and Health. Geneva: World Health Organization. 2015. 260 p.

² Global Age Watch Index 2015 Insight report. London: HelpAge International, 2015. 25 p.

В 1982 году Генеральной Ассамблеей ООН была разработана политика в отношении лиц старшего возраста, направленная на формирование возможностей для их самореализации путем привлечения к участию в различных сферах общественной жизни [3, с. 49]. Схожие по своему содержанию положения можно встретить в различных программах, например, таких как «Общество для всех возрастов» («Society for all ages»³) или «Активное старение» («Active ageing»⁴). Ключевые положения этих программ связаны с улучшением качества жизни населения старших возрастов, повышением социальной активности [4; 5] и предполагают как реализацию мер по поддержанию здоровья, так и поощрение участия населения старших возрастов в общественной и культурной жизни, а также меры по расширению их прав и возможностей (Мадридский международный план действий по проблемам старения, 2002⁵).

³ Building a Society for All Ages: Official Report / Presented to Parliament by the Secretary of State for Work and Pensions. July 2009. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/238574/7655.pdf

⁴ Active aging. Geneva: World Health Organization, 2002. 57 p.

⁵ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. Принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 года.

Аналогичные по своему содержанию положения находят отражение и в российской институциональной среде. Примером является Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, в плане реализации которой на 2016–2020 гг. были предусмотрены пункты об активном вовлечении лиц старшего возраста в общественную жизнь.

О возможности реализации таких шагов свидетельствуют, например, имеющиеся данные социологического исследования Фонда «Общественное мнение», в соответствии с которыми почти каждый третий в группе старше 50 лет участвует в добровольческих практиках⁶, что является одной из форм социальной активности [6, с. 50]. В то же время, по данным Института социологии РАН, примерно 12–13% россиян социально исключены [7], а в условиях демографического старения подобным рискам подвергается все большая часть населения старших возрастов – до четверти населения по официальным статистическим данным.

Среди отдельных последствий социальной изоляции, по результатам исследований британских ученых (Э. Стептоу, А. Шанкар и др.), – одинокая старость, повышенные риски смерти (на 26% чаще по сравнению с людьми, продолжающими вести активную жизнь) [8]. Схожие выводы представлены и в более ранних работах (например, [9; 10; 11]), содержащих аргументы в пользу статистически значимой связи социальной активности с заболеваемостью и смертностью. В свою очередь повышение уровня социальной активности и улучшение качества социальных отношений между индивидами и группами населения может приводить к увеличению положительного эффекта от программ по улучшению общественного здоровья [11].

Обозначенные выше аспекты актуализируют необходимость исследовать, как состояние здоровья населения (в т. ч. в старших возрастах) влияет на социальную активность.

⁶ Отчет по проекту Фонда общественного мнения «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/dobrovolchestvo/Otchet_dobrovolchestvo.pdf (дата обращения 20.01.2020).

Обзор исследований по проблеме

Представители разных теоретических направлений определяют социальную активность по-разному в зависимости от целей и задач той или иной науки [12], что определяет и разнообразие подходов к изучению данного феномена. С социологической точки зрения социальная активность характеризуется через «самодеятельность, которая проявляется в различных сферах жизни» (экономической, в т. ч. трудовой, культурной и др. [13]). В качестве субъекта действий могут выступать индивид, социальная группа и общество в целом, а в качестве результатов – групповые и общесоциальные эффекты⁷. С позиций психологического подхода сделан акцент на «индивидуальных или групповых действиях, которые способствуют изменению «социального Я», места человека в обществе» [14; 15]. Еще один подход, представленный в научной литературе, – деятельностный – предполагает учет «совокупности форм деятельности, позволяющих решить задачи, стоящие перед обществом, социальной группой в данный исторический период»⁸. Подчеркивается, что социальная активность приводит к изменениям не только внешней среды, но и социальных характеристик индивида. При этом зачастую речь идет о потенциале субъекта, о степени сформированности и реализации тех или иных социально значимых качеств.

Помимо обозначенных, распространение получил подход, связанный со всеми проявлениями деятельности, обуславливающими включенность человека в социальные отношения, вне зависимости от степени их осознанности и направленности. В другом, напротив, акцент был сделан на осознанном отношении личности к окружающей социальной действительности, с которой связана ее деятельность [16]. В последнем случае, наряду с обозначенным, речь идет о таких аспектах, как самодвижение, саморегулирование и саморазвитие [17]. Среди примеров формулировок в рамках пер-

⁷ Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. 501 с.

⁸ Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., франц. и чеш. языках / ред.-коорд. акад. РАН Г.В. Осипов. М.: НОРМА, 1998. С. 10.

вого подхода те, в которых социальная активность определяется как «любая деятельность» (Ю.И. Быков, В.Н. Вьюжанин, Г.С. Григорьев), в рамках второго — как «особая форма проявления деятельности» (Г.С. Арефьева, В.Д. Шапиро) [18]. Мы придерживаемся положений второго подхода, поскольку считаем неправомерным отождествление социальной активности с деятельностью. Соответственно, разделяем позицию тех исследователей, которые социальную активность характеризуют аналогичным образом, например, как высшую форму человеческой активности, как способность действовать осознанно [19], не только приспосабливаться к окружающей действительности, но и изменять ее, а также себя⁹.

Принимая во внимание отмеченное, подчеркнем те характеристики, которые, так или иначе, фигурируют в различных определениях социальной активности. Среди них *самодетерминированность*, выраженная как осознанное, внутреннее побуждение к такой активности; *включенность в социальное взаимодействие*, проявляющаяся не только в осознании взаимосвязи с социумом, но и конструировании способов взаимодействия с ним; *просоциальность*, предполагающая преобразование как социума, так и личности [20].

Наряду с понятием социальной активности речь заходит и о ее типах, что в свою очередь может расширять содержание последней. Среди критериев для их выделения такие как длительность, широта охвата, источник инициативы, сфера реализации, субъект [21; 22]. Распространение получает общая и поисковая активность (в рамках психологического подхода)¹⁰ — первая связана с темпераментом человека и предполагает его активность/пассивность от природы, вторая — с направленностью на изменение существующей ситуации и отношением к ней, при этом не всегда имеется прогноз результатов такой активности¹¹. Типы социальной активности определяют и в

⁹ Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890. С. 7.

¹⁰ Шукина Г.И. Активизация познавательной деятельности в учебном процессе: учеб. пособие для студ. пед. институтов. М.: Просвещение, 1979. С. 34.

¹¹ Башаев Н.Н. Роль физического воспитания в формировании социальной активности социальной активности студентов: дис. ... канд. пед. наук. Л., 1979.

зависимости от этапов социализации: в рамках первичной предполагается «подтягивание различных уровней социального и когнитивного развития» [23; 24], а в рамках вторичной — поддержание здоровья и других параметров у населения старших возрастов [25]. Актуальность рассмотрения социальной активности в таком разрезе объясняется сохранением дискуссионных вопросов. Это касается, например, отсутствия однозначных результатов в отношении доказательства прямой связи между когнитивными аспектами и социальной активностью на этапе вторичной социализации [26].

Социальную активность выделяют и по таким критериям, как сфера реализации, обращая внимание на волонтерскую, творческую [26; 27; 28], социально-политическую активность (включенность в различного рода организации — партию, профсоюз, советы) [29] и др. В этом ряду одним из важнейших типов является социальная активность населения на рынке труда, связанная с трудоустройством, основной и дополнительной занятостью работников предприятий, ростом их квалификации и др. Посредством такой активности создаются предпосылки для сокращения безработицы, социальных различий, бедности, для повышения уровня и качества жизни разных групп населения, формирования более справедливого в социальном отношении общества [30]. Трудовую активность рассматривают с точки зрения реализации трудового потенциала. Она зависит не только от накопленного запаса знаний, умений и навыков, но и от условий, созданных для их воплощения в ходе трудовой деятельности, для повышения эффективности труда работников [31].

Эволюционный подход к вопросу трудовой активности позволяет выделить несколько этапов, в рамках которых не только наблюдается интерес к этому вопросу, но и обращается внимание на различные акцентировки трудовой активности. В частности, в 20–30-х гг. XX века внимание исследователей было сосредоточено на изучении факторов макроуровня, оказывающих влияние на трудовую активность работников; в 1960–1980-х гг., напротив, затрагивались реальные проблемы трудовой активности в области трудовых отношений как таковых, а также вопросы мотивации такой активности;

в 1990-е гг. акцент был сделан на исследовании трудовой активности и мотивации на приватизированных предприятиях, предпринимательства. Начиная с 2000-х гг. активно формируются новые направления, связанные с изучением социальной активности на рынке труда, в т. ч. такие как экономическая социология, социология рынков, социология рынка труда [30, с. 11–13].

В исследованиях по данной тематике затрагиваются вопросы трудовой активности различных групп населения, например молодежи, а также населения старших возрастов. Место и роль последнего в российском обществе, влияние его социально-демографических характеристик на участие в трудовой и общественной активности, концепции социального поведения личности в старшем возрасте проанализированы в работах [32, 33] и др.; факторы социального самочувствия населения старших возрастов, проблемы активизации их поведения рассмотрены А.В. Дмитриевым, Н.Г. Ковалевой [34; 35] и др.

В научной литературе актуальными остаются вопросы, связанные с ростом частоты заболеваний у людей старших возрастов, снижением их профессионального и социального статуса, что может приводить к депрессивным состояниям [36], негативно отражающимся на трудоспособности и в целом на социальной активности. Увеличение проблем со здоровьем, связанное с возникновением и развитием целого ряда функциональных ограничений, помимо обозначенного выше, приводит к тому, что у отдельных групп населения может утрачиваться мобильность, снижаться качество жизни [37; 38], удовлетворенность им [39], могут негативно изменяться социальное благополучие и социальная активность [40].

Ухудшение состояния здоровья у людей старших возрастов может негативно влиять на трудовую и социальную активность. Тем не менее у них сохраняется интеллектуальный потенциал, компетентность и работоспособность, которые, напротив, оказывают положительное воздействие [41]. А в условиях организации непрерывного обучения на протяжении всей жизни у этой группы населения появляется больше возможностей для адаптации к происходящим изменениям, участия в общественном разви-

тии. В свою очередь осуществление трудовой активности позволяет населению старших возрастов материально обеспечить себя, увеличивает ощущение безопасности и удовлетворенности от результатов своего труда [42].

Несмотря на наличие исследований по данному направлению, анализ научных источников позволяет сделать вывод о недостаточности работ, посвященных вопросам социального самочувствия людей старших возрастов, рассмотрению их не как объектов социальной защиты, а как субъектов социальной активности, изучению методов повышения такой активности [43]. Речь идет и об отсутствии однозначного понимания того, как изменяется эта активность у населения старших возрастов, какие формы она принимает [44, с. 264]. Учитывая обозначенное выше, в исследовании будет обращено внимание на анализ аспектов, связанных с состоянием здоровья, когнитивным потенциалом и другими качественными характеристиками населения старших возрастов и их влиянием на социальную активность.

Цель, задачи, характеристика информационной базы исследования

Цель заключается в анализе влияния состояния здоровья населения старших возрастов на социальную активность.

Задачи:

– исследование самооценки состояния здоровья и частоты проявления недомоганий различной степени тяжести в разрезе выделенных социально-демографических групп населения;

– исследование влияния состояния здоровья населения на интегральные индексы социальной активности и качественных характеристик населения;

– исследование влияния отдельных составляющих интегрального индекса качественных характеристик населения (в т. ч. физического и психического здоровья) на социальную активность в разрезе возрастных групп населения;

– исследование влияния состояния здоровья на отдельные характеристики использования накопленного потенциала (в т. ч. производительность и оплату труда), а также причин опасений потери работы в возрастных группах с различной самооценкой здоровья.

Информационную базу составили данные очередного этапа мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 году. Выборка квотная с пропорциональным размещением единиц наблюдения, ее объем — 1500 чел. трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет; женщины 16–54 лет) в Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области, а также пропорций между занятым, безработным (зарегистрированным на бирже труда) и экономически неактивным населением (студенты, учащиеся, домохозяйки и другие неработающие). Величина случайной ошибки выборки — 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Обработка анкет проведена в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Методические аспекты исследования

Обращая внимание на методические аспекты исследования, с опорой на которые осуществлялось решение поставленных задач, подчеркнем два аспекта, имеющих отношение к оценке состояния здоровья и социальной активности соответственно.

В рамках первого отметим, что для оценки состояния здоровья в работе применялись отдельные показатели самооценки здоровья и частоты заболеваний различной степени тяжести (в анкету не были включены вопросы про какие-либо конкретные заболевания), а также интегральные индексы физического и психического здоровья. Последние используются исследователями ФГБУН ВолНЦ РАН в рамках интегральной методики оценки качественных характеристик населения.

Обращая внимание на вопрос о применении отдельных показателей для оценки состояния здоровья в научной литературе, отметим, что он и в настоящее время является дискуссионным и требующим обоснований (Currie, Madrian, 1999). Например, приводятся доводы как «за», так и «против» самооценки состояния

здоровья. Среди последних — аргументы об отсутствии 100%-х корреляций с реальным состоянием здоровья вследствие возникновения ошибок измерения. Вынужденные меньше работать склонны к более критичным оценкам своего здоровья; индивиды с более высоким уровнем дохода, имеющие возможность регулярного медицинского обслуживания с высокой выявляемостью заболеваний, также, скорее всего, будут более критичны в оценках. Помимо этого, на самооценки состояния здоровья может оказывать влияние гендерный фактор. Обозначенные аспекты необходимо учитывать в случае использования данного показателя, в частности при интерпретации полученных результатов. Среди первых — аргументы в пользу того, что самооценка коррелирует с состоянием здоровья по медицинским показателям [45] и в ряде случаев (например, при нахождении вероятности летального исхода) является «надежным» индикатором наряду с объективными показателями. Среди отечественных исследователей схожей позиции придерживается, например, академик РАН, доктор социологических и медицинских наук А.В. Решетников [46]. Он отмечает, что оценка респондентами своего здоровья близка к объективной и в 70–80% случаев соответствует данным медицинских карт. Отметим, что в зависимости от целей исследования могут применяться различные индикаторы (например, наличие хронических и других заболеваний, наличие каких-либо ограничений в работе из-за состояния здоровья и др.). Тем не менее наиболее употребимы параметры, связанные с самооценкой состояния здоровья и заболеваемостью, которые будут использованы и в нашем случае.

Как уже было отмечено выше, в исследовании наряду с отдельными показателями применялись и интегральные индексы физического и психического здоровья, которые используются сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН для анализа качества трудового потенциала населения. Анализ последнего проводится на основе концепции качественных характеристик населения с многоуровневой системой компонентов трудового потенциала. Нижний (первый) уровень характеризует человека, учитывая его естественно-природную основу (физическое здоровье, психическое здоровье, знания и кре-

ативность) и включенность в общественные отношения (коммуникабельность, нравственность, социальные притязания, культура). На промежуточном (втором) уровне характеристики обобщаются до четырех групп базовых качеств: психофизиологические и интеллектуальные, а также коммуникативные характеристики и социальная активность, на третьем уровне — до двух компонентов (энергетического и социально-психологического потенциалов). Интегральное качество трудового потенциала — социальная дееспособность — представляет совокупность свойств, определяющих результативность трудовой деятельности в конкретных социальных условиях [47, с. 730].

Учитывая содержательные положения данной концепции, а также цель и задачи исследования, в нашей работе особое внимание было уделено индексам¹² физического и психического здоровья населения. Первый индекс рассчитывался как среднее арифметическое трех частных индексов, характеризующих тяжесть и частоту заболеваемости; влияние здоровья на результативность выполняемых жизненных функций; самооценку респондентами своего здоровья. Второй индекс, характеризующий способность психики воспринимать внешние стрессовые воздействия без деформаций, рассчитывался с использованием шкалы Лайкерта, состоящей из утверждений с рейтинговыми шкалами оценивания в зависимости от степени согласия испытуемого с предложенными вариантами ответов [48, с. 23–24].

¹² Помимо обозначенных двух индексов (физического и психического здоровья), в работе использовались индексы когнитивного и творческого потенциалов населения. Когнитивный потенциал (эрудиция) — сумма знаний об окружающем мире, измеряется с использованием двух шкал. Одна из них характеризует деятельность респондента, направленную на постоянное пополнение знаний обо всех окружающих его сферах жизни общества. Вторая шкала дополняет первую и характеризует отношение в обществе к знаниям, она представляет собой десять суждений о знаниях, половина из которых — положительные, вторая половина — отрицательные. Индекс когнитивного потенциала рассчитывается как среднее арифметическое индексов по каждой из двух шкал. Оценка творческого потенциала также проводится с использованием двух шкал, одна из которых характеризует респондента с позиции творческой деятельности — как в профессиональной сфере, так и в быту, а другая — отношение респондента к творчеству. Общий индекс творческого потенциала рассчитывается как среднее арифметическое индексов по этим двум шкалам.

В рамках второго аспекта исследования, связанного с оценкой социальной активности, также применялся индексный метод. Индекс социальной активности рассчитывался как среднее геометрическое индексов нравственности и потребности в достижении. Общий индекс нравственности оценивался с использованием двух шкал как среднее арифметическое индексов нравственного чувства и нравственных ценностей, первый из которых характеризовал отношение к нарушению общепризнанных норм, а второй — систему нравственных ценностей индивида. В свою очередь потребность в достижении анализировалась с помощью оценки респондентами своих жизненных планов, связанных с повышением социального статуса [48, с. 25–26].

Помимо социальной активности как таковой, в исследовании обращалось внимание на трудовую активность как один из типов социальной. Среди параметров, которые учитывались нами при проведении анализа, — балльные оценки работниками средней производительности труда в разрезе групп, выделенных по возрасту и состоянию здоровья; среднемесячная заработная плата за последние 12 месяцев; наличие/отсутствие опасений потери работы, а также причины таких опасений. Помимо этого нами учитывались параметры, связанные с отдельными качественными характеристиками населения, которые суммарно характеризуют накопленный потенциал и могут оказывать воздействие на трудовую активность.

Результаты анализа

Первым этапом при анализе влияния состояния здоровья на социальную активность стало исследование самооценки состояния здоровья, в т. ч. в разрезе социально-демографических групп населения. Вследствие немногочисленности крайних групп, отличающихся по состоянию здоровья, было принято решение об их укрупнении, о суммарном учете населения с «отличным» и «хорошим» здоровьем, а также с «плохим» и «очень плохим». По аналогичной причине суммарно рассматривались и крайние группы по образованию, уровню доходов и другим признакам.

Возвращаясь к результатам самооценки состояния здоровья в разрезе выделенных социально-демографических групп, отметим, что мужчины склонны несколько чаще характери-

зывать свое здоровье как отличное и хорошее и, напротив, реже давать удовлетворительные оценки по сравнению с женщинами. В группе населения старше 50 лет более 60% отзывались удовлетворительно о своем здоровье, тогда как

только чуть больше 20% – отлично и хорошо. Иная ситуация сложилась в полярной группе – 70% отмечали, что обладают отличным и хорошим здоровьем, в то время как почти каждый четвертый – удовлетворительным (табл. 1).

Таблица 1. Самооценка состояния здоровья работающих респондентов в зависимости от разных признаков в Вологодской области, % от числа ответивших

Социально-демографические группы работающих респондентов		Оцените, в общем и целом, состояние своего здоровья		
		Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое
Численность категории, чел.		556	534	68
Пол	Мужской	50,2	43,7	6,1
	Женский	45,4	49,0	5,6
Возраст	до 29 лет	70,8	27,5	1,7
	30–49 лет	49,1	46,6	4,3
	50 лет и старше	22,3	63,2	14,5
Образование	Неполное среднее; средняя школа, в т. ч. ПТУ со средним образованием	40,0	51,4	8,7
	Среднее специальное образование (техникум и др.)	48,9	45,6	5,5
	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза); высшее	56,6	40,4	3,0
Семейное положение	Состою в зарегистрированном браке и проживаю совместно с мужем (женой)	46,5	48,5	5,1
	Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с мужем (женой)	54,8	41,3	3,8
	Не состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с мужем (женой), (разведен(а)); состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с мужем (женой)	38,2	48,8	13,0
	Не замужем (холост)	58,8	37,4	3,7
	Вдова (-ец)	35,3	50,0	14,7
Покупательная способность доходов*	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	65,1	30,2	4,8
	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	52,5	43,5	4,0
	Денег хватает только на приобретение продуктов питания; денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	33,2	56,7	10,0
Социальная самоидентификация**	Богатые; люди среднего достатка	57,7	39,2	3,1
	Бедные; нищие	39,7	51,7	8,6
Трудовая занятость	Работаю только на основной работе	49,4	45,4	5,2
	Имею основную и дополнительную работу	43,2	49,6	7,2
	Сочетаю основную работу со случайными приработками	40,9	50,0	9,1
	Не имею основной работы, перебиваюсь случайными приработками	48,1	44,3	7,6
	Не работаю (в том числе в отпуске по уходу за ребенком и т.п.)	49,4	45,4	5,2

* Формулировка вопроса: «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?»
 ** Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»
 Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Самооценка состояния здоровья различается и по другим признакам, например в зависимости от образовательного уровня. У обладателей неполного среднего и среднего образования практически в половине случаев удовлетворительное состояние здоровья, а в 40% – хорошее и отличное, в то время как среди населения с высшим и неполным высшим образованием наблюдается противоположная ситуация.

В разрезе семейного положения также видна разница: среди разведенных, а также вдов (вдовцов) меньше всего высоко оценивающих свое здоровье, тогда как среди незамужних (холостых) и не состоящих в зарегистрированном браке более чем в половине случаев – отличное и хорошее здоровье.

В полярных по покупательной способности доходов группах наблюдаются и различия по состоянию здоровья. Не удивителен факт, что среди привыкших ни в чем себе не отказывать отличные и хорошие оценки встречаются более чем в 60% случаев, в то время как удовлетворительные – у каждого третьего. Если же рассматривать группу населения, ориентированную преимущественно на приобретение продуктов питания, то в ней лишь каждый третий обладает отличным и хорошим здоровьем.

В зависимости от характера трудовой занятости – среди неработающих, перебивающихся случайными приработками, а также имеющих

только основное рабочее место, практически в половине случаев встречаются отличные и хорошие оценки состояния здоровья. В остальных группах, выделенных по данному признаку, подобные оценки распространены несколько реже.

О состоянии здоровья косвенно может свидетельствовать частота заболеваний, которая анализировалась в разрезе возрастных групп. У работающих респондентов старше 50 лет по сравнению с молодежью чаще распространены незначительные недомогания (38% против 19), а также болезни, приводящие к потере способности работать. Только у каждого третьего (36%) в старшем возрасте никогда не возникало болезней, приводящих к неспособности работать, в то время как среди молодых людей таких оказалось больше половины (табл. 2).

Одна из задач исследования состояла в анализе влияния состояния здоровья на интегральные показатели, характеризующие социальную активность и качественные характеристики населения¹³. Полученные результаты свидетельствуют в первую очередь о том, что ниже всего значения этих интегральных индексов были именно в старшем возрасте (0,650 и 0,563 ед. соответственно), тогда как у работающей молодежи наблюдалась противоположная ситуация (0,723 и 0,688 ед.; табл. 3).

Таблица 2. Частота заболеваний различной степени тяжести среди работающего населения Вологодской области, % от числа ответивших

Возрастная группа	Частота заболеваний			
	очень часто	довольно часто	раз в год и реже	никогда
Недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа				
до 29 лет	3,8	19,2	45,4	31,7
30–50 лет	6,8	27,1	41,4	24,7
старше 50 лет	10,7	38,4	33,5	17,4
Болезни, приводящие к потере способности работать на производстве, учиться, но не лишающие возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу				
до 29 лет	1,7	5,4	38,3	54,6
30–50 лет	2,4	12,0	36,7	49,0
старше 50 лет	3,3	16,5	44,2	36,0
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.				

¹³ Отметим, что качество накопленного потенциала исследовалось с использованием интегрального показателя «потребность в достижении».

Таблица 3. Средние значения индексов социальной активности и потребности в достижениях среди работающего населения с различной самооценкой здоровья в Вологодской области

Работающее население	Среднее значение индекса социальной активности, ед.			Среднее значение индекса потребности в достижении, ед.		
	до 29 лет	30–50 лет	50 лет и старше	до 29 лет	30–50 лет	50 лет и старше
В среднем среди работающего населения	0,723	0,703	0,650	0,688	0,653	0,563
Оцените, в общем и целом, состояние своего здоровья						
Отличное; хорошее	0,741	0,738	0,681	0,701	0,692	0,603
Удовлетворительное	0,676	0,673	0,648	0,650	0,620	0,562
Плохое; очень плохое	0,710	0,607	0,609	0,724	0,559	0,503
Примечание: индекс социальной активности входит в состав индекса потребности в достижении.						
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.						

Если помимо обозначенного принимать во внимание состояние здоровья¹⁴, то получается, что у работающих старшего возраста с плохим и очень плохим здоровьем значения индексов социальной активности и потребности в достижениях ниже, чем в среднем по данной возрастной группе (0,609 ед. против 0,650 и 0,503 ед. против 0,563 соответственно). В двух оставшихся возрастных группах значения индексов несильно различаются не только у их представителей с отличным и хорошим здоровьем, но и с удовлетворительным. Однако в случае, когда речь идет о полярных по возрасту группах с плохим и очень плохим состоянием здоровья, наблюдалась наибольшая разница в значениях индексов.

Отметим, что в работе рассматривалось влияние состояния здоровья населения не только на социальную активность и потребность в достижении, но и, например, на когнитивный и творческий потенциал.

В таблице ниже приведены средние значения индекса социальной активности в каждой возрастной группе для различных комбинаций значений индекса физического здоровья (высокое и низкое) с учетом психического здоровья, когнитивного и творческого потенциалов. Выявлено, что наименьшая разница в значениях индекса социальной активности, принимая во внимание физическое и психическое здоровье, а также когнитивный и творческий потенциалы, достигается в старшей возрастной

Таблица 4. Средние значение индекса социальной активности в каждой группе населения в Вологодской области

	Индекс социальной активности: среднее значение (ед.)											
	до 29 лет			30–50 лет			50 лет и старше			в целом по всем возрастам		
	ФЗ* ниже меди- анного	ФЗ выше меди- анного	сред- нее	ФЗ ниже меди- анного	ФЗ выше меди- анного	сред- нее	ФЗ ниже меди- анного	ФЗ выше меди- анного	сред- нее	ФЗ* ниже меди- анного	ФЗ выше меди- анного	сред- нее
В среднем среди работающих	0,680	0,743	0,722	0,674	0,735	0,703	0,639	0,683	0,650	0,664	0,732	0,696
Психическое здоровье												
ниже медианного	0,692	0,737	0,712	0,666	0,713	0,682	0,638	0,687	0,649	0,661	0,714	0,678
выше медианного	0,663	0,745	0,728	0,686	0,747	0,722	0,640	0,680	0,651	0,669	0,741	0,712
Когнитивный потенциал												
ниже медианного	0,615	0,688	0,663	0,634	0,702	0,660	0,608	0,612	0,608	0,624	0,689	0,650
выше медианного	0,756	0,800	0,786	0,735	0,760	0,749	0,686	0,730	0,700	0,724	0,768	0,747
Творческий потенциал												
ниже медианного	0,613	0,707	0,677	0,638	0,703	0,664	0,620	0,620	0,620	0,630	0,695	0,657
выше медианного	0,738	0,779	0,765	0,719	0,758	0,740	0,663	0,739	0,684	0,706	0,762	0,734
* ФЗ – индекс физического здоровья.												
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.												

¹⁴ Полярные группы по состоянию здоровья образуются суммированием двух позиций: в первом случае «отличное» и «хорошее», во втором – «плохое» и «очень плохое».

группе. Такие результаты, например, были получены при сопоставлении средних значений социальной активности в группах населения с психическим здоровьем ниже и выше медианного (различия в социальной активности в обозначенных группах достигают 0,002 ед. — у населения старшего возраста против 0,016 ед. — у молодежи). Аналогичная ситуация складывалась и по творчеству — в старшей возрастной группе разница между средними значениями социальной активности в группах с творческим потенциалом выше и ниже медианного достигала 0,064 ед., тогда как среди молодежи была несколько выше — 0,088 ед. (табл. 4).

Ожидаемым был результат, когда наибольшие значения индекса социальной активности достигались в группах, в которых одновременно выполнялись два условия: были выше медианного как значения индекса физического здоровья, так и других индексов (психического здоровья, когнитивного и творческого потенциалов), имеющих отношение к социальной дееспособности. В тех же ситуациях, когда первое из обозначенных условий соблюдалось, а второе нет (обозначенные индексы социальной дееспособности были ниже медианного), социальная активность оказалась ниже, чем при одновременном их выполнении. Самых минимальных значений социальная активность достигала, если значения индекса физического здоровья и других составляющих социальной дееспособности были ниже медианных.

Еще одна интересная особенность, выявленная в ходе анализа, состояла в том, что во всех выделенных нами возрастных группах значения индекса социальной активности были выше, когда показатели когнитивного и творческого потенциалов превосходили медианный уровень, а показатели физического здоровья, напротив, его не достигали, в то время как в противоположной ситуации значения индекса социальной активности были ниже. Это может свидетельствовать о важной роли когнитивных и творческих аспектов в достижении высокого уровня социальной активности.

Последняя задача исследования заключалась в анализе влияния состояния здоровья на отдельные характеристики использования накопленного потенциала (в т. ч. производительность и оплату труда). Было выявлено, что вне зависимости от состояния здоровья в разрезе рассматриваемых возрастных групп наибольшие значения средней производительности труда наблюдались у населения старших возрастов. Среднемесячная заработная плата у респондентов старшей возрастной группы с отличным и хорошим здоровьем оказывается сопоставима с заработной платой населения среднего возраста, имеющего аналогичное здоровье (26,9 и 27,0 тыс. рублей). А заработная плата у населения старшего возраста с удовлетворительным здоровьем соразмерна заработной плате молодежи, обладающей аналогичным состоянием здоровья (табл. 5).

Таблица 5. Показатели трудовой активности в группах респондентов с различной самооценкой здоровья в Вологодской области

		Среднее в возрасте	Оцените, в общем и целом, состояние своего здоровья		
			Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое
Численность категории, чел.	до 29 лет	241	170	66	4
	30–50 лет	678	332	315	29
	старше 50 лет	243	54	153	35
Средняя производительность труда, баллов					
до 29 лет		8,0	8,3	7,5	7,0
30–50 лет		8,2	8,5	7,9	6,6
старше 50 лет		8,1	8,8	8,0	7,7
Среднемесячная заработная плата за предыдущие 12 месяцев, тыс. рублей					
до 29 лет		22,3	23,5	19,6	20,5
30–50 лет		23,5	27,0	20,7	15,2
старше 50 лет		21,1	26,9	19,4	19,4
Физическое здоровье, среднее значение, ед.					
до 29 лет		0,794	0,850	0,674	0,431
30–50 лет		0,737	0,827	0,664	0,506
старше 50 лет		0,673	0,815	0,665	0,488

Окончание таблицы 5

	Среднее в возрасте	Оцените, в общем и целом, состояние своего здоровья		
		Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое
Психическое здоровье, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,849	0,874	0,795	0,763
30–50 лет	0,786	0,825	0,759	0,638
старше 50 лет	0,749	0,765	0,750	0,718
Когнитивный потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,597	0,602	0,582	0,639
30–50 лет	0,606	0,627	0,590	0,540
старше 50 лет	0,595	0,643	0,586	0,566
Творческий потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,568	0,565	0,573	0,628
30–50 лет	0,560	0,579	0,546	0,491
старше 50 лет	0,552	0,566	0,552	0,536
Коммуникабельность, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,755	0,763	0,737	0,677
30–50 лет	0,740	0,764	0,720	0,700
старше 50 лет	0,739	0,708	0,754	0,715
Культурный уровень, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,692	0,717	0,627	0,592
30–50 лет	0,691	0,736	0,655	0,587
старше 50 лет	0,663	0,697	0,656	0,642
Нравственный уровень, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,769	0,792	0,712	0,698
30–50 лет	0,769	0,798	0,747	0,676
старше 50 лет	0,770	0,790	0,766	0,757
Потребность в достижении, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,688	0,701	0,650	0,724
30–50 лет	0,653	0,692	0,620	0,559
старше 50 лет	0,563	0,603	0,562	0,503
Психофизический потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,818	0,859	0,728	0,567
30–50 лет	0,757	0,822	0,706	0,565
старше 50 лет	0,703	0,785	0,701	0,588
Интеллектуальный потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,579	0,580	0,574	0,631
30–50 лет	0,578	0,598	0,564	0,513
старше 50 лет	0,570	0,599	0,565	0,548
Коммуникативный потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,716	0,733	0,674	0,628
30–50 лет	0,709	0,743	0,681	0,636
старше 50 лет	0,693	0,695	0,697	0,669
Социальная активность, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,723	0,741	0,676	0,710
30–50 лет	0,703	0,738	0,673	0,607
старше 50 лет	0,650	0,681	0,648	0,609
Энергетический потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,684	0,702	0,642	0,595
30–50 лет	0,658	0,697	0,628	0,534
старше 50 лет	0,629	0,681	0,626	0,563
Социально-психологический потенциал, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,717	0,734	0,672	0,668
30–50 лет	0,704	0,739	0,675	0,619
старше 50 лет	0,669	0,685	0,670	0,636
Дееспособность, среднее значение, ед.				
до 29 лет	0,698	0,716	0,655	0,627
30–50 лет	0,679	0,716	0,649	0,573
старше 50 лет	0,647	0,681	0,646	0,597

Примечание: интегральное качество трудового потенциала – социальная дееспособность – на промежуточном (втором) уровне обобщено до четырех групп базовых качеств: психофизиологические и интеллектуальные, а также коммуникативные характеристики и социальная активность, на третьем уровне – до двух компонентов (энергетического и социально-психологического потенциалов).

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Реализация потенциала во многом зависит от его накопления, от того, на каком уровне сформированы отдельные составляющие социальной дееспособности. В исследовании нами было определено, что у населения старшего возраста с отличным и хорошим состоянием здоровья наблюдаются наибольшие значения индекса когнитивного и интеллектуального потенциалов по сравнению с респондентами других возрастных групп, обладающих аналогичным здоровьем. В то же время наименьшие значения индексов выявлены по таким составляющим социальной дееспособности, как физическое, психическое здоровье и коммуникабельность.

При рассмотрении группы населения старшего возраста, представители которой оцени-

вают свое здоровье как удовлетворительное, было установлено, что наибольшие значения индексов достигались по когнитивному потенциалу, коммуникабельности, культурному и нравственному уровню, наименьшие – по физическому и психическому здоровью и потребности в достижении.

Состояние здоровья оказывает влияние не только на потенциал, его реализацию и социальную активность, но и на опасение потери работы. В случае отличного и хорошего состояния здоровья вне зависимости от того, к какой возрастной группе относился респондент, в семи из десяти случаев подобные опасения отсутствовали. Однако, например, в группе с плохим и очень плохим здоровьем оказалось меньше тех, кто испытывал аналогичное состояние (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Если у Вас есть опасения потерять работу, то какова их основная причина?» в трех возрастных группах среди респондентов с различной самооценкой здоровья в Вологодской области, % от числа опрошенных

Причина опасений	До 29 лет				30–50 лет				Старше 50 лет			
	Среднее в возрасте до 30 лет	Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое	Среднее в возрасте 30–50 лет	Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое	Среднее в возрасте старше 50 лет	Отличное; хорошее	Удовлетворительное	Плохое; очень плохое
Численность категории, чел.	241	170	66	4	678	332	315	29	243	54	153	35
Экономическое положение предприятия, на котором работаю, неустойчивое	12,4	11,2	15,2	25,0	10,5	8,4	12,7	10,3	9,9	11,1	11,1	2,9
Профсоюз играет все меньшую роль в регулировании трудовых отношений на предприятии	3,3	4,1	1,5	0,0	3,2	3,3	3,2	3,4	4,9	5,6	5,9	0,0
Заканчивается срок действия договора (контракта)	2,9	2,9	3,0	0,0	2,5	2,1	2,9	3,4	2,5	1,9	2,6	2,9
Трудоустроен(а) не по специальности	6,6	4,7	9,1	50,0	3,8	2,1	5,4	6,9	6,6	5,6	8,5	0,0
Квалификация не соответствует выполняемой работе	6,6	5,9	7,6	25,0	2,9	1,2	3,2	20,7	4,5	5,6	4,6	2,9
Ухудшилось состояние здоровья	3,3	2,9	3,0	25,0	6,2	2,7	6,7	41,4	14,4	7,4	13,7	28,6
Плохие отношения с руководством, с коллективом	3,3	1,8	6,1	25,0	4,3	2,4	5,4	10,3	4,5	5,6	3,9	5,7
Слышал(а), что в ближайшее время будут сокращения на предприятиях, на которых трудоустроены члены моей семьи или работаю я	3,7	4,1	3,0	0,0	4,9	3,0	7,0	3,4	5,8	3,7	5,9	8,6
Другое	2,1	2,4	1,5	0,0	1,8	2,1	1,6	0,0	3,3	1,9	2,6	8,6
У меня нет опасений потерять работу	71,0	74,1	63,6	50,0	73,0	79,8	68,9	41,4	65,8	74,1	64,7	57,1

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Подводя итог, основываясь на данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2018 год, скажем, что у населения старших возрастов в основном наблюдалось удовлетворительное состояние здоровья, что проявлялось как в распространенности незначительных недугов, так и в болезнях, приводящих к невозможности работать.

Обобщая полученные результаты, отметим следующее: новизна исследования заключается в использовании концепции качественных характеристик населения, которая лежит в основе индексного подхода к их анализу, в частности к оценке физического и психического здоровья, а также социальной активности населения. Подобный подход применим для анализа качественных характеристик как населения в целом, так и отдельных групп, например лиц старшего возраста. Использование данного подхода позволило выявить, что принадлежность населения к старшей возрастной группе сопровождалась невысокими значениями индексов потребности в достижении и социальной активности. Плохое и очень плохое состояние здоровья у части населения старшего возраста усиливало негативный эффект, который проявлялся в более низких значениях социальной активности и потребности в достижении (как составляющей социальной активности), чем в среднем по данной возрастной группе.

Определено, что наименьших значений социальная активность достигала в случаях, когда одновременно выполнялись два условия — были ниже медианных как значения индекса физического здоровья, так и, например, индексов когнитивного и творческого потенциалов. В то же время наибольшие значения социальная активность принимала в противоположном случае, когда рассматриваемые индексы оказывались выше медианных значений. В промежуточных ситуациях, если значения одних индексов ниже медианных, а других, напротив, выше, было установлено, что социальная активность выше в случаях, когда показатели когнитивно-

го и творческого потенциалов превосходили медианный уровень, а физического здоровья, напротив, его не достигали. Это косвенно характеризует важную роль когнитивных и творческих аспектов в обеспечении высокой социальной активности, высокого уровня трудового потенциала [49, с. 62].

В статье показано, что население старшего возраста играет важную роль в экономической жизни общества [50, с. 14–15]. Так, у населения старшего возраста с отличным и хорошим состоянием здоровья наблюдаются наибольшие значения индексов когнитивного и интеллектуального потенциалов по сравнению с респондентами других возрастных групп с аналогичным здоровьем. Наименьшие значения индексов выявлены по физическому, психическому здоровью и коммуникабельности. Если рассматривать группу населения старшего возраста с удовлетворительным состоянием здоровья, то закономерны невысокие значения индексов физического и психического здоровья, в то время как наибольшие значения, напротив, достигались по когнитивному потенциалу, коммуникабельности и нравственному уровню. Тем самым можно отметить, что у населения данной возрастной группы конкурентным преимуществом являются достаточно высокий когнитивный и интеллектуальный потенциалы. В таких условиях ожидаемо, что среднемесячная заработная плата у респондентов старшей возрастной группы с удовлетворительным состоянием здоровья оказывается соразмерна заработной плате молодежи с аналогичным состоянием здоровья. В том же случае, когда речь идет о респондентах старшего возраста с отличным и хорошим здоровьем, их заработная плата оказывается соразмерна заработной плате населения среднего возраста. Следовательно, если вести речь о «проигрыше» в материальном плане, то он по сравнению с другими рассматриваемыми группами незначителен. «Проигрыша» в производительности труда вообще не наблюдалось, она являлась наибольшей среди всех групп.

Литература

1. Fernandez-Ballesteros R. Quality of Life in Old Age: problematic issues. *Applied Research in Quality of Life*, 2011, vol. 6 (1), pp. 21–40. DOI: 10.1007/s11482-010-9110-x

2. Потехина И.П., Чижов Д.В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3–23.
3. Бараненкова Т.А. Старение населения и его социально-экономические последствия // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 2. С. 47–64.
4. Gerino E., Marino E. Quality of Life in the Third Age: a Research on Risk and Protective Factors. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 187, pp. 217–222. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.041
5. Walker A.A. European perspective on quality of life in old age. *European Journal of Ageing*, 2005, vol. 2 (1), pp. 2–13. DOI: 10.1007/s10433-005-0500-0
6. Коган В.З. Человек в потоке информации. Новосибирск: Наука, 1981. 186 с.
7. Модернизация социальной структуры современного российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 2008.
8. Social isolation, loneliness, and all-cause mortality in older men and women / A. Steptoe et al. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 110 (15), pp. 5797–5801.
9. Cassell J. The contribution of the social environment to host resistance. *American Journal of Epidemiology*, 1976, vol. 104, pp. 107–123.
10. Cohen S., Syme S.L. *Social support and health*. New York: Academic Press, 1985.
11. House J.S., Landis K.R., Umberson D. Social relationships and health. *Science*, 1988, vol. 241, pp. 540–545.
12. Песоцкая Е.Н. К проблеме построения теоретико-методологических оснований теории социальной активности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 150–157.
13. Фролов Д.Е. Ценностно-оценочная концепция социальной активности личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-otsenochnaya-kontseptsiya-sotsialnoy-aktivnosti-lichnosti/viewer> (дата обращения 15.03.2020).
14. Балабанов С.С., Куконков П.И. Метаморфозы социальной активности в реформируемой России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 12–16.
15. Купрейченко А.Б. Проблема определения и оценки социальной активности // Психология индивидуальности: материалы IV Всерос. науч. конф. М.: Логос, 2012. С. 181–182.
16. Купрейченко А.Б., Моисеев А.С. Взаимосвязь социальных ценностей и стратегий как элементов социального самоопределения // Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2010. С. 332–333.
17. Палаткина Г.В., Азизова Л.В. Структурные компоненты социальной активности // Теория и практика общественного развития. Педагогические науки. 2012. № 7. С. 85–87.
18. Коморникова О.М. Социальная активность и ценностные ориентации. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32456/1/klo_2015_30.pdf (дата обращения 15.03.2020).
19. Скалабан И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. Новосибирск: НГТУ, 2015. С. 258.
20. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
21. Сокольников Ю.П. Общая концепция исследования «Диалектика общечеловеческого и национально-особенного в воспитательно-образовательных системах современного общества». Чебоксары: ЧРИО, 1995. 42 с.
22. Фролов Д.Е. Системный анализ социальной деятельности и активности личности (компонентный и структурный аспекты). М., 1984. 179 с.
23. Харланова Е.М. Социальная активность студентов: сущность понятия. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/4/pedagogika/harlanova.pdf (дата обращения 18.03.2020).
24. Купрейченко А.Б. Проблема детерминации общественной активности россиян. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/26/1233212546/%D0%BA%D1%83%D0%BF%D1%80.pdf> (дата обращения 20.03.2020).
25. Шамионов Р.М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.

26. Карпова Т.П. Социальная активность молодежи: пути ее повышения. URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2018/12/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0_81_88.pdf (дата обращения 18.03.2020).
27. Шамионов Р.М., Григорьева М.В. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Саратов. ун-т, 2012. 384 с.
28. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings / N. Shiratuddin, S. Hassan, M.A. Mohd Sani et al. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 2017, vol. 25, pp. 1–19.
29. Сулова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307
30. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies / C.L. Brown, L.E. Gibbons, R.F. Kennison et al. *Journal of Aging Research*. 2012. DOI: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/287438>
31. McFarland D.A., Thomas R.J. Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation. *American Sociological Review*, 2006, vol. 71 (3), pp. 401–425.
32. Oosterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement. *Youth & Society*, 2017, vol. 49 (7), pp. 947–967.
33. Зайцева М.А. Основные направления изучения проблемы формирования социальной активности учащихся в педагогической теории во второй половине XX века // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 1 (54). С. 8–13.
34. Сергиенко А. М. Активность населения на рынке труда: тенденции и механизмы трансформации в регионах Сибири в годы рыночных реформ: монография. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 298 с.
35. Пионтовский И.Н. Факторы, определяющие трудовую активность лиц старшего возраста // Креативная экономика. 2011. № 10. С. 56–60.
36. Бондаренко И.Н. Основные факторы оптимизации процессов социокультурной адаптации пожилых людей // Старшее поколение в пространстве и времени российской культуры: дайджест исследований Московского университета культуры и искусств по проблемам социально-культурной деятельности пожилых людей. М., 2003. С. 44–57.
37. Васильчиков В.М. Социальные услуги гражданам пожилого возраста на условиях повышения качества жизни // Пожилые люди: социальная политика и развитие социальных услуг. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2003. Вып. 2. С. 144–162.
38. Владимиров Д.Г. Старшее поколение как фактор экономического развития // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 57–60.
39. Саралиева З.Х.-М. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 54–65.
40. Дмитриев А.В. Социальные проблемы людей пожилого возраста. Л.: Наука, 1980. 118 с.
41. Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79.
42. Козлова Т.З. Социальное время пенсионеров: этапы самореализации личности. М.: ИС РАН, 2003. 228 с.
43. Писарев А.В. Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 51–56.
44. A Systematic Review of Loneliness and Common Chronic Physical Conditions in Adults / T. Petite, J. Mallow, E. Barnes, A. Petrone, T. Barr, L. Theeke. *Open Psychology Journal*, 2015, vol. 8 (2), pp. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.2174/1874350101508010113>
45. Millán-Calenti J. Prevalence of functional disability in activities of daily living (ADL), instrumental activities of daily living (IADL) and associated factors, as predictors of morbidity and mortality. *Archives of Gerontology and Geriatrics*, 2010, vol. 50, pp. 306–310. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.archger.2009.04.017>
46. Decline in the performance of activities of daily living over three years of follow-up in nonagenarians: the Nona Santfeliu study / F. Formiga, A. Ferrer, J. Espauella, A. Rodríguez-Molinero, D. Chivite, R. Pujol. *European Geriatric Medicine*, 2010, vol. 1, pp. 77–81. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurger.2010.03.007>

47. Relationship between performances of 10-time-repeated sit-to-stand and maximal walking tests in non-disabled older women / N. Yanagawa, T. Shimomitsu, M. Kawanishi, T. Fukunaga, H. Kanehisa. *Journal of Physiological Anthropology*, 2016, vol. 36 (2), pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40101-016-0100-z>
48. Berkman L.F., Syme S.L. Social networks, host resistance, and mortality: A nine-year follow-up study of Alameda County residents. *American Journal of Epidemiology*, 1979, vol. 109, pp. 186–204.
49. Cohen S. Social relationships and health. *American Psychologist*, 2004, vol. 59, pp. 676–684. DOI: [doi:10.1037/0003-066X.59.8.676](https://doi.org/10.1037/0003-066X.59.8.676)
50. Chen Y., Feeley T.H. Social support, social strain, loneliness, and well-being among older adults: an analysis of the Health and Retirement Study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2014, vol. 31 (2), pp. 141–161. DOI: [doi:10.1177/0265407513488728](https://doi.org/10.1177/0265407513488728)
51. Утеева Э.Н. Методологические подходы к адаптации пожилых людей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 111–117.
52. Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2009. № 2 (10). С. 57–67.
53. Суслова Т.Ф. Адаптация пожилого человека к посттрудоуемому периоду // Казанские науки. 2011. № 2. С. 263–266.
54. Mossey J.M., Shapiro E. Self rated health: a predictor of mortality among the elderly. *American Journal of Public Health*, 1982, vol. 72, pp. 800–808.
55. Решетников А.В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг // Экономика здравоохранения. 2000. № 12. С. 5–19.
56. Устинова К.А., Чекмарева Е.А. Влияние уровня развития навыков на трудовой потенциал, его реализацию и выбор рабочих мест // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 726–740.
57. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 107 с.
58. Леонидова Г.В., Панов А.М. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 3 (65). С. 60–70.
59. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 2 (70). С. 7–17.

Сведения об авторах

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Александра Николаевна Гордиевская – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru)

Ustinova K.A., Gordievskaya A.N.

Influence of Health Status on Social Activity of Older Population

Abstract. The economy suffers losses not only because of premature death but also due to poor health. It may lead to complete, or partial, loss of working capacity and the decrease of social activity. These problems affect all population groups, but it is the most common among older citizens. This situation requires the implementation of measures to maintain health and stimulate the efficient usage of older people's labor potential. In this regard, the purpose of this article was to analyze the impact of health status on social activities of older population. The information base of the study included data of monitoring concerning the quality of labor potential among population of the Vologda Oblast for 2018.

Methodological aspects of the study are based on the concept of population's qualitative characteristics and the index approach, which was used to assess the status of health and social activity. It is shown that people who belong to older age group, in comparison with other groups, have low values of the need index concerning the achievement and social activity. In all selected age groups, lowest values of social activity were observed in cases when two conditions were simultaneously met: they were lower than median values of the physical health index and, for example, cognitive and creative potentials. It is revealed that social activity is higher in cases when indices of cognitive and creative potentials exceed the median level, but the physical health index, on the contrary, does not reach it. It indirectly characterizes the important role of cognitive and creative aspects in ensuring high social activity. The study determined that population of older age group has a competitive advantage which concerns a sufficiently high level of cognitive and intellectual potentials that partially compensate for low physical and mental health. It is shown that, in comparison with other studied age groups, the "loss" is insignificant in material terms, and the "loss" in labor productivity was not recorded at all.

Key words: older population, health, social activity, need to achieve.

Information about the Authors

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Volodga, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Volodga, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu85@mail.ru)

Статья поступила 24.04.2020.

Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества

**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: k474671@list.ru
ORCID: 0000-0002-2892-3953; Researcher ID: O-6734-2017

**Станислав Викторович
КАРГАПОЛОВ**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, пр. Университетский, д. 100
Региональный школьный технопарк Астраханской области
Астрахань, Российская Федерация, 414056, ул. Анри Барбюса, д. 7
E-mail: avestas@list.ru
ORCID: 0000-0003-2006-2164

**Юлия Александровна
ДАВЫДОВА**

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация, 117997, Стремянный пер., д. 36
E-mail: Davydova.YA@rea.ru
ORCID: 0000-0001-5660-328X

**Надежда Васильевна
ДУЛИНА**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, пр. Университетский, д. 100
E-mail: nv-dulina@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-6471-7073

Для цитирования: Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества / Е.В. Каргаполова, С.В. Каргаполов, Ю.А. Давыдова, Н.В. Дулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 193–210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13

For citation: Kargapolova E.V., Kargapolov S.V., Davydova Ju.A., Dulina N.V. Information competences of young people within digitalization of society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no 3, pp. 193–210. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.13

Аннотация. Молодежь является объектом и субъектом общественных отношений. Актуальность работы заключается в необходимости исследовать готовность молодежи к стремительным, непредсказуемым и зачастую манипулятивным по характеру воздействиям цифровизации общества; выявить уровень и особенности информационных компетенций авангарда молодежи – студентов вузов, которые в силу своего основного рода деятельности (учебы) должны приобщаться к ценностям цифрового общества и культуры не просто как рядовые потребители, но как активные и грамотные пользователи. Научная новизна работы состоит в анализе противоречивых изменений, происходящих под влиянием цифровизации во всех сферах общественной жизни и личности молодого человека. На основе результатов социологического исследования, проведенного с 2014 по 2019 год среди студенчества вузов Астрахани, Волгограда и Москвы, зафиксировано противоречие между необходимым для успешной адаптации к жизни в цифровом обществе и имеющимся уровнем информационных компетенций студенчества вузов России: большая часть опрошенных демонстрирует уровень пользователя, лишь у незначительной доли респондентов выявлены компетенции создателя ИКТ. Кроме того, снижается частота входов в интернет для учебной и профессиональной деятельности при повышении числа входов с целью досуга и получения удовольствия. Указанная тенденция может отражать как дисфункции онлайн-образования, так и деструктивные проявления цифровизации российского общества. Кроме того, представителей данного поколения молодежи можно назвать цифровыми мигрантами, которые осваивают язык интернета так же, как мигранты – язык страны пребывания, поэтому в течение жизни они вряд ли будут использовать потенциал ИКТ полностью. Их социальный капитал складывается во многом из других источников.

Ключевые слова: молодежь, цифровизация общества, информационные компетенции, студенчество.

Введение

Молодежь – это не только объект, но и субъект общественных отношений, от которого зависит будущее страны. Она выступает как авангард распространения инноваций (например, электронных технологий). В настоящий момент в российском обществе разворачивается новый этап информатизации – цифровизация. В таких условиях молодой человек имеет дело не с отдельной информационно-коммуникационной технологией, а с информационно-аналитической (информационно-экспертной) системой, представляющей собой комплекс взаимосвязанных технологий [1]. Происходящие технологические перемены и их влияние на общество в целом и на молодежь как социально-демографическую группу стремительны и непредсказуемы, в связи с чем также весьма стремительно появляется терминология, сквозь призму которой исследователи пытаются осмыслить кардинальные общественные трансформации – «постиндустриальное общество», «информационное общество», «общество знаний», «информатизация»... Сейчас цифровое общество входит в повседневную жизнь моло-

дых людей властно, всеобъемлюще, изменяет ее зачастую манипулятивными способами (то есть когда молодой человек не предупрежден, не имеет представления о последствиях).

По данным Европейской комиссии 2017 года, важнейшим индикатором цифровизации (наряду с подключением абонентов к интернету (фиксированная широкополосная связь, мобильная широкополосная связь, скорость и доступность по цене), использованием интернета (контент, связь и транзакции), интеграцией цифровых технологий (цифровизация бизнеса и электронная торговля) и цифровыми государственными услугами (электронное правительство)) является человеческий капитал, а именно цифровые компетенции [2].

Исследователи расходятся во мнениях по поводу содержательных характеристик концептов «цифровизация общества», «цифровое общество» и их соотношения с сопряженными понятиями «постиндустриальное общество» [3], «информационное общество» [4], «сетевое общество» [5], «цифровой капитализм» [6], «"подглядывающий" капитализм» [7]. Употребляется

также термин «гибридный мир», который характеризуется слиянием виртуальной и реальной сред на основе оцифровки всего окружающего мира, включая бизнес-процессы; биоматериалы окружающего мира и человека, полной информации о человеке [8]. Не ясно в связи с этим и содержание понятия «цифровые компетенции».

Логика наших размышлений о противоречивых вызовах цифровизации в различных сферах общественной жизни обусловила выбор термина «информационные компетенции» для реализации цели исследования. Хотелось бы отметить, что существуют различные точки зрения по вопросу о соотношении понятий «цифровые компетенции» и «информационные компетенции». Так, некоторые ученые считают, что понятие «цифровые компетенции» включает в себя понятие «информационные компетенции», каждое из них связано с определенным этапом развития общества – информационного, цифрового [9]. Существует исследовательское мнение, когда информационные компетенции понимаются максимально широко – как навыки деятельности по отношению к информации в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире [10, с. 45–46; 11, с. 52]. При таком широком понимании необходимо уточнить ключевое понятие – «информация». В обыденных представлениях информация может пониматься как весь поток сообщений. Но, по авторитетному мнению К.Э. Шеннона, информация – это сообщения, которые уменьшают неопределенность у потребителя [12]. В этом же ключе Н. Винер анализирует количество информации в системе как меру ее организованности [13, с. 56]. Ряд исследователей определяет информацию как главное духовное содержание [14], конституирующее структуру социальной системы [15, с. 63]. Таким образом, информационные компетенции – универсальная характеристика личности, обеспечивающая способность к деятельности по определению главного содержания системы, установлению связей с самыми различными формами человеческой жизни на основе творчества, целеполагания. Цифровые навыки являются составляющей информационных компетенций.

Цель представленной статьи – проанализировать уровень и особенности информационных компетенций студенческой молодежи вузов. Для реализации цели следует решить ряд задач:

1) изучить влияние цифровизации на различные стороны общественной жизни как спектр вызовов, предъявляемых к содержанию информационных компетенций молодежи;

2) на основе результатов конкретного социологического исследования определить:

– уровень информационных компетенций молодежи – уровень пользователя, уровень создателя ИКТ;

– особенности информационных компетенций данного поколения молодежи, определяемых спецификой деятельности по выбору источников информации.

Каковы же в наиболее общем приближении контуры цифрового общества, в котором будет существовать современный человек, какие информационные компетенции, знания, умения, навыки, ценности представитель молодого поколения должен приобрести уже сейчас, сидя за школьной партой, в аудитории вуза или колледжа, для того чтобы не только успешно адаптироваться к окружающей социальной действительности, но и творчески воссоздавать, преобразовывать ее? Именно способность к творчеству, преобразованию, развитию – проявление сущности Человека-личности, а не просто человека как биологического существа.

Без сомнения, цифровое общество – это сложная техносоциальная система [16, с. 42], в которой стремительно изменяющиеся технологии во многом детерминируют режимы деятельности, поведения, способы мышления и даже рамки (границы) реального/виртуального, материального/идеального, человеческой телесности и сознания. Как отмечают исследователи, «цифровизация – это трансформация, а технологии – это инструменты, с помощью которых она будет происходить. Важно отметить, что эти преобразования зависят от широкомасштабного внедрения технологий. Некоторые из этих технологий уже существуют и применяются в различной степени, например, мобильный Интернет, Интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (AI)... Другие существуют, но еще не приняты в таком масштабе, который необходим для оказания сколько-нибудь значи-

мого влияния на наш образ жизни, например, трехмерная (3D) печать и геномика следующего поколения» [17]. Перечень технологий пополняется, но сущность цифрового общества как нового этапа развития общества информационного заключается в том, что в нем «деятельность реализуется через цифровое представление объектов... Процедуры преобразования объектов разной природы в цифровую форму (цифровую модель) и обратно стали возможны благодаря достижениям в области цифровой информационной технологии и могут использоваться и уже используются практически в любых областях деятельности людей». Через создание цифровой модели материального или нематериального объекта создается новый материальный или нематериальный объект [18, с. 198], новая техноцифровая форма существования [19, с. 178], которая трансформирует все сферы общественной жизни и самого человека.

Так, например, изменяются характеристики экономических отношений, в частности механизм формирования рыночной стоимости, рыночные бизнес-модели интегрируются в виртуальный (цифровой) сектор; значительно сокращается число посредников; увеличивается значение индивидуального подхода к формированию продукта; происходит разделение «аналоговой» и «виртуально-цифровой» экономик; появляются сети связи пятого поколения. «Дублирование “одинаковости” бизнес-ниш в интернете порождает высокую конкуренцию, поэтому формируется экономика сверхвысоких имиджей и сверхвысоких уровней рейтинга. Появляются одноранговые модели взаимодействия (клиент-клиент), которые реализуются с помощью цифровых сервисов-платформ (Uber, BlaBlaCar, BelkaCar, Airbnb и др.); экономика, основанная на модели Win-Win, когда выигрывают обе стороны: с одной стороны – владельцы активов, которые могут отдать их в аренду за вознаграждение, с другой стороны – потребители активов, которые краткосрочно арендуют актив для решения конкретной задачи в краткосрочном периоде». Происходит трансформация управления – из централизованного к децентрализованному; меняется функция денег, когда контракт и деньги – единое целое, что может привести к крипто-социализму. «В этом типе общества оцифровываются экономические отношения, во взаимоотношениях

субъектов все нацелено на то, чтобы сократить комиссию издержек» [8, с. 591–592].

Предполагается, что изменятся также принципы управления людьми, трансформируется институционально-регулятивная сфера. Экспертные системы «позволят в ближайшем будущем создать среду высокотехнологичной цифровой платформы государственного управления, которая обеспечит минимизацию человеческого фактора, сопутствующей ему коррупции и ошибок, автоматизирует сбор статистической, налоговой и иной отчетности, обеспечит принятие решений на основе анализа реальной ситуации» [20, с. 280].

Ряд исследователей рассматривает процессы цифровизации в экономике в позитивном, даже радужно-позитивном плане; подчеркивается открытость, прозрачность цифровых коммуникаций в экономике, их роль в создании качественно новой социокультурной среды, социальных лифтов, стирании географических границ, что позволяет жителям удаленных населенных пунктов получить качественное образование, повысить квалификацию и найти работу [21–27]. Как отмечает Н.М. Абдикеев, «определяющими факторами развития становятся когнитивная и креативная человеческая составляющая технологических процессов и интеллектуализация производства. Стержнем нового хозяйственного уклада, развивающегося на основе информационных технологий, выступает интеллектуальная деятельность, которая перестает быть приложением и придатком машинного производства материальных благ» [28, с. 25–26]. Но, по мнению Т.Н. Юдиной, целостного осмысления цифровой экономики, формирование которой идет третий год в России, не произошло: цифровая экономика – это формирующаяся система, а возможно, и *антисистема* «производственных и/или экономических отношений, которая может функционировать и *без непосредственного участия человека* в сфере производства как Индустрии 4.0 (киберсистемы вкупе с “интернетом всего”), виртуального распределения, обмена посредством цифровых платформ и индивидуализированного потребления» [29, с. 7] (курсив авторов). Мнение о том, что цифровая экономика может стать антисистемой, существующей без человека, в какой-то степени подтверждается существованием на современном рынке труда явления, свидетельствующего (в терми-

нологии К. Маркса) о масштабах отчуждения труда, – парадокса производительности труда (productivity paradox): Цифровые технологии выступают как фактор-провокактор, который хотя и повышает производительность труда, но замедляет темпы ее роста, что и наблюдается в последние десятилетия [30].

Не вполне ясна гуманность последствий цифровизации в социально-экономической сфере общества, в частности в обеспечении занятости населения. С одной стороны, внедрение в производство цифровых технологий приводит к созданию новых рабочих мест (например, в США одно рабочее место в отрасли ИКТ создает почти пять новых рабочих мест в других отраслях). Но, с другой стороны, «доступ к всемирной паутине в 2015 г. имело свыше 80% населения в развитых странах и лишь около 30% среди развивающихся... Немаловажным остается и риск того, что в процессе т. н. естественного экономического отбора (например, в условиях гонки за потребителем) многие игроки на рынке цифровых технологий прибегают к политике демпинга цен, таким образом наращивая потребительскую базу, т. е. создается риск монополизации конкретной отрасли, риск концентрации... Интересен тот факт, что с внедрением цифровых технологий не только растет значимость высококвалифицированного персонала (предприятия стремятся нарастить их долю в своем штате сотрудников), но и повышается доля низкоквалифицированных сотрудников. Цифровые технологии, которые пришли на место стандартных, рутинных трудовых обязанностей, теперь вытеснили их, заставив малоквалифицированный персонал покинуть рабочее место или перейти на менее квалифицированное (менее оплачиваемое) рабочее место. При этом доля основной части рабочего класса (т. е. речь идет о среднем классе населения) падает, налицо усиление неравенства в доходах в мировом масштабе» [31, с. 5–6]. В ближайшие десять лет только в России прогнозируется сокращение рабочих мест на 6,7 млн [32, с. 32].

Еще более туманны перспективы влияния цифровизации на сферу культуры. Технический потенциал современных медиа позволяет внедрять в массовое сознание новые установки, связанные с технологиями манипуляций человеческим телом и поведением. Такие техно-

логии настолько революционны, что должны вызвать вопросы и ответы о границах дозволенного и недозволенного в этой области, должна быть сформирована система ценностей, новая культура, которая делает человека Человеком. Но если эта культура формируется на основе установок общества потребления, то актуализируется вечный вопрос: что такое истинные ценности, являющиеся фундаментом подлинного человеческого бытия, и как их отделить от псевдоценностей, в результате воздействия которых жизнь человека может стать только частью рынка биоматериалов?

Действительно, возникает новая форма культуры – электронная, цифровая. Пока еще она носит черты протокультуры, становящейся культурной системой, социального института [33–35]. Картография личной и общественной жизни в рамках этого типа культуры еще не ясна, не предложены модели идентификации личности [36]. В связи с этим исследователи высказывают мнение о том, что в настоящее время общественные системы представляют собой особые социально-технологические ландшафты, где современные тенденции цифровизации соседствуют с общепринятыми культурными ценностями [37; 38]. На наш взгляд, в данной ситуации возможна актуализация традиционных форм культуры даже у молодых людей, на которых цифровизация и ее идеология оказывают самое значительное влияние.

Каковы же требования, предъявляемые к личности молодого человека цифровизацией, какие социальные качества он должен получить и усвоить, чтобы социализация на этапе перехода от молодости к взрослости и затем к зрелости считалась успешной? По мнению С.А. Дятлова, требуются высокая квалификация, мобильность, креативность, значительный интеллектуальный капитал работника, который становится «главным фактором высокого динамизма глобальной информационной экономики и достижения успеха в условиях глобальной информационной гиперконкуренции, способствует уменьшению энтропии знаний, энтропии коммуникаций и экономической энтропии» [39, с. 17]. Этот работник обладает важнейшей компетенцией – компетенцией оценки времени как основного невозобновляемого ресурса экономики высоких скоростей [40, с. 47]. Как отмечают Н.В. Зубенко и Д.В. Лан-

ская, успешная социализация молодого человека заключается в преодолении цифровой отсталости как главного риска современности. И это возможно осуществить на основе качественно нового образования, которое как часть духовного производства выходит на первый план, опережая по важности и значимости материальное производство. Духовное производство призвано уравновесить высокие психологические, техногенные, информационные и антропогенные риски, угрозы, затраты и опасности технологической революции, связанной с шестым и седьмым технологическими укладами [41, с. 145–146]. А эти риски очень велики, среди них редукция аутентичного межличностного общения, формирование гибридной идентичности, «цифровой личности»; перенасыщение информационного пространства симулякрами; тотальный контроль над перемещениями и деятельностью человека в режиме реального времени; правовые риски, в частности использование персональных данных в мошеннических и незаконных целях; цифровое неравенство; отчуждающее влияние различных моделей так называемого эффективного менеджмента, усугубленного умной «цифровизацией» [42–48]. Т.Ф. Кузнецова также прогнозирует значительные изменения в гуманитарной сфере общественной жизни и подчеркивает важнейшую роль гуманитаризации «образовательного процесса на всех его уровнях и во всех формах. Неверно было бы ослаблять цифровую составляющую этого процесса, поскольку миросистемная конкуренция переходит из сферы экономики в сферу культуры и цифровое образование не дает защиты национальной безопасности в этом сегменте. Гуманитаризация и составляет контрфорс технократическому отношению к системе образования и дает возможность, не теряя направленность системы в будущее, не отказываясь от достигнутого Россией в сфере образования» [49, с. 34].

Обратимся к исследованию информационных компетенций студенчества вузов России. Выбор его в качестве целевой аудитории исследования не случаен. Студенчество вузов – это авангард молодежи, будущая управленческая элита страны. Для студентов учеба – приоритетный вид деятельности, ориентированный на приобщение к ценностям общества и культуры в целом и формирующегося цифрового обще-

ства в частности [50]. Причем подразумевается такое приобщение, на основе которого студенты не просто осваивают цифровые технологии как рядовые потребители, но и в дальнейшем занимаются их развитием как активные и грамотные пользователи.

Методика исследования

Под руководством С.В. Каргаполова среди студентов вузов Астрахани, Волгограда и Москвы было реализовано методом анкетирования социологическое исследование «Электронная культура студенчества вузов» (первый этап – май 2014 г., N = 750 чел.; второй этап – октябрь–ноябрь 2018 г., N = 1128 чел.) В марте 2019 года опрошены студенты вузов Москвы (N = 1240 чел.). Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество респондентов позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы. Обработка и анализ данных осуществлены с помощью SPSS 17.0. С учетом различия в сроках проведения исследования в столичном мегаполисе и городах Нижневолжского региона сравнение полученных результатов может быть только условным, но при этом межрегиональные сравнения достаточно ярко проявляют влияние особенностей конкретной локально-территориальной среды на процессы цифровизации. Среди таких особенностей можно назвать, например, территориальные условия выбора вуза, состояние региональной системы образования, специфику менталитета, жизненного мира населения региона [51]. Для реализации поставленной цели проанализированы ответы студентов на вопросы, свидетельствующие об уровне, особенностях их информационных компетенций, а именно: «Из каких источников Вы преимущественно получаете интересующую Вас информацию?», «Попадая в трудную ситуацию, Вы обычно в первую очередь обращаетесь к...?», «Легко ли Вам самому разобраться в интерфейсе программы, сайта или устройства?», «В каком возрасте Вы впервые воспользовались интернетом?», «В каком возрасте Вы впервые воспользовались социальными сетями?», а также на вопросы о частоте и целях использования, создания различных электронных ресурсов.

Результаты исследования

Как мы уже упоминали выше, информация определяет главное в духовном содержании системы. При этом источник (канал, средство) информации оказывает существенное влияние на специфику функционирования системы, в нашем случае – сознание, мышление людей и, соответственно, их способность к обработке, передаче и хранению информации [52–54]. Таким образом, информационные компетенции личности реализуются и в выборе источников информации. О специфике информационных компетенций молодого человека в электронном, цифровом обществе свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Из каких источников Вы преимущественно получаете интересующую Вас информацию?», который предполагал множественный (не более трех вариантов) выбор (табл. 1). Так, интернет в качестве источника информации указали подавляющее число опрошенных, и доля выбравших этот вариант растет. Но, что интересно, при приоритете интернета выросла также доля выбравших книгу как источник информации. И в Москве, мегаполисе, где все новшества (в нашем случае электронные технологии) должны распростра-

няться быстрее, доля обращений к книге даже в 2019 году не меньше, чем в городах юга России. На наш взгляд, это свидетельствует об актуализации у студенческой молодежи традиционных форм культуры в условиях становления электронной культуры.

Таким образом, не подтвердилось предположение о том, что новые масс-медиа играют не просто приоритетную, но доминирующую роль в социализации молодого поколения. Так, попадая в трудную ситуацию, около 60% студентов Астрахани и Волгограда обращаются к родителям и родственникам, каждый пятый – к друзьям и только каждый десятый – в поисковые системы интернета (табл. 2). То есть предпочтение отдается межличностному кругу общения, а не электронным коммуникациям. Кроме того, значительно выросла доля обращений к родственникам, друзьям, коллегам как источникам информации. Мы можем сделать вывод, что выбор конкретного источника информации ситуативно обусловлен. Даже среди студентов Москвы доля обращений к родственникам высока, хотя зачастую в мегаполисе не хватает времени на живое общение. Возможно, поэтому в трудной ситуации только 42,7%

Таблица 1. Ответы студентов на вопрос «Из каких источников Вы преимущественно получаете интересующую Вас информацию?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Астрахань		Волгоград		Москва
	2014	2018	2014	2018	2019
Телевидение	44,9	37,1 ↓	35,6	33,5	23,6
Интернет	90,6	95,4	95,4	98,0	95,4
Родственники, друзья, коллеги	37,1	53,2 ↑	46,9	61,4 ↑	50,6
Пресса (газеты, журналы)	10,6	8,0	10,6	5,1	6,8
Радио	9,4	5,8	8,4	5,3	4,5
Книги	24,1	29,4 ↑	27,4	32,2 ↑	28,8
Профессиональные и научно-популярные журналы	5,7	6,6	7,7	7,1	9,3

Таблица 2. Ответы студентов на вопрос «Попадая в трудную ситуацию, Вы обычно в первую очередь обращаетесь ...?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Астрахань 2018	Волгоград 2018	Москва 2019
К родителям	54,8	56,3	35,8
К родственникам	8,0	6,2	6,9
К друзьям	20,2	18,0	32,7
В поисковые системы интернета	10,6	8,9	14,5
В социальные сети	0,4	0,2	2,1
Затрудняюсь ответить	5,2	7,5	6,1
Отказ от ответа	0,7	2,0	1,9

студентов Москвы обращаются к родителям и родственникам, гораздо чаще — к друзьям и уже 14,5% в поисках ответов на трудные вопросы привлекают поисковые системы интернета, что приближается к 15-процентной социально значимой реперной точке. Отметим также, что у студентов Астрахани существенно снизилась доля выборов телевидения как источника информации, приблизившись к доле выборов этого источника волгоградцами. Среди студентов вузов Москвы число выбравших телевидение еще меньше, причем значительно.

В ходе второй волны исследования респондентам был задан вопрос, характеризующий информационные компетенции студенчества «Легко ли Вам самому разобраться в интерфейсе программы, сайта или устройства?». Вариант ответа «легко» выбрали около 60% опрошенных, вариант «легко, при наличии инструкций» отметил примерно каждый четвертый-пятый, вариант «вызывает затруднения, обращаюсь за помощью» — примерно каждый десятый. Вообще не может самостоятельно разобраться в интерфейсе статистически незначимая доля опрошенных — менее 3% (табл. 3). Отметим, что уровень цифровой грамотности, демон-

стрируемый студентами разных городов, статистически значимо не различается, хотя можно было предположить, что у студентов Москвы — мегаполиса, опрошенных к тому же на полгода позже, чем в Астрахани и Волгограде, он должен быть выше. Тем более что средний возраст первого выхода в интернет среди студентов Москвы составил 10,2, в Волгограде — 10,7, в Астрахани — 11,5 года. То есть, в нашем случае, чем меньше численность населения города и чем он дальше расположен от Москвы, тем выше возраст первого выхода в интернет. Та же самая тенденция прослеживается при анализе среднего возраста первого подключения к социальной сети: в Москве он составил 11,6, в Волгограде — 11,9, в Астрахани — 12,8 года.

Цифровая грамотность стала неотъемлемой составляющей информационных компетенций. Так, среди респондентов доля студентов, пользующихся интернетом и мобильным телефоном в последний год раз в день и чаще, приближается к 100%-ной отметке (табл. 4). Среди астраханцев наблюдается значительный рост показателя, связанного с использованием социальными сетями, в целом по массиву опрошенных частота обращений к социальным сетям сопоставима

Таблица 3. Ответы студентов на вопрос «Легко ли Вам самому разобраться в интерфейсе программы, сайта или устройства?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Астрахань 2018	Волгоград 2018	Москва 2019
Легко	58,2	57,2	59,5
Легко при наличии руководства, инструкций	27,6	26,8	27,1
Вызывает затруднения, обращаюсь за помощью	9,9	9,1	8,9
Вообще не могу самостоятельно разобраться	0,9	1,3	1,6
Затрудняюсь ответить	2,2	3,1	2,8
Отказ от ответа	1,2	1,3	0

Таблица 4. Ответы студентов на вопрос «Как часто Вы пользовались в последний год...?», % от числа опрошенных, выбравших вариант «раз в день и чаще»

Вариант ответа	Астрахань		Волгоград		Москва
	2014	2018	2014	2018	2019
Компьютером	86,1	61,7↓	91,4	67,6↓	52,8
Интернетом	91,8	95,1	96,0	94,5	94,0
Мобильным телефоном/смартфоном	93,9	96,3	94,9	95,6	94,6
Социальными сетями	74,7	91,9↑	90,5	89,8	92,2
Сайтами электронного правительства (государственных услуг, ГИБДД и т. п.)	3,7	6,8	3,8	3,5	7,7
Сеансами общения через интернет (Skype, WhatsApp и пр. мессенджерами)	11,8	60,0↑	20,8	40,1↑	59,1

с частотой использования интернета и мобильного телефона. Доля астраханцев, которые раз в день и чаще прибегают к мессенджерам для сеансов общения, выросла с 11,8 до 60%, что сопоставимо с аналогичным показателем, демонстрируемым студенчеством Москвы. Интересно, что в Волгограде (а среди студентов в нем подавляющее число обучающихся по техническим специальностям) рост данного показателя также существенный, но в 2018 году он оказался ниже, чем среди студентов Астрахани и Москвы.

Значительно снизилась доля респондентов, пользующихся компьютером. Его место заняли гаджеты, несмотря на то что возникает много вопросов, может ли гаджет полноценно заменить компьютер при выполнении всех учебных и профессиональных задач, прежде всего для студентов, обучающихся на технических специальностях. Необходимо отметить, что наименьшая доля пользующихся компьютером раз в день и чаще зарегистрирована среди студентов Москвы. Незначительно изменилась частота использования сайтов электронного правительства: один раз в месяц их посещает только каждый третий студент. Никогда не пользовались сайтами электронного правительства 11,5% опрошенных астраханцев, 9,3% волгоградцев, 6,6% москвичей.

Владение электронными технологиями в качестве пользователя – свидетельство минимального, но недостаточного в условиях цифровизации уровня информационных компетенций. Нормой для цифрового общества является такой уровень информационных компетенций, который позволяет при необходимости создавать электронные программы самостоятельно. По мнению исследователей, уровень создателя электронных программ, навыки программирования как на языках ассемблера, так и на языках «высокого уровня нужны не одним узким специалистам, поскольку способствуют формированию управленческих навыков, если задачу такого формирования решать серьезно» [55, с. 55]. Это требуется для приведения информационных компетенций в соответствие трендам становления цифровой экономики. «Прогнозируемые профессии будущего показывают возрастание роли и расширение границ применения программирования» [56, с. 986]. Осно-

ватель Давосского форума Клаус Шваб назвал программирование второй грамотностью [57]. Знание алгоритмов программирования в цифровую эпоху можно уподобить знанию азбуки. И так же как, например, алфавитная и иероглифическая письменности формируют особый стиль мышления людей, языки программирования детерминируют появление особого вычислительного, алгоритмического мышления с присущими ему навыками решения творческих задач, критического анализа, систематизации [58; 59]. Даже «у младших школьников, обучающихся программированию, увеличивается словарный запас, речь становится более богатой и эмоциональной», развиваются способности к творчеству [60, с. 144].

В ходе второй волны исследования студентам был задан вопрос «Как часто Вы в последний год создавали электронные программы?» Об уровне информационных компетенций респондентов свидетельствует то, что большинство из них выбрали вариант ответа «никогда» (табл. 5). Так, никогда не создавали электронные программы в учебной деятельности 21,1% опрошенных волгоградцев, 28,8% студентов Москвы, 35,2% студентов Астрахани, в профессиональной деятельности – 40,4, 44,2 и 48,6% соответственно, в повседневной жизни – 32,8, 43,5 и 44,3% соответственно. Никогда не создавали веб-сайты 45,1% студентов Москвы, 58,5% – Волгограда и 59,4% – Астрахани. Значительна (от 6,6 до 16% по различным вариантам ответов) также доля затруднившихся ответить на эти вполне конкретные вопросы. Судя по результатам, волгоградцы (а среди них, напомним, больше «технарей») чаще создают электронные программы, а студенты вузов Москвы – веб-сайты. Но даже среди «технарей» многие ни разу в жизни не делали этого, что вызывает вопросы относительно соответствия образовательных программ, материально-технического оснащения вузов условиям цифровизации. В целом же по массиву опрошенных информационные компетенции создателей ИКТ формируются в определенных видах деятельности только примерно у каждого третьего. При этом ежедневно обрабатывают фотографии или видео 16,5% студентов Астрахани, 9,5% – Волгограда, 18,5% – Москвы.

Таблица 5. Ответы студентов на вопрос «Как часто Вы в последний год...?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Создавали электронные программы			Создавали веб-сайты	Обрабатывали видео или фотографии	
	в учебной деятельности	в профессиональной деятельности	для облегчения повседневной жизни			
Раз в день и чаще	Астрахань	7,8	7,2	14,0	3,1	16,5
	Волгоград	6,4	6,2	15,7	1,1	9,5
	Москва	10,2	7,8	7,9	6,4	18,5
Два-три раза в неделю	Астрахань	12,1	8,4	7,7	1,9	19,9
	Волгоград	14,2	9,8	9,8	1,1	16,4
	Москва	13,0	8,6	7,8	6,2	26,5
Раз в неделю	Астрахань	10,3	6,1	6,1	1,6	16,5
	Волгоград	23,3	11,8	8,9	1,6	17,3
	Москва	12,9	8,3	7,7	6,1	18,2
Раз в месяц	Астрахань	10,6	6,4	6,9	4,6	19,6
	Волгоград	11,1	8,0	8,4	4	22,4
	Москва	12,1	7,2	9,1	5,6	20,2
Раз в полгода	Астрахань	8,4	6,2	4,6	6,5	10,8
	Волгоград	8,9	5,3	6,2	7,5	14,6
	Москва	10,4	8,8	8	15,1	7,9
Реже чем раз в год	Астрахань	6,8	6,2	5,8	14,8	7,2
	Волгоград	6,4	4,2	5,8	18,8	6,9
	Москва	0	0	0	0	0
Никогда	Астрахань	35,2	48,6	44,3	59,4	7,1
	Волгоград	21,1	40,4	32,8	58,5	10,2
	Москва	28,8	44,2	43,5	45,1	5,7
Затрудняюсь ответить	Астрахань	6,9	9,3	8,7	6,6	1,8
	Волгоград	8,4	14	12,2	7,3	2,4
	Москва	12,7	15,1	16	15,5	2,9

Определенные выводы об информационных компетенциях студенчества можно сделать и на основе анализа ответов на вопрос «С какими целями и как часто Вы пользуетесь интернетом?» (табл. 6). На первом месте оказался вариант ответа «для общения». Его доля особенно выросла среди астраханцев, превысив даже выбор данного варианта волгоградцами. Также среди астраханцев существенно увеличилось число выборов варианта «для досуга» (эта доля так же, как и в первом случае, равна доле выборов этого варианта студентами Москвы), тогда как среди волгоградцев оно осталось неизменным. Та же тенденция наблюдается по доле выборов варианта ответа «для удовольствия»: у астраханцев она увеличивается, в 2018 году равна доле выборов среди студентов Москвы в 2019 году. У волгоградцев она растет не так значительно, уступая Астрахани и Москве.

Интересные результаты получены относительно варианта ответа «для информации»: чаще его выбирали студенты Москвы, в Волгограде доля ответивших подобным образом снижается (хотя она уже в 2014 году была сопоставима с показателем Москвы), а в Астрахани остается неизменной. По мнению А.И. Воронова, при переизбытке информации (сообщений) происходит обесмысливание бытия через мозаику информационных схем-сюжетов. «Результатом этого может стать рождение класса адептов информационно-игровой культуры, основным лейтмотивом которого будет идея наслаждения информацией» [61]. Таким обра-

зом, исследователь считает, что современный человек оказался практически не готов к применению электронно-информационных технологий, предложивших «старый как мир метод имитации истины». Он предполагает в плане самого худшего варианта возможность формирования в недалеком будущем нового человека Homo-medium, характеризующегося истощенной нервной системой и внутренней безликостью, а также совершенной неспособностью поставить фильтры для входящей информации [61].

По мнению О.М. Зотовой и В.В. Зотова, переизбыток информации приводит к информационным перегрузкам, которые у студентов коррелируют «с симптоматикой стресса, особенно сильно это проявляется в эмоциональном и физиологическом компоненте стресса. Но если физиологически организм студентов еще справляется с последствиями информационных перегрузок, то в эмоциональном плане уже наблюдается проявление стрессовых явлений» [62, с. 108]. Необходимо подчеркнуть, что проблема информационного стресса пока еще не решена кардинально [63, с. 133]. Более того, метафорой, определяющей новый цифровой мир, становится понятие «информационное цунами» [64, с. 16].

В дальнейшем пристальном анализе нуждается и снижение частоты использования интернета для подготовки к учебным занятиям как в Астрахани, так и Волгограде. Отметим, что в 2014 году доля выборов этого варианта ответа

Таблица 6. Ответы студентов на вопрос «С какими целями и как часто Вы пользуетесь интернетом?», % от числа опрошенных, выбравших вариант ответа «раз в день и чаще»

Вариант ответа	Астрахань		Волгоград		Москва
	2014	2018	2014	2018	2019
Для работы	57,1	35,9 ↓	40,9	33,8 ↓	45,6
Для подготовки к учебным занятиям	69,8	60,3 ↓	79,0	71,4 ↓	63,7
Для информации	74,3	75,0	82,1	76,9	84,3
Для повышения профессионального уровня	34,3	26,3	26,8	25,3	36,6
Для досуга	64,1	80,1 ↑	76,3	76,1	80,5
Для общения	67,8	91,0 ↑	80,5	85,8 ↑	89,8
Для электронных платежей, покупок	6,1	24,8 ↑	8,6	20,2 ↑	33,5
Для творчества (создания произведений науки, литературы и искусства)	14,7	15,5	11,9	14,9	23,2
Для удовольствия	51,4	75,5 ↑	60,4	69,6 ↑	74,3
С научной целью	11,0	17,9 ↑	20,1	16,9 ↓	26,3
Для вложения денег	2,9	10,0 ↑	4,2	9,3 ↑	15,4
Для высказывания своей позиции	н/д	16,7	н/д	13,3	23,2

у волгоградцев была практически на 10% больше, чем в Астрахани. И в 2018 году волгоградцы чаще использовали интернет для подготовки к учебным занятиям, чем астраханцы. Можно было предположить, что в Москве, где сосредоточен «цвет» российских вузов и российского студенчества, доля выборов этого варианта ответа будет выше, чем в региональных вузах. Но (и это один из самых неожиданных итогов опроса) этот уровень оказался лишь немногим больше астраханского и уступил волгоградскому. Такой результат крайне важен при анализе, ведь он противоречит логике цифровизации, позиционированию вузов как центров распространения цифровых компетенций.

В Астрахани и Волгограде снижается частота использования интернета для работы (существеннее всего в Астрахани). Среди студентов вузов Москвы доля выборов этого варианта выше, так же как и ответа «для повышения профессионального уровня». Интересно отметить, что даже в Москве с указанными целями в интернет заходят раз в день и чаще только чуть более трети респондентов, в Волгограде и Астрахани – каждый четвертый, причем в Астрахани этот показатель с 2014 года существенно снизился, а в Волгограде остался неизменным. Возникает вопрос: что понимает студент под повышением профессионального уровня, почему не идентифицирует этот процесс с учебой в вузе, получением высшего образования, которое как раз в последние годы перестало официально именоваться профессиональным?

Также мы можем отметить, что выросла доля обращений к интернету с целью электронных платежей и покупок: в Астрахани и Волгограде один раз в день и чаще для этого заходит в интернет каждый четвертый, в Москве – каждый третий. Студенты вузов Москвы чаще пользуются интернетом для реализации творческого потенциала – создания произведений науки, литературы и искусства. Среди астраханцев повысилась частота выходов в интернет для реализации научных целей, однако выше всего доля этого варианта среди студентов Москвы. Студенты московских вузов гораздо чаще используют интернет для высказывания своей позиции, а также для вложения денег, хотя доля выборов последнего ответа существенно повысилась и в Астрахани, и в Волгограде.

Выводы

Таким образом, показано противоречивое влияние цифровизации на различные стороны общественной жизни. Вызовы, предъявляемые к содержанию информационных компетенций молодежи в цифровом обществе, заключаются в необходимости формирования вычислительного мышления с присущими для него навыками креативности, критического анализа, алгоритмизации, программирования. Для успешной капитализации своей деятельности в условиях цифровизации требуются компетенции создателя ИКТ. Вместе с тем значительная часть современной российской молодежи в лице ее авангарда – студенчества – демонстрирует минимальный уровень цифровой грамотности – уровень пользователя.

Особенности информационных компетенций студентов заключаются в том, что при выборе источников информации они в подавляющем большинстве обращаются к интернету, однако актуализируется и выбор обращений к первичному социальному окружению – родителям, родственникам, друзьям, а также к книгам (как носителям смыслов традиционных форм культуры). Полученные нами результаты объясняются спецификой исследуемого поколения «миллениум». Это дети, которые родились в конце 1990-х – 2002 гг. и находятся на стыке двух поколений – Y и Z. С одной стороны, такую молодежь исследователи называют цифровым, посттелевизионным поколением, так как оно является ровесником официального делегирования отдельным странам собственных доменов [65, с. 358; 66, с. 5]. С другой стороны, уникальность данного поколения молодых людей заключается в том, что их первичная социализация прошла под приоритетным влиянием семьи, а вторичная – под влиянием новых масс-медиа, о чем ярче всего свидетельствует возраст первого выхода в интернет и социальные сети. Пользуясь терминологией М. Пренски, это поколение можно назвать цифровыми мигрантами [67], которые осваивают язык интернета так же, как мигранты язык страны пребывания, поэтому они вряд ли смогут в течение своей жизни использовать потенциал ИКТ полностью. Их социальный капитал в значительной степени складывается из других источников [67; 68].

Безусловно, особенности социализации исследуемого нами поколения многое объясняют в полученных результатах. Но при этом в дальнейшем пристальном изучении нуждается тенденция снижения выходов в интернет для учебной и профессиональной деятельности при повышении выходов с целью досуга и получения удовольствия, поскольку она может свидетельствовать как о дисфункциях онлайн-образования (атрибута цифрового общества) [69; 70], так и деструктивных проявлениях цифровизации российского общества.

Можно сделать вывод о существенном несоответствии вызовов цифрового общества и информационных компетенций значительной части молодежи, демонстрирующей минимальный уровень цифровой грамотности – уровень пользователя, потребителя. В таких условиях необходимо развивать вычислительное (алгоритмическое) мышление на основе самоорганизации и самообразования. Одним из приоритетных направлений представляется также формирование электронной культуры – средства активного вовлечения личности в процессы цифровизации на основе ценностно-рефлексивного отношения к ИКТ.

Таким образом, практическая значимость работы заключается в анализе информационных компетенций авангарда молодежи – студенчества вузов – на основе исследования противоречивых вызовов цифровизации.

Результаты могут быть востребованы для прогнозирования процесса цифровизации современного российского общества. Кроме того, представляется возможным использовать их при разработке программ по развитию информационных компетенций, формированию электронной культуры студентов в процессе обучения в вузе. Однако создание методических рекомендаций по разработке подобных программ является задачей другого уровня, для ее решения требуется, прежде всего, привлекать потенциал аппарата административного управления.

Перспективы наших дальнейших исследований связаны с анализом информационных компетенций детей, предмолодежи и взрослых, с тем чтобы показать специфику работы с информацией в данных возрастных группах, с помощью эмпирических методов выявить различия между «цифровыми мигрантами» и «цифровыми аборигенами». При этом открытым остается вопрос о том, в какой степени электронные технологии оказывают влияние на цели, интересы, ценностные ориентации современной молодежи. В этом случае технологии можно назвать внешним фактором жизни и деятельности молодых людей, зачастую негативным. Или же технологии приобретут характер атрибута, социального качества современной молодежи, а информационные компетенции будут давать возможности для творческого преобразования жизни.

Литература

1. Zotov V.V., Zotova O.M. Information and communication competence: the relationship of concepts. *Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA)*. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 541–548.
2. Berlina A., Randall L. *Governing the digital transition in Nordic Regions: The human element. Nordregio*. 2019. Vol. 8. DOI: doi.org/10.30689/R2019:4.1403-2503
3. Сухарева М.А. От концепции постиндустриального общества к концепции экономики знаний и цифровой экономики: критический анализ терминологического поля // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 445–464.
4. Пяткин В.В., Колчин А.И. От информационного общества к цифровой экономике или к экономике знаний? // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1 (22). С. 244–246.
5. Михайлов Ю.М., Фашенко А.Н. «Сетевое» и «цифровое» общество в воззрениях современных зарубежных и отечественных теоретиков // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 22–27.
6. Полторакевич А.И. Информационное общество и цифровой капитализм // Постулат. 2018. № 10 (36). С. 74.

7. Юдина Т.Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» // Теоретическая экономика. 2018. № 4 (46). С. 13–17.
8. Буркальцева Д.Д., Тюлин А.С. Цифровое общество как следующий этап трансформации социально-экономических систем // Потенциал роста современной экономики: возможности, риски, стратегии: материалы V международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Семенова, М.Я. Парфеновой, Л.Г. Руденко. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. С. 589–594.
9. Табачук Н.П. Информационная, цифровая и SMART-компетенции личности: трансформация взглядов // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 4 (26). С. 133–141.
10. Тишкова И.В. Сущность и содержание понятий «компетенция», «информационная компетенция» в контексте Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // Поволжский педагогический поиск. 2015. № 3 (13). С. 44–47.
11. Виноградская М.Ю., Виноградский В.Г. Исследование информационной культуры через уровни информационной компетенции // Наука и мир. 2015. Т. 2. № 1 (17). С. 51–53.
12. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетики / пер. с англ.; под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1963. 828 с.
13. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
14. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=753&Itemid=52 (дата обращения 14.04.2015).
15. Социокультурное пространство региона: методология исследования / Н.В. Дулина [и др.]. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011. 132 с.
16. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 495 с.
17. Верзун Н.А., Колбанев М.О., Цехановский В.В. Примеры реализации обобщенной модели деятельности в цифровом обществе // Региональная информатика и информационная безопасность: сб. науч. трудов. СПб.: Санкт-Петербургское общество информатики, вычислительной техники, систем связи и управления, 2017. Вып. 3. С. 198–200.
18. Зубарев А.Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 177–184.
19. Боярчук Н.К. Цифровая система управления экономикой // Дистанционные образовательные технологии: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.Н. Таран. Симферополь: Типография «Ариал», 2018. С. 278–282.
20. Borda A., Bowen J.P. Smart cities and digital culture: models of innovation. *Museums and Culture*. Digital Springer Series on Cultural Computing In: Giannini T., Bowen J. (eds). Springer, Cham. 2019. Pp. 523–549. DOI: 10.1007/978-3-319-97457-6_27
21. Айба М.Ф. Влияние цифровых преобразований на экономику и жизнь граждан // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6. С. 39–43.
22. Бабаев А.Б., Егорушкина Т.Н., Швецов С.А. «Цифровая экономика» = «экономика коммунизма»? // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4. С. 5–9.
23. Дашенко Ю.Ю. Цифровая экономика как экономика будущего // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35-1. С. 18–19.
24. Жукова А.О. Инвестиции в цифровую экономику России // ПРО-Экономика. 2018. Т. 2. № 9 (11). С. 4.
25. Кислощаев П.А., Капитонова Н.В. Влияние цифровой экономики на обеспечение экономической безопасности реального сектора экономики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 9. С. 82–89.
26. Мякишев А.А. Цифровая экономика – единственная экономика современности // Цифровая трансформация образования: электр. сб. тезисов докладов I научно-практической конференции / ред. В.А. Богуш [и др.]. Минск: Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь, 2018. С. 468–472.

27. Абдикеев Н.М. Технологии когнитивного менеджмента в цифровой экономике // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 24–28.
28. Юдина Т.Н. Цифровой сегмент реальной экономики: цифровая экономика в контексте аналоговой // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 2. С. 7–18. DOI: 10.18721/JE.12201
29. Bart van Ark The Productivity Paradox of the New Digital Economy. *International Productivity Monitor, Centre for the Study of Living Standards*. 2016, vol. 31, pp. 3–18.
30. Грузин А.В. Развитие цифровой экономики и ее влияние на современное общество // Российский экономический интернет-журнал. 2018. № 3. С. 1–9. URL: <http://elib.fu.ru/art2018/bv1852.pdf> (дата обращения 12.10.2019).
31. Гретченко А.А. Сущность цифровой экономики, генезис понятия «цифровая экономика» и предпосылки ее формирования в России // Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 3 (31). С. 23–37.
32. Соловьев А.В. Культурная динамика информационного общества: от пост- к протокультуре // *Studia Culturae*. 2010. № 10. С. 329–357.
33. Ronchi A.M. *Cultural Content in the Digital Age*. Available at: <http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-540-75276-9> (дата обращения 19.11.2016).
34. Schwarz M. *E-Culture: crossovers and challenges*. Available at: <http://www.eculturefactory.de/eculturetrends/download/schwarz.pdf>, свободный (дата обращения 20.04.2015).
35. Bollier D. *The Future of Community and Personal Identity in the Coming Electronic Culture: a Report of the Annual Aspen Institute Roundtable on Information Technology* (3rd, Aspen, Colorado, August 18–21, 1994). Aspen Inst., Queenstown, MD, 1994. 57 p.
36. Lim S.S, Soriano C. *Asian Perspectives on Digital Culture: Emerging Phenomena, Enduring Concepts*. Routledge, January 2016. 214 p.
37. Дулина Н.В. Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2017. № 1-2 (6-7). С. 27–32.
38. Дятлов С.А. Сетевой интеллектуальный капитал в цифровой экономике // Экономический рост и приоритеты правовой политики: монография. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 17–23.
39. Журавлева Н.А. Цифровая экономика как основа экономики высоких скоростей // Транспортные системы и технологии. 2017. Т. 3. № 2. С. 47–49.
40. Зубенко Н.В., Ланская Д.В. Цифровая экономика как комплементарная часть экономики знаний // Проблемы общества и экономики, основанных на знании: инновации и неоиндустриализация: сб. науч. статей молодых исследователей / науч. ред. В.В. Ермоленко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. Т. 10. С. 139–147.
41. Выступление Лапина Н.И., Тихонова А.В. // Ученые записки ФНИСЦ РАН: матер. заседания Ученого совета / рук. науч.-издат. проекта М.К. Горшков. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2019. С. 52–55.
42. Плаголько Л.О. Угрозы личности, порожденные цифровой экономикой: направления и меры их нейтрализации в России // Стратегические коммуникации в современном мире: сб. мат-лов по результатам V и VI Международных научно-практических конференций, IV и V Всероссийских научно-практических конференций. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 428–433.
43. Колосова О.Ю. Человек и общество в новой цифровой реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 2. С. 78–81.
44. Листвина Е.В. Цифровое общество: антропологическое измерение // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 4. С. 41–43.
45. Сергеева О.В., Лактюхина Е.Г. Социальные аспекты цифровизации детской городской мобильности // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 4. Т. 17. С. 507–524.
46. Марьясов К.В. Правовые риски перехода к цифровому обществу и цифровой экономике в условиях современной России // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 726–731.

47. Федорченко С.Н. Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 189–203.
48. Плотицкина Н.В. Конструирование идентичности цифрового потребителя в современном обществе // Научные труды КубГТУ. 2018. № 10. С. 175–182.
49. Кузнецова Т.Ф. Цифровое общество в свете культурологии // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 1. С. 27–36. DOI: 10.17805/ggz.2018.1.2
50. Koshkin A.P., Novikov A.V. Social capital of students and faculty as a resource for improving the quality of education. *Espacios*, 2018, vol. 39, no. 23. С. 23.
51. Lezhebokov A.A., Lushnikov D.A., Gapich A.E., Istomina A.P., Pasler O.V. Socio-cultural development of the russian region: a socio-analytical dimension. *Quality – Access to Success*. 2018, vol. 19, no. S2, pp. 146–151.
52. Малышева Е.В. О влиянии телевидения на здоровье населения // Пермский медицинский журнал. 2006. № 2. С. 143–150.
53. Табурца В.А. Влияние гаджетов на психику ребенка: маркеры проблемы, спектр последствий // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 1826–1830.
54. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху интернета / пер. с англ. Б. Козловского. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.
55. Маликов Е.В. Языки программирования и управленческие навыки // Вестник ТГПУ. 2015. № 1 (154). С. 55–61.
56. Минина И.В., Петухова Т.П. О персонификации обучения школьников программированию // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. № 4. С. 986–993.
57. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
58. Мукашева М., Паевская Е.В. Семантическое влияние программирования на развитие мышления обучающихся: предпосылки, исследование и перспективы // Открытое образование. 2020. № 1. С. 45–55.
59. Каган Э.М. Обучение программированию как подход к развитию логического, абстрактного и вычислительного мышления у школьников // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2017. № 4. С. 442–551.
60. Рогожкина И.Б. Развивающий эффект обучения программированию: психолого-педагогические аспекты // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. № 2. С. 141–148.
61. Воронов А.И. Виртуальное и рациональное в антропологических горизонтах сознания // Записки Горного института. 2010. Т. 187. С. 171–173.
62. Зотова О.М., Зотов В.В. Информационные перегрузки как фактор стресса студентов вузов // Человек и его здоровье. 2015. № 4. С. 108–115.
63. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 129–142.
64. Табачук Н.П. Информационная компетенция личности в информационном цунами // *Global science. Development and novelty. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference*. Хабаровск: Л-Журнал. С. 16–19.
65. Сергеева О.В. Домашний телевизор. Экранная культура в пространстве повседневности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 162 с.
66. Бойко Н.Л. Молодежь эпохи Интернет на пороге взрослой жизни: социологический анализ // Социологический альманах. Минск, 2014. Вып. 5. С. 348–366.
67. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. *MSB. University Press*. 2011, vol. 9, no. 5.
68. *Youth, Identity and Digital Media*. Edited by D. Buckingham. Massachusetts, 2008. 206 p.
69. Dyba A. E-learning – innowacyjna metoda transfery I aplikacji wiedzy w edukacji // *Spoleczenstwo sieci. Gospodarka sieciowa w Europie srodkowej I wschodnie / pod red. S. Partyckiego*. Lublin: Wydawnictwo kul, 2011. Т. 2. С. 164–177.
70. Linde I. Virtual mobility – new stehs towards increasing student,s e-lerning possibilities // *Spoleczenstwo sieci. Gospodarka sieciowa w Europie srodkowej I wschodnie / pod red. S. Partyckiego*. Lublin: Wydawnictwo kul, 2011. Т. 2. С. 164–177.

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: k474671@list.ru)

Станислав Викторович Каргаполов — преподаватель, соискатель кафедры, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100), методист отдела «Кванториум», Региональный школьный технопарк Астраханской области (414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Анри Барбюса, д. 7; e-mail: avestas@list.ru)

Юлия Александровна Давыдова — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Davydova.YA@rea.ru)

Надежда Васильевна Дулина — доктор социологических наук, профессор кафедры, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100; e-mail: nv-dulina@volsu.ru)

Kargapolova E.V., Kargapolov S.V., Davydova Ju.A., Dulina N.V.

Information Competences of Young People within Digitalization of Society

Abstract. Young people are the object and subject of social relations. The relevance of the research is the need to study the readiness of young people for rapid, unpredictable, and often manipulative impacts of society digitalization. It is also necessary to identify the level and features of information competences of the youth's forefront — university students. They, by definition, due to their main activity — study, should share values of digital society and culture not just as ordinary consumers but as active and competent users. The scientific novelty of this work is the analysis of contradictory changes that occur under the influence of digitalization in all spheres of public life and a young person's personality. According to the results of the sociological study, conducted in 2014–2019, there was the contradiction between levels of information competences that are necessary and available for successful adaptation to life in digital society among Astrakhan, Volgograd, and Moscow's university students: most respondents possess the level of an ICT user, and only a small share of people has the competence of an ICT creator. Besides, the frequency of Internet logins for educational and professional activities decreases, and the number of Internet logins for leisure and pleasure increases. This trend may reflect dysfunctions of online education, which is an attribute of digital society, and destructive manifestations of Russian society digitalization. In addition, the current generation of young people is more like digital migrants who learn the language of the Internet as well as a migrant learn the language of a host country. Thus, they are unlikely to use the whole potential of ICT in their lives, their social capital is primarily formed of other sources.

Key words: youth, digitalization of society, information competences, students.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova — Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor of Department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: k474671@list.ru)

Stanislav V. Kargapolov — Teacher, Applicant of Department, Volgograd State University (100, Prospect Universitetsky, Volgograd, 400062, Russian Federation); Methodist of “Quantorium” Department,

Regional School Technopark of the Astrakhan Oblast (7, Anri Barbusa St., Astrakhan, 414056, Russian Federation; e-mail: avestas@list.ru)

Julia A. Davydova –Candidate of Sciences (History), Associate Professor of Department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: Davydova.YA@rea.ru)

Nadezhda V. Dulina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of Department, Volgograd State University (100, Prospect Universitetsky, Volgograd, 400062, Russian Federation; e-mail: nv-dulina@volsu.ru)

Статья поступила 25.02.2020.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.14
УДК 332.14:551.583, ББК 65.9:20.1
© Айгюн А., Байджан Т.

Оценка рисков, связанных с изменением климата, для городского сектора в Стамбуле

**Айсун
АЙГЮН**

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция, 34437, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла
Университет Памуккале
Памуккале, Денизли, Турция, 20160, кампус Кымниклы
E-mail: aaygun@pau.edu.tr
ORCID: 0000-0002-9403-7124; Researcher ID: AAP-3539-2020

**Тюзин
БАЙДЖАН**

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция, 34437, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла
E-mail: tbaycan@itu.edu.tr
ORCID: 0000-0001-6073-1188; Researcher ID: O-5347-2015

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в изучении рисков от изменения климата в городской системе Стамбула. Стамбул является крупнейшим городом в Турции по численности населения и наличию экономических возможностей, в связи с чем любой связанный с климатом риск будет разрушительным не только для города, но и для страны в целом. Городская система определяется на основе городских секторов, которые являются центрами деловой активности, управления, экологических систем, ресурсов и имеют решающее значение для жизнеспособности экономики и общественного здоровья города. Это также делает их уязвимыми перед климатическими катастрофами. С учетом стратегий развития Стамбула в области водных ресурсов, здравоохранения, энергетики, сельского хозяйства, транспорта, развития и землепользования, общественной безопасности, инфраструктуры, биоразнообразия и экологии, культуры,

Для цитирования: Айгюн А., Байджан Т. Оценка рисков, связанных с изменением климата, для городского сектора в Стамбуле // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 211–227. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.14

For citation: Aygün A., Baycan T. Risk assessment of urban sectors to climate change in Istanbul. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 211–227. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.14

материалов определены 11 городских секторов и 25 подсекторов. Руководство МСМЭИ (ICLEI-Local Governments for Sustainability – Международный совет по местным экологическим инициативам) предоставило инструкцию по оценке рисков для этих территорий и секторов «Подготовка к изменению климата: руководство для местных, региональных и национальных правительств». Данные получены в ходе глубинных интервью с городскими стейкхолдерами. Секторы ранжированы с учетом факторов риска для каждого из них. Результаты исследования позволили выявить городские секторы, подверженные большему и меньшему риску из-за последствий изменения климата. Определение рисков от изменения климата в жизненно важных секторах Стамбула является необходимым при принятии решений для разработки дальнейших стратегий по смягчению возможных последствий и адаптации к новым условиям.

Ключевые слова: изменение климата, оценка рисков, городская устойчивость, Стамбул.

1. Введение

За последние несколько десятилетий естественное изменение климата стало основной глобальной проблемой¹. Оно оказывает сильное воздействие на экосистемы, физические системы и связанные с ними действия человека [1]. Прогнозируется, что это влияние будет более серьезным в будущем. Изменение климата является критической угрозой для физической инфраструктуры и социальной среды городов. Оно затронет все городские системы, включая поселения, инфраструктуру и ресурсы [2; 3]. Уровень готовности городских районов к неблагоприятным последствиям изменения климата имеет решающее значение для сохранения жизнеспособности и защиты жителей, и первым шагом к подготовке является понимание рисков от изменения климата для городов. Таким образом, оценка рисков становится неотъемлемой частью устойчивости.

В Турции лишь недавно начало обсуждаться негативное воздействие изменения климата на страну, в связи с чем требуется разработать стратегию адаптации и смягчения его последствий [4]. Глобальная обеспокоенность по поводу изменения климата и усилия НКО привели к повышению осведомленности, однако Турции еще предстоит пройти долгий путь для достижения устойчивости к изменению климата. Ей нужны как национальные, так и местные стратегии² для создания более устойчивых структур.

¹ IPCC. Climate change 2001: synthesis report; a contribution of Working Groups I, II, and III to the third assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. 2001. Cambridge: Cambridge University Press

² Столичные города с высокой численностью населения являются важной частью этих стратегий.

В Турции развитие устойчивости – новая тема, путь ее развития еще не определен. В связи с этим мотивом к нашему исследованию послужила необходимость направить его к более устойчивой модели. Стамбул, как крупнейший мегаполис в Турции, должен стать лидером в разработке отказоустойчивой системы, основанной на четком знании рисков для города.

Целью исследования является оценка рисков от изменения климата в жизненно важной городской системе Стамбула. По этой причине 11 городских секторов (в области водных ресурсов, здравоохранения, энергетики, сельского хозяйства, транспорта, развития и землепользования, общественной безопасности, инфраструктуры, биоразнообразия и экологии, культуры, материалов) и 25 подсекторов (областей планирования) были определены для анализа в соответствии с Региональным планом ISTKA³, в котором рассматриваются стратегические секторальные направления развития Стамбула. Используется многомерная методология, предполагающая сбор данных из литературы и учреждений, глубинные интервью и расчет индекса оценки риска, по значению которого ранжируются секторы. Представленное исследование является частью всестороннего изучения развития устойчивости, включающего три составляющие: оценку уязвимости [5], оценку рисков и оценку приоритизации секторов Стамбула. Результаты статьи охватывают аспекты оценки риска.

В следующем разделе определены концептуальные рамки риска от изменения климата,

³ ISTKA (Istanbul Regional Development Agency). 2010-2013 İstanbul Bölge Planı, İstanbul. 2010.

факторы риска, его оценка. После обзора литературы в третьем разделе содержится тематическое исследование: сначала даются пояснения по секторам, данным и методологии исследования, а затем оценивается риск для каждого сектора и области планирования, делается вывод о ранжировании уровней риска для всех секторов. Последний раздел является заключением и дорожной картой для дальнейших исследований и планов. Все секторы рассматриваются с комплексной и многомерной точки зрения, что позволяет сделать выводы, сравнивающие и включающие все системы; тем не менее, каждый сектор в будущем может быть проанализирован более подробно.

2. Изменение климата и риск от него: концептуальная основа

Риск — это «возможность получения травмы или потери, определяемая как мера вероятности и серьезности неблагоприятного воздействия на здоровье, имущество, окружающую среду или другие ценные вещи»⁴. Согласно ISO 31010, общее определение риска — накопление «последствий опасности и вероятности ее возникновения»⁵. Управление ООН по снижению рисков стихийных бедствий⁶ определяет риск стихийных бедствий как «потенциальные потери от стихийных бедствий в жизни, состоянии здоровья, средствах к существованию, активах и услугах, которые могут произойти с конкретным сообществом или обществом в течение определенного периода времени в будущем». Все эти определения относятся к рискам стихийных бедствий как от климатических, так и неклиматических опасностей [6], при этом сосредоточены на «вероятности» возникновения катастрофы и «последствиях» опасности. Понимание климатического риска сходно с ними, однако он включает в себя только климатические опасности, такие как оползни, засухи, наводнения, повышение уровня моря,

пожары, ураганы, жара и т. д.⁷. Серьезность последствий в большой степени связана с уязвимостью системы [7].

Изменяющийся климат и пространственное размещение климатических рисков можно назвать важной темой для исследований [8], особенно в контексте городского развития. Ученые подчеркивают, что изменение климата в большей степени угрожает мегаполисам⁸ [9; 10], они являются центром климатических рисков в силу своих демографических структур, высокой плотности населения и концентрации культурных и экономических услуг. Природные риски, которые представляют угрозу в особенности для городской инфраструктуры, будут становиться более интенсивными [10]. Таким образом, риск от изменения климата может быть объяснен как взаимосвязь управления и природных опасностей. Решения, касающиеся землепользования и городского развития, влияют на уровень риска в случае стихийного бедствия. Социально-экономические последствия зависят от стратегий управления в зонах риска [7].

2.1. Факторы риска от изменения климата в городах

Города представляют собой сложные системы с различными взаимосвязанными службами, что приводит к столкновению с проблемами риска бедствий. Факторами, которые создают риск в городах, являются городское развитие, управление, инфраструктура, человеческая деятельность и проблемы координации между учреждениями. Быстрый рост и увеличение плотности городского населения создают нагрузку на землю и услуги. Разрастание городов и высокий спрос на градостроительство могут привести к расширению населенных пунктов в районах риска. С точки зрения управления концентрация ресурсов и возможностей в центре и неопределенность мер реагирования на стихийные бедствия на местном уровне ослабляют местное самоуправление и препятству-

⁴ Disaster Resilient Communities Initiative. Hazard, Risk and Vulnerability Analysis Tool Kit. Ministry of Public Safety and Solicitor General Provincial Emergency Program, 2004 British Columbia, p. 22.

⁵ European Commission. Commission Staff Working Paper: Risk assessment and mapping guidelines for disaster management. 2010. p. 10.

⁶ UNISDR (International Strategy for Disaster Reduction). Terminology: Disaster Risk Reduction. 2009 United Nations, Geneva, p. 25.

⁷ IPCC. Climate Change 2007: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. 2007. Cambridge University Press, Cambridge, UK, and New York, USA.

⁸ EEA (European Environment Agency). The European environment — State and outlook 2010 (SOER 2010). Understanding climate change. 2010. Copenhagen: European Environment Agency.

ют более эффективным действиям. Слабость местного самоуправления и недостаточное участие локальных стейкхолдеров в планировании и принятии решений могут ввести в заблуждение лиц, принимающих решения. Канализационные, дренажные системы, управление твердыми отходами и водными ресурсами могут привести к бедствиям и проблемам со здоровьем. Потеря природных ресурсов и экосистем из-за человеческой деятельности, например в результате загрязнения окружающей среды и разрастания городов, снижает потенциал полезных услуг от природы. Отсутствие скоординированных экстренных служб для подготовки к стихийным бедствиям или реагирования на них может нанести большой ущерб системе и гражданам⁹.

Изменение климата оказывает не только прямое влияние на города, проявляющееся, например, в более высокой среднегодовой температуре, повышении уровня моря, экстремальных погодных условиях¹⁰, но и косвенное (может быть даже значительнее) — вызывает проблемы со здоровьем и наносит ущерб зданиям и инфраструктуре. Системы в городах тесно связаны между собой и с другими городами и регионами, поэтому страдают от любого сбоя. Наводнения могут повредить жилые районы и бизнес-объекты и привести к потере рабочих мест и услуг, таких как техническое обслуживание, транспортировка или чистая вода. Периоды сильной жары наносят ущерб общественному здравоохранению, снижают работоспособность граждан и создают проблемы для различных служб и общественной жизни. Кроме того, повреждение дорог приводит к проблемам с поставками товаров. Все эти последствия могут оказать экономическое давление на город¹¹. Таким образом, адаптация к изменению климата требует более адекватного реагирования на риск и более устойчивого развития [1].

⁹ UNISDR. How to Make Cities More Resilient: A handbook for local government leaders. A contribution to the global campaign 2010-2015. 2012. Geneva.

¹⁰ UNFCCC (United Nations Framework Convention on Climate Change). Climate Change: Impacts, vulnerabilities, and adaptation in developing countries. 2007.

¹¹ EEA. Urban adaptation to climate change in Europe: Challenges and opportunities for cities together with supportive national and European policies, 2012, Copenhagen.

2.2. Связь между риском и устойчивостью

В последние годы на устойчивость обратили внимание многие ученые и политические деятели. Наблюдаемые воздействия климатических изменений, неопределенность и растущий риск сделали устойчивость главной темой для городов [11].

Согласно определению Управления ООН по снижению рисков стихийных бедствий¹², устойчивость — это «*способность системы, сообщества или общества, подверженных опасности, сопротивляться, поглощать, приспосабливаться к последствиям опасности и своевременно и эффективно устранять их, в том числе посредством сохранения и восстановления базовых структур и функций*». Это подразумевает способность противостоять бедствию и преодолеть его, а также готовность и возможность возместить ущерб. Устойчивое мышление выходит за рамки предотвращения, контроля или сопротивления экстремальным погодным явлениям и вместо этого принимает систему обучения, эволюции и адаптации [12]. Устойчивый город учится на опыте и приспосабливается к среде риска, а не борется с ней [13]. Он избавляется от жесткой структуры и становится более гибким и адаптирующимся к новым условиям.

Устойчивость к изменению климата включает адаптацию и снижение риска, особенно для критически уязвимых районов [14]. Действительно, с точки зрения проблемы, связанной с изменением климата, существует тесная связь между риском и устойчивостью. Чтобы быть готовыми к угрозам изменения климата, уменьшать риски, повышать безопасность и поддерживать экономическую жизнеспособность и социальное благополучие, города должны быть более устойчивыми. Если они не примут политику устойчивого развития, риск останется и увеличится в уязвимых районах¹³.

Снижение риска может стать возможностью улучшить экономические, природные и социальные условия, справиться с непредсказуемыми или неопределенными потрясениями и сделать сообщества более безопасными, чем раньше¹⁴. Снижение устойчивости означает повышенную уязвимость к неопределенностям и

¹² UNISDR, 2009, p. 24.

¹³ UNISDR. Making cities resilient: My city is getting ready, 2010–2011. World Disaster Reduction Campaign. 2010.

¹⁴ UNISDR, 2012.

неожиданностям для сообщества и может вызывать системные кризисы или хаос при меньших разрушениях или стрессах¹⁵.

2.3. Оценка риска от изменения климата

Снижение риска и устойчивое развитие невозможны без оценки риска [15]. Чтобы понять риски и принять точные решения по их снижению, следует проанализировать факторы риска во всех типах городских услуг и секторов [6]. Понимание рисков, с которыми сталкиваются города, и их факторов имеет важное значение для эффективных стратегий снижения. Анализ и оценка рисков необходимы для информирования лиц, принимающих решения, установления приоритетов проектов, определения мер по снижению риска, а также областей высокого, среднего и низкого риска с учетом уязвимостей, затрат, эффективности и вмешательств. В зависимости от подверженности и уязвимости каждая городская структура по-разному подвержена стихийным бедствиям и имеет разный уровень риска¹⁶. Поэтому при его оценке подверженность и уязвимость следует учитывать в рамках комплексного подхода [16].

В литературе не предлагается общепринятого подхода к оценке рисков¹⁷ [9]. Тем не менее последние исследования отмечают многомерный подход к оценке эффективного развития городов, основанный на оценке риска [14]. В литературе встречаются термины «вероятность» и «последствия». Snoger и соавторы [17] создали систему оценки риска с этой точки зрения и определили вероятность как возможность возникновения климатической угрозы, а последствия — как социальные, экономические, культурные или природные воздействия любой климатической угрозы¹⁸. Согласно мнению указанных ученых, каждый сектор сложной городской системы должен анализироваться индивидуально с точки зрения воздействия и

вероятности любого климатического риска. Влияние потенциального риска на каждый сектор в городской структуре будет различаться, поэтому городские системы требуют оценки каждого жизненно важного сектора города, для того чтобы выявить различия в уровнях риска.

3. Оценка рисков, связанных с изменением климата, для городского сектора в Стамбуле

3.1. Пояснения

По официальным данным население Стамбула достигло 15 миллионов человек¹⁹. Экономически сильное местоположение Стамбула сделало его центром миграции в Турции с 1950-х гг. Город является уникальным, будучи не только самой густонаселенной территорией страны, но и центром культуры, туризма, национальной и международной торговли. Стамбул, с его историей, ресурсами и географическим положением, занимает особое место среди столичных городов мира. Статистические экономические данные подтверждают важность Стамбула для Турции. Так, его внутренние районы обслуживания распространяются на другие 80 провинций Турции в контексте предоставления социальных услуг и местоположения центральных офисов национальных или международных учреждений. ВВП сектора услуг в Стамбуле составляет 1/5 часть национального ВВП²⁰. В 2018 году ВВП на душу населения в нем равнялся 16264 долл., а на остальной части Турции — 9693 долл.²¹.

Стамбул, являющийся экономическим и культурным центром с высокой плотностью населения и различными социально-экономическими видами деятельности, подвергается высокому риску с точки зрения любых внешних стрессов. Например, город испытал очень разрушительные землетрясения и страдал от недостаточной подготовки к ним [18]. В настоящее время возрос риск терроризма в связи со сложной ситуацией в ближневосточном регионе. В последние несколько лет Стамбул столкнулся со множеством террористических актов²² из-за своей ключевой позиции в Турции. Кроме

¹⁵ Resilience Alliance. A Research Prospectus for Urban Resilience: A resilience alliance initiative for transitioning urban systems towards sustainable futures. 2007.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эффекты от изменения климата и процесс городского развития сложны и порой неясны, поэтому оценка затруднительна.

¹⁸ Для понимания взаимосвязи различных климатических рисков необходим многомерный подход к рискам от изменения климата с точки зрения их вероятности и последствий.

¹⁹ <http://www.turkstat.gov.tr> (дата обращения 01.03.2018).

²⁰ IMP (İstanbul Büyükşehir Belediyesi İmar ve Şehircilik Daire Başkanlığı Şehir Planlama Müdürlüğü). 1/100.000 Ölçekli İstanbul Çevre Düzeni Planı Raporu. 2009.

²¹ <http://www.turkstat.gov.tr> (дата обращения 06.05.2020).

этого, Стамбул также страдает от стихийных бедствий и последствий изменения климата, таких как периоды сильной жары, экстремальные погодные явления, наводнения и т. д. Эти примеры доказывают, что не только сам город, но и Турция в целом будут серьезно затронуты, если какие-либо климатические бедствия произойдут в Стамбуле.

Последствия изменений климата могут быть устранены благодаря местному, национальному и международному сотрудничеству, соответствующим стратегиям и эффективной политике. Таким образом, эти широкомасштабные усилия занимают важное место в мерах по смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним. Повышение устойчивости городов имеет большое значение для устойчивости социально-экономической деятельности и жизнеспособности города. Несмотря на то, что экономическая и социальная структура Стамбула

создает преимущества в определенных аспектах, его уязвимость перед внешними стрессами чрезвычайно сильна.

Стамбул выбран нами для тематического исследования из-за его географического положения, социально-культурных ценностей и экономической значимости в Турции. Поскольку это самый важный центр с точки зрения экономической активности и численности населения, необходимо обратить внимание на проблему рисков от изменения климата в нем. В связи с этим данное исследование направлено на оценку уровня риска, создаваемого изменением климата, в городских секторах Стамбула. Для оценки уровней риска использовалась методология, представленная МСМЭИ [17]. В соответствии с терминологией, содержащейся в этом руководстве, определены 11 городских секторов²³ и 25 подсекторов – областей планирования (табл. 1). 11 секторов выделены с уче-

Таблица 1. Секторы и области планирования

Сектор	Область планирования
Водные ресурсы	Водоснабжение
	Качество воды
Здравоохранение	Жара
	Качество воздуха
Энергетика	Спрос на энергию
	Производство энергии
Сельское хозяйство	Содержание сельскохозяйственных земель
	Разнообразие культур
Транспорт	Морской транзит
	Обслуживание дорог и мостов
	Общественный транспорт
Развитие и землепользование	Обновление городов
	Доступное жилье
	Социальные объекты
	Городское планирование
Общественная безопасность	Пожарная безопасность
	Городские районы риска
	Реагирование на бедствия
Инфраструктура	Канализационные системы
	Управление ливневыми водами
Экология и биоразнообразие	Биоразнообразие
	Зеленые насаждения
	Управление городским лесом
Культура	Историческое и культурное наследие
Материалы	Переработка и сбор отходов

²² <http://www.diken.com.tr>, “Bir Buçuk Yılda 33 Bombalı Saldırıda 461 Kişi Hayatını Kaybetti” (дата обращения 08.02.2018).

²³ ICLEI определяет секторы как «любой ресурс, экологическую систему, вид, зону управления, активность или иную сферу интересов, на которые может оказать влияние изменение климата» [12, с. 5].

том стратегий развития как наиболее вероятные зоны риска в случае стихийных бедствий, связанных с климатом, имеющие решающее значение для экономической жизнеспособности и общественного здоровья города. Соответствующие области планирования определены в рамках терминологии МСМЭИ и охватывают основные городские услуги.

Наше исследование является частью комплексной оценки устойчивости 11 отобранных городских секторов. Исследование устойчивости включает три составляющие: оценку уязвимости, оценку риска и оценку приоритетов²⁴. Общий результат этих исследований будет полезен при разработке стратегии по устранению риска от изменения климата, снижению уязвимости, связанной с климатом, и повышению устойчивости и адаптационного потенциала городов, начиная с наиболее важных секторов.

3.2. Методология

Руководство МСМЭИ определяет риск двумя компонентами: последствия воздействия и вероятность воздействия:

$$Risk = Consequence \times Probability.$$

Последствия воздействия представляют собой предполагаемые или известные последствия конкретного влияния изменения климата, например стоимость и размер земельного участка или число пострадавших граждан. В представленной работе исследуются четыре основных типа последствий: «экономические последствия», «экологические последствия», «социальные последствия» и «культурные

последствия»²⁵. Совокупные результаты последствий оцениваются как высокие, средние или низкие. Вероятность связана с вопросом: «Какова вероятность того, что прогнозируемое воздействие произойдет?» Некоторые виды последствий изменения климата являются определенными и могут наблюдаться в настоящий момент, в то время как другие менее заметны. С учетом степени, в которой такие изменения влияют на текущие или порождают новые проблемы, определяется уровень вероятности. Оценка вероятности и неопределенности воздействий оценивается как высокая, средняя и низкая.

В качестве первого шага осуществлен сбор данных об изменении климата из учреждений и публикаций²⁶. Затем в период с апреля по декабрь 2014 года проведены глубинные интервью с 54 респондентами. Респонденты определялись с использованием методики снежного кома среди представителей учреждений и компаний, экспертов, ученых и исследователей. В их число отобраны наиболее активные стейкхолдеры в конкретном секторе, отвечающие за планирование. Были проведены интервью с представителями 42 государственных учреждений, 5 частных организаций, 4 учеными и 3 НКО. Государственные учреждения доминируют в распределении ответов, поскольку они являются наиболее важными субъектами, принимающими решения в городской среде Стамбула. Для интервью была подготовлена полуструктурированная анкета (табл. 2), которая позволяла выявить подходы субъектов и учреждений к изменению климата, важность измене-

²⁴ Первая часть исследования завершена и позволила выявить, что наиболее уязвимыми системами являются городские зоны риска, жара, биоразнообразие и морской транзит, за ними следуют производство энергии, водоснабжение, управление ливневыми водами, качество воды, содержание сельскохозяйственных земель, общественный транспорт, социальные объекты, реагирование на стихийные бедствия и историко-культурное наследие. Наименее уязвимыми являются системы утилизации и сбора отходов, пожарная безопасность, канализация и городское обновление [5]. В нашей работе оцениваются риски тех же секторов и областей планирования. В последней части, которая будет предметом нашего следующего исследования, мы объединим результаты оценок уязвимости и риска и представим общую оценку устойчивости для каждой области планирования.

²⁵ Экономические последствия касаются того, насколько дорогостоящим будет ущерб или ремонт в дополнение к стоимости профилактических мер. Экологические последствия относятся к тому, в какой степени будет затронута окружающая среда и экосистема. Социальные последствия определяют, какое влияние будет оказано на граждан, например, есть ли какое-либо опасное для жизни воздействие или какая группа населения будет затронута. Культурные последствия касаются любого воздействия на культуру (если оно присутствует, как это может изменить культурное поведение).

²⁶ Информация, полученная от учреждений, включала их текущие программы, линии поведения, которые могут быть направлены на адаптацию к изменению климата и / или смягчение его последствий, прогнозы изменения климата, ожидания относительно демографических или экономических структур, инвестиции и планы.

Таблица 2. Вопросы в полуструктурированной анкете

Факторы риска	<i>С какими климатическими рисками сталкивается городской сектор?</i>	
	<i>Как последствия ожидаемых климатических рисков влияют на городскую систему?</i>	
Вероятность	<i>Какова вероятность возникновения этих рисков?</i>	
Последствия	Угрозы	<i>Есть ли опасная для жизни граждан ситуация?</i>
		<i>Есть ли угроза для экологического баланса?</i>
		<i>Есть ли угроза культуре?</i>
	Стоимость	<i>Какова стоимость действий, которые предотвратят риски?</i>
		<i>Какова стоимость восстановления после катастрофы?</i>

ния климата в их повестке дня, их осведомленность, стратегические подходы к смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним. Результаты интервью использовались для интерпретации уровней риска в секторах с точки зрения соответствующих учреждений и действующих лиц.

Окончательный уровень риска оценивается с учетом как последствий, так и вероятности воздействий с использованием индекса оценки риска. Чтобы объединить эти результаты, для каждого из них даны количественные оценки. Последствия оцениваются как 1, 2, 3 для низких, средних и высоких результатов соответственно; вероятности – как 1, 2, 3 для низкой, средней и высокой вероятности соответственно. Оценки последствий и вероятности объединяются в матрицу при рассмотрении общего уровня риска. В таблице 3 представлена матрица баллов оценки риска. Уровни риска классифицируются как высокий (оценка 6-5), средний (оценка 4) и низкий (оценка 3-2).

3.3. Эмпирические результаты

3.3.1. Водные ресурсы

Водные ресурсы находятся под угрозой из-за незапланированных поселений, неразумных решений по землепользованию и неконтроли-

руемого развития городов. Изменение климата приведет к уменьшению количества осадков и засухе. Повышение температуры способствует падению уровня воды в резервуарах в результате испарения. Таким образом, дефицит воды является возможным результатом изменения климата. Водные ресурсы могут стать загрязненными из-за утечки, штормов и эрозии, вызванной экстремальными погодными явлениями. Кроме того, повышение уровня моря приведет к их засолению. Загрязненные ресурсы создают серьезные затраты на лечение и снабжение. Вода является основным ресурсом для жизни людей, а плохое ее качество и неадекватное водоснабжение создают опасные для жизни граждан риски. Поддержание чистоты водных ресурсов очень важно для окружающей среды. Экологическая устойчивость зависит от качества воды и сохранения ресурсов. Водоснабжение и качество воды могут также влиять на культурные привычки и повседневную жизнь граждан.

Даже сегодня снижение уровня водоснабжения обусловлено повышением температуры. Вероятность воздействия на водоснабжение практически доказана, однако изменение климата косвенно влияет на качество воды; таким образом, вероятность средняя (табл. 4).

Таблица 3. Матрица оценки рисков

	Высокий уровень последствий (3)	Средний уровень последствий (2)	Низкий уровень последствий (1)
Высокая вероятность (3)	6 (Высокий уровень риска)	5 (Высокий уровень риска)	4 (Средний уровень риска)
Средняя вероятность (2)	5 (Высокий уровень риска)	4 (Средний уровень риска)	3 (Низкий уровень риска)
Низкая вероятность (1)	4 (Средний уровень риска)	3 (Низкий уровень риска)	2 (Низкий уровень риска)

Таблица 4. Оценка рисков для водных ресурсов

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Водоснабжение	Высокий уровень (3)	Высокая (3)	Высокий (6)
Качество воды	Высокий уровень (3)	Средняя (2)	Высокий (5)

3.3.2. Здравоохранение

Наиболее очевидные проявления изменения климата – это усиление жары и увеличение продолжительности летнего периода. Также ожидается изменение соотношения компонентов воздуха, что приведет к росту его загрязненности, снижению качества воздуха там, где он более горячий, и ухудшению атмосферы.

Изменения климата способствуют увеличению числа респираторных заболеваний, аллергии, появлению рака кожи и астмы, повышению смертности. Из-за усиления жары возрастает число переносчиков болезней, например комаров. Изменения климата и снижение качества воздуха создадут дополнительные расходы на здравоохранение. Экология также будет напрямую зависеть от снижения качества воздуха и повышения температуры. Некоторые виды не смогут адаптироваться и начнут вымирать. Будут затронуты все граждане, но пожилые, больные, дети и уличные работники – это группы риска, которые составляют половину населения. С точки зрения культурного поведения, в повседневной жизни граждан могут происходить небольшие изменения, люди станут проводить меньше времени на улице.

Мы уже были свидетелями повышения температуры, особенно в летнее время, и снижения качества воздуха. Последствия возможны (табл. 5).

3.3.3. Энергетика

Турция зависит от внешних ресурсов, поскольку она может производить только 40% своей энергии. Возобновляемых и чистых энергетических ресурсов недостаточно. Ископаемое топливо по-прежнему является основным энергетическим ресурсом. В Стамбуле быстро растет население, что приводит к росту спроса на энергию. Из-за изменения климата сезонная потребность в энергии для отопления и охлаж-

дения повышается. Ожидается, что спрос на энергию летом возрастет из-за необходимости охлаждения, а зимой – отопления. Производство энергии с увеличением населения и спроса будет расти в цене. Больше потребление энергии станет затратным для людей.

Уже сейчас очевидно, что вероятность воздействия изменения климата на энергетику высока (табл. 6).

3.3.4. Сельское хозяйство

Климатические условия также влияют на производительность сельского хозяйства. Плодородие каждой культуры может меняться в зависимости от климата. Изменение климата приведет к уменьшению количества осадков и увеличению периодов засухи. Ирригационные системы нуждаются в улучшении из-за потенциальной нехватки воды. Сельскохозяйственное производство в Стамбуле находится на низком уровне по сравнению с остальной частью Турции. Стамбул – быстрорастущий город, что подвергает сельскохозяйственные угодья опасности урбанизации. Загрязнение является еще одним фактором, который создает риск для содержания сельскохозяйственных угодий. Сельскохозяйственное производство в Стамбуле недостаточно для населения, возникает зависимость от продукции других городов. Снижение сельскохозяйственной деятельности приведет к увеличению зависимости. Однако это не создает серьезного риска для граждан и не является опасной для жизни ситуацией. Содержание сельскохозяйственных земель может быть усовершенствовано с помощью политических мероприятий и технологий, улучшающих плодородие земли. Экологические модели будут меняться в зависимости от климатических условий, и фермеры должны адаптироваться к новым условиям и изучать совместимость моделей сельскохозяйственных культур.

Таблица 5. Оценка рисков для здравоохранения

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Жара	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Качество воздуха	Высокий уровень (3)	Высокая (3)	Высокий (6)

Таблица 6. Оценка рисков для энергетики

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Спрос на энергию	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Производство энергии	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)

Таблица 7. Оценка рисков для сельского хозяйства

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Содержание сельскохозяйственных земель	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Разнообразие культур	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)

В последнее время разрушительные последствия изменения климата наблюдались в сельскохозяйственном секторе, что свидетельствует о высокой вероятности риска (табл. 7).

3.3.5. Транспорт

Стамбул страдает от серьезных транспортных проблем, особенно в часы пик. Существуют различные виды общественного транспорта, например, автобусы, метро, паромы и т. д. Увеличение частоты и тяжести экстремальных погодных явлений в результате изменения климата отрицательно скажется на транспортной системе. Дороги и мосты будут нуждаться в постоянном обслуживании из-за ущерба, нанесенного погодными явлениями, такими как сильный дождь, снег и наводнения. Морской транзит необходим для соединения двух сторон Стамбула, однако его доля в транспортной системе невелика (2%). На такой транзит сильно влияют климатические условия. Общественный транспорт также важен с точки зрения защиты окружающей среды и экосистем. Муниципалитетом Стамбула предусмотрен бюджет для новых транспортных инвестиций, строительство линий общественного транспорта уже началось. Содержание дорог и мостов окажется дорогостоящим для муниципалитета. Тем не менее меры предосторожности и «умные» системы помогают снизить эти затраты. Не считая дорожно-транспортных происшествий, последствия изменения климата не будут угрожать жизни людей в этом секторе.

Вероятность последствий изменения климата, таких как экстремальные погодные условия, очень высока для транспортной системы Стамбула (табл. 8).

3.3.6. Развитие и землепользование

Муниципалитет Стамбула, районные муниципалитеты и Администрация жилищного

строительства производят недорогие дома для малообеспеченных граждан, особенно в рамках работы по перенесению поселений из зон риска. Неблагоприятные погодные явления в результате изменения климата приведут к большому ущербу именно в зонах риска, как следствие, ожидается увеличение спроса на доступное жилье. Этому же способствуют рост населения и миграция в город. В Стамбуле 25000 зданий находятся в процессе реконструкции. Таким образом, важно снизить риск и производить более качественные здания. После землетрясения 1999 года, которое нанесло серьезный ущерб Стамбулу, была признана необходимость в более качественных строительных конструкциях. Изменение климата вызовет серьезные последствия для зданий низкой квалификации постройки. Стамбульский план развития включает как стратегии, способствующие устойчивости, так и меры по смягчению последствий изменения климата. В некоторых районах Стамбула не хватает городских объектов. Количество зеленых зон на человека меньше нормы. В планах предусмотрено возведение городских объектов в новых районах. В старых и незапланированных поселениях нехватка городских объектов все еще остается проблемой, снижая качество окружающей среды и жизни.

В экономическом плане обновление городов доступно, и частный сектор играет важную роль в таких мероприятиях. Тем не менее строительная реконструкция не может полностью устранить риск. Отсутствие городских объектов и открытых пространств является проблемой для окружающей среды. Разрастание городских районов угрожает экологии вокруг города. Таким образом, последствия изменения климата будут в большей степени касаться группы населения с низким доходом и людей, живущих в

Таблица 8. Оценка рисков для транспортной системы

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Морской транзит	Низкий уровень (1)	Высокая (3)	Средний (4)
Обслуживание дорог и мостов	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Общественный транспорт	Низкий уровень (1)	Высокая (3)	Средний (4)

Таблица 9. Оценка риска для развития и землепользования

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Обновление городов	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)
Доступное жилье	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)
Социальные объекты	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)
Городское планирование	Высокий уровень (3)	Высокая (3)	Высокий (6)

городских зонах риска. Однако решения, предусмотренные в Плане развития, затронут всех граждан, но их недостаточно для снижения риска в некоторых населенных пунктах. В культурном отношении образ жизни людей может меняться в зависимости от архитектурного стиля домов или микрорайонов.

Существует неопределенность в отношении воздействия изменения климата на доступное жилье и городские объекты. Влияние изменения климата на области городского планирования является определенным. Таким образом, в областях планирования вероятность средняя, кроме городского планирования, где она высокая (табл. 9).

3.3.7. Общественная безопасность

Стамбул часто сталкивается с климатическими катастрофами. Наводнения, штормы и засуха – стихийные бедствия, происходящие в городе и, по прогнозам, в большей степени связанные с изменением климата. Незапланированные и незаконные поселения, где живут люди с низким доходом, расположены в зонах риска и обычно подвержены, например, наводнениям. Изменение климата вызовет больше бедствий в зонах риска, наводнения будут более сильными и частыми, а штормы принесут еще больше разрушений. Засуха и жара вызывают пожары в городских районах и лесах.

Некоторые исследования по реагированию на бедствия уже были проведены, что привело к возникновению систем раннего прогнозирования. Эти системы необходимо обновить с учетом изменения климата. Бедствия, возможно, уже нанесли вред экосистемам. Граждане, особенно живущие в зонах риска, могут столкнуться с опасными для жизни ситуациями.

Обновление является основным инструментом для снижения риска наряду с экспроприацией, которая может быть использована для уничтожения населенных пунктов в районах с наводнениями и в районах высокого риска. Тем не менее невозможно принять такие меры предосторожности во всех городских районах риска, поскольку это очень затратно. Отдел пожарной охраны города хорошо организован и совершенствуется, не все граждане подвержены риску при возникновении пожарной опасности. Однако пожары могут представлять серьезную угрозу для людей.

Вероятность возникновения риска высока (табл. 10).

3.3.8. Инфраструктура

Система ливневой канализации в Стамбуле не в полной мере удовлетворяет нужды населения, например, в случае сильного дождя, перелива воды из трубопроводов. Изменение климата и экстремальные погодные явления делают наводнения и переливы более серьезными и частыми. В некоторых районах Стамбула сточные воды сбрасываются в ручьи или в море. Растущая численность и плотность населения города могут создать проблемы для канализационной системы, поэтому следует увеличить ее пропускную способность. Во избежание переполнения трубопроводы должны быть заменены с учетом последствий изменения климата. Кроме того, в городе должны быть созданы более проницаемые поверхности. Такие меры предосторожности являются дорогостоящими для муниципального правительства.

Переливы и прямые стоки также могут быть вредны. Они создают опасную для жизни граждан ситуацию, особенно для тех, кто живет в зо-

Таблица 10. Оценка рисков для общественной безопасности

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Пожарная безопасность	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Городские районы риска	Средний уровень (3)	Высокая (3)	Высокий (6)
Реагирование на бедствия	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)

Таблица 11. Оценка рисков для инфраструктуры

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Канализационные системы	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)
Управление ливневыми водами	Высокий уровень (3)	Высокая (3)	Высокий (6)

нах риска, в поймах или трущобах. В некоторых густонаселенных районах уровень комфорта из-за канализации может снизиться. Переполнения вызываются сильными наводнениями, которые приводят к гибели людей и потере имущества.

В настоящее время наблюдается риск, связанный с управлением ливневыми водами. Возрастание последствий изменения климата увеличит риск. Тем не менее последствия для канализационных систем не гарантированы (табл. 11).

3.3.9. Экология и биоразнообразие

В Стамбуле экологически важные районы сталкиваются с рисками урбанизации, чрезмерного потребления и ухудшения в результате деятельности человека. Изменение климата и экстремальные погодные явления вредны для биоразнообразия, деревьев и зеленых зон. Зеленые зоны регулярно поддерживаются муниципалитетом. Засуха приводит к проблеме орошения. Экстремальные штормы могут выкорчевать деревья. Климатические условия могут испортить дизайн зеленых зон, растений и парков. Зеленых зон из-за урбанизации в городе становится меньше. Изменение климата потребует большего и постоянного их обслуживания. Потеря городских лесных массивов также наносит вред экологии и снижает уровень комфорта граждан, качество воздуха и доступность зеленых зон. Привычки людей в зеленых зонах могут измениться.

Вероятность риска неясна для зеленых насаждений и городского лесопользования. Тем

не менее биоразнообразие в Стамбуле уже находится в опасности (табл. 12).

3.3.10. Культура

Климатические условия напрямую влияют на исторические здания. Загрязнение дорожного движения вызывает потемнение фасадов, а дождь и снег приводят к появлению трещин в стенах. Изменение климата негативно скажется на историческом наследии города. Ущерб, нанесенный климатом, усугубится более частыми и экстремальными погодными условиями. Однако, поскольку исторические здания постоянно поддерживаются, изменение климата не повлечет за собой дополнительных расходов. Для граждан это не создает угрожающих жизни ситуаций. Однако для тех, кто живет в старых, исторических зарегистрированных зданиях, изменение климата может создавать риск. Эти строения могут нуждаться в восстановлении, дорогостоящем для жителей.

Изменение климата, безусловно, окажет влияние на сектор культуры (табл. 13).

3.3.11. Материалы

Утечка из хранилищ в подземные воды представляет опасность для окружающей среды. Однако ее можно предотвратить с помощью специальных методов строительства, когда газообразный метан собирается в трубы. Изменение климата может увеличить экологический риск, но необходимые меры контроля принимаются регулярно. Для защиты окружающей среды используются технологические улучшения.

Таблица 12. Оценка рисков для экологии и биоразнообразия

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Биоразнообразие	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)
Зеленые насаждения	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)
Управление городским лесом	Средний уровень (2)	Средняя (2)	Средний (4)

Таблица 13. Оценка рисков для культуры

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Историческое и культурное наследие	Средний уровень (2)	Высокая (3)	Высокий (5)

Таблица 14. Оценка рисков для сектора, связанного с переработкой и сбором отходов

Область планирования	Последствия	Вероятность	Уровень риска
Переработка и сбор отходов	Низкий уровень (1)	Средняя (2)	Низкий (3)

Изменение климата не создает значительного риска для этого сектора, и последствия не ясны (табл. 14).

3.4. Уровни риска для всех секторов и областей планирования

В таблице 15 представлена сводная информация об оценке рисков, указаны баллы и уровни риска по всем секторам.

Области планирования, находящиеся под угрозой, определяются с учетом экономических последствий и стоимости, вредных экологических воздействий, влияния на граждан, от того, сколько людей находятся под угрозой и существует ли какая-либо опасная для жизни ситуация, если да, то как это повлияет на культуру. Вероятность климатического воздействия

также включена. Дорогостоящие, опасные для жизни, экологически вредные, влияющие на культуру воздействия и высокая вероятность их возникновения создают повышенный риск в областях планирования.

Согласно полученным результатам, водоснабжение, управление ливневыми водами, городское планирование, качество воздуха и городские зоны риска демонстрируют самый высокий уровень рисков от изменения климата. Области планирования, касающиеся биоразнообразия, производства энергии, обслуживания дорог и мостов, качества воды, реагирования на стихийные бедствия, спроса на энергию, пожарной безопасности, разнообразия культур, исторического и культурного наследия, отопления и обслуживания

Таблица 15. Уровни риска для всех секторов и областей планирования

Сектор	Область планирования	Уровень риска	Среднее значение по уровню риска
Водные ресурсы	Водоснабжение	Высокий (6)	5,5
	Качество воды	Высокий (5)	
Здравоохранение	Жара	Высокий (5)	5,5
	Качество воздуха	Высокий (6)	
Энергетика	Спрос на энергию	Высокий (5)	5,0
	Производство энергии	Высокий (5)	
Сельское хозяйство	Содержание сельскохозяйственных земель	Высокий (5)	5,0
	Разнообразие культур	Высокий (5)	
Транспорт	Морской транзит	Средний (4)	4,3
	Обслуживание дорог и мостов	Высокий (5)	
	Общественный транспорт	Средний (4)	
Развитие и землепользование	Обновление городов	Средний (4)	4,5
	Доступное жилье	Средний (4)	
	Социальные объекты	Средний (4)	
	Городское планирование	Высокий (6)	
Общественная безопасность	Пожарная безопасность	Высокий (5)	5,3
	Городские районы риска	Высокий (6)	
	Реагирование на бедствия	Высокий (5)	
Инфраструктура	Канализационные системы	Средний (4)	5,0
	Управление ливневыми водами	Высокий (6)	
Экология и биоразнообразие	Биоразнообразие	Высокий (5)	4,3
	Зеленые насаждения	Средний (4)	
	Управление городским лесом	Средний (4)	
Культура	Историческое и культурное наследие	Высокий (5)	5,0
Материалы	Переработка и сбор отходов	Низкий (3)	3,0

ния сельскохозяйственных земель также имеют высокий риск. Любое воздействие на эти области планирования негативно повлияет на многих людей, живущих в городе, и может даже вызвать опасные для их жизни ситуации. Восстановление или адаптация к такому риску во многих случаях обходится дорого. Изменение климата приведет к возникновению экологических проблем и культурным изменениям. Области планирования, касающиеся *зеленых зон, морского транзита, канализации, общественно-го транспорта, социальных объектов, доступного жилья, городского лесопользования и обновления городов*, связаны с меньшим уровнем риска. Область планирования, в которой наблюдается наименьший уровень риска – *переработка и сбор отходов*.

Для каждого сектора были рассчитаны средние оценки риска, при этом учитывалось, что все области планирования в пределах одного сектора оказывают одинаковое влияние на уровень риска в нем. Что касается секторов, то *здравоохранение и водные ресурсы* подвержены самому высокому риску – 5,5 балла, затем идут *общественная безопасность* – 5,3 балла и *энергетика, сельское хозяйство, инфраструктура и культура* – 5,0 балла. Сектор *развития и землепользования* имеет средний риск с оценкой 4,5 балла, секторы *транспорта и экологии и биоразнообразия* – 4,3. Сектор *материалов* характеризуется самым низким показателем – 3,0 балла. В результате из 25 областей планирования 5 имеют наивысший балл риска (6), 11 – балл высокого уровня риска (5), 8 – балл среднего (4), а 1 – низкого (3).

Заключение

Уровень устойчивости основан на уязвимости и рисках, с которыми город должен столкнуться. Следовательно, при переходе к устойчивому развитию оценка риска имеет большое значение. Следует определить риски и измерить ожидаемое воздействие на городскую систему. Это важно для снижения неопределенности. С другой стороны, знание уязвимых мест имеет решающее значение для оценки устойчивости городской системы. Исследование по оценке уязвимости городских секторов было недавно завершено Augün и Ваусан [5] как часть всестороннего изучения устойчивости. Согласно полученным результатам, наиболее уязвимыми областями планирования являются те,

которые связаны с *биоразнообразием, высокими температурами, городскими зонами риска и морским транзитом, также уязвимы историческое и культурное наследие, качество воды, производство энергии, реагирование на стихийные бедствия, водоснабжение, социальные объекты, общественный транспорт, управление ливневыми водами, содержание сельскохозяйственных земель*. При сравнении результатов исследований становится очевидным, что уязвимые и рискованные области планирования в основном пересекаются. Можно утверждать, что высокая уязвимость создает высокий риск для сектора, в то время как высокий риск также создает высокую уязвимость. Эти две концепции взаимосвязаны и неразделимы.

Результаты исследования указывают на то, что процесс городского развития Стамбула с течением времени и действующая модель расселения стали основными причинами климатического риска в городе. Быстрая миграция и, как следствие, быстрая урбанизация сформировали развитие городов в зонах риска, таких как речные бассейны или геологически непригодные районы, большинство этих поселений являются неформальными. Эффект городского острова тепла усиливается из-за плотного заселения, отсутствия зеленых зон и ветровых коридоров. В связи с этим повышается уязвимость населенных пунктов от жары и экстремальных погодных условий. Кроме того, экологические и водные ресурсы находятся под угрозой из-за нагрузки на природные зоны и ресурсы, вызванной разрастанием городских поселений в периферийных районах и ростом численности населения. Город страдает от недостаточно развитой системы инфраструктуры, особенно в старых и плотно заселенных районах. Основная проблема, выявленная в нашем исследовании, заключается в том, что в Стамбуле отсутствует баланс между возможностями городской системы, такими как ресурсы, инфраструктура, объекты, возможности управления и т. д., и плотностью населения, населенных пунктов и спроса.

Результаты представленного исследования могут послужить отправной точкой для устойчивого развития в Стамбуле. Они всесторонне учитывают слабые стороны и возможности городской системы. Отправная точка устойчивого развития критически важна для лиц, прини-

мающих решения. Влияние изменения климата уже наблюдается, и его негативные последствия наносят вред уязвимым секторам. Необходимо быть к этому готовыми.

В Турции проблемы изменения климата являются новой темой, которая только недавно получила отражение в стратегиях и планах. В связи с этим авторы столкнулись с трудностями при поиске данных для оценки рисков. Учреждения не могли предоставить соответствующую информацию и не имели эффективной системы координации и сбора данных. Количество связанных с изменением климата исследований оказалось ограниченным, поэтому во время глубинных интервью было необходимо объединить разные точки зрения на риск от изменения климата. Очевидно, что прежде всего в Турции нужны эффективные системы сбора данных, координация между учреждениями и повышение осведомленности об изменении климата.

С 2014 года, когда проводились углубленные интервью, уровень осведомленности об изменении климата в Стамбуле вырос на институциональном уровне. В 2018 году появился «Стамбульский план действий по борьбе с изменением климата», подготовленный вместе с «Отчетом по инвентаризации парниковых газов», «Отчетом о сценариях изменения климата» и «Отчетом об оценке риска, возможностей и уязвимости к изменению климата»²⁷. Эти оценочные отчеты в значительной степени учитывают те же риски и уязвимости, что и наше исследование. Тем не менее региональные планы

развития или локальные планы реализации по-прежнему не рассматривают воздействие изменения климата и стратегии снижения риска. Таким образом, уровни риска от изменения климата в секторах, определенных нами в работе, остаются неизменными даже в 2020 году.

Уязвимость и риски могут со временем меняться, а стратегии работать или не работать; в связи с этим необходима фиксированная система слежения. Любой новый проект или план может повлиять на уровни риска и уязвимости секторов. Новые технологические усовершенствования, экономические условия, меняющиеся требования являются важными факторами, влияющими на уровни рисков для городских систем. Неклиматические изменения могут также оказывать отрицательное или положительное воздействие на уровень риска. Следовательно, переоценка уровней риска в секторах с течением времени неизбежна. Следующим шагом должна стать разработка политики и стратегий для снижения риска и повышения устойчивости. Лицам, принимающим решения, необходимо тщательно рассмотреть наиболее уязвимые городские системы и факторы риска.

Граждане также играют важную роль в развитии устойчивости города. Они должны быть информированы, образованы и вовлечены в сотрудничество. Любые действия без их участия были бы бессмысленными в городской системе. Необходимо повышать осведомленность об изменении климата и среди политиков, и среди граждан.

Литература

1. Tompkins E.L., Adger W.N. Does adaptive management of natural resources enhance resilience to climate change? *Ecology and society*, 2004, no. 9 (2): 10.
2. Evans J.P. Resilience, ecology and adaptation in the experimental city. *Transactions of the institute of British Geographers*, 2011, no. 36 (2), pp. 223–237.
3. Norman B. *A Low Carbon and Resilient Urban Future: An Integrated Approach to Planning for Climate Change*, 2010.
4. Pamukcu K. *Turkey's Post-Kyoto Climate Change Policy*. University of Phoenix-Chicago, 2010.
5. Aygün A., Baycan T. Istanbul's vulnerability to climate change: An urban sectors' based assessment. In: *Handbook of Climate Change Communication*. Vol. 3. Springer, Cham, 2018. Pp. 361–383.
6. Wamsler C., Brink E., Rivera C. Planning for climate change in urban areas: From theory to practice. *Journal of Cleaner Production*, 2013, no. 50, pp. 68–81.

²⁷ <http://www.iklim.istanbul> (дата обращения 06.05.2020).

7. Wisner B. et al. *The Challenge of Disasters and our Approach. At Risk: Natural Hazards, People's Vulnerability and Disasters*. 2nd ed. London: Routledge, 2004. Pp. 3–48.
8. Hansen J. et al. Global surface temperature change. *Rev. Geophys.*, 2010, no. 48, RG4004. DOI: 10.1029/2010RG000345
9. Carter J.G., et al. Climate change and the city: Building capacity for urban adaptation. *Progress in Planning*, 2015, no. 95, pp. 1–66.
10. Jabareen Y. Planning the resilient city: Concepts and strategies for coping with climate change and environmental risk. *Cities*, 2013, no. 31, pp. 220–229.
11. Meerow S., Newell J.P., Stults M. Defining urban resilience: A review. *Landscape and Urban Planning*, 2016, no. 147, pp. 38–49.
12. Cannon T., Müller D. Vulnerability, resilience and development discourses in context of climate change. *Natural Hazards*, 2010, no. 55 (3), pp. 621–635.
13. Morss R.E. et al. Improving societal outcomes of extreme weather in a changing climate: an integrated perspective. *Annual Review of Environment and Resources*, 2011, no. 36, pp. 1–25.
14. Rosenzweig C. et al. (ed.). *Climate Change and Cities: First Assessment Report of the Urban Climate Change Research Network*. Cambridge University Press, 2011.
15. Coppola D.P. *Introduction to International Disaster Management*. Elsevier, 2006.
16. Gallina V. et al. A review of multi-risk methodologies for natural hazards: Consequences and challenges for a climate change impact assessment. *Journal of Environmental Management*, 2016, no. 168, pp. 123–132.
17. Snover A.K. et al. *Preparing for Climate Change: A Guidebook for Local, Regional, and State Governments*, 2007.
18. Gündüz A. et al. How imminent is the earthquake expected in Istanbul? And how potentially deadly? *The Journal of Academic Emergency Medicine*, 2015, no. 14 (2), pp. 99–102.

Сведения об авторах

Айсун Айгюн – аспирант, ассистент, Стамбульский технический университет (34437, Турция, г. Стамбул, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла; e-mail: aaygun@pau.edu.tr), Университет Памуккале (20160, Турция, Денизли, Памуккале, кампус Кымниклы)

Тюзин Байджан – PhD, профессор, Стамбульский технический университет (34437, Турция, г. Стамбул, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Aygün A., Baycan T.

Risk Assessment of Urban Sectors to Climate Change in Istanbul

Abstract. The aim of the present study is to investigate the risk of climate change on Istanbul. Istanbul is the largest city, in terms of both population and economic activity capacity, in Turkey meaning that any climate-related risk would be destructive not only for the city but also for the country. The urban system has been identified based on urban sectors that are the issues of activities, management areas, ecological systems, resources and species and critical for economic viability and public health of the city, also likely to be affected by climate-related disasters. 11 urban sectors and 25 sub-sectors, which are also presented as planning areas, have been determined considering the development strategies of Istanbul as water resources, health, energy, agriculture, transportation, development and land use, public safety, infrastructure, biodiversity and ecology, culture and materials. ICLEI's handbook titled "Preparing for Climate Change: A Guidebook for Local, Regional and State Governments" guided the risk assessment of these planning areas and sectors. The data has been obtained via in-depth interviews with city stakeholders and the sectors have been ranked considering the risk factors of each. The results of this study reveal the urban sectors that are under the greatest and lowest risk due to the impacts of climate change. Highlighting the climate change risk on vital sectors of Istanbul is essential for decision makers to develop further strategies to mitigate the impacts of climate change and adapt the upcoming impacts.

Key words: climate change, risk assessment, urban resilience, Istanbul.

Information about the Authors

Aysun Aygün – PhD Candidate, Research Assistant, Istanbul Technical University (34437, Turkey, Istanbul, Sisli, Taksim, Taskisla; e-mail: aaygun@pau.edu.tr), Pamukkale University (20160, Turkey, Denizli, Pamukkale, Kınıklı Campus)

Tüzin Baycan – PhD, Full Professor, Istanbul Technical University (34437, Turkey, Istanbul, Sisli, Taksim, Taskisla; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Статья поступила 14.04.2020.

Связь между безработицей и промышленным производством: подход Фурье со структурными сдвигами

Мурат ГУНДУЗ

Ушакский университет

Ушак, Турция, 64000, 1 Эйлюль кампус

E-mail: murat.gunduz@usak.edu.tr

ORCID: 0000-0003-0006-8796

Аннотация. Цель работы заключалась в исследовании долгосрочной связи между безработицей и промышленным производством во время структурных сдвигов в Соединенных Штатах Америки. Для анализа этой связи использовались ежемесячные данные индекса промышленного производства и информация об уровне безработицы в период между январем 1948 и октябрём 2018 года. С помощью KPSS-теста стационарности Фурье была обнаружена стационарность используемого временного ряда. Это позволило провести анализ, в том числе при наличии структурных сдвигов. Однако ни в одном ряду стационарность не наблюдалась. После этого был проведен коинтеграционный анализ Фурье – Шина с целью установить долгосрочную связь между индексом промышленного производства и уровнем безработицы. С учетом времени и формы существующих структурных сдвигов результаты этого теста отличались от других. Согласно коинтеграционному анализу, существует долгосрочная связь между уровнем безработицы в США и переменными индекса промышленного производства. Следовательно, внезапные структурные изменения индекса промышленного производства оказывают влияние на уровень безработицы в США в долгосрочной перспективе. После этого использовался метод наименьших квадратов со сдвигами Баи – Перрона, для того чтобы установить периоды структурных сдвигов и их коэффициенты. Было обнаружено, что подобные изменения происходили в 1958, 1974, 1990 и 2007 гг.

Ключевые слова: KPSS-тест стационарности Фурье, коинтеграция Фурье – Шина, рост, структурные сдвиги, уровень безработицы, промышленное производство.

Для цитирования: Гундуз М. Связь между безработицей и промышленным производством: подход Фурье со структурными сдвигами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 228–240. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.15

For citation: Gunduz M. The link between unemployment and industrial production: the Fourier approach with structural breaks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 228–240. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.15

Введение

Первоначальный вклад в теорию роста происходил в два этапа – конец 1950-х и 1960-е гг.: тогда сформировалась неоклассическая модель роста. Значительную роль в этом процессе сыграл Роберт Солоу. Второй период, называемый внутренней теорией роста и «возглавляемый» Робертом Лукасом и Полом Ромером, относится к концу 1980-х и 1990-м гг. [1].

Законодателям важно знать, как именно рост ВВП на 1 п. п. снизит уровень безработицы. В 1962 году Артур Оукен предположил, что усиление экономического роста приводит к уменьшению уровня безработицы. Согласно этой теории, известной как закон Оукена, экономический рост (заявленный как увеличение объема производства) оказывает важное влияние на полную занятость. Иными словами, существует обратная взаимосвязь между увеличением выпуска продукции и уровнем безработицы [2]. Безработица является главной проблемой для экономических менеджеров по всему миру. Рост ее уровня, особенно в периоды экономического кризиса, создает серьезную проблему для обеспечения полной занятости – одной из макроэкономических целей всех стран. Безработица также считается одной из причин бедности и несправедливого распределения доходов [3]. Большинство людей получает большую часть своего дохода, работая по профессии. Это говорит о важности наличия возможностей для трудоустройства, обеспечения качества продукции, высоких доходов, условий для экономического роста и снижения уровня бедности. В развивающихся странах по-прежнему считается, что занятость оказывает важное влияние на развитие, в связи с чем при разработке политики в этой области особое внимание уделяется обеспечению занятости для сокращения масштабов нищеты [4].

После нефтяного кризиса 1970-х гг. США начали решать проблемы низкого экономического роста и высокого уровня безработицы. Такие ситуации, как увеличение занятости женщин на рынке труда, стабильной продуктивности и заработной платы, заставили экономистов обратить внимание на то, что связь между экономическим ростом и безработицей структурно изменилась. В связи с этим к закону Оукена начали относиться с подозрением. Исследования

показали, что коэффициент Оукена уменьшился с трех до двух [5]. Наряду с США промышленно развитые европейские страны борются с высоким циклическим уровнем безработицы. Это вызывает дискуссии среди экономистов о том, что подобные трудности проистекают из структурных проблем, а не из циклических ситуаций [6].

Цель нашей работы – выявить структурные сдвиги во взаимосвязи между безработицей и ростом, а также исследовать эту долгосрочную связь в свете структурных сдвигов. Причина, по которой индекс промышленного производства принимается за переменную, представляющую рост, заключается в том, что он позволяет лучше рассмотреть структурные изменения в производстве. Индекс промышленного производства отражает динамику выпуска продукции и подчеркивает структурные изменения в экономике [7]. По этой причине мы использовали подход коинтеграции Фурье, который допускает существование коинтеграционной зависимости при наличии структурных сдвигов. Таким образом, взаимосвязь между переменными может быть проанализирована для иллюстрации структурных изменений.

В представленном исследовании мы рассмотрели долгосрочную связь между индексом промышленного производства и уровнем безработицы, используя данные по США с января 1948 по октябрь 2018 года. Статья структурирована следующим образом: введение, где приводится общая информация; обзор литературы; раздел с объяснением метода, описанием данных и результатами анализа; заключение и список литературы.

Обзор литературы

Начиная с 1962 года, когда Артур Оукен обнаружил существование обратной взаимосвязи между экономическим ростом и уровнем безработицы, началось исследование проблемы. Отношение, известное как закон Оукена, было принято как структура, которой не требовалась обоснованная гипотеза [2]. После выхода статьи Оукена (1962) о взаимосвязи между экономическим ростом и безработицей экономисты приходили к похожим выводам, указывающим на то, что увеличение реального валового внутреннего продукта (ВВП) на 2–3% приводит к снижению безработицы на 1% [8].

В исследованиях присутствуют различные мнения, объясняющие динамику этой взаимосвязи. Согласно Meyer и Tasci (2012), взаимосвязь между макроэкономическими переменными сложнее, чем простая связь, установленная законом Оукена. Они утверждают: нет четких доказательств того, что связь между ростом производства и уровнем безработицы со временем становится стабильной, поэтому пока неясно, как именно повышение реального ВВП повлияет на уровень безработицы [9]. По мнению Chamberlin (2011), структурные изменения, происходящие со временем, не позволяют с легкостью объяснить взаимосвязь между уровнем безработицы и экономическим ростом. Причиной этого исследователь считает влияние структурных и циклических колебаний на уровень безработицы [10]. Akeju и Olanirekun (2014) утверждают, что система промышленного производства формируется в соответствии с изменением общего спроса. Таким образом, изменения на рынке труда влияют на уровень безработицы. Кроме того, ученые высказали мнение о том, что влияние темпов роста производства на безработицу является важным фактором борьбы с инфляцией [11]. Также существуют мнения, согласно которым изменения в общем объеме производства оказывают асимметричное влияние на уровень безработицы, уровень безработицы сильнее подвержен шокам в периоды сокращения экономики по сравнению с периодами ее расширения [6; 12–14].

Работы, касающиеся взаимосвязи между экономическим ростом и безработицей в США, буквально преследовали Оукена. Например, Blackley (1991) изучал обоснованность использования закона Оукена на государственном уровне в Соединенных Штатах Америки. Он определил, что эта связь существует в 26 штатах. Его исследование показало, что для снижения уровня безработицы в одном штате на 1% экономический рост там в среднем должен составить 3,1%. Различия в уровнях индустриализации и сферах деятельности штатов, а также в возрастном и гендерном распределении рабочей силы и налоговой политики повлияли на различия между штатами в отношении безработицы и экономического роста [15]. Однако Palley (1993) изменил закон Оукена, рассмотрев асимметричную структуру экономической системы США. Согласно результатам исследова-

ния, в 1974 году в коэффициенте Оукена был выявлен сдвиг. В то же время отмечалось увеличение коэффициента [13]. Подобным образом Silvarulle и его коллеги (2004) получили результаты, подтверждающие асимметричную связь экономического роста и безработицы. С помощью данных о послевоенном периоде в США авторы выявили, что влияние увеличения экономического роста на безработицу варьировалось в зависимости от снижения краткосрочного роста [14]. Guisinger с коллегами (2018) также подсчитали коэффициенты Оукена для каждого штата США в отдельности. Согласно результатам исследования, уровень высшего образования среди населения, более низкий уровень профсоюзной активности и непроизводственной занятости – главные причины различий коэффициентов в разных штатах [16].

Используя данные за период с 2002 по 2010 год по 358 метрополитенским статистическим ареалам (МСА) в США, Kuscovic (2014) попытался применить закон Оукена, рассматривая национальные шоковые периоды и эффект пространственного распределения для исследуемых городов. Поскольку работа проводилась на уровне метрополий, а не штатов, автор сконцентрировался на том, чтобы установить, влияют ли на безработицу другие пространственные эффекты. Согласно результатам исследования, экономический рост в МСА оказал незначительное влияние на уровень безработицы в них. Следовательно, безработица на городском уровне на интегрированном рынке труда, таком как в США, зависит от изменений в соседних городах и на национальном рынке труда. Полученные результаты также показывают, что причины колебаний уровня безработицы в мегаполисах отличаются от таковых в других штатах [8].

Elshamy (2013), используя метод коинтеграции с данными за 1970–2010 гг., вычислил коэффициент Оукена для Египта (2,2%). В то же время ученый выявил существование коинтеграционной связи и обнаружил значимую взаимосвязь в краткосрочной и долгосрочной перспективе [3].

Dođru (2013) исследовал взаимосвязь между экономическим ростом и безработицей в Еврозоне, используя годовые данные за период 2000–2012 гг. В ходе анализа панельный коинтеграционный метод показал, что закон

Оукена обоснован, но расчетные коэффициенты оказались ниже, чем в США и других развитых странах. Доѓу определил, что коэффициенты Оукена в странах Еврзоны отличаются друг от друга [17].

Beaton (2010) проверил закон Оукена для США и Канады, используя метод нейтральной медианной оценки. Согласно результатам анализа, уровень безработицы в обеих странах очень чувствителен к увеличению темпов экономического роста и показывает структурную нестабильность [18].

Lee (2000) с помощью данных с 1955 по 1996 год проанализировал обоснованность закона Оукена для 16 стран Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР). Его выводы показывают, что закон Оукена был статистически достоверен для большинства стран, но коэффициенты между ними различались. Коэффициенты Оукена чувствительны с точки зрения первых разностных моделей и моделей разрыва. Ученый доказал наличие асимметричной взаимосвязи и довольно сильный эффект структурного сдвига, произошедшего в 1970-е годы [6].

Freeman (2000) измерил коэффициент Оукена, используя национальные и региональные данные США. Исследование показало, что значение коэффициента, измеряющего изменение соотношения экономического роста и уровня безработицы, составляет примерно 2 среди регионов во все периоды времени [5].

Moosa (1997) проверил реакционную взаимосвязь безработицы и экономического роста для стран G7 с использованием методов OLS, Rolling OLS и SUR. Согласно его выводам, самый высокий коэффициент Оукена вычислен для США, а самый низкий — для Японии. Выявлено, что причиной подобных расхождений могут быть различия рынков [19].

Altug и Gencer (2012) изучили переменные промышленного производства и занятости, исследовав циклические различия для развитых и развивающихся стран. В качестве метода они использовали цепь Маркова. В ходе исследования ученые рассмотрели взаимосвязь между безработицей и изменениями в экономическом цикле, принимая во внимание то, что изменения в промышленном производстве важны для определения переломных моментов в эконо-

мическом цикле. На основе этого они пришли к выводу о том, что развитые и развивающиеся страны взаимозависимы [20].

Akar и Sahin (2018) проанализировали, является ли наличие страховки по безработице автоматическим стабилизатором экономического цикла в Турции, принимая во внимание коинтеграцию Йохансена, векторную модель исправления ошибок (VECM), а также методы причинности по Грэнджеру для исследования взаимосвязи между индексом промышленного производства и безработицей. Ученые обнаружили краткосрочную причинно-следственную связь между пособием по безработице, уровнем безработицы и промышленным производством [21].

Michael, Emeка и Emmanuel (2016) рассмотрели взаимосвязь между безработицей и экономическим ростом в Нигерии, провели анализ коинтеграции и причинности для реального ВВП, расходов частного потребления и переменных уровня безработицы. Полученные результаты показали долгосрочную взаимосвязь между этими переменными. Согласно модели VECM, безработица оказывает обратное и значительное влияние на реальный ВВП. Существует односторонняя причинность от реального ВВП до безработицы [22].

Madito и Khumalo (2014) исследовали взаимосвязь между безработицей и экономическим ростом в Южной Африке, провели коинтеграционный анализ Йохансена, используя данные за период с первого квартала 1967 по четвертый квартал 2013 года. Для краткосрочного анализа они использовали метод VECM. Результаты показали четыре вектора коинтеграции и долгосрочную взаимосвязь. Согласно итогам исследования, 62% экономического роста корректируются каждые три месяца. Кроме того, существует отрицательная связь между экономическим ростом и безработицей [23].

Abbas (2014) изучал долгосрочную взаимосвязь между экономическим ростом и безработицей с помощью пограничного теста ARDL. Ученый использовал данные по Пакистану за 1990–2006 гг. В итоге он выявил существующую долгосрочную отрицательную связь между экономическим ростом и безработицей в городе. Долгосрочный коэффициент, полученный в ходе исследования, показал, что увеличение

экономического роста на 1% приведет к снижению безработицы на 1,65% в долгосрочной перспективе. Краткосрочные коэффициенты оказались не значимы [24].

Kangasharju, Tavera и Nijkamp (2012) рассматривали взаимосвязь между безработицей и экономическим ростом в регионах Финляндии, используя метод скрытой коинтеграции, который учитывает поперечную зависимость. Результаты исследования показали, что, даже несмотря на то, что коэффициенты невелики для регионов Финляндии, коинтеграционная зависимость существует. Кроме того, долгосрочная взаимосвязь между региональным производством и безработицей является асимметричной. Таким образом, влияние роста ВВП на безработицу в абсолютном выражении оказалось меньше, чем влияние снижения ВВП [25].

Kargi (2014) исследовал взаимосвязь между экономическим ростом и безработицей в странах ОЭСР. Несмотря на различия в коэффициентах 23 выбранных стран, гипотеза Оукена оказалась верной. Выявлена долгосрочная коинтеграционная связь между безработицей и экономическим ростом. В государствах с высокими темпами роста постоянный уровень безработицы обнаружить не удалось, но в странах с низкими темпами роста уровень безработицы был достаточно высок [26].

Palombi, Perman и Tavéra (2015) изучали взаимосвязь между региональным производством и уровнем безработицы в Великобритании. Целью данного исследования послужило устранение проблемы горизонтальной перекрестной зависимости с использованием метода скрытой коинтеграции для панельных данных. Результаты показали скрытую коинтеграцию между безработицей и экономическим ростом. В то же время связь между экономическим ростом и безработицей в среднесрочной перспективе оказалась асимметричной, влияние роста ВВП на безработицу – меньше абсолютного значения влияния снижения ВВП. Таким образом, положительные и отрицательные шоки в ВВП оказывают ограниченное воздействие на безработицу в среднесрочной перспективе [27].

Вакуленко и Гурвич (2015) исследовали взаимосвязь между ВВП и уровнем безработицы в краткосрочной и долгосрочной перспективе для России. Установлено, что снижение про-

изводства влияет на безработицу сильнее, чем рост производства на занятость. Ученые доказали, что значение коэффициента Оукена, рассчитанного для России, близко к значениям развивающихся стран [28]. В другой работе, посвященной России, Yüksel (2016) проанализировал причинно-следственную связь между экономическим ростом, уровнем безработицы и инфляцией. В этом исследовании анализ причинности Грэнджера и Тода-Ямамото проводился с использованием данных за 1992–2014 гг. По его результатам установлено, что существует причинно-следственная связь между уровнем безработицы и ростом экономики в РФ [29]. Аналогичным образом изучалась связь безработицы и динамики производства в странах СНГ (Россия, Узбекистан, Украина, Беларусь, Молдова и Казахстан) в 2017 году. Согласно анализу для России, увеличение квартального экономического роста на 1% снижает уровень безработицы на 0,06%. Ученые определили, что взаимосвязь между экономическим ростом и уровнем безработицы в России стабильна с течением времени [30].

Метод

KPSS-тест стационарности Фурье

Вопрос о том, являются ли временные ряды стационарными, был впервые исследован в ходе их анализа. В 1980-х гг. разработаны первые тесты на стационарность [31; 32], в которых анализировалось уровневое состояние временного ряда наряду с его устойчивостью и/или тенденциями к взаимодействиям. Однако эти тесты игнорировали структурные сдвиги во временных рядах. Более поздние тесты на стационарность принимали во внимание структурные сдвиги [33; 34], однако также подвергались критике, поскольку место, количество и форма структурных сдвигов должны были быть определены заранее, а лишь затем включаться в модель. Развивая тест Квятковского – Филлипса – Шмидта – Шина (KPSS) с функцией Фурье, Becker, Enders и Lee (2006) разработали KPSS-тест стационарности Фурье. В нем рассматриваются структурные сдвиги в рядах, где не обязательно определять местоположение, число и форму [35]. Одним из наиболее важных преимуществ этого теста является то, что он учитывает не только значительные структурные изменения, но и менее заметные [36].

Веккер с коллегами [37] впервые сформулировали данные процессы производства (1) и (2):

$$y_t = X_t' \beta + Z_t' \gamma + r_t + \varepsilon_t. \quad (1)$$

$$r_t = r_{t-1} + u_t. \quad (2)$$

Здесь ε_t указывает на постоянную погрешность, u_t – на погрешность, распределенную идентично варианту σ_u^2 . Z_t используется для выявления сдвига, который может случиться в детерминированный срок.

Структура, нарушающая линейность, выражается уравнением (3) [38].

$$Z_t = \left[\sin \left(\frac{2\pi kt}{T} \right), \cos \left(\frac{2\pi kt}{T} \right) \right]'. \quad (3)$$

Z_t – вектор, который выражает расширение Фурье и включает в себя тригонометрические данные. Переменная k показывает частотные значения, t – период тенденции, T – размер выборки. $X_t = [1]$ определяется в тесте стационарности y_t на уровне, $X_t = [1, t]$ определяется в тесте стационарности при наличии тенденции. Нулевая гипотеза, выражающая стационарность, обозначается как $H_0: \sigma_u^2 = 0$, а тестовая статистика вычисляется с помощью значений потерь, которые берутся из уравнений (4) или (5) для проверки этой гипотезы [39]:

$$y_t = \alpha + \gamma_1 \sin \left(\frac{2\pi kt}{T} \right) + \gamma_2 \cos \left(\frac{2\pi kt}{T} \right) + e_t. \quad (4)$$

$$y_t = \alpha + \beta t + \gamma_1 \sin \left(\frac{2\pi kt}{T} \right) + \gamma_2 \cos \left(\frac{2\pi kt}{T} \right) + e_t. \quad (5)$$

Стационарность на уровне протестирована уравнением (4), стационарность в существовании тенденции – с помощью уравнения (5). В нем k указывает на значение частоты, выбранное для подхода Фурье, γ – мера подстановки и ширины в подходе. С этой точки зрения статистика теста рассчитывается с помощью уравнения (6) [30]:

$$\tau_\mu(k) \text{ or } \tau_\tau(k) = \frac{1}{T^2} \frac{\sum_{t=1}^T \tilde{S}_t(k)^2}{\tilde{\sigma}^2}. \quad (6)$$

где $\tilde{S}_t(k) = \sum_{j=1}^t \tilde{e}_j$. \tilde{e}_j указывает на погрешности в регрессии OLS, полученной из уравнения (4) или (5). Как и в тесте KPSS, $\tilde{\sigma}^2$, непараметрическая оценка варианта в долгосрочной перспективе высчитывается в уравнении (7) при выборе l , параметра задержки среза, и $w_j, j = 1, \dots, l$, весовые коэффициенты:

$$\tilde{\sigma}^2 = \tilde{\theta}_0 + 2 \sum w_j \tilde{\theta}_j. \quad (7)$$

Здесь $\tilde{\theta}_j$ показывает погрешности – к примеру, автоковариации, полученные из уравнения (4) или (5).

Статистика F -теста, данная в уравнении 8, рекомендуется для оценки нулевой гипотезы $H_0: \gamma_1 = \gamma_2 = 0$, характеризующей отсутствие нелинейной тенденции в процессе производства данных:

$$F_i(k) = \frac{(SSR_0 - SSR_1(k))/2}{SSR_1(k)/(T - q)} \quad i = \mu, \tau \quad (8)$$

Здесь $SSR_1(k)$ показывает сумму погрешностей квадратов, полученную из уравнения (4) или (5), SSR_0 – сумму погрешностей квадратов, полученную из модели без тригонометрических условий, q – число пояснительных переменных. Тот факт, что нулевая гипотеза не может быть отвергнута в F -тесте, указывает на незначительность тригонометрических условий. Важные значения для этого теста появились в работе Веккер и др. [37].

Тест коинтеграции Фурье – Шина

Различия между рядами берутся для обеспечения стационарности в нестабильных временных рядах. Однако этот процесс критикуется, поскольку он приводит к потере информации в долгосрочной перспективе. Коинтеграционный анализ стал популярным, т. к. позволял анализировать долгосрочные взаимосвязи между переменными без потери информации. Тест коинтеграции Фурье – Шина (FSHIN), включенный в работу Tsong и др. [40], можно описать как расширенную версию KPSS-теста коинтеграции Фурье. Основная гипотеза FSHIN-теста коинтеграции указывает на ее существование. Он отличается от других тестов коинтеграции тем, что в нем учитывается место, время и форма этих сдвигов.

Коинтеграционный FSHIN-тест проходит в два этапа. На первом этапе модель приводится к уравнению (9) [41]:

$$y_t = d_t + X_t' \beta + \eta_t. \quad (9)$$

Здесь $\eta_t = \gamma_t + \vartheta_{1t}$ определяется как $\gamma_t = \gamma_{t-1} + u_t$, $x_t = x_{t-1} + \vartheta_{2t}$. Переменная u_t показывает процесс н.о.р. с отклонением σ_u^2 со средним значением 0. Переменная γ_t указывает на процесс случайного блуждания со средним значением 0. По причине того что скалярная

величина ϑ_{1t} и пространственный вектор ϑ_{2t} стабильны, y_t и $x_t - I(1)$. Детерминированный срок может определяться в двух формах: как $d_t = \delta_0 + f_t$ или $d_t = \delta_0 + \delta_1 t + f_t$, в соответствии с фиксированным сроком или фиксированным сроком и тенденцией. Переменная f_t является функцией Фурье в уравнении (10):

$$f_t = \alpha_k \sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \beta_k \cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right). \quad (10)$$

Нулевая гипотеза, указывающая на существование коинтеграции, и альтернативная гипотеза, утверждающая обратное, указаны в уравнении (11) [40]:

$$H_0: \sigma_u^2 = 0 \text{ versus } H_0: \sigma_u^2 > 0. \quad (11)$$

Уравнения (9) и (10) могут быть получены, как в уравнении (12), при существовании нулевой гипотезы:

$$y_t = \sum \delta_i t^i + \alpha_k \sin\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + \beta_k \cos\left(\frac{2\pi kt}{T}\right) + X_t' \beta + \vartheta_{1t}. \quad (12)$$

Частичная сумма остатков OLS, полученная из уравнения (12), вычисляется как $S_t = \sum_{t=1}^T \hat{\vartheta}_{1t}$. С этой точки зрения статистика FSHIN-теста высчитывается, как показано в формуле (13):

$$CI_f^m = T^{-2} \hat{\omega}_1^{-2} \sum_{t=1}^T S_t^2. \quad (13)$$

$\hat{\omega}_1^{-2}$ – последовательная, долгосрочная оценка расхождения ϑ_{1t} , полученная непараметрическим методом Барлетта – Кернела.

Данные и эмпирический анализ

Цель исследования заключалась в анализе взаимосвязи между экономическим ростом и занятостью с помощью подхода Фурье, а также в рассмотрении структурных сдвигов. Поэтому мы проанализировали переменные уровня безработицы (*ур.безр.*) и индекса промышленного производства (*и.пр.пр.*) в США.

Ур.безр. – экономический показатель, который измеряет реальный объем производства для всех предприятий в производственном, горнодобывающем, электроэнергетическом и газовом секторах США. Он отражает перемены, происходящие в объеме производства, и дает информацию о структурных изменениях в экономике. Ежемесячный рост индекса производства является показателем роста промышленного сектора [42]. Уровень занятости рассчитывается как процент от общего объема рабочей силы за вычетом безработных. Данные по занятости включают людей в возрасте 16 лет и старше. Люди, живущие в одном из 50 штатов или в округе Колумбия, включены в этот объем данных, однако работающие в тюрьмах, психиатрических больницах, центрах ухода за престарелыми и действующих вооруженных силах – нет [43].

Исследование охватывает период с 01.01.1948 по 01.10.2018 г. и состоит из 850 наблюдений. Мы получили данные из базы Федерального резервного банка Сент-Луиса (экономические данные FRED) и провели анализ с помощью программы EViews 9.5.

Во-первых, мы проанализировали стационарность переменных; результаты представлены в *таблице 1*.

Видно, что тестовая статистика для переменных *ур.безр.* и *и.пр.пр.* больше критических значений таблиц. Поэтому нулевая гипотеза анализа стационарности отвергается. Другими словами, переменные *ур.безр.* и *и.пр.пр.* не являются стационарными. Когда анализ стационарности переделывается с учетом первой разницы этих переменных, тестовая статистика оказывается меньше критических значений таблицы. В связи с этим нулевая гипотеза анализа стационарности не может быть отвергнута. Другими словами, переменные *ур.безр.* и *и.пр.пр.* являются стационарными на уровне I (1).

Таблица 1. Результаты KPSS-теста стационарности Фурье

Переменная	Частота	Мин. SSR	Фурье KPSS	Проп. способ.	F-стат.
ур.безр.	3,0	1917,71	0,48	23,0	79,35
и.пр.пр.	1,0	262923,2	1,32	23,0	802,68
раз.ур.безр.	4,0	36,76	0,051	18,0	3,08
раз.и.пр.пр.	3,0	178,39	0,057	18,0	3,18

Примечания: Критические значения для KPSS-теста: 0,1295, 0,1704, и 0,2706 для $k = 1$; 0,3304, 0,4388, и 0,7086 для $k = 3$ и 0,3355, 0,4470, и 0,7163 для $k = 4$ на уровнях 10%, 5% и 1% соответственно. Критические значения для F-теста, использовавшиеся для поиска значений тригонометрических данных, – 3,935, 4,651 и 6,281 на уровнях 10%, 5% и 1% соответственно.

Кроме того, мы проверили тригонометрические условия для переменных *раз.ур.безр.* и *раз.и.пр.пр.* на значимость. Они оказались значимыми.

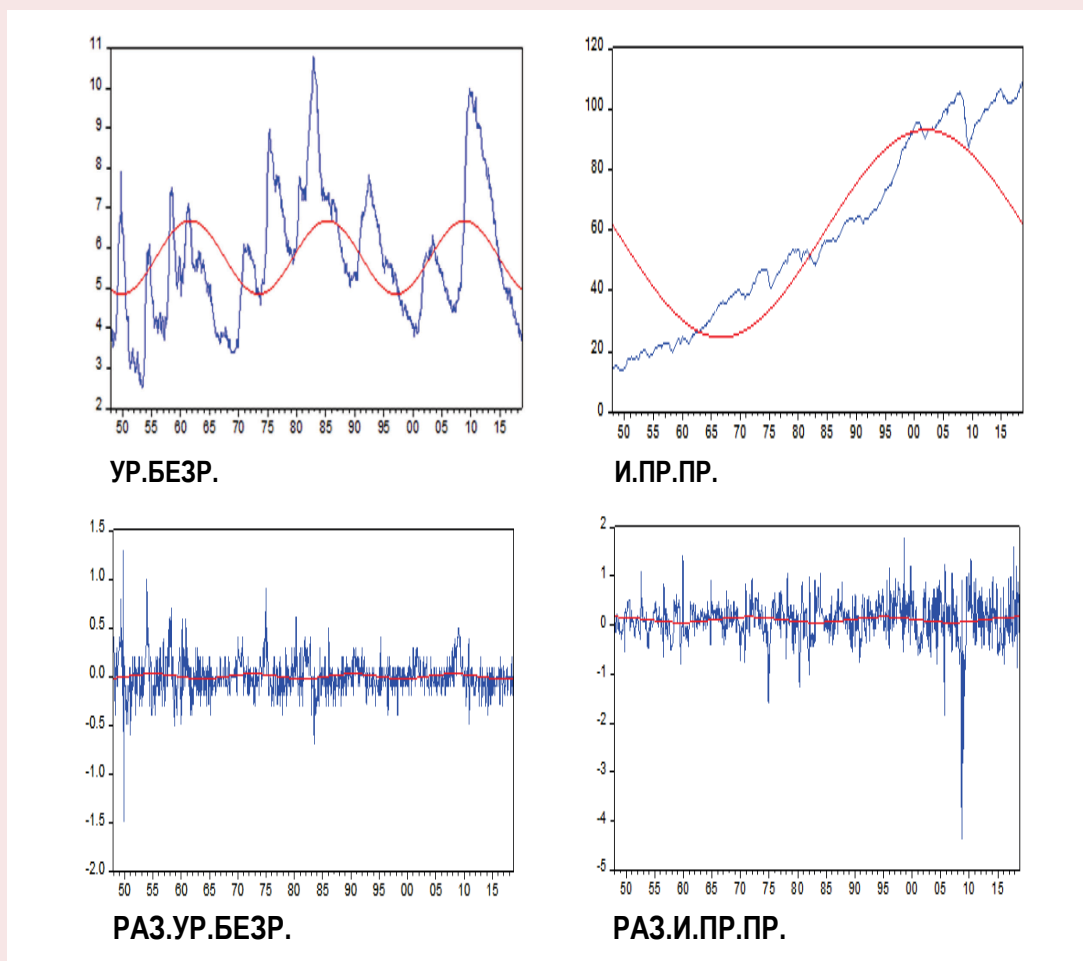
Чтобы подтвердить KPSS-тест стационарности Фурье, мы также провели ADF-тест Фурье [44]. В первую очередь в ADF-тесте Фурье $k = 2$ и $SSR = 177,13$ для переменной *и.пр.пр.* С помощью теста Уальда измерено значение тригонометрических коэффициентов. Значение $Fstat = 0,84$ сопоставляется со значением таблицы $F(7,53)$ в работе Enders и Lee [44, с. 197]. Так как $Fstat < Ftable$, тригонометрические условия значимы. Затем в модели, в которой тригонометрические условия значимы, мы посчитали показатель t в *и.пр.пр.* (-1) как 0,25. По причине того что переменная *и.пр.пр.* включает в себя тенденцию, мы сопоставили ее с t -значением в таблице 1 Enders и Lee [44,

с. 197]. Обнаружено, что она на 0,25 меньше, чем абсолютные -4,57, -3,99 и -3,67, которые равны 1%, 5% и 10% соответственно. Таким образом, *и.пр.пр.* имеет единичный корень.

Также проведен ADF-тест Фурье для переменной *ур.безр.* $k = 4$ и $SSR = 36,58$. $Fstat = 1,96$. Это значение сравнимо со значением (6,16) в таблице $F(1a)$ у Enders и Lee [44, с. 197]. Так как $Fstat < Ftable$, тригонометрические условия значимы. Затем в модели, где тригонометрические условия значимы, мы посчитали показатель t при *ур.безр.* (-1) как -3,14. После сопоставления его со значением t в таблице 1a у Enders и Lee обнаружено, что оно меньше, чем абсолютное -3,62 для 1%, однако больше, чем абсолютные -2,97 и -2,66, равные 5% и 10% соответственно.

Таким образом, *ур.безр.* не содержит единичного корня со значимостью 5%.

Совместимость переменных *ур.безр.* и *и.пр.пр.* и функции Фурье

Источник: расчеты автора.

При анализе *рисунка* видно, что колебания функции Фурье, особенно для переменной *ур.безр.*, соответствуют данным. Другими словами, переменная *ур.безр.* проходит через периодический цикл чаще, чем переменная *и.нр.нр.* во времени.

С этого момента FSHIN-тест коинтеграции может использоваться для анализа долгосрочной связи между переменными *ур.безр.* и *и.нр.нр.*, которые оказались стационарными от одного уровня. В *таблице 2* представлен коинтеграционный анализ взаимосвязи между уровнем безработицы и индексом промышленного производства в США.

Поскольку статистика Фурье – Шина меньше критического значения в 5% по уровню значимости, существует коинтеграция (т. е. долгосрочная связь) между уровнем безработицы в США и переменной *и.нр.нр.* Эти результаты указывают на то, что внезапные структурные изменения в переменной *и.нр.нр.* влияют на уровень безработицы в США в долгосрочной перспективе.

После определения взаимоотношений коинтеграции мы оценили коэффициенты коинтеграции с помощью FMOLS (Phillips и Hansen [45]). Результаты представлены в *таблице 3*.

Измерив оценку DOLS, мы обнаружили, что она очень близка к FMOLS. Согласно результатам коинтеграции FMOLS и DOLS, коэффициент *и.нр.нр.* является статистически значимым. Связь между переменными *ур.безр.* и *и.нр.нр.* обратная. Поскольку это важная переменная, подчеркивающая структурные изменения в производстве, ее увеличение вызовет экономический рост в долгосрочной перспективе, что приведет к снижению безработицы.

Для нахождения коэффициентов взаимосвязи между уровнем безработицы и индексом промышленного производства по периодам мы использовали метод наименьших квадратов со сдвигами, указывающий на их даты, с типом сдвига Бай-Перрона. Результаты анализа приведены в *таблице 4*.

Следовательно, 1958, 1974, 1990 и 2007 гг. являются датами сдвигов во взаимосвязи между индексом промышленного производства и уровнем безработицы. Согласно выводам, приведенным в *таблице 4*, влияние роста промышленного производства на снижение безработицы в периоды 1958M08–1974M10 и 1990M11–2007M11 проявлялось достаточно слабо. Заметно, что влияние увеличения индекса промышленного производства на сниже-

Таблица 2. Результаты коинтеграционного теста Фурье – Шина

Частота	Мин. SSR	Фурье–Шин коинт.	Проп. способ.	F-стат
2,0	1754,01	0,21	23,0	2,19
Примечание: Критические значения для теста коинтеграции Фурье для $k = 2$ – 0,200, 0,276 и 0,473 на уровнях 10%, 5% и 1% соответственно.				

Таблица 3. Оценки коэффициента коинтеграции

Переменная	Коэффициент	Стат. отклонение	t-стат	Вер.
И.ПР.ПР	-0,20	0,02	-9,29	0,000
С	6,53	0,27	23,71	0,000
@ТЕНД.	0,02	0,002	9,88	0,000

Таблица 4. Оценка коэффициентов с помощью метода наименьших квадратов со сдвигами

Период	И.ПР.ПР.	Пост.	t-стат.	Вер.
1948M01 – 1958M07	-0.10	6.29	-3.26	0.001
1958M08 – 1974M10	-0.05	6.86	-6.03	0.000
1974M11 – 1990M10	-0.14	15.02	-13.16	0.000
1990M11 – 2007M11	-0.05	10.28	-11.14	0.000
2007M12 – 2018M10	-0.31	38.67	-19.65	0.000
Примечание: $R^2 = 0,66$, вер. (Fstat = 0.000) и разрывы были получены в 1958M08, 1974M11, 1990M11 и 2007M12.				

ние безработицы оказалось на самом высоком уровне в 2007M12–2018M10 гг. Причиной такой ситуации, вероятно, послужила экспансионистская денежно-кредитная политика, проводившаяся в указанный период в США.

Выводы

В работе, в свете наличия структурных сдвигов, мы исследовали долгосрочную взаимосвязь между экономическим ростом и занятостью в США. Выбрав определение экономического роста, индекса промышленного производства и показателя занятости, уровня безработицы, проверили долгосрочную связь между указанными переменными, используя данные за 850 месяцев – с января 1948 по октябрь 2018 года. Мы проанализировали стационарность временных рядов с помощью KPSS-теста стационарности Фурье с учетом структурных сдвигов. Они не были определены таковыми ни в одном из рядов. Ряды характеризовались как стационарные в точке I (1). Для исследования долгосрочных отношений между переменными использовался коинтеграционный анализ Фурье – Шина. Согласно его результатам, обнаружилась долгосрочная связь между уровнем безработицы в США и переменными индекса промышленного производства. Это свидетельствует о том, что внезапные структурные изменения индекса промышленного производства оказывают влияние на уровень безработицы в США в долгосрочной перспективе. Полученные результаты схожи с выводами, представленными в экономической литературе, где указано, что безработица будет увеличиваться в

периоды циклического сокращения, но уменьшаться в периоды циклического расширения.

После определения долгосрочной связи между двумя переменными мы оценили коэффициенты с помощью метода наименьших квадратов со сдвигами, тем самым определив периоды сдвигов и коэффициенты в эти периоды. Структурные изменения произошли в 1958, 1974, 1990 и 2007 гг.

Как заявил Meltzer в 1991 году [46], точку сдвига в 1958 году можно считать результатом непрерывного снижения индекса реального обменного курса доллара и развития международных относительных цен по отношению к США, наряду с конвертируемостью валюты системы Бреттона – Вудса. Сдвиг 1974 года может быть связан с началом действия механизма регулирования в США, а также с крахом системы Бреттона – Вудса в 1973 году и переходом к режиму плавающего обменного курса [47].

Следовательно, безработица будет снижаться вместе с ростом производства в периоды осуществления экспансионистской экономической политики. При анализе коэффициентов, касающихся дат сдвига, особенно для периодов 2008 и 2018 гг., было выявлено, что рост промышленного производства снизил безработицу больше, чем в другие периоды. Как предположили Fawley и Neely [48], этот результат может быть связан с политикой «количественного смягчения» ФРС, начавшейся в ноябре 2008 года. Экспансионистская денежная политика привела к стабильному экономическому росту в США и заметному сокращению безработицы.

Литература

1. Dornbusch R., Fisher S. and Startz R. (2008). *Macroeconomics*. 11th Edition. The Mc-Graw-Hill Companies.
2. Mielcová E. Economic growth and unemployment rate of the transition country – the case of the Czech Republic 1996–2009. *E a M: Ekonomie a Management*, 2011, no. 1, pp. 29–37.
3. Elshamy H. The relationship between unemployment and output in Egypt. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 8, pp. 22–26. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.381
4. Hull K. Understanding the relationship between economic growth, employment and poverty reduction. In: *OECD Publication Promoting Pro-Poor Growth: Employment*. Paris: OECD, 2009.
5. Freeman D.G. Regional tests of Okun's law. *International Advances in Economic Research*, 2000, no. 6 (3), pp. 557–570. DOI: 10.1007/BF02294972
6. Lee J. The robustness of Okun's law: Evidence from OECD countries. *Journal of Macroeconomics*, 2000, no. 22 (2), pp. 331–356. DOI: 10.1016/S0164-0704(00)00135-X
7. *Board of Governors of the Federal Reserve System (US), Industrial Production Index [INDPRO]*. FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/INDPRO> (accessed 26.10.2019).

8. Kusecivic C.M.M. Okun's law and urban spillovers in US unemployment. *The Annals of Regional Science*, 2014, no. 53 (3), pp. 719–730. DOI: 10.1007/s00168-014-0640-2
9. Meyer B., Tasci M. An unstable Okun's law, not the best rule of thumb. *Economic Commentary*, 2012, no. 08. Available at: <https://www.clevelandfed.org/en/newsroom-and-events/publications/economic-commentary/economic-commentary-archives/2012-economic-commentaries/ec-201208-an-unstable-okuns-law-not-the-best-rule-of-thumb.aspx>
10. Chamberlin G. Okun's law revisited. *Economic & Labour Market Review*, 2011, no. 5 (2), pp. 104–132.
11. Akeju K.F., Olanipekun D.B. Unemployment and economic growth in Nigeria. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 2014, no. 5 (4), pp. 138–144.
12. Cuaresma J.C. Okun's law revisited. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 2003, no. 65 (4), pp. 439–451.
13. Palley T.I. Okun's law and the asymmetric and changing cyclical behaviour of the USA economy. *International Review of Applied Economics*, 1993, no. 7 (2), pp. 144–162. DOI: 10.1080/758530144
14. Silvapulle P., Moosa I.A., Silvapulle M.J. Asymmetry in Okun's law. *Canadian Journal of Economics/Revue canadienne d'économie*, 2004, no. 37 (2), pp. 353–374. DOI: 10.1111/j.0008-4085.2004.00006.x
15. Blackley P.R. The measurement and determination of Okun's law: Evidence from state economies. *Journal of Macroeconomics*, 1991, no. 13 (4), pp. 641–656.
16. Guisinger A.Y., Hernández-Murillo R., Owyang M.T., Sinclair T.M. A state-level analysis of Okun's law. *Regional Science and Urban Economics*, 2018, no. 68, pp. 239–248. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2017.11.005
17. Dogru B. The link between unemployment rate and real output in Eurozone: A panel error correction approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, no. 99, pp. 94–103. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.475
18. Beaton K. Time variation in Okun's law: A Canada and US comparison. *Bank of Canada Working Paper*, 2010, no. 7.
19. Moosa I.A. A cross-country comparison of Okun's coefficient. *Journal of Comparative Economics*, 1997, no. 24 (3), pp. 335–356. DOI: 10.1006/jceec.1997.1433
20. Altug S., Tan B., Gencer G. Cyclical dynamics of industrial production and employment: Markov chain-based estimates and tests. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2012, no. 36 (10), pp. 1534–1550.
21. Akar S., Uysal Sahin O. The unemployment insurance benefit as an automatic stabilizer: Turkey case. *Maliye Dergisi*, 2018, no. 174, pp. 154–174.
22. Michael E.O., Emeka A., Emmanuel E.N. The relationship between unemployment and economic growth in Nigeria: Granger causality approach. *Research Journal of Financial and Accounting*, 2016, no. 7 (24), pp. 153–162.
23. Madito O., Khumalo J. Economic growth-unemployment nexus in South Africa: VECM Approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, no. 5 (20), p. 79.
24. Abbas S. Long term effect of economic growth on unemployment level in case of Pakistan. *Journal of Economics and Sustainable Development*, 2014, no. 5 (11), pp. 103–108.
25. Kangasharju A., Tavera C., Nijkamp P. Regional growth and unemployment: the validity of Okun's Law for the Finnish regions. *Spatial Economic Analysis*, 2012, no. 7 (3), pp. 381–395.
26. Kargi B. Okun's law and long term co-integration analysis for OECD countries (1987–2012). *International Research Journal of Finance and Economics*, 2014, no. 119, pp. 77–85. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2439235>
27. Palombi S., Perman R., Tavera C. Regional growth and unemployment in the medium run: Asymmetric cointegrated Okun's law for UK regions. *Applied Economics*, 2015, no. 47 (57), pp. 6228–6238.
28. Vakulenko E., Gurchich E. The relationship of GDP, unemployment rate and employment: In-depth analysis of Okun's law for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 3, pp. 5–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-5-27
29. Yuksel S. The causality relationship between growth, unemployment and inflation in Russian Economy. *Finans Politik & Ekonomik Yorumlar*, 2016, no. 53 (614), p. 43.
30. Ibragimov M., Ibragimov R. Unemployment and output dynamics in CIS countries: Okun's law revisited. *Applied Economics*, 2017, no. 49 (34), pp. 3453–3479.
31. Dickey D.A., Fuller W.A. Distribution of the estimators for autoregressive time series with a unit root. *Econometrica*, 1981, no. 49, pp. 1057–1072. DOI: 10.1080/01621459.1979.10482531
32. Nelson C.R., Plosser C.I. Trends and Random walks in macroeconomic time series. *Journal of Monetary Economics*, 1982, no. 10, pp. 139–162. DOI: 10.1016/0304-3932(82)90012-5

33. Lee J., Strazicich M.C. Minimum LaGrange multiplier unit root test with two structural breaks. *The Review of Economics and Statistics*, 2003, no. 85 (4), pp. 1082–1089. DOI: 10.1162/003465303772815961
34. Zivot E., Andrews D. Further evidence on the great crash, the oil price shock, and the unit root hypothesis. *Journal of Business & Economic Statistics*, 1992, no. 10 (3), pp. 251–270. DOI: 10.1198/073500102753410372
35. Alper A., Demiral M. Testing the convergence hypothesis for Turkey's tourism markets: Evidence from Fourier stationary analysis. *Ömer Halisdemir Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 2017, no. 10 (4), pp. 205–213. DOI: 10.25287/ohuibf.334736
36. Songur M. Validity of the Fisher hypothesis in Turkey: Fourier approach. In: *Inesec International Social Sciences and Education Conference*. Diyarbakır, Turkey, ISSEC Proceeding Book, 2018, pp. 105–113.
37. Becker R., Enders W., Lee J. A stationarity test in the presence of an unknown number of smooth breaks. *Journal of Time Series Analysis*, 2006, no. 3 (5), pp. 381–409.
38. Dag M., Kizilkaya F. Türkiye'de dış borçların sürdürülebilirliği: Fourier yaklaşımı ile bir uygulama. In: *Türkiye'de Güncel Mali Sorunlar* [The Foreign Debt Sustainability in Turkey: Fourier Approach with an Application. Current Financial Problems in Turkey]. Edited by A. Akinci. Iksad Publications, 2018.
39. Yilanci V. Analysing the relationship between oil prices and economic growth: A fourier approach. *Ekonometri ve İstatistik e-Dergisi*, 2017, no. 27, pp. 51–67.
40. Tsong C.-C., Lee C.-F., Tsai L.-J., Hu T.-C. The Fourier approximation and testing for the null of cointegration. *Empirical Economics*, 2016, no. 51 (3), pp. 1085–1113. DOI: 10.1007/s00181-015-1028-6
41. Yilanci V., Aslan M., Özgür Ö. Testing the validity of PPP theory for African countries. *Applied Economics Letters*, 2017, no. 25 (18), pp. 1273–1277. DOI: 10.1080/13504851.2017.1418066.
42. INDPRO. Federal Reserve Bank of St. Louis. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/INDPRO> (accessed 11.02.2019).
43. UNRATE. Federal Reserve Bank of St. Louis. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/UNRATE> (accessed 11.02.2019).
44. Enders W., Lee J. The flexible Fourier form and Dickey–Fuller type unit root tests. *Economics Letters*, 2012, no. 117 (1), pp. 196–199.
45. Phillips P.C.B., Hansen B.E. Statistical inference in instrumental variable regression with I (1) processes. *Review of Economic Studies*, 1990, no. 57, pp. 9–125. DOI: 10.2307/2297545
46. Meltzer A. US policy in the Bretton woods era. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 1991, no. 73 (3), pp. 54–83.
47. Bordo M.D. The Bretton woods international monetary system: A historical overview. In: *A Retrospective on the Bretton Woods System: Lessons for International Monetary Reform*. University of Chicago Press, 1993, no. 3, p. 108.
48. Fawley B., Neely C.J. Four stories of quantitative easing. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 2013, no. 95 (1), pp. 51–88.

Сведения об авторе

Мурат Гундуз – доктор наук, доцент, Ушакский университет, факультет экономики и управления (64000, Турция, г. Ушак, 1 Эйлюль кампус; e-mail: murat.gunduz@usak.edu.tr)

Gunduz M.

The Link between Unemployment and Industrial Production: The Fourier Approach with Structural Breaks

Abstract. The purpose of this study was to investigate the long-term relationship between unemployment and industrial production during structural breaks in the United States. We used monthly data from the Industrial Production Index and the unemployment rate between January 1948 and October 2018 to analyze this relationship. We found the stationarity of the time series used using the Fourier KPSS stationarity test, which enabled a stationarity analysis, including with the existence of structural breaks. As

a result of the stationarity analysis, we did not find any stationarity in either series. We then used a Fourier Shin cointegration analysis to investigate the long-term relationship between the industrial production index and the unemployment rate. This test demonstrates its difference from other cointegration tests considering the time and shape of these breaks in the presence of structural breaks. According to the cointegration analysis results, we found a long-term relationship between the U.S. unemployment rate and the industrial production index variables. These results indicate that sudden structural changes in the industrial production index have an effect on the U.S. unemployment rate in the long term. We then used the Least Squares with Breaks Bai-Perron break type method to determine the structural break periods and the coefficients of these periods. We found the years 1958, 1974, 1990, and 2007 to be when the structural changes occurred.

Key words: Fourier KPSS stationarity, Fourier SHIN cointegration, growth, structural breaks, unemployment rate, industrial production.

Information about the Author

Murat Gunduz – Doctor of Sciences, Assistant Professor, Uşak University, Faculty of Economics and Administrative Sciences (1 Eylül Campus, Uşak, 64000, Turkey; e-mail: murat.gunduz@usak.edu.tr)

Статья поступила 10.01.2020.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.06.2020.
Дата выхода в свет 30.06.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,9. Тираж 500 экз. Заказ № 122.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru